

Ю. Г. Волков И. В. Мостовая

СОЦИОЛОГИЯ

Под редакцией проф. В. И. Добренькова
*Рекомендовано Министерством
общего и профессионального образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

МОСКВА
1998

УДК316 (075.8)
ББК 60.5
В67

Рецензенты:

Д-р социологических наук, профессор Н.С. *Слепцов*, д-р философских наук,
профессор В. Т. *Лисовский*

В оформлении переплета использован фрагмент картины «Golconde» *Рене
Магритта*. (1953)

Волков Ю.Г., Мостовая И.В.

В67 Социология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.И. Добренькова. – М.: Гардарики, 1998. – 244 с.

ISBN 5-7762-0041-5 (В пер.)

Учебник отличается интегральным решением учебных задач, мотивационным построением текста, современным «многослойным» изложением, позволяющим последовательно и углубленно формировать тезаурус в области социологического знания. Содержание характеризуется современностью теоретических подходов и доступностью изложения сложнейших сюжетов динамично развивающейся науки, опорой на российский социокультурный контекст в области фактов и примеров, органичным включением теоретических достижений современной российской социологии в тематическое изложение курса.

В инновационном ключе осуществлено методическое обеспечение текста. В учебнике даны списки литературы, «портреты» социологов, представлен словарь специальных терминов и предусмотрены механизмы «свернутого» изложения и воспроизводства текста (смысловые таблицы).

Предназначен для студентов высших учебных заведений, аспирантов, преподавателей и тех, кто неформально интересуется проблемами социального устройства.

**УДК 316 (075.8)
ББК 60.5**

ISBN 5-7762-0041-5

© «Гардарики», 1998

© Волков Ю.Г., Мостовая И.В., 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ПОЧЕМУ СОЦИОЛОГИЯ?.....	6
ТЕМА 1 ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ.....	6
Наука, которая «неприлично молода».....	7
«Гнусные эмпирики, пошлые схоласты».....	7
Заочный спор о «законах перспективы».....	7
Два уровня социологического анализа.....	8
В основе солидарность или борьба?.....	9
<i>Портреты социологов.....</i>	<i>9</i>
<i>Вопросы для самоподготовки.....</i>	<i>11</i>
<i>Литература.....</i>	<i>12</i>
<i>Приложение 1. Материалы к коллоквиуму по русской социологии.....</i>	<i>12</i>
<i>Приложение 2. Программа углубленного изучения истории социологии.....</i>	<i>22</i>
ТЕМА 2 ПРАВИЛА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ.....	26
Классика, модерн и постмодерн в науке.....	26
Представления о «предмете» и «методе».....	30
Кризисы познания и структура знания.....	37
Является ли социология наукой ?.....	40
<i>Портреты социологов.....</i>	<i>40</i>
<i>Вопросы для самоподготовки.....</i>	<i>43</i>
<i>Литература.....</i>	<i>44</i>
<i>Приложение. План дискуссии «Проблемы социологического познания».....</i>	<i>45</i>
ТЕМА 3 ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ.....	46
Возможности «стать человеком».....	47
Среда обитания — социальные общности.....	48
Загадки происхождения ассоциаций.....	52
Что такое «общество»?.....	58
Теории происхождения общества.....	72
Современное общество: гуманизация среды.....	74
Особенности модернизации в России.....	80
<i>Портреты социологов.....</i>	<i>83</i>
<i>Вопросы для самоподготовки.....</i>	<i>86</i>
<i>Литература.....</i>	<i>87</i>
<i>Приложение. Практикум по составлению социоматрицы.....</i>	<i>89</i>
ТЕМА 4 ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ.....	90
Организация «отношений» и «поведения».....	90
Институциональная структура.....	91
Социальная стратификация и мобильность.....	94
Изучение социальной диспозиции.....	95
Неравенство как источник расслоения.....	97
Неравенство как стабилизатор структуры.....	98
Борьба за «справедливое неравенство».....	100
«Кипящая вселенная» социальных групп.....	108
Перемещения в социальном пространстве.....	109
Алгоритмы социальной мобильности.....	110
Что дает знание социальной структуры.....	111
<i>Портреты социологов.....</i>	<i>113</i>
<i>Вопросы для самоподготовки.....</i>	<i>114</i>
<i>Литература.....</i>	<i>115</i>
<i>Приложение. Социодрама «Неравный брак».....</i>	<i>118</i>
ТЕМА 5 РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	119
Кризис систем и управленческие инновации.....	119
Загадка «социального управления».....	121
Безопасность социальной системы.....	141
Безопасность «транзитивного» общества.....	144

<i>Портреты социологов.....</i>	<i>155</i>
<i>Вопросы для самоподготовки.....</i>	<i>159</i>
<i>Литература.....</i>	<i>159</i>
<i>Приложение. Конференция «Управление в современном мире».....</i>	<i>163</i>
ТЕМА 6 СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ.....	163
Представления о личности в социологии.....	164
Макросоциологические концепции личности.....	165
Микросоциологические концепции личности.....	167
<i>Портреты социологов.....</i>	<i>182</i>
<i>Вопросы для самоподготовки.....</i>	<i>185</i>
<i>Литература.....</i>	<i>185</i>
<i>Приложение. Деловая игра «Пятница. Суббота. Воскресенье».....</i>	<i>188</i>
ТЕМА 7 СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.....	188
Понятие культуры в социологии.....	189
Цивилизационный прогресс.....	190
Универсалии культуры.....	191
Взаимодействие культур.....	191
<i>Портреты социологов.....</i>	<i>200</i>
<i>Вопросы для самоподготовки.....</i>	<i>203</i>
<i>Литература.....</i>	<i>203</i>
<i>Приложение. Семинар «Культура как социальное явление».....</i>	<i>207</i>
СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ.....	208

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленную книгу можно отнести к российским учебникам нового поколения. В нем излагается современное социологическое знание, со всеми его сложностями и тонкостями, и в то же время форма изложения материала позволяет осваивать его достаточно легко. Вы увидите, что первые темы курса изложены так просто, что их с удовольствием полного понимания прочтут начинающие, не потеряв интереса. И материал повлечет их за собой, поскольку в тексте есть своя «интрига»: он не просто раскрывает систему понятий и дает практические сведения, но обращает их лично к читателю, живущему в России и получающему высшее образование. Студенты – это ведь тоже «социальная группа», переходная к особому социальному состоянию, в котором знания становятся капиталом, инструментом и профессиональной монополией.

Наступает третье тысячелетие. Во всем мире происходят существенные изменения в сфере труда, информации и власти. Образование становится самостоятельным фактором глубоких социальных и экономических перемен. Высокообразованные люди являются теперь не просто носителями лучших образцов национальной культуры, но и особым общественным потенциалом, без которого общество становится неконкурентоспособным.

Нынешние студенты, которые займут особую позицию в будущем российском и мировом обществе, должны быть не только профессионально подготовленными в избранной области, но и социально компетентными людьми, знающими законы социальной организации, развития общественных перемен, владеющими азами грамотного общения.

К этому их готовит, в том числе, данный учебник.

В нем реализован поступательный принцип обучения, переход от мнимо-упрощенного текста первых разделов ко все более углубляющимся и теоретически дифференцированным основным частям. Включение в каждую тему вопросов для самоконтроля, списков доступной студентам русскоязычной литературы, оригинальных по форме проведения практических занятий позволит существенно улучшить обеспечение учебного процесса и оживить его конкретное проведение.

Учебник имеет модульное построение и вариативный характер изложения. Почти во все темы включены разделы для «продвинутого» обучения. Это программа углубленного освоения истории социологии и триады научно-учебных «новелл», включенных в структуру изложения каждой темы. Большое количество вопросов, содержащихся в тексте, делает изложение по-настоящему проблемным, заставляет думать, получать инсайты, проигрывать варианты развития практических ситуаций.

В учебнике, пожалуй, впервые преодолен барьер безлично-сухого, чисто «академического» изложения основных тем, включенных в государственный образовательный стандарт России. Текст непосредственно апеллирует к личности студента, его социальному опыту, к той социокультурной ситуации, которую научно мы определяем как «актуальную» и «современную». Социология тем самым получает шанс превращения в личностно-ориентированную, индивидуально востребованную и возможно даже любимую учебную дисциплину вузовского гуманитарного цикла.

В этой книге излагаются не столько «сведения», сколько технологии и механизмы социального управления, поведения и получения нового знания. Поэтому учебник в хорошем смысле прагматичен.

Содержание учебника тоже характеризуется инновационностью. Авторы дают множество трактовок социальным процессам и фактам, и студенты имеют возможность прикоснуться к ткани живой научной мысли, а сам текст «играет» разнообразием подходов и объяснений. В этом плане можно сказать, что данный учебник отличается от остальных качественных российских и зарубежных пособий по социологии тем, что его высокая информационная насыщенность обеспечивает не только повышение социологической эрудиции, но и позволяет учиться самостоятельно и критично мыслить, грамотно и всесторонне изучать социальные процессы.

В 90-х гг. в России выпущен целый ряд учебников и учебных пособий по социологии, которые существенно обогащают возможности качественного преподавания этой науки в современном вузе. В первую очередь, существенный вклад внесли переводные издания: многократно апробированные в западных университетах учебники Э. Гидденса (Челябинск, 1991), Н. Смелзера (Москва, 1994), Д. Марковича (Москва, 1995), П. Штомпки (Москва, 1996), хрестоматии по зарубежной социологии (Москва, 1992), тексты американских социологов (Москва, 1994 и 1996), курс истории западной социологии (Санкт-Петербург, 1997), курс лекций по американской социологии (Екатеринбург-Бишкек, 1997). Позднее вышли: великолепно адаптированный и по-новому систематизированный материал в российских учебных пособиях С.С. Фролова (Москва, 1996 и 1997) и А.И. Кравченко (Москва, 1997, плюс хрестоматия и «Парадигмы и темы», в соавт.).

Самостоятельными явлениями в мире учебной социологической литературы стали учебник для вузов под редакцией Г. В. Осипова (Москва, 1996) и Антология русской классической социологии, составленная Д.С. Клементьевым и Л.Н. Панковой (Москва, 1995): один из них продолжает ряд позитивных традиций советской социологии и апеллирует в предложенных примерах к российской современности, а другой способствует возрождению классической русской социологии, которая несмотря на длительный период забвения продолжает оставаться методологически современной.

Среди значительного числа современных учебников и учебных пособий по социологии учебник профессоров Ростовского государственного университета Ю.Г. Волкова и И.В. Мостовой отличается интегральным решением учебных задач, мотивационным построением текста, современным «многослойным» изложением, позволяющим последовательно и углубленно формировать тезаурус студента в области социального знания, современностью теоретических подходов и умением доступно излагать сложнейшие методологические и теоретические сюжеты этой динамично развивающейся науки, постоянной опорой на российский социокультурный контекст в области фактов и примеров, органичным включением теоретических достижений современной российской социологии в тематическое изложение материалов курса.

Авторам учебника удалось решить и понятно изложить на дидактическом уровне наиболее сложные и дискуссионные проблемы науки: ее предмет, методологические парадигмы, познавательные возможности разных методов, современные теории общества, социальной организации, личности и социальной культуры. В инновационном ключе решено «аппаратное» обеспечение текста. Помимо вопросов для самоподготовки, списков литературы, «продвинутых» (учебно-научных) дополнений к основному изложению тем, «портретов» социологов и словника иноязычной социологической терминологии в учебник включены семь форм проведения практических занятий, расположенные по принципу комплементарности к материалам конкретной темы: это коллоквиум по русской социологии, дискуссионный центр, социоматрица, деловая игра, социодрама, семинар и конференция. Все это делает учебник незаурядным, и возможно, наиболее удачным на сегодняшний день.

ВВЕДЕНИЕ

Знания об обществе стали формироваться в незапамятные времена, когда человек только начал осознавать свою включенность в группу и зависимость от отношения и поведения других людей. Организация жизнедеятельности и воспроизводства все более сложных сообществ (от племен до государств) вызывала необходимость как-то обобщать и «функционализировать» представления об устройстве общества как объекта управления и о природе человека как адресата организующего воздействия вождей и политической манипуляции элит.

Много тысячелетий назад китайские мудрецы советовали своим властителям: «Держи народ в сытости и невежестве – тогда будет процветать государство». Рационалистическое мышление современной цивилизации гораздо более витиеватым и лукавым путем пришло к обоснованию подобного вывода. Великий социолог Т. Парсонс в своей системной модели функционального устройства общества фактически обосновал, что «умные управляют сильными», т.е. те, кто обладает нужными знаниями, распоряжается ресурсами тех, кто владеет навыками и умениями.

Человек, способный осознать и на практике проверить подобный вывод (жизненный опыт многих людей сплошь состоит из таких подтверждений), весьма значимо воспринимает фразу: «Кто владеет информацией – владеет миром». Иными словами, в социологической интерпретации значение гуманитарного образования приобретает особый – весьма прагматический – ценностный смысл, а *социальная компетентность* человека рассматривается как несомненный, чрезвычайно весомый *индивидуальный капитал*, обладатель которого вооружен магической формулой:

Знать – чтобы значить.

Социальная значимость людей является эквивалентом их общественного достоинства, позволяет им реализоваться в обществе себе подобных и осуществить свое предназначение. Знание социологии как необходимый элемент современной гуманитарной культуры важнейшее условие развития человеческого в человеке, которого от других «стадных» животных отличают интеллект, способность к осознанию и духовность, приоритет ценностного мира.

Мы живем в стране, где на фоне острых исторических коллизий представители разных народов много раз шли даже на смерть во имя сохранения чести, достоинства, интересов Родины, своей культуры. Наш коллективный социальный опыт подтверждает, что люди преодолевают самые сильные жизненные инстинкты ради поддержания духовных ценностей, а иногда и условностей, отживших стереотипов. Поэтому современная социология такое большое внимание уделяет изучению социальной культуры, того «эфемерного» поля нормативных стандартов, которое направляет и осознанное, и бессознательное поведение подавляющего большинства людей.

Представляя собой обширную, постоянно развивающуюся в разных направлениях область исследований социальных организаций, событий и явлений, социология совершенствует *искусство познания* коллективной человеческой природы, строения социальных систем и конструирования новой общественной реальности. Эта наука достигла многого в изучении, интерпретации (объяснении, трактовке), моделировании и конструировании социальных процессов. Поэтому современная социология весьма многолика и в разных ее аспектах может рассматриваться как:

наука,
искусство,
технология.

Виртуозы социальных отношений и тем более социальные технологи обладают навыками, которые наиболее высоко ценятся в любом обществе. Зачастую их способности – интуитивный дар, своеобразное проявление гениальности. Однако и гению надо помочь развиваться. Учебный

курс социологии предназначен для «начинающих» – только вступающих в мир систематизированного научного знания об окружающей социальной реальности, и заинтересованных дилетантов на этом пути ждет множество интересных, а возможно, и полезных для жизни открытий.

ПОЧЕМУ СОЦИОЛОГИЯ?

Социология – это тот учебный предмет, по которому, в принципе, можно ставить «зачет», еще не начиная курса. Мы впитываем, обобщаем и практикуем социальные знания всю жизнь, делимся ими, строим на них свои жизненные программы. В общем, в душе мы все считаем себя профессорами, а социальное обучение – необязательным занятием, «данью вежливости», игрой.

Интерес к любым знаниям может формироваться в разных плоскостях: «эстетической» или «прагматической». Те, кто увлечен социальным познанием как искусством, не ждут весомых аргументов о необходимости изучать социологию – им нравится узнавать о мире людей больше. Те, кого привлекает польза от полученных знаний, тоже могут быть спокойны за потраченное время на эти толстые (но нескучные) книжки. Ничего более фундаментального и прагматичного, чем информация о самой актуальной для человека среде – общественном пространстве и социальном времени, – нельзя и придумать.

Конечно, каждый из нас достигал социальных успехов и без специальной подготовки. Но именно такие победы делают людей заложниками выработанных стереотипов и очень часто сталкивают друг с другом «академика по котам» и «академика по китам», которые не готовы оперативно осмыслить и эффективно отреагировать на новые социальные обстоятельства и явления, найти общий язык с партнерами в решении насущных проблем.

Информация о том, как складываются и влияют на нашу жизнь общественные нормы, связи и отношения, по каким правилам строится и функционирует современное общество, имеет такую же значимость, как карта для путешественника. Конечно, мы самостоятельно (в оптимальном случае) определяем, куда держать путь и двигаться ли с места вообще. Мы можем интеллектуально «закмуриться» и жить по наитию, позволяя обстоятельствам играть своей судьбой и не держать ответа за результат. Тогда эта предельно обобщенная и краткая «социология» будет представлять собой всего лишь вспомогательный конспект, который можно с облегчением навсегда закрыть после экзамена.

Человек не может знать все обо всем. Но он может знать достаточно. Социология даже в ее усеченном дидактическом воплощении помогает войти в мир самых актуальных для человека знаний, которыми посвященные могут распорядиться по-своему. Каждый волен оставаться заложником собственного ограниченного пространства, однако желающие могут и испытать «чувство полета», и посмотреть на собственную жизненную траекторию «с птичьего полета» современной социальной теории.

ТЕМА 1 ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

История социологии действительно очень коротка – всего полтора века, – и изложена она будет весьма схематично (только чтобы ухватить в общих чертах, как шло дело и почему). Как самостоятельная наука с собственным полем деятельности и оригинальными представлениями о том, каким образом надо изучать свой предмет, социология сформировалась относительно недавно. Связано это с тем, что объект новой науки – общество современного (модерного) типа, возникшее и первоначально развивавшееся в Европе, совершенно не вписывалось в традиционные социально-философские построения и потому его становление не поддавалось рациональной трактовке, необходимому предвидению. С возникновением индустриальной цивилизации изменились образ жизни и привычные связи между общественными группами, произошло перераспределение власти и влияния, коренным образом усложнилась система социального управления. Сложившиеся ранее представления об общественном устройстве были подвергнуты пересмотру.

Хотя древние цивилизации и молодая европейская (античная) культура имели развитые понятийные системы о «правильной» социальной организации и принципах государственности, лишь в Новое время были поставлены вопросы о личности и едином общественном организме,

революционным образом переосмыслены принципы общественного строительства и воспроизводства. Классические представления о природе человека и социальном устройстве не были опровергнуты новой общественной реальностью, но они оказались недостаточными в объяснении этого особого человеческого мира, в котором были установлены неизвестные доньше правила игры.

Наука, которая «неприлично молода»

Термин «социология» ввел в 30-е гг. XIX в. Огюст Конт, которого и считают отцом-основателем новой научной дисциплины. По его представлениям, социология должна была интегрировать (объединить) все знания об обществе как едином организме и дать им подлинно научную (т.е. построенную на строгом изучении и проверке фактов) основу.

Иными словами, социология возникала в претензии: на изучение общества как целостной системы; изучение общества позитивным (научно-инструментальным) методом.

Она должна была отличаться от философии, которая подходила к изучению общества умозрительно, спекулятивно, а не путем строгого анализа фактов и научных обобщений; а также отличаться от психологии, которая интересовалась индивидуальными, а не типическими проявлениями социального поведения и взаимодействия.

Через довольно короткий период времени социологи (еще в прошлом веке) поняли, что могут:

- либо изучать общество как целостную систему, и тогда они вынуждены широко применять умозрительный подход;
- либо изучать общество строго научными средствами – и тогда они не охватывают всю его целостность, а анализируют только малые сообщества, отдельные явления или процессы.

Почему? Да потому, что до сих пор нет такого компьютера, который удерживал бы в памяти и успевал обрабатывать все социальные события и факты даже в отдельно взятом сообществе, и нет такого научного коллектива, который бы удовлетворительно объяснил, как устроено общество и почему в нем происходят те или иные события. Проще говоря, наши средства и возможности менее развиты, чем наши устремления и познавательные амбиции.

«Гнусные эмпирики, пошлые схоласты»

На проблему «раздвоения цели»: либо сохранить предмет изучения (общество как целостная система), либо – метод (научный анализ и верификация, т.е. практическое подтверждение научных выводов), социология отреагировала весьма остроумно: возникли две социологии – *академическая* (философствующая – именно ее в основном преподают студентам) и *прикладная* (с научным аппаратом для изучения конкретных социальных событий и фактов). Обывателям лучше известна «вторая» социология – кто же не слышал про «человека с анкетами» и «социологические опросы»?

«Теоретики» и «прикладники», как и в любой другой науке, относятся друг к другу с непониманием и подозрительностью:

- Гнусные эмпирики!
- Пошлые схоласты!

Так прозвучали бы их взаимные оценки в переводе с профессиональной гладкой речи на сочный полужаргонный язык профессорских «курилок».

Эти две социологии обособленно развиваются до сих пор, и только во второй половине нашего века стали предприниматься серьезные попытки их объединения. Одна из них, можно сказать, завершилась относительно успешно – с возникновением теорий среднего уровня, которые описывают развитие локальных социальных объектов (отдельных процессов и явлений) методом теоретического обобщения накопленных точных фактов.

Заочный спор о «законах перспективы»

Рассматривая социологию как искусство познания социальной реальности, мы не можем игнорировать вопрос о канонах (традициях) теоретического отображения накопленных знаний. Тем более что точки в этом историческом споре еще не расставлены.

Социология формировалась, можно сказать, альтернативным путем: отвергая философские методы, она разделяла обобщенный подход к предмету и, отрицая психологические «частности», перенимала точный инструментарий исследования человеческих отношений и группового поведения. Новую область знания ученые создавали, отталкиваясь от «недостатков» давно сложившихся наук.

Это было время становления и развития промышленного производства, формирования национальной государственности, гражданского общества в Европе и Америке. Это было время социальных революций. На фоне колоссальных перемен в общественном устройстве и образе жизни становилось ясно, как незначителен и жалок отдельный человек в обществе, где «овцы поедают людей» и падают отрубленные головы монархов. Социология вырастала на методологических основах *социоцентризма*.

«Единица – вздор, единица – ноль...» – так просто и понятно сформулировал суть социоцентризма В. Маяковский.

Обществоведы обоснованно считали, что предмет их изучения – «общество» – больше и важнее «человека», оно определяет его путь и судьбу, а не наоборот. Общество (целое) несводимо к своим частям (людям), оно существует и развивается по самостоятельным законам, которые и должна изучать социология.

Но прошло время, и за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если «единицы» считать «нулями», то теория никогда не сойдется с практикой. Социология стала гуманизироваться, опираясь на *человекоцентрированные подходы*.

Этому способствовало изменение самих социальных отношений, которые в современную эпоху выявили прагматическую ценность отдельного человека, рассматриваемого как «важнейший ресурс» общественного (в том числе производственного, экономического) развития. Нравственная, духовная и творческая значимость личности была подтверждена соображениями практической целесообразности – и в стратегиях развития современных социальных систем сформировался заказ на «гуманизм», «мягкие» технологии социального управления, «человекоориентированную» идеологию.

О том, что «первично» (более важно): общество или личность, – социологи спорят до сих пор, поэтому надо различать: социоцентрированные теории и человекоцентрированные теории, признавая, что истина лежит, видимо, посередине; просто методы научного абстрагирования не позволяют передать живую и неуловимую «светотень» социальной действительности.

Два уровня социологического анализа

Поскольку в недрах академической социологии продолжало существовать «раздвоение» стихий: «взлетные» исследователи устремлялись в социально-философские выси, а «приземленные» углублялись в изучение социально-психологических корней, – сформировались два уровня социологических обобщений, которые относительно разделены и в современной науке:

- *макросоциология* – теории, описывающие крупные закономерности в развитии общества; взаимодействие основных элементов общественной системы, межгрупповые отношения и фундаментальные процессы;

- *микросоциология* – теории, описывающие влияние межличностных отношений, малых групп, коллективного поведения на процесс возникновения и развития конкретных социальных явлений.

Если попытаться пояснить различие между этими двумя подходами, то можно сопоставить их базовые понятия: общество – группа, власть – лидерство, норма – стереотип, революция – девиация и т.п.

Макросоциология и микросоциология изучают соответственно, как живет, по каким законам развивается общество и как живут в нем и влияют на остальных и на все общество в целом люди, объединившиеся друг с другом.

Таким образом, одни социологи, которые мысленным взором «парят» над обществом, изучая его основные пропорции, системные состояния и проблемы, и другие социологи, буквально «ползающие» со своими «социоскопами» по «полю» реальных отношений и взаимодействий, исследуя микроскопическую ткань групповых и межличностных связей общества, выполняют тяжелый, но продуктивный труд по добыче нового знания о нашем человеческом мире.

В основе солидарность или борьба?

В истории социологии много не только теоретических «дуэлей» между «теоретиками» и «прикладниками», «общественниками» и «гуманистами», «макроаналитиками» и «микроаналитиками», но и непримиримого (до сих пор) методологического противостояния «воинов» двух научных лагерей: конфликтологов и эволюционистов.

Родоначальник социологии О. Конт точно был эволюционистом. Э. Дюркгейма, знаменитого первого «функционалиста», в общем-то тоже можно причислить к эволюционистам, хотя он изучал конфликт между личностью и обществом (в своей знаменитой монографии «Самоубийство»). Макс Вебер, каноническая персона исторической социологии, создатель метода «идеальных типов» и теории «рациональной бюрократии», однозначно должен быть отнесен к эволюционистам, поскольку в своих научных построениях он закреплял модели гармоничных функциональных соответствий, совершенство которых могло быть нарушено... только реальностью!

К. Маркс, затем (уже в нашем веке) Э. Райт и ныне живущий «классик» Р. Дарендорф являются наиболее известными в социологии конфликтологами. И не потому, что всю жизнь (причем небезуспешно) изучали социальные конфликты, чем и прославились. Наоборот, они изучали конфликты потому, что считали их динамической силой, основой развития любого современного общества, важнейшей проблемой социального взаимодействия на всех уровнях общественной системы.

Короче говоря, конфликтологи отличаются от эволюционистов тем, что в основе строения общества видят противоречие, а не функциональное единство, как их оппоненты.

Конфликтологи изучают, как социальная конкуренция, противоборство, «война всех против всех» в современном обществе отражаются на форме и устройстве человеческого общежития. Наиболее известны их теории классовой борьбы и расовой эксплуатации.

Эволюционисты рассматривают, как устанавливаются функциональные соответствия, социальная системность, общественное согласие. Наибольшую известность получили теории социального взаимодействия и глобализации мира.

Среди очень разных в плане научного творчества эволюционистов нашего века можно назвать основателя стратификационной теории Питирима Сорокина, создателя наиболее совершенной «системной модели» общества Толкотта Парсонса, разработчика методологии построения теорий «среднего уровня» Роберта Мертон.

Еще два блестящих имени наших «современных классиков» – Пьера Бурдьё и Никласа Лумана – нужно поставить особняком; эти ученые, если можно так выразиться, – *синтетика*, которые разложили основы общества на молекулы (в понятии «социальный капитал») и фотоны («коммуникации»), на основе чего «собрали» собственные теоретические модели социальной жизни. Их «виртуальная реальность» достаточно многоцветна для того, чтобы описывать не только воображаемый, но и осуществленный мир.

Энтони Гидденс и Натан Смелзер известны почти каждому, изучающему социологию, в первую очередь потому, что они признанные авторы современных учебников. Как теоретики, оба они – эволюционисты. Поэтому для установления «методологического баланса», или системы научных верований, тем, кто впервые приобщается к научному социологическому знанию, стоит почитать социальную историю в изложении Г. Маркузе и что-нибудь из трудов К. Маркса или Р. Дарендорфа. Все они мощные и оригинальные мыслители – вы получите колоссальное удовольствие и пополните банк своих собственных социальных идей.

Методологическая пропасть между конфликтологическим и эволюционистским подходами к изучению общества огромна и в общем-то незаполнима, хотя были в истории новейшей социологии (небезуспешные) попытки наведения «теоретических мостов», но не в этом суть. Главное в том, что оба эти направления акцентируют актуальные грани социальной реальности, два класса причин, которые позволяют любому обществу сохранять свои важнейшие черты и в то же время развиваться в нужном направлении под воздействием внутренних напряжений.

Портреты социологов

Конт Огюст (1798–1857) – французский философ и социолог, один из основоположников

позитивизма и социологии. Конт полагал, что с помощью науки можно познать скрытые законы, управляющие всеми обществами. Такой подход он назвал сначала социальной физикой, а затем социологией (т.е. наукой об обществе). Конт стремился выработать рациональный подход к изучению общества, основу которого составили бы наблюдение и эксперимент. По Конт, такой подход, часто называемый позитивизмом, обеспечит практическую основу для нового, более устойчивого общественного порядка.

Позитивистскую социологию Конта составляют две основные концепции. Одна из них – социальная статика – раскрывает взаимоотношения между социальными институтами. Согласно Конт, в обществе, как и в живом организме, части гармонично согласованы между собой. Но, будучи уверенным, что обществам в большей мере присуща стабильность, Конт проявлял также интерес к социальной динамике, к процессам социальных изменений. Изучение социальной динамики важно, так как она способствует реформам и помогает исследовать естественные изменения, происходящие в результате распада или переустройства социальных структур.

Две идеи, берущие начало в работах Конта, просматриваются в ходе развития социологии: первая – применение научных методов для изучения общества; вторая – практическое использование науки для осуществления социальных реформ.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Система позитивной политики» (1851–1854), «Курс положительной философии» (1899–1900).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:
Дух позитивной философии. СПб., 1910.

Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог-позитивист, основоположник органической школы в социологии. На Спенсера оказала глубокое влияние теория эволюции Ч. Дарвина. Он полагал, что ее можно применить ко всем аспектам развития Вселенной, включая историю человеческого общества. Спенсер сравнивал общества с биологическими организмами, а отдельные части общества (образование, государство и т.д.) – с частями организма (сердцем, нервной системой и др.), каждая из которых влияет на функционирование целого. Спенсер считал, что общества, подобно биологическим организмам, развиваются от простейших форм к более сложным. «Естественный отбор» происходит и в человеческом обществе, способствуя выживанию самых приспособленных. Процесс адаптации, по Спенсеру, способствует усложнению общественного устройства, так как его части становятся более специализированными. Таким образом, общества развиваются от сравнительно простого состояния, когда все части взаимозаменяемы, в направлении сложной структуры с совершенно несхожими между собой элементами. В сложном обществе одну часть (т.е. институт) нельзя заменить другой. Все части должны функционировать на благо целого; в противном случае общество развалится. Согласно Спенсеру, такая взаимосвязь является основой социальной интеграции.

Спенсер считал, что для человечества полезно избавляться от неприспособленных индивидов с помощью естественного отбора и правительство не должно вмешиваться в этот процесс – такая философия получила название «социальный дарвинизм». Он считал эту философию приемлемой также для коммерческих предприятий и экономических институтов. Спенсер полагал, что при невмешательстве права в социальный процесс, на основе свободного взаимодействия между индивидами и организациями будет достигнуто естественное и устойчивое равновесие интересов.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Основания социологии» (1896).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения: Сочинения. Т. 1-7. СПб., 1898-1900.

Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – русский социолог и философ. Социология, по Лаврову, теснейшим образом связана с историей. Предмет первой – формы проявления солидарности в обществе, предмет второй – прогресс смены неповторяющихся явлений. Социологическому наблюдению подлежат: 1) животные общества, в которых выработалось индивидуальное сознание; 2) существующие формы человеческого общежития; 3) общественные идеалы как основа солидарности и справедливого общества; 4) практические задачи, вытекающие из стремления личности осуществить свои идеалы. Социолог должен практиковать субъективный метод, т.е. уметь стать на место страждущих членов общества, а не бесстрастного постороннего наблюдателя общественного механизма. Понимание общества воплощено в теории прогресса. Лавров считал, что ведущей силой, «органом прогресса является личность, характеризующаяся критическим сознанием, стремлением к изменению застывших общественных форм». В качестве

побудительных причин деятельности человека Лавров называет обычай, аффекты, интересы и убеждения. С возникновением критических личностей начинается историческая жизнь человечества. Лавров намечает следующие фазы борьбы за прогресс в обществе: появление отдельных провозвестников новых идей; открытое выступление героических одиночек против царящего зла – эпоха мученичества и жертв; организация партии, позволяющей одиноким критически мыслящим личностям превратиться в реальную силу путем завоевания на свою сторону «неизбежного союзника», «реальной почвы партии», широких народных масс. С 80-х гг. XIX в.; отойдя от крайностей субъективной социологии, Лавров начинает рассматривать личность и как члена «коллективного организма». В связи с этим меняется и трактовка социального прогресса, понимаемого не только как результат деятельности критически мыслящей личности, но и как «усиление и расширение общественной солидарности», достижение которой во всех сферах общественной жизни – экономике, политике, нравственности, интеллектуальной деятельности – «единственная возможная цель прогресса».

О с н о в н ы е т р у д ы : « Исторические письма» (1870), « Задачи понимания истории» (СПб., 1903), «Философия и социология. Избранные произведения в 2 томах» (М., 1965), «Избранные сочинения на социально-политические темы». Т. 1–4. (М., 1934–1935, не завершен).

Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920) – российский философ, социолог и правовед. В философии Кистяковский – неокантианец, а его социология – высшее достижение неокантианской социологии в дореволюционной России. Цель социологии, по Кистяковскому, выработка «работающих» понятий, таких, как «общество», «личность», «социальное взаимодействие», «толпа», «государство», «право» и т.д. Как теоретическая наука социология призвана объяснить саму идею и способы функционирования «власти» в государстве. При этом Кистяковский приходит к выводу, что идея власти в полном объеме недоступна рациональному познанию и может быть осмыслена лишь методами художественно-интуитивного познания. Однако, по его мнению, для социологии достаточно констатировать, что сама идея власти и связанные с нею понятия господства и подчинения являются результатом психологического взаимодействия индивидов. Будучи сторонником «методологического плюрализма», Кистяковский считал, что в обществе одни элементы подчиняются законам причинности, другие – принципам телеологии. Обе эти сферы общества иногда функционируют независимо друг от друга, иногда пересекаются, усложняя тем самым социальную жизнь. Большую роль в «нормальном обществе» играют элементы культуры, которые превращают власть и все ее атрибуты в элементы «коллективного духа» (т.е. общественного сознания). В противном случае в обществе преобладает правовой нигилизм, чреватый социальными потрясениями. По этой причине Кистяковский критиковал попытки заменить социальные понятия понятиями нравственности (в частности, идею В. С. Соловьева о государстве как «организованной жалости»).

О с н о в н ы е т р у д ы : «Социальные науки и право» (М., 1916), «Общество и индивид» // Социологические исследования. 1996. № 2.

Вопросы для самоподготовки

1. Каковы были научные и общественные причины возникновения социологии?
2. Чем социология отличается от философии, психологии и других гуманитарных наук?
3. Каков предмет изучения в социологии?
4. Какие методы социального познания Вы знаете и какие из них могут считаться социологическими?
5. Чем отличаются академическая социология от прикладной ?
6. Что такое социоцентризм?
7. Чем занимаются макросоциология и микросоциология?
8. Каковы принципиальные различия в научных взглядах конфликтологов и эволюционистов?
9. Каковы причины сохранения и воспроизводства важнейших черт общества?
10. В чем особенности русской национальной школы социологии?
11. Назовите известных российских социологов. О чем они писали в своих научных работах?
12. Развиваются ли традиции русской социологии?

Литература

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Политика, 1992.
- Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
- Барзгова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург, Бишкек, 1997.
- Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
- Гидденс Э. Социология 90-х гг. Челябинск, 1991.
- Громов И., Мацкевич А., Семенов Б. Западная социология. СПб., 1997.
- Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: NB, 1992.
- Иванов В.Н. Социология сегодня. М., 1989.
- История буржуазной социологии конца XIX и начала XX века. М., 1979.
- История социологии в Западной Европе и США. М.: Наука, 1993.
- Кондауров В.И. Предмет социологии. Историко-социологическое введение. М., 1992.
- Култыгин В.П. Ранняя немецкая классическая социология. М., 1991.
- Култыгин В.П. французская классическая социология XIX – начала XX века. М., 1991.
- Кутырев В.А. Современное социальное познание. Общенаучные методы и их взаимодействие. М.: Мысль, 1988.
- Новые направления в социологической теории / Филмер П. и др. М.: Прогресс, 1978.
- Осипова Е.В. Социология Э. Дюркгейма. М., 1977.
- Смелзер Н. Дж. Социология. М., 1994.
- Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
- Социо-логос. М.: Прогресс, 1991.
- Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986.
- Тернер Д. Структура социологической теории. М., 1985.
- Трошкина В.П. Социологическая концепция О. Конта. М., 1984.
- Шепаньский Я.Ю. Элементарное понятие социологии. М., 1969.

Приложение 1. Материалы к коллоквиуму по русской социологии

Д.С. Клементьев, Л.Н. Панкова

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В целом процесс становления социологии в России связан с определенным этапом развития русского общества. Период правления Александра III в России связан с началом великих реформ. Именно в этот период зарождаются основы русской национальной социологии. Как отмечал Н.О. Лосский, «в конце XIX и начале XX века значительная часть русской интеллигенции высвободилась из плена... болезненного моноидеизма. Широкая публика начала проявлять интерес к религии... идее нации и вообще... к духовным ценностям».*

*Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 197.

В этот период начались поиски неизвестных ранее подходов и в социальной сфере. Формирование социологии как науки происходило сразу в нескольких направлениях. Достаточно полно социологическая концепция русского исторического процесса была изложена представителями юридической школы Б.Н. Чечериным, К.Д. Кавелиным, А.Д. Градовским, В.И. Сергеевичем, С.А. Муромцевым, Н.М. Коркуновым; сравнительно-исторический метод в генетической социологии значительно обогатили М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Д.А. Столыпин, Н.П. Павлов-Сильванский; становлению политической социологии в России способствовали во многом Л. И. Петражицкий, П.Н. Милюков, М.Я. Острогорский, П.А. Сорокин; школа субъективистов – Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков – оказала значительное влияние на создание современной социологии интеракционизма; развитие экономической социологии во многом определили Н.Я. Данилевский, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, П. Б. Струве;

основоположником ювенильной социологии в России по праву считается С.Н. Трубецкой, а этносоциологии – М.М. Ковалевский, Л.И. Мечников и П. А. Кропоткин. В принципе невозможно даже перечислить имена всех выдающихся ученых, стоявших у истоков классической русской социологии.

Русские социологи стремление к познанию социальной действительности сочетали с многообразием аналитических подходов. Такие известные ученые, как П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский, в своих трудах отстаивали единство теоретической истины с такой истиной, как справедливость. По сути, русские социологи всех школ и направлений стремились создать всеобъемлющую универсальную модель социального познания. При этом духовная эволюция каждого ученого была неразрывно связана с эволюцией его теоретических изысканий. Как неоднократно подчеркивали И.В. Киреевский и А.С. Хомяков, цельная истина раскрывается только цельному человеку.

Русская социология конца XIX – начала XX века не только находилась на уровне мировой науки в целом, но по некоторым направлениям предопределила ее развитие.

Д.А. Столыпин

ОСНОВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И НАУЧНЫЙ МЕТОД ОГЮСТА КОНТА

В сочинениях по социологии наиболее употребимы два научных метода мышления: метод сравнительный и метод исторический.

Конт полагает, что слепое подражание биологическому процессу, т.е. исключительное применение сравнительного метода к указанию аналогий человеческих обществ с обществами животных, может вести к непризнанию истинных логических отношений обеих наук, биологии и социологии...

Другое применение того же сравнительного метода состоит в сопоставлении различных стадий, в которых находятся человеческие общества; рассматриваемые особенно у народностей наиболее независимых одна от другой.

Конт полагает, что при подобном применении сравнительного метода достигается наблюдение фактов в их статическом отношении и одновременно до известной степени получается понятие о динамическом естественном последовании явлений...

Более полным методом в социологии Конт считает метод исторический. Он предостерегает, однако, от иллюзий, могущих произойти при употреблении этого приема мышления, главная из которых «состоит в принятии постоянной убыли за стремление к всецелому уничтожению, или, наоборот, согласно математическому софизму, по коему смешиваются постоянные, увеличения и уменьшения, с изменениями безграничными».* Отдавая должную справедливость историческому методу, надо признать, что социальный вопрос оным не исчерпывается...

* Cours de philosophie positive, par August Comte. Edition Littre. Vol. 4. P. 332.

Много одно время говорилось и печаталось у нас о научных методах мышления; усиленно применяли дедукцию к решению общественных вопросов; также восхваляли метод развития, а в результате одобряли формы, неподвижность которых несомненна. Так что отвлеченное учение методов в общем оказалось unsuccessful.

По мнению Конта, ознакомления с одними методами недостаточно; для полного метода необходимо знание законов, так как применение законов одних наук к изучению явлений других наук составляет главный общий рациональный научный метод.

Конт признает в основании своего воззрения естественное совпадение законов абстрактных наук: математики, физики, химии, биологии, социологии; так что, по его положению, *законы явлений, открытые в одной какой-либо из абстрактных наук, присущи явлениям остальных абстрактных наук, хотя и могут находиться в скрытом виде в оных.*

При этом согласно его иерархии наук законы простых явлений одинаково верны для наук высших порядков и обратно.

Можно сказать, что главное научное движение в нашем веке совершается в применении этого приема. Конкуренция, естественное общественное явление, дала повод Дарвину создать теорию о происхождении видов. Психология обновляется в руках натуралистов в учении психофизиологии или, как вернее называют, в науке психофизики, так как это название глубже охватывает предмет.

По воззрению Конта, законы естественных явлений составляют необходимую основу

социальной науки. *Этот метод эволюционный в широком значении этого слова.*

Конт, приступая к изложению отношений социологии к другим основным наукам, ставит подчиненность социологии совокупности этих наук как главный принцип и необходимое условие для успешного изучения общественных вопросов. Несоблюдение этого условия парализовало усилия лучших умов в социальных трудах; предварительное ознакомление с общими законами – метод необходимый, «возможность которого неоспорима, хотя никто до сих пор не постиг в достаточной мере совокупность умственных обязательств, возлагаемых подобным обновлением науки»*...

* Cours de philosophie positive, par August Comte. Edition Littre. V. 4. P. 337–338.

Дело идет о методах мышления, а потому надо прежде всего обратиться к философии, так как приемы мышления составляют главную основу оной. Философы XIX века, конечно, допускают математику, в смысле учения о времени и пространстве, основанную на идеальной математической точке, не имеющей пространства. Они признают Платона, который был геометр, также Декарта; но сколько шума поднялось у них с появлением в середине нашего столетия манускриптов Лейбница и фразы: «Спиноза начинает там, где кончил Декарт, in naturalismo». Но время и пространство это на реальном языке – движение и вещество, а такое применение считается материализмом; а потому эклектики, чтоб более отличить себя от последователей науки, приняли название спиритуалистов и, пренебрегая вообще наукой, взяли в свое исключительное ведение учение о социальных явлениях...

Оказывается, что высшие условия и принципы, которым надо отдать первенство, состоят из ошибочных учений или же навеянных временными обстоятельствами понятий...

Д.А. Столыпин

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КЛАССИФИКАЦИИ НАУК ОГЮСТА КОНТА И ЗНАЧЕНИЕ ЕЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

...Конт построил свою классификацию, поставив науки в последовательном порядке, переходя от законов простых явлений к законам, открытым в более сложных явлениях, причем связь этих наук заключается в том, что последующие науки представляются основанными на законах, открытых в предшествующих.

Основные науки* в классификации Конта являются в следующем последовательном порядке: математика, физика, химия, биология, социология.

*Основные или абстрактные науки отличаются от прикладных тем, что имеют предметом исключительно открытие естественных законов бытия.

Положительные науки основаны на измерении, а потому первая в классификации наука – математика; физика основана на математике и законах механики; химическим телам присущи механические законы и в них раскрывается новый естественный закон: кратного соотношения частей в молекулярных составных единицах. Жизненным телам присущи законы механические и химические, и в изучении их открывается новый естественный закон: организации и роста, закон развития или эволюционный; все эти законы, согласно классификации, присущи социальным явлениям...

Организация, как и всякий организм, представляет одно целое или единицу, составленную естественно из разнородных частей.

Общественная экономическая единица тоже состоит из разнородных частей, но она отличается от биологической единицы (особенно у животных высшего разряда) тем, что в биологической единице грубее и яснее видима неделимость этой единицы. Так, например, если разрезать на части лошадь, то единица, видимо, гибнет и теряет свою ценность. Не так осязателен оказывается вред от деления, если разрушить земледельческую хозяйственную единицу...

Если вред от деления земли и разрушения хозяйственной единицы невидим на поверхностный взгляд, то беспредельное дробление земель не менее того ведет всех участников к бедности, в чем можно удостовериться на фактах. Для высших нравственных явлений тоже необходимо соблюдение веса и меры; при трудности измерения оно должно заменяться внутренним тактом...

Процесс в биологии обуславливается борьбой за существование. Принимая это положение в грубом буквальном смысле, отвергают принцип прогресса для общественных явлений. Но тут

недоразумение: право сильного господствует в низших обществах; но с прогрессом и цивилизацией общество регулирует отношения лиц, имея в виду общественное благо, или то, что оно считает таковым. Собственно борьба за существование, конкуренция, составляют принцип развития в социологии, как и в биологии; особенно ярко она выступает в борьбе идей.

В настоящее время научная теория Конта вступает в борьбу с установившимися в социологии революционными принципами 1789 г. Принципы эти, послужившие разрушению феодальных порядков на западе, оказываются, по мнению Конта, непригодными и ретроградными в смысле создания новых нормальных порядков. Принципы 1789 г., полагал Конт, суть понятия, построенные на чистом мышлении а priori, подобные тем априорным понятиям, которые принимались в основание изучений в начале всех наук (флогистон, искание философского камня, жизненная сила и т.д.), понятия, которые были заменены впоследствии научными законами; в социологии априорные принципы 1789 г. должны быть также заменены научными законами. Законы эти для социологии, по теории Конта, суть общие законы мироздания. Только при знании этих законов и при посредстве их человек может властвовать и успешно направлять ход явлений.

Вред, происходящий от смуты в социальных понятиях, побудил Конта, по его заявлению, предпринять свой труд для основания социологии как положительной науки, для чего он принял за научный метод мышления эволюционный и тем самым устранил априорные принципы 1789 г., которые составляют в настоящее время главное препятствие нормальному развитию цивилизации...

Первым общим законом Конт ставит закон инерции (закон постоянства силы, постоянства движения в раз данном направлении, если не встретится противодействующей силы). Человек мыслящий, которому пришлось в жизни изменить свой взгляд или идею, которой он упорно держался, может по собственному опыту удостовериться, что изменение это произошло от усвоения им новой идеи, которую он нашел более правильною и которая дала новое направление ходу мыслей. А потому надо признать, что закон инерции присущ нашему мышлению.

Что касается другого механического закона: равенства акции и реакции, то при настоящем неустановившемся положении мышления в социологии явление это самое обычное. Крайность вызывает крайность... К счастью, на практике, при *близком ознакомлении с действительностью*, крайности сглаживаются. Маколей, изучая историю Англии, утверждает, что консерваторы провели столько же либеральных мер, сколько либералы консервативных. Спрашивается, причем тут крайние принципы либеральный и консервативный? Все крайности стушевываются при серьезном, научном ознакомлении с действительностью. Оставляю людям мысли проверить личным их опытом, насколько закон акции и реакции применим к человеческому мышлению.

Третий механический закон касается согласования каждого общего движения с различными частными. Это закон гармонии. Если при создании системы развивать исключительно какую-либо одну часть ее, то исчезает гармония и является естественное стремление к восстановлению нарушенного согласия. Закон этот, можно положить, свойствен также процессу мышления.

Кроме обвинения по поводу этого воззрения учения Конта в материалистическом направлении его упрекают еще в том, что учение это приводит к фаталистическому детерминизму. Но Конт утверждает только, что знание ведет к предвидению (т.е. при соблюдении известных условий получается тот или другой результат)*, а предвидение не есть фатализм. Так, из этого учения нельзя сделать утешительного вывода, что человеческое общество должно непременно при всяких условиях прогрессировать. Цивилизация или упадок общества зависят от господствующих в нем руководящих понятий; от качества их зависит исключительно упадок или прогресс народов.

*Подчинение дисциплине метода свободы мысли – это акт самостоятельности просветленного ума. «Согласование жизни с нуждами Государства не рабство, а спасение» (Aristotel. La politique. P. 344).

Конт именно указывает, что в настоящее время одна наука может нас избавить от современных смутных социальных понятий, тормозящих развитие. Ввиду этого вся цель его труда состояла в основании социологии как положительной науки...

С.Н. Южаков

СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ

...Субъективная школа в социологии может по справедливости быть названа русской социологической школой. Правда, Конт еще в 1851 году высказался за субъективный метод его

«позитивной политики», субъективный метод наших авторов не совсем одно и то же...

Конт отделяет социологию как науку о законах общества от политики, науки о лучшем общественном устройстве. Первую он признает как «*terme normal*»* объективного метода, для второй требует метода субъективного. Очевидно, это не то же, что вообще видеть особенность каждого социологического исследования в субъективном методе, необходимо ему присущем...

*Допустимую границу.

Падение Римской империи есть событие, которое раз совершилось и больше повториться не может, в такой же мере, как Лиссабонское землетрясение есть факт, недоступный повторению «в данной совокупности», как всякая гроза, всякий ураган, всякое падение метеорита или аэролита суть явления, которые раз совершились и больше повториться не могут. Вчера была гроза и прошла; завтра, быть может, будет опять гроза, но то будет не та вчерашняя, а новая – завтрашняя, это не падение Рима, а падение Византии или Венеции, Карфагена или Польши. Явление, как факт данного рода, повторяется, но явление, как данный факт, повториться не может. В этом, и только в этом, последнем смысле можно сказать, что история есть ряд неповторяющихся изменений; но с другой стороны, в этом смысле процесс истории как предмет исследования ничем *существенно* не отличается от всех других процессов природы...

Повторяемость в неизменной связи есть необходимый критерий исследования *индуктивного*, но не *дедуктивного*. Таким образом, если бы даже меньшая посылка была вполне справедлива, то и тогда должное ограничение большей посылки привело бы лишь к выводу, что индуктивное исследование общественных явлений невозможно; вероятно, однако, автор не желал назвать всякое дедуктивное исследование субъективным, иначе математика была бы образцом дедуктивного метода. Благодаря слишком безусловному пониманию меньшей посылки явился вывод, что общественные объективные приемы неприменимы при исследовании явлений общественных, между тем как если придать этой посылке ее действительный смысл, то будет следовать только, что приложение общенаучных приемов в истории гораздо труднее, многосложнее, чем в других науках. Эта большая сложность и трудность исследования общественных явлений была многими и прежде замечается, причем были указаны и разнообразные, многочисленные причины этой трудности; субъективной школе принадлежит честь дополнения списка этих причин еще одной, и притом одной из важнейших, основных...

Справедливо и несомненно, что человек всегда остается человеком, что он не может понимать иначе, как *по-человечески*, что он всегда, всюду и все оценивает с *своей, человеческой* точки зрения. Но какой смысл скрывается под этими положениями? Конечно, не иной, как тот, что понимание наше совершается по психологическим и логическим законам нашей природы, что наука сложилась и развивалась сообразно этим же логическим законам и что потому нет ни малейшего основания переносить эти законы из области сцепления человеческих мыслей и соотносительных этим мыслям человеческих впечатлений (феноменов) в область каких бы то ни было объективных реальностей, в область сцепления вещей самих в себе...

Вдумываясь в ситуацию мыслей приверженцев субъективной школы, можно дать следующее определение защищаемому ими методу: *оценка, относительной важности явлений на основании нравственного мирозерцания (идеала) исследователя и построение научной теории при помощи того же критерия* – вот отличительная черта, существенный признак субъективного метода. Нам предстоит решить, необходимо ли это условие? Если да, то представляемое требование действительно противоречит ли и исключает общенаучные объективные приемы исследования? Или, быть может, является только дополнением к ним, необходимым усложнением приемов исследования при усложнении самого материала, подлежащего исследованию?..

Сознательное введение в социологическое исследование нравственного элемента – вот что требуется субъективной школой от социолога. Но что такое этот нравственный элемент. Что нового вносится с ним в исследование?..

Особенность субъективного метода заключается в оценке относительной важности общественных явлений, на основании взглядов исследователя на нормальные отношения членов общества друг к другу и к целому и в построении научной теории при помощи того же критерия. Таково будет исправленное определение субъективного метода. Но в таком виде требование, им заявляемое (с некоторыми оговорками), весьма легко может быть принято самым ярким и нетерпимым приверженцем единства научного метода во всех сферах человеческого мышления;

дело в том, что тут никакого особенного метода даже и нет вовсе, а есть просто провозглашение одной весьма важной теоремы социологии, именно, что общество основано на личностях и что развитие общества совершается не иначе, как личностями, через личности и в личностях. Если социолог признает эту теорему, то он, исследуя известное общественное явление, всегда будет останавливать свое внимание не только на последствиях его для общественной среды, культуры, но и на влиянии его на создателей этой среды, на те общественные атомы, через которые единственно и могли возникнуть наблюдаемые им изменения общественной среды; он будет хорошо знать, что для общественной жизни не столько важно возникновение и процветание того или другого элемента общественной среды, сколько способов созидания его личности, так как от этого способа зависит его прочность, степень и даже характер его влияния на другие элементы общественной среды...

Игнорирование теоремы, на которой настаивает субъективная школа, есть грубая и непростительная ошибка со стороны социологов; приступать к построению какой-либо части социологии, не уяснив себе предварительно значение личностей для общественной среды и среды для личностей или даже прямо отвергая это значение, все равно что делать какие-либо изыскания по небесной механике, отвергая теорему об обратной пропорциональности силы тяготения к квадратам расстояния...

«Коренная и ничем неизгладимая разница, – пишет г. Михайловский, – между отношениями человека к человеку и к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором цель эта для человека не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения...»*

*Отечественные записки. 1869. № 11. Отд. 2, 19 (в статье «Что такое прогресс»).

Задав себе вопрос: что такое цель? Он отвечает, что это желательное, приятное, должное. Исключив категорию должного, действительно характеризующую общественные цели, мы можем, прежде всего, возразить автору, что данный им ответ одинаково относится как к целям, преследуемым животными на всех ступенях жизни, так и целям человеческим. Не желательность или приятность отличает некоторые человеческие цели (цели общественные), а общежелательность и общеприятность, если будет позволено так выразиться, т.е. желательность и приятность достижения не только для преследующего субъекта, но и для массы, непосредственно не принимающей в ней участия...

Но тут мы встречаемся с новым аргументом г. Михайловского; мы не можем, говорит он, общественные явления оценивать иначе, как субъективно. «Сочувственный опыт вместе с опытом личным, комбинируясь известным образом, входит в наше психическое содержание и, наряду с категориями истинного и ложного, устанавливает категорию приятного и неприятного, желательного и нежелательного, нравственного и безнравственного, справедливого и несправедливого. Отрешиться от этой стороны эмпирического содержания нашего я столь же трудно, как произвольно вычеркнуть из своей памяти какие-нибудь знания. Поэтому комбинация ощущений и впечатлений, составляющая предвзятое мнение, с которым человек приступает к какому бы то ни было исследованию, в области общественных явлений осложняется новым элементом, элементом нравственным»*. Но почему «осложняется»? В других областях знания это предвзятое мнение может состоять из суеверий и вообще эмпирически усвоенных некритических мнений о связи, существующей между явлениями, но, благодаря обработанности и общепризнанности теорий этих областей, чаще оно заключается в приверженности к той или другой научно развитой гипотезе.

* Отечественные записки. 1869. № 11. Отд. 24.

Общественнознание как единой науки о законах общества покуда не существует, а потому и последнего рода предвзятое мнение у социологов встречается реже, чем некритическое эмпирическое содержание и, конечно, именно традиционная нравственность, т.е. представление о началах общественности. Нравственный элемент *не осложняет* предвзятое мнение, а просто *составляет* его, но предвзятое мнение необходимо бывает во всяком исследовании, как прекрасно доказывает сам г. Михайловский; стало быть, и тут нет никакого плюса в общественно-

научном мышлении...

Социологическое исследование может и должно держаться общенаучного метода и притом тем строже и неотступнее, чем сложнее материал, над которым приходится работать пытливости социолога. Если объективность заключается в том, чтобы игнорировать значение общественных событий для личностей и значение личностей для общественных событий, чтобы отмахиваться от социологических выводов, вытекающих из этических теорем, то это вовсе не объективность и беспристрастие, а просто опасное для науки заблуждение, напоминание того, что различные элементы общественного блага находятся в тесной зависимости между собой. Бог с ней, с такой объективностью; я готов выдать ее с головой нашим субъективностям. Но если, с другой стороны, субъективность заключается в том, чтобы вместо признания желательным и должным истинного объявлять истинным желательное, в том, чтобы снимать с исследователя-социолога узду всяких общеобязательных логических форм мышления, в том, чтобы теоремы одной из областей науки, как бы эта область ни была важна сама по себе, возводить в методологические критерии всякого общественно-научного мышления, если это означает субъективный метод, то да будет всякий социолог подальше от такого орудия; и чем талантливее мыслитель, тем опаснее для науки подобное направление...

Конечно, учение о том, что все в обществе совершается по неизменным законам *само собой*, что никакая сила не в состоянии изменить этих законов, а следовательно (заключает фаталист), и порядка событий, а потому нам ничего не остается, как бездействовать уже потому, что мы ничего не в силах изменить своим действием; те, которые поступают иначе, жалкие слепцы, достойные своей участи, гибели, ожидающих их за возмущение против неизменного хода вещей. Не очевидно ли это следствие забвения или, лучше сказать, неспособности понять роль нравственного элемента в общественном процессе, забвения того, что основы каждого общества составляют те или другие отношения личностей к обществу, что, следовательно, из взаимодействия личностей складывается развитие общества и что, наконец, поэтому невозможно направлять это развитие. Законы общественного развития неизменны, но что такое сами законы? Не просто ли это формулы взаимодействия личностей, равнодействующая личных сил? Если вы будете помнить, т.е. если вы не будете чужды пониманию роли нравственного элемента в обществе, вы никогда не впадете в фатализм. Основная ошибка оптимистов та же. Оптимист также убежден в неизменности общественных законов, тоже упускает из виду, что весь прошлый прогресс осуществился только как результат, равнодействующая личных усилий, он забывает или не видит всего этого, но зато видит, что общество прогрессирует...

Таким образом, разобрав шаг за шагом всю аргументацию субъективной школы, которой она старается доказать неприменимость к социологии объективного метода, мы можем, наконец, сказать, что отрицательная сторона ее доктрины не выдерживает критики. Что касается положительной стороны, то в основании ее лежит глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии, но нравственная доктрина есть учение об отношении личности к обществу, о приспособлении жизни к условиям общественного существования, так, что ее значение в социологии понятно и без каких-либо субъективных подставок. Ошибка субъективистов заключалась в том, что они теоремы социологии приняли за теоремы логики, и доктрину, долженствующую влиять на содержание науки, объявили *методологическим*, критерием. Собственно говоря, такая постановка вопроса есть сама по себе уже отрицание социологии, как особой науки, и отождествление ее с политикой. Вред такого смещения абстрактного отдела обществознания с прикладным очевиден, особенно если присоединить к этому столь общераспространенное смешение конкретной и абстрактной социологии...

М.М. Ковалевский

ЭТНОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Автор «Первобытной культуры», открывший нам впервые огромную роль тотемизма в религиозной и общественной жизни диких и варварских народов, Эдуард Тейлор, советовал всем, кто занимается этнографическими исследованиями, держаться того же метода, который употребителен в статистике. По его мнению, всякий раз, как возникает сомнение насчет общераспространенности того или другого обычая или верования, надо спросить себя, у какого числа племен это верование встречается или существовало и скольким народам оно осталось известно. Затем надо исследовать, не объясняются ли эти исключения характером тех особых

условий, в которых протекает или протекала жизнь этих последних народов. Только в таком случае мы имеем право рассматривать данный обычай или верование, как нечто общее всем расам – известный фазис их общественного развития. С первого взгляда нельзя представить себе ничего более ясного и убедительного, более гарантирующего этнографов от тех сюрпризов, какими грозит им чересчур пылкий полет их воображения. Но, вдумавшись в основную мысль знаменитой статьи Тейлора, начинаешь спрашивать себя, можно ли применить статистику, обыкновенно оперирующую с вполне определенными величинами, к исследованиям, в которых приходится иметь дело с величинами неопределенными. Постараюсь пояснить свою мысль. Исходя из того положения, что народы подражали друг другу во все времена, мы имеем право спросить себя при виде того или другого обычая или верования, перенесенных из одной среды в другую, идет ли дело об одной или нескольких величинах. Система периодического передела земли в том виде, в каком она установилась в течение XVII века в центральных губерниях московского государства, в конце концов, распространилась и была введена и в Малороссии и в других областях обширной Российской империи.

Этот факт сам по себе дает нам право причислять большинство народов, населяющих Россию, к тем, которые непосредственно ввели у себя общинное землевладение, или следует, для точности и во избежание ошибки в вычислении, говорить только об одном факте общинно-мирового владения крестьян Великороссии? А между тем далеко не безразлично при передаче цифрами числа племен, которым известен обычай периодического передела земли, считать большинство народностей России «мирскими» владельцами или нет. Наши заключения могут радикально разойтись, смотря по тому, какого способа подсчета мы будем держаться. То же самое можно сказать и при решении других вопросов столь же общего характера.

Возьмем, например, вопрос о распространении той системы родства, которую Левис Морган назвал системой родства по классам. Согласно этой системе, все члены одной и той же группы распределяются по возрасту в классы: отцов и матерей, сестер и братьев, сыновей и дочерей. Эта система встречается в Австралии и на островах Фиджи. Но так как фиджийцы в этом отношении только последовали примеру австралийцев, то в сущности эти два факта сводятся к одному. Таково по крайней мере заключение Файзона, который наиболее основательно изучил этот вопрос.

Во время моих этнографических исследований на Кавказе я не раз останавливался перед тем фактом, что в основании татарских и кабардинских обычаев лежат осетинские учреждения; но этот факт легко объясняется тем, что некогда осетины занимали всю страну, заселенную теперь другими народностями. Еще более поразило меня то обстоятельство, что, сличивши некоторые места из Авесты с верованиями, привычками и обычаями современных хевсуров и пшавов, я увидел, как много общего в целом ряде представлений и обычаев у грузинских горцев с древними персами. Отсюда я заключил, что у хевсуров и пшавов и до сих пор еще существуют пережитки верований и обычаев, свойственных иранцам, и по всей вероятности, предшествовавших составлению книг Авесты и религии Зороастра.

К сожалению, очень часто упускают из виду, какие многочисленные следы оставили в народных суевериях и привычках древние священные книги и старые юридические своды. А этого влияния вполне достаточно, чтобы не считать за самостоятельные открытия, сделанные народами различного происхождения независимо друг от друга, то, что, в конечном счете, явилось следствием широко распространенного подражания.

Как же производить статистические вычисления с такими неопределенными величинами! Когда я оперирую с числом рождений или смертей, самоубийств или даже затерянных почтой писем, я имею дело с чем-то весьма определенным. Ничего подобного нет, когда вопрос идет о том, чтобы определить относительное число народов, у которых родство считается по матери или по отцу. Ведь у нас нет никаких доказательств того, что так называемая патриархальная семья не явилась удачным нововведением в одном или нескольких центрах и не распространилась оттуда в разных направлениях, «как чернильное или масляное пятно», по образному выражению, так часто встречающемуся в трудах Тарда...

Какое же заключение следует сделать из всех критических замечаний, направленных в мой адрес, сторонников статистического метода в этнографии? Оно, на мой взгляд, сводится к тому, что, так как разные стороны быта народного тесно связаны между собой, то объяснения изучаемого явления надо искать во всей совокупности условий народной жизни. Пусть данное

явление повторяется очень часто; эти повторения еще не доказывают его всеобщности, по крайней мере до тех пор, пока несогласные с ним факты не найдут объяснения в причинах исключительного характера.

Какой-нибудь обычай или верование может редко встречаться в наши дни, а в старину он мог быть общим правилом: часто сама редкость только свидетельствует в пользу древности.

Сопоставьте редкий обычай или редкое суеверие с теми пережитками, которые мы находим в религиях и юридических системах древности и средних веков, и вы сумеете уловить их действительно архаический характер.

Если надо искать объяснение того или другого верования или обычая во всей совокупности условий народной жизни, из этого вовсе не следует, что можно обойтись без помощи сравнительного метода, ибо то, что у одного народа сохраняется только в виде пережитка, т.е. анахронизма, у другого связано со всей совокупностью условий его жизни. Таким образом может быть выяснена сама причина изучаемого нами явления, причина, которая может ускользнуть от внимания исследователя, ограничивающего поле своих наблюдений только одним народом. Сравнительный метод, следовательно, также необходим в этнографии, как и при изучении языка, религии и права.

Я сказал, что этнограф должен обращаться ко всей совокупности условий жизни данного народа, как настоящих, так и прошедших, чтобы найти объяснение изучаемых им явлений. Но нет ли способа из этих самых условий выделять такие, которыми определялись бы все прочие?

Современные социологи имеют заметную склонность к своего рода монизму: они стремятся свести разнообразные факторы эволюции народов к одному основному. Этот фактор они видят то в очертаниях почвы и географическом положении изучаемой страны, то в ее климате, то в расе или расах населяющих ее народов. За последние же двадцать лет все эти односторонние толкования уступили место двум новым, столь же исключительным и к тому же радикально противоположным теориям.

Одни сводят поступательное движение обществ к причинам экономического порядка, к изменениям в способах производства богатств или их обращения, другие – к духовному состоянию изучаемых народов, к тому, что в Германии зовется народной, а во Франции коллективной психологией. Этнографы впали в такую же одностороннюю крайность. Ряд исследователей, обладающих большой оригинальностью и основательной эрудицией, как Гроссе и Гильдебрандт, думают открыть прямую зависимость между той или другой формой производства, с одной стороны, и той или другой организацией семьи и родственных отношений – с другой. Утверждают, например, и на мой взгляд совершенно ошибочно, что общественная организация охотничьих или рыболовных племен должна обязательно сводиться к моногамной семье, с отцом и матерью во главе. У пастушеских же народов, все по той же теории, преобладает скорее полигамия; разбросанные на огромном пространстве, необходимом для пастьбы их скота, они принуждены волей-неволей селиться небольшими группами. В этих группах наблюдается сильное преобладание мужчин и подчиненное положение женщины, как существа, за которое при браке дается выкуп. Отсюда происхождение родства по отцу и ограничение у охотников и рыболовов прав матери и тех, кто близок к ней по крови, в частности ее старшего брата.

С первыми успехами земледелия произошел, по этой теории, переход к материнской семье, а затем последовало снова возвращение к патриархату, как только более интенсивная земледельческая культура позволила соединиться нескольким семьям на сравнительно ограниченном пространстве.

Те, кто, как Гроссе, вполне убеждены в совершенном соответствии между формой производства и всеми другими проявлениями общественной жизни народа, находят связь даже между обожанием растений и животных и характером жизни первобытных охотников и пастухов. Культ предков начинается, по их мнению, только с того момента, когда с переходом к земледелию кочевые племена превращаются в оседлые и когда у них является возможность поддерживать могилы родителей.

Все согласовано, или, по крайней мере, кажется согласованным, в этой теории. К тому же на ее стороне то преимущество, что она согласна с учением Маркса, великого апостола не только социализма, но отчасти и новейшей социологии. Самые пылки, если не самые вдумчивые, адепты этого великого мыслителя готовы объяснить экономическими причинами даже развитие музыки, пластических искусств и литературы. Некоторые сомнения, высказанные мной по этому поводу,

вызвали недавно чрезвычайно, впрочем, любезное возражение со стороны молодого австрийского социолога Келлес-Крауса. В своей статье, напечатанной в «Анналах социологического института», Краус делает невероятные усилия, чтобы связать разные преобразования в музыкальном искусстве с переменами в способах производства. Стремление если не отрицать совсем, то во всяком случае умалить до крайности значение великого психологического фактора изобретения даже в области науки и искусства продолжает господствовать и в настоящее время, несмотря на энергические и часто повторяемые протесты Тарда.

С другой стороны, совершенно забывают, по-видимому, что самые изменения в формах производства являются следствием основной причины – поступательного движения народонаселения, его все увеличивающейся плотности, как это очень кстати напомнил Конт. А между тем эта истина была признана еще Огюстом Контом и даже веками раньше его этими самыми меркантилистами, которые впервые формулировали великий вопрос народонаселения и в лице Бошери предугадали гипотезу Мальтуса.

До какой степени велико заблуждение тех, кто намеренно упускает из виду тесное соотношение между экономической организацией народа и его верованиями и желаниями, можно судить по одному тому, что сама собственность отчасти возникла в зависимости от этих верований и желаний, именно – из религиозного представления, что дух усопшего охотно посещает место, где покоится его прах...

Но не одни только могилы, или прах предков, играют роль посредствующего звена между отдельным семейным очагом или группой подобных же очагов и тем или другим участком. Таким же звеном могут служить разные предметы, тесно связанные с личностью претендента на собственность. Туземец Новой Зеландии, например, объявляет себя собственником того или иного участка и только на том основании, что там зарыта его пуповина.

С другой стороны, достаточно совершить известное магическое действие, чтобы охранить данное место от посторонних посягательств и сделать его своею собственностью. Так, некоторые племена южной Африки, воткнувши в землю кол, обертывают его верхушку банановым листом. Этим действием, сопровождаемым проклятием тому, кто вздумает не обратить на него внимания, они устанавливают связь между землей и ее владельцем. Отрицайте после этого влияние верований на организацию производства!..

Но все это так очевидно, что доказывать долго не приходится. Спросим лучше себя, не обуславливает хотя бы отчасти та же самая плотность населения изменений иного рода, не вызывает ли она, например, привычки к сбережениям, не порождает ли она косвенно и антагонизма между богатством и бедностью? А этот антагонизм, в свою очередь, ведет за собой антагонизм другого рода – антагонизм между правящим классом и классом подвластным, между вождями, дворянством и простым народом. Нельзя сказать, чтобы эти явления были чисто экономического или, вернее, биоэкономического характера. Знания можно также накапливать, как и хлеб. Маг и судья, богатые знанием обрядов и заклинаний, такие же продукты этой своеобразной формы накопления, как человек, богатый коровами и потому благородный (так было у ирландских кельтов) или же как добровольно выбранный и почитаемый вождь являются продуктами простого накопления материальных богатств. Дайте себе, с другой стороны, отчет в том, насколько разные факторы общественной эволюции взаимно скрещиваются и действуют совместно, насколько было бы ошибочно поэтому стремиться свести их к какому-нибудь одному...

Итак, каков бы ни был характер учреждения, происхождение которого мы изучаем, идет ли дело о собственности, о кастах и о сословиях, о власти главы племени или народных вождей, мы постоянно наталкиваемся то на преобладающую, то на второстепенную роль психологического фактора. Таким образом... будущность сравнительной этнографии и услуги, которых социология вправе ждать от нее, зависят, на мой взгляд, от того, откажется ли она или нет от несчастного стремления сводить все подлежащие ее решению задачи к уравниванию с одним неизвестным, которым является форма производства...

П.А. Кропоткин

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

...Почему, в конце концов, человеческие общества являются такими устойчивыми? Почему их существованию присущи внутренние смуты? Почему постоянно продолжающиеся катаклизмы ведут к хаосу?

Ответ на вопрос о том, каким образом человек приспосабливался к изменяющимся условиям, трактуется различно в разные эпохи. В прошлом он был лаконичен: Создатель заботится о сохранении своего творения. В дальнейшем можно отыскать и нечто получше; новый якобинский век заменил идею закона идеей божественной власти. Вместо того чтобы видеть в «естественном законе» всего лишь угаданное нами простое отношение, лишенное степени условности (это означает, что если определенное событие случится, то и следующее обязательно произойдет в будущем), мы, сталкиваясь с необходимостью уважать закон, рассматриваем связь между явлениями как нечто высшее, сверхъестественное, по отношению к праву. В нашем столетии не только естественные науки, но и все связанные с изучением человека были подчинены именно этой идее. Она поработила не только университетские исследования, но и язык политика, реформатора, революционера.

Идея закона, дисциплины, порядка как на уровне явлений, так и существования индивидуумов, пронизала нашу лексику и доминирует как на революционных митингах, так и в аудиториях буржуазного университета. Вся наша философия унаследовала нечто от якобинства 1793 г. Но новое направление в развитии наук уже ощущается и скоро станет преобладать на концептуальном уровне. Если и существует несомненная гармония в природе (в некоторых пределах), если значительные катаклизмы, в определенной степени, влияют на порядок великих событий в природе, если все живое более или менее адаптируется к условиям существования, это означает, что все они продукты этих самых условий. Очевидно, что основа этих процессов не носит деструктивного характера.

Свободная игра конструктивных и деструктивных сил сама по себе создает некое состояние длительного равновесия между ними. И если при этом и возникает гармония, то она не более чем всегда различный, обновленный результат игры. Ламарк и Фурье сами протянули руку человечеству. Идеи Ламарка нашли применение в исследовании общества, Фурье – в изучении явлений природы.

Существование гармонии, порядка обусловлено не причинами божественного характера, не законами, навязанными одной из активных сил. Достичь свободного равновесия между всеми силами, действующими в одной точке, возможно лишь при одном условии.

Как определить, что именно препятствует волеизъявлению личности? Даже в условиях относительного покоя может сработать эффект накопления энергии, который приведет к преобразованию, катаклизму, революции. С другой стороны, состояние гармонии отнюдь не длится вечно. Гармония не может существовать без постоянно изменяющегося бытия. Поскольку в природе и в человеческих отношениях бытие отсутствует, то сама жизнь – источник развития...

Приложение 2. Программа углубленного изучения истории социологии

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Предмет социологии. Место социологии в системе общественных наук. Особенности познания социальных явлений.

Уровни социологического знания: фундаментальные социологические теории, специальные (частные) теории, конкретные (эмпирические) социологические исследования. Научное и обыденное социологическое знание. Мировоззренческая, познавательная, прогностическая, идеологическая и прагматическая функции социологии. Понятия общественного идеала, социального проектирования, социального факта, социального поведения, социальной общности, социальной целостности и др.

Модели социального познания. Основные направления развития социологической мысли.

ПРОТОСОЦИОЛОГИЯ

Возникновение и развитие представлений об устройстве общественной жизни. Взгляды на общество, государство, сущность социальных процессов и социальную структуру в учениях античного периода (Платон, Аристотель). Античная культура и социология.

Воззрения на характер общественного устройства гуманистов эпохи Возрождения.

Общественные взгляды теоретиков первых социалистических утопий (Т. Мор, Т. Кампанелла, Д. Уинстенли и др.). Становление исторического, теоретического и прагматического методов социального познания.

Борьба представителей эпохи Просвещения за торжество «царства разума» и «естественного порядка» в устройстве общественной жизни: Дж. Локк (Англия), Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье, П.А. Гольбах, К.А. Гельвеций, Д. Дидро (Франция), Г.Э. Лессинг, И.Г. Гердер, Ф. Шиллер, И.В. Гете (Германия), Т. Джефферсон, Б. Франклин (США), Н.И. Новиков, А.Н. Радищев (Россия).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XIX-XX вв.

Социально-политические, экономические, теоретические предпосылки возникновения социологии как науки. Сен-Симон о значении индустриализации для развития общества. Конт – основоположник научной социологии. Понятие о предмете и методе социологии. Эволюционный принцип в социологии. Конт о классификации наук. Закон трех стадий. Социальная статика и социальная динамика. Социальный прогресс и социальная гармония в учении Конта. Политическая концепция Конта.

Сущность концепции эволюции Г. Спенсера. Биологизаторский подход к анализу общественных явлений. Основные понятия социологической теории Г. Спенсера. Социальная интеграция и социальная дифференциация как выражение внутренней динамики и разнообразия форм жизнедеятельности общества.

Натуралистические социологические школы «одного фактора»: механическая, географическая, расово-антропологическая, биоорганическая, социал-дарвинистская, психологическая.

Социология Э. Дюркгейма. Критика биологического и психологического редукционизма в социологии. Сущность «социологизма» Э. Дюркгейма. Концепция социальной солидарности.

Материалистическое понимание истории К. Маркса. Определяющая роль способа материального производства в развитии общества. Революционный принцип в социологии. Проблема социального конфликта и классовой борьбы в марксистской социологии.

М. Вебер – основоположник понимающей социологии и теории социального действия. Концепция «идеального типа». Социологический анализ типологии власти.

Роль системы ценностей в развитии общества. «Протестантская этика и дух капитализма». Социология религии в трудах М. Вебера.

Теория типов государства. Легитимный, традиционный и харизматический типы власти. Классическая теория бюрократии по Веберу.

Социологическая теория В. Парето. Понимание общества как системы взаимодействия индивидов. Теория элиты. Логическое и нелогическое действие в концепции В. Парето. Естественные науки как образец построения социологии. Иррациональность человеческого поведения и его последующая рационализация. Теория круговорота элит. «Львы» и «лисы». Открытые и закрытые элиты.

ФРАНКФУРТСКАЯ ШКОЛА

М. Хоркхаймер и Т. Адорно – основатели франкфуртской социологической школы. Западноевропейский период развития школы. Авторитет и проблематика авторитарной личности. Развитие франкфуртской школы в США. Реализация социально-критической функции социологии (концепция одномерного человека Г. Маркузе, теория отчуждения и «бегства от свободы» Э. Фромма).

Современная ветвь школы в Германии. Проблематика коммуникации в трудах Ю. Хабермаса.

РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Особенности социально-экономического и политического развития США. Характер и влияние западноевропейской социологической мысли на американскую социологию конца XIX – начала

XX в.: органическая школа и социальный дарвинизм (У. Самнер), психологическая школа (Ф. Гидденс). Общетеоретическое и эмпирическое направления социологии США и процесс их становления (У. Томас, Ф. Знанецкий).

Чикагская социологическая школа. Первая американская социологическая школа в Чикагском университете. А. Смолл, У. Томас, Р. Парк – первое поколение Чикагской школы. Межэтнические отношения и расовые проблемы. Девиантное и маргинальное поведение.

«Введение в науку социологии» Р. Парка и Э. Берджесса. Анализ процессов урбанизации, семейной жизни, дезорганизации. У. Огберн и инструментальная функция социологии. Развитие статистических методов. Государственные заказы на социологические исследования.

Г. Блумер и послевоенный этап развития Чикагской школы. Современное состояние школы (М. Яновиц, Дж. Саттлз, У. Кориблум, А. Хантер).

Институализация «академической социологии» США (американское социологическое общество, Гарвардский и Колумбийский университеты).

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Исторические корни, социально-экономические и политические условия возникновения и развития социологических воззрений в России в XIX в. Влияние западноевропейской и русской национально-культурной традиций на формирование общественной мысли.

Славянофилы, западники, революционные демократы – представители «особого», реформистского и революционного путей развития страны (А. Хомяков, П. Киреевский; Т. Грановский, К. Кавелин; В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский и др.).

Основные направления русской социологической мысли: натуралистическое (Л. Мечников); психологическое (Н. Кареев, Е. де Роберти); позитивистское (Н. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, И. Кропоткин); марксистское (Г. Плеханов, В. Ленин); христианско-гуманистическое (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков).

Социологическая (субъективно-позитивистская) школа П. Лаврова и Н. Михайловского. «Формула прогресса» по Н. Михайловскому. Теория неоплатного долга в субъективной социологии. Идея природной солидарности и отрицания государства в анархизме.

Проблема метода в русской социологии. Полемика В. Ленина и Н. Михайловского о роли субъективного и объективного факторов в истории.

Роль Г. Плеханова и В. Ленина в распространении социологии марксизма в России. Общее и различное в их понимании общественного идеала, конечных целей и путей их достижения в условиях России.

Христианский гуманизм в России, его особенности и основные черты. Идея всеединства, соборности и Софии, учение о нравственном смысле личности В. Соловьева и его последователей. Н. Бердяев о русской душе, русской идее и об истоках русского коммунизма. Роль русской интеллигенции в возрождении России в трудах социологов религиозного направления (С. Булгаков, И. Ильин, Л. Карсавин и др.).

Основные характеристики социологической концепции М. Ковалевского. Понимание им предмета и метода социологии. Взгляды М. Ковалевского на политическое устройство общества.

Состояние социологической мысли в России в 20–30-е гг.

Проблема социокультурной динамики в социологии П. Сорокина. Социальная философия А. Богданова.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Развитие мировой социологии после второй мировой войны. Завершение процесса институализации социологической науки. Концепция теории среднего уровня и формирование отраслевых социологических дисциплин. Географическая экспансия социологии и деятельность Международной социологической ассоциации.

Основные направления американской социологии в послевоенный период. Структурно-функциональное направление (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Смелзер и др.). Т. Парсонс и его теория социального действия. Понятия структуры, функции, адаптации, целеполагания, интеграции,

ценностного образца, социального равновесия в концепциях структурно-функционального направления.

Социологическая концепция социального конфликта и «контролируемой эволюции» (Л. Козер, Д. Белл, К. Боулдинг). Гуманистическое направление американской социологии. Понятие отчуждения, повседневной реальности, социального взаимодействия.

Эмпирическая социология. Прагматическая направленность американской прикладной социологии. Социальная инженерия и диагностическая социология как основные исследовательские методы американской прикладной социологии. Индустриальная социология. Теоретико-методологическая основа индустриальной социологии (тейлоризм, доктрина «человеческих отношений» Д. Тейлора). Специфика исследований в американской индустриальной социологии. Понятие менеджмента. Социология и социальная психология. Понятие социометрии. Метод Я. Морено.

Диалектическая социология. Основные течения европейской диалектической социологии. Вклад Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно). Диалектический гиперэмпиризм Г.Д. (Жоржа) Гурвича. Стремление поставить социальный анализ на фундамент бесконечно разнообразного опыта. Генетический структурализм Л. Гольдемана.

Американская ветвь диалектической социологии (Р. Аксельбаум, Д. Уолл).

Символический интеракционизм. Поиск единиц социального действия и социального смысла. Европейские (Э. Дюркгейм) и российские (П. Сорокин) предшественники интеракционизма.

Чикагская (Г. Блумер, А. Стросс, Т. Шибутани) и Айовская (М. Кун, Т. Партленд) школы символического интеракционизма.

Теория и метод социодрамы (Дж. Морено, К. Берк, И. Гофман, Х. Данкен). Социоинженерное использование социо- и психодрамы.

Структурно-функциональный анализ. Зарождение метода структурно-функционального анализа в социологии (Г. Спенсер, Б. Малиновский, А.Р. Радклифф-Браун). Т. Парсонс как основатель институциональной школы структурного функционализма. Четыре основных функции социальных систем.

Школа французского структурализма (И. Леви-Строс, Ж. Лакан, М.П. Фуко, Ж. Деррида) и современное развитие структурно-функционального метода.

Социологический радикализм. Содержание и периодизация социологического радикализма в западной социологии. Радикализм Франкфуртской школы.

«Новые левые», «социологическое воображение» Ч. Райт Миллса. Акционализм А. Турена. Альтернативная социология А. Гоулднера.

Левое крыло структурного функционализма (И. Смелзер) и другие разновидности социологического радикализма.

Психоаналитическое направление в социологии. Психоанализ З. Фрейда как метод познания и как инструмент воздействия. Классификация психоаналитических концепций в социологии.

Взаимоотношения личности и среды в трудах К. Хорни, Г. Салливана, Э. Фромма. Фрейдомарксизм В. Райха и Г. Маркузе. Постфрейдизм и фундаментальные законы развития культуры (М. Мид). Д. Рисмен и типология социальных характеров.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Исторические, социально-экономические и политические условия модернизации традиционных и формирования новых подходов в развитии мировой социологической мысли.

Основные факторы, определяющие характер, направления и динамику общественных процессов XX в.: индустриализация, научно-технический прогресс, обострение социальных и национальных конфликтов, экология, социокультурная динамика и др.

Формационный (одновариантный) и цивилизационный (поливариантный) подходы к оценке качественного состояния общественной системы. Пути преодоления пережитков социологического натурализма. Роль политики, экономики, идеологии, культуры, геополитического пространства, национальных традиций и менталитета, науки, человеческого фактора на формирование конкретных программ и моделей современного общественного устройства. Теория конвергенции традиционных форм развития и проблема «третьего пути».

ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТИ И МОДЕЛИ

Теории социальной общности: социальной мобильности (П. Сорокин); классовой дифференциации (В. И. Ленин, К. Каутский, Л. Д. Троцкий); среднего класса (Р. Дарендорф, Ф. Кронер, Д. Гэлбрейт); элиты (Дж. Бернхэм, Р. Уильямс, Г. Джильберт, А. Тойнби).

Технократические концепции: стадии экономического роста (У. Ростоу); единого индустриального общества (Р. Арон); нового индустриального общества (Д. Гэлбрейт); постиндустриального общества (Д. Бэлл, Г. Кан, З. Бжезинский и др.); информационного общества (А. Тоффлер).

Политические модели: тоталитарная (СССР, Восточная Европа, Китай, Куба); социал-демократическая (Швеция, Австрия, Германия); неоконсервативная (США, Англия, Германия); посттоталитарная (новая Россия и страны СНГ).

Будущее мировой цивилизации. Футурология конца XX–XXI в. Глобальные проблемы современности и социального прогресса.

ТЕМА 2 ПРАВИЛА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Наука социология в соответствии с обширностью и неисчерпаемостью своего предмета стала развиваться сразу во многих направлениях, которые быстро переросли в новое качество и частью превратились в самостоятельные дисциплины, частью – в довольно замкнутые школы со своими методологическими установками (принципами социального познания), а некоторые из них узурпировали целые сегменты научного поля, разрабатывая специальные и отраслевые социологические теории (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Современная социология

Самостоятельные социологические дисциплины	Социологические научные школы	Специальные и отраслевые теории
По мере своего становления вырабатывают собственные представления и о предмете, и о методе социальной науки	Формируют собственные представления о «правильных» или наиболее действенных методах социального познания	Обосновывают особые представления о предмете исследований: «стыковые» (для отраслевых социологий) и «узкие» (для специальных теорий)

Представители этих разных направлений социологических исследований придерживаются весьма отличающихся друг от друга представлений о «правилах», или научных нормах, познания общественной реальности. Этому, конечно, есть весомые причины, о которых и пойдет речь.

Классика, модерн и постмодерн в науке

В процессе развития социологии сформировались три методологические традиции, или *парадигмы*, т.е. системы коренных принципов, которые сходным образом реализуются в «правилах» научного мышления отдельных школ и направлений (табл. 2). Несмотря на то что их возникновение тесно связано с кризисами естественнонаучного познания и поступательной разработкой новых подходов к исследованию, каждая из них не «вымирала» окончательно, а продолжает сосуществовать со своими более молодыми «соперницами».

Можно сказать, что социология в своем становлении прошла три основные эпохи развития профессионального (рефлексивного, или самообращенного, критичного) мышления, на протяжении которых ученые меняли свои представления о том, «что есть наука». В результате

сложились весьма отличающиеся друг от друга *социологические культуры*, или стилистики профессионального мышления ученых-обществоведов.

Т а б л и ц а 2. Характеристика парадигм

Парадигма	Классика	Модерн	Постмодерн
Основной элемент	Объект познания	Метод познания	Субъект познания
Основной вопрос	Что? (познается)	Как? (познается)	Кто? (познает)
Основная проблема	Объяснение	Понимание	Описание
Основная ценность	Объективность	Рациональность	Креативность
Основное ограничение	Догматизм	Технократизм	Субъективизм

Новелла о методологической «классике». Вся *классическая наука* рассматривала свой объект, т.е. сегмент реальности, который подвергала изучению, как нечто данное извне и потому независимое, отделенное в своем существовании от исследователя (познающего субъекта). В соответствии с этими представлениями и такой объект, как общество, т.е. некая особая системная целостность, представляет собой объективно существующую реальность, которую можно анализировать и измерять происходящие в ней изменения, сравнивать, экстраполировать, осуществлять «научное предвидение», делать прогноз.

Чтобы выводы ученого были точны, важно использовать соответствующий инструментарий и выдерживать правила замеров раз за разом, что позволяет выявлять «истинное» положение вещей и иметь возможность сравнивать полученные результаты. Вообще-то это очень неплохая тактика, которая до сих пор приносит неоспоримые результаты в социологии малых групп и социологии общественного мнения. Недаром классических принципов познания придерживались такие великие исследователи, как О. Конт, Э. Дюркгейм и в значительной степени К. Маркс.

Классическая парадигма социологического исследования, построенная на идеях независимости объекта и субъекта, приоритетной значимости выявления «природы» объекта (его описывают, регистрируют, анализируют посредством стандартных процедур), широком использовании инструментальных подходов, ценности эксперимента как способа проверки «истинности» достигнутых результатов, и сегодня имеет широкое распространение среди социологов-прикладников и теоретиков неомарксистской школы, которые отличаются от прочих только тем, что в соответствии со своими научными принципами стремятся проверить «на зуб» (на практике) правильность своих «мыслеформ» (исследовательских выводов и логических построений).

Несмотря на традиционные для «классической» стилистики научного мышления самоуверенность и агрессивность, социологи, «отбирающие у общества его тайны», на самом деле следуют за своим необычным объектом, он – ведущий элемент в процессе познания, уникальные «тайны» которого играют центральную роль. А вот субъект (ученый) в рамках этой научной парадигмы последовательно объективируется, становится в один ряд со стандартными процедурами и обычными инструментами, поскольку в классическом отношении субъекта и объекта он величина заменяемая – ведь от перемены «субъектов» только улучшается верификация (независимое подтверждение полученных результатов, разными исследователями, экспериментаторами).

Классический стиль познания в социологии, как и в любой другой науке, до сих пор считается предпочтительным в силу массовости своих представителей (он самый «древний» и авторитетный), их ожиданий и строгости сциентистских принципов (правил), позволяющих отличить «истинную» науку от «ненауки», а подлинно значимый результат – от приблизительных «гипотез» и «интерпретаций».

Однако строгость и кажущаяся неуязвимость теоретических построений классической науки обратной стороной имеют безапелляционность суждений и догматизацию положений, не раз проверенных «на прочность» в теоретических спорах и на практике. Для того чтобы обрести спокойствие «социального завсегдатая» и уверенность «понимания» происходящего, этого вполне достаточно. Но для того чтобы соответствовать живой динамике такого сложного объекта исследования, как современное общество, стереотипов, даже научных, может и не хватить.

(Попутно отметим, что в конце II тысячелетия, когда человеческий мир изменился весьма заметным образом, наши представления о природе человека и основах социального устройства недалеко ушли от взглядов, сложившихся в античности, что само по себе свидетельствует о

консерватизме научных верований, которые именно из-за их рационализма очень трудно поколебать.)

Новелла о научном «модернизме». Не одновременно с физиками, но очень скоро после них социология пережила синдром «немытой пробирки», т.е. шок осознания того, что результат научного исследования зависит от инструментария и методов изучения объекта, а также теоретических подходов субъекта познания, исследователя. Наступил так называемый *постклассической* этап развития общественной науки.

Становление новой парадигмы социологического мышления не было калькой с аналогичных процессов в естественных науках, поскольку специфика объекта (многочисленных, разнообразных людских сообществ) также накладывала неизгладимый отпечаток психической и культурной включенности исследователя в ткань познаваемой реальности. Ученые, искренне стремящиеся к «объективности», априори были субъективно вовлечены, эмоционально и ментально интегрированы в ту социальную среду, которую пытались непредвзято анализировать. Сам объект содержал субъективность множества живущих в обществе людей как свое естественное начало.

Социологи эпохи модернизма поняли и рационально обосновали, что на научный результат исследования влияют не только природа объекта, используемые методы и теории, но и сам познающий субъект со своей культурой, знаниями и предрассудками.

Вместе с этим революционным гносеологическим (теоретико-познавательным) выводом перед учеными встала проблема понимания смыслов, которые вкладывались в производимые действия социальным субъектом (актором, действующим лицом общественного процесса). В ином культурном контексте таким «смыслам» могли быть приданы совсем другие значения, т.е. исследователь мог понимать их совершенно превратно.

Кризис классической модели социального познания, приведший к возникновению социологического «модерна», был множественным, поскольку взорвал сложившиеся незыблемые представления об: 1) объективности позиции исследователя, 2) объективности научного инструментария, 3) объективности объекта исследования.

Соединение этих трех элементов ранее создавало картину достоверности анализа, приносящего «истинный» результат. Поскольку каждая из этих позиций (в структуре отношения субъект – познавательная деятельность – объект) была поставлена под сомнение и даже напрямую рассматривалась как «онаученная иллюзия», социологи вынуждены были признать, что объективное познание – невозможно и нет научной социологии.

Тем не менее представители постклассической науки (одной из мощнейших фигур которой является социолог М. Вебер) с поистине «прометеевской» самоотверженностью пытались разрешить познавательную драму «очищения от субъективности». Они твердо стояли на позиции познания природы объекта и необходимости дать его технократическую, инженерную трактовку.

В связи с этим основной гносеологической проблемой постклассической социологии стало достижение «*рациональности*» познания. Каким же образом? Внешне простым: расчищением 1) объекта, 2) инструментария и методов, а также 3) позиции исследователя от «наносной» и крайне мешающей ученым «субъективности».

Рационализируя объект, Карл Маркс концептуализировал представления о поступательном стадийном развитии общества (в теории общественно-экономических формаций) и предельно обобщенной в своих социальных оппозициях (классовой) структуре общества. Его «внучатый современник» Макс Вебер, решая сходную задачу, создал теорию «идеальных типов», т.е. научных представлений о социологических моделях – о том, как строились и развивались бы социальные объекты без влияния «посторонних» для них помех, воздействий и «бифуркаций» (случайных отклонений).

Рационализируя технологии познания, социологи эпохи «модерна» стали крайне внимательно, почти невротически, относиться к методологии, методике и технике исследования. В отношении субъект ↔ познавательная деятельность ↔ объект, которое они трактовали гораздо сложнее, чем «классицисты», ведущую роль начал играть центральный элемент, или проблема того, *как* можно изучать общественную реальность. На смену социологическому позитивизму, структурному функционализму, психологизму и экономдетерминизму пришли социальная феноменология, теория рационального действия, символический интеракционизм, когнитивизм, историко-эмпирическая и гендерная социология.

Новелла о социологическом «постмодерне». Экспериментируя в сфере познавательных

возможностей, социологи сделали множество интересных и важных открытий, одно из которых было особенно окрыляющего свойства. Оказалось, что последовательная реализация идей постклассической науки и движение от элементарного к значительно более сложному и одновременно рациональному потребовало повышения качества познания, следовательно, профессионализма самих исследователей, изощренных в технологии и методологии, а главное – в знании контекстов.

Проблема «понимания» в социологии, которую методологически заостренно сформулировал на предыдущем этапе развития обществознания М. Вебер, была преобразована в задачу «придания (на основе понимания) точных значений» разнообразным социальным актам в структуре изучаемой общественной реальности. «Декодирование», расшифровка сигналов (знаков), свидетельствующих об изменении локальных и системных состояний общества, требовало широкого применения качественного анализа, целостного и глубокого теоретического восприятия наблюдаемых социальных явлений, их многоплановой концептуальной (связной научной) трактовки.

Осознание того, что одни и те же социальные действия и события, происходящие в разное время и в различных общественных обстоятельствах, имеют разный смысл, а разные человеческие сообщества придают им весьма отличающиеся друг от друга значения, переместило внимание исследователей от непосредственно объекта к его уникальным контекстам, которые придают социальным фактам особое звучание. Социология тем самым стала смотреть на свой объект шире и одновременно реалистичнее, не абстрагируясь от процессов, которые происходят вне определенных самими социологами предметных границ.

Интерес к социальной семантике (системе знаний о знаках и значениях), переместивший в центр познавательных амбиций постмодернистской социологии *проблему интерпретации*, позволил современным ученым весьма оригинально и в то же время радикально решить задачу достижения рациональности познания.

Но вопрос об универсальной рациональности в определении значения и выработке объяснения происходящего отпадает, поскольку один и тот же «знак» (социальное событие, явление, факт) приобретает разные значения в зависимости от перемены:

1) объективных обстоятельств (контекста, который в свою очередь может определяться и рассматриваться субъектом весьма избирательно) и

2) субъективных обстоятельств (ценностной шкалы наблюдателя, выносящего суждение).

Каждое большое и малое человеческое сообщество имеет собственный, неповторимый ценностный мир, который определяет его социальную культуру, внутренние нормы общежития. Каждая культура имеет свою «рациональность», и событие приобретает разные значения в рамках разных типов рациональности. Культуры и соответствующие им типы рациональности качественно несравнимы, к ним нелогично применять принципы внешнего (универсально-рационалистического) сравнения лучше – хуже, поскольку нечто можно оценить только в рамках ценностной шкалы, имманентной (внутренне присущей) данной культуре.

Следовательно, решили постмодернисты, не надо «расчищать» пространство социального познания и «рационализировать» (или объективировать) свою позицию, технологии познания и предмет науки (т.е. избирательные представления социологов об объекте). Надо пополнять знания об обществе множеством профессиональных авторских интерпретаций социальных явлений. Они признали, что *всякая рациональность, всякая наука есть игра*. Потому что не может быть ни универсального объяснения, ни универсальной теории в исследовании общества и социальных процессов.

Постмодернизм отрицает научность (в ее позитивистском и сциентистском понимании). Однако социологический «постмодерн» – это не хаос персональных изложений по принципу «что вижу – о том пою» или безудержного полета «свободных ассоциаций на тему...», хотя, как шаловливое дитя рефлексивности, он все же страдает этим. Просто в рамках новой парадигмы сложились новые критерии квалифицированного изучения социальной реальности в условиях, когда исследователь осознает, что не в силах преодолеть собственную субъективность.

Отрицая какие-либо принципы (научные стереотипы), постмодерн признает «стиль», соответствовать которому может только социальный исследователь, обладающий высоким уровнем профессионализма, поскольку постмодернистская социология преследует следующие цели:

- давать множество объяснений, и многообразных, объяснений состоянию и развитию «объекта»;
- синтезировать новые интерпретации и способы познания на основе раскрепощенного владения элементами всей предыдущей социологической культуры (классики и модерна);
- качественно (творчески содержательно и инструментально мастерски) соответствовать все усложняющейся системе связей, которую мы именуем «современное общество».

Становление новой парадигмы в социологии, которая внешне выглядит довольно легковесно: как уход от проблем строгой научной организации исследования и верификации (проверки) результата, отказ от следования традиции и превращение социологии в поле для интеллектуально-художественного самовыражения «забавляющихся» (играющих) своим социальным материалом интерпретаторов – на самом деле глубоко связано с логикой процессов развития современной науки и общества.

С одной стороны, современная социология постмодерна ответственно и профессионально решает проблему «границ и возможностей» социального познания, превращая «игру субъективностей» и допущение множества интерпретаций в самостоятельный эвристический механизм. Принципы свободы интерпретаций и множества разнообразных объяснений одного явления решают две принципиальные задачи:

1) обеспечения свободы творческого профессионального самовыражения, что позволяет пополнять коллективный банк социологических идей, и

2) использования нового способа «верификации», когда ядро «истины» начинает постепенно просвечивать сквозь множество интерпретаций, строгих количественных сведений, разнообразных оценок и контекстуальных изложений.

С другой стороны, перемещение познавательных акцентов на субъекта исследования отражает гуманистические тенденции в обществах современного типа, когда интерес к внутреннему миру человека и индивидуальным проявлениям духовности обогащает развитие всего общества.

Со всеми своими плюсами и минусами эти парадигмы продолжают развиваться: классическая методология – вопреки скепсису и моде, неклассическая – вопреки собственной сложности и теоретическому «разброду», постнеклассическая – вопреки непониманию и внутренней неопределенности. Существовая порознь, но создавая единое современное научное поле с его актуальной проблематикой и разнообразными методами, вместе они передают полифонию осмысленных впечатлений и системных представлений об обществе, в котором мы живем.

Представления о «предмете» и «методе»

Что такое социология как самостоятельная область человеческого знания можно понять, только определив ее предмет и метод, а они существенно менялись в последние полтора десятилетия.

Это было связано, во-первых, с изменением представлений социологов о своем объекте; во-вторых, с дроблением предметной области социологии на локальные участки, на которых «хозяйничают» представители определенных направлений или научных школ; в-третьих, с развитием новых парадигм познания и изменением общих методологических принципов социального исследования.

Объект, предмет и метод. Прежде чем рассматривать, как социология определяет свой предмет и методы, стоит определить, о чем вообще идет речь. Вопрос этот крайне непростой и в то же время весьма многозначительный, однако учебники на то и придуманы, чтобы упрощать освоение сложных проблем. Сформулируем в общих чертах готовый ответ.

Объект науки (научного исследования) – это избранный элемент реальности, который обладает очевидными (в прямом и переносном, мыслеобразном смысле) границами, относительной автономностью существования и как-то проявляет свою отделенность от окружающей его среды.

Объект, попросту говоря, является элементом реальности, которую исследователь регистрирует как некую «данность». При этом в учебных целях мы не будем усложнять вопрос намеками на то, что не всякая «реальность» проявляет себя достаточно контрастно и ярко и что среди исследователей тоже есть «дальтоники».

Предмет науки (или конкретного исследования) является логическим описанием объекта, избирательность которого определена предпочтениями исследователей в выборе точки

(мысленного) обзора, аспекта, «среза», отдельных проявлений наблюдаемого сегмента реальности.

Мастерство в определении предмета традиционно связывается с тем, насколько исследователь приблизился при его идеальном конструировании 1) к сфере наиболее актуальных динамических состояний объекта (возможность объяснить происхождение и развитие, генезис; либо проявляющиеся внешне противоречия явления) и 2) к области существенных связей и элементов, изменение которых оказывает влияние на всю систему организации объекта.

Метод определяется как способ, совокупность приемов, технологический принцип изучения непосредственно объекта или же его предметных областей (состояний и свойств). Профессионализм в выборе и применении метода заключается в его соответствии природе изучаемого объекта и последовательности реализации основных принципов (научных верований, методологических требований, стандартных процедур и стереотипов) исследования.

При этом можно было бы отметить, что в общественных экспериментах нередко используются не только идеологические, но и химические реактивы, оказывающие реальное влияние на социальное поведение людей, а в изучении группового взаимодействия применяются понятия «полей» и «масс» в энергетическом, гравитационном смысле, что толпы, прорывающиеся сквозь узкие двери (стадионов, троллейбусов и вокзалов), обладают механической турбулентностью, а перемещения гостей на фуршетных собраниях происходят по принципу «центрифуги». Но поскольку аналогии теоретически беспочвенны, оставим это замечание в качестве дискуссионной «заметки на полях».

Трансформации объекта. В любом случае состояние объекта существенно влияет на интерес исследователя (выбор предмета) и способы выяснения загадок, которые он изучает (выбор метода).

Социальная философия, из лона которой вышла социология, осмысливала актуальные проблемы и античного, и средневекового, и современного (капиталистического, рыночного, индустриального и т.п.) общества. Возникновение социологии связано со становлением именно современного (модерного), а не архаичного или традиционного типа общества. (Не путать с исторически современными обществами, которые соседствуют друг с другом независимо от социального типа, как постиндустриальная японская цивилизация и культуры диких племен Новой Гвинеи).

Политические и технологические революции в этом смысле ознаменовали становление новой социальной организации, системы общественных связей, принципиально отделяющих новые сообщества от других сообществ и собственных прежних состояний. Духовная светскость, политическая демократия, социальная мобильность, рыночный обмен, частная собственность, массовое товарное производство определяли социальное лицо «современности». Этот классический набор ныне широко известных понятий на самом деле не является инвариантом, что доказали в своем развитии многие национально-государственные сообщества, которые модернизировались по другой схеме. Однако в нем закреплён определенный принцип возникновения новой социальной «связности», когда общественная система усложняется путем создания более мягких механизмов мотивации социальной активности и управленческого саморегулирования.

Современное общество становится более витальным за счет перехода от жестких систем организации (где имеют приоритет подчинение и принуждение) к более гибким и опосредованным (согласие и вынуждение), в которых люди имеют возможность уклониться от насилия и «сознательно» поступать в соответствии с ожиданиями других людей. Это общество, которое в принципе построено на эксплуатации интересов (мотивов) людей, поэтому, поощряя индивидуализм, оно добивается объединительного успеха. Современное общество, идеологемами которого являются «свобода» и «равенство», поощряет социальную открытость и экспансию контактов вовне. В результате оно склонно ассимилировать другие сообщества и достаточно глубоко (на экономическом, политическом и отчасти культурном уровнях) интегрироваться с себе подобными.

В XX в. для многих исследователей стало очевидно, что эти процессы приводят к расширению границ «общества», когда постимпериалистическое и постколониальное устройство направило в новое русло энергию социальной интеграции, формируя единые мировые рынки, транснациональное производство, сближая жизненные и бытовые стандарты людей разных наций, осуществляя с помощью средств массовых коммуникаций более открытый информационный

обмен.

Общество стало терять свои национально-государственные очертания и превращаться в глобальную цивилизацию, мир как реальный новый объект. Процесс глобализации мира, его системной связности, который исследуют И. Валлерштайн, Э. Гидденс, П. Штомпка, З. Бжезинский (теория субпроцессов, теория «домино» и др.), требует изменения представлений социологов о своем предмете или о его границах.

С другой стороны, в этом новом (всемирном) социальном пространстве происходят и прямо противоположные процессы. Возрождаются и усиливают свое влияние на развитие современных «обществ» архаичные (казалось бы, рудиментарные), структуры: этнос, семья, товарищество. Эти тенденции оказались настолько сильны, что была выдвинута теория возрождения *примордиальных* (первичных) социальных структур, которые противостоят унифицирующей мир глобализации.

Такие известные социологи, как американец Н. Смелзер и россиянин В. Ядов, считают, что эти процессы свидетельствуют о возникновении новых закономерностей, механизмов и проблем общественного развития, вызванных глобальными изменениями, которые к тому же носят нетривиальный качественный характер (они не экономические, не политические, не социоструктурные и т.п., хотя и проявляются в подобных формах).

Современное общество переживает кризис идентификации (социального причисления), когда очень многие люди не могут соотнести себя и, естественно, не испытывают солидарности с такими социальными сообществами, как государство, нация, этнос, религиозная конфессия, класс, профессиональная группа, поколение и т.п., а некоторые даже не задумываются о своей принадлежности к определенному полу (что сильно шокирует социологов, поскольку является одной из «сильнейших», первичных идентификаций). В этом смысле привычный социальный мир рушится, разбивая общество на «подобщества», группы, субкультуры, которые не всегда тесно связаны с окружающей их социальной системой, а нередко находятся с ней в «параллельных мирах» или даже в отношениях открытой конфронтации.

Все это несколько сдерживает теоретический замах на расширение «объекта» социологии и даже ведет в сторону корректировки представлений о предмете, которые должны соответствовать и традиционной, и расширенной, и зауженной трактовке общества. Большинство социологов сегодня соглашается с тем, что предметом изучения должны являться социальные общности, которые в зависимости от характера организации могут трактоваться и как глобальное (мировое) сообщество, и как общество в его традиционном смысле (т.е. как национальное сообщество), и как микросообщество (социальная группа, секта, клан и т.д.).

Изменение предмета социологии. Поскольку каждый социолог – это своеобразный творческий мир или, как минимум, «лаборатория», каждый из крупных исследователей пишет «свою» социологию в том смысле, что своеобразно трактует и предмет, и правила социального познания (метод) науки. Поэтому просто и легко для учебного усвоения сформулировать определение предмета социологии – задача вовсе не простая.

Одни социологи рассматривают общество как структурированную систему, другие дают ему процессуальную трактовку, одни глобализируют его границы, другие – локализуют, одни изучают «факты», другие – «символы» и т.д. Такая разногласия в основной дефиниции науки и сумбурные (перечисляющие) ответы на вопрос: «Социология – это о чем?» – создает у неподготовленного читателя впечатление, что она либо «обо всем», либо, наоборот, «о том, о сем».

Однако снисходительные усмешки такое положение может вызывать только у людей, совершенно незнакомых с социологическими текстами и исследовательскими материалами. Сама ткань общественных связей настолько сложна, что редкий мыслитель, оставаясь в ответственной профессиональной позиции, может попасть «в яблочко» лаконичным и точным определением, вбирающим в себя все главное. Вот некоторые из наиболее авторитетных суждений:

«...Можно назвать *институтом* все верования, все поведения, установленные группой. Социологию тогда можно определить как науку об институтах, их генезисе и функционировании»* (Э. Дюркгейм).

*Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20.

быть определена как наука социальных элементов и первых принципов»* (Ф.Г. Гиддингс).

**Гиддингс Ф.Г. Основания социологии. М., 1898. С. 36.*

Предмет социологии «заключает в себе множество движений... отношение индивидуума к обществу, причины и формы образования групп, противоположности классов и переходы от одного к другому, развитие отношений между господствующими и подчиненными и бесконечное число других вопросов»* (Г. Зиммель).

**Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909. С. 11.*

А вот как определяли предмет науки русские исследователи, создавшие школу «субъективной социологии»:

«Социология есть наука, исследующая формы правления, усиления и ослабления солидарности между сознательными органическими особями»*(П. Л. Лавров).

** Лавров П.А. Философия и социология // Избр. произв. В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 639.*

«Сама социология справедливо и очень точно определяется как наука о культуре или, вернее, о факторах культуры в широком смысле слова»* (Е.В. Де-Роберти).

** Де-Роберти Е.В. Социология и психология // Новые идеи в социологии. Сб. № 2. СПб., 1914. С. 8.*

«Социология должна быть учением об обществе, подобно тому, как существует общее учение о жизни»* (Н.И. Кареев).

** Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 3.*

Социология – «наука о порядке и прогрессе человеческих обществ»* (М.И. Ковалевский).

** Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910. С. 30.*

Современные учебно-научные определения предмета социологии звучат несколько иначе:

«Социология представляет собой науку, которая изучает жизнь и деятельность людей, живущих в обществе себе подобных, и результаты такой совместной деятельности»* или

** Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М., 1994. С. 8*

«Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, – с другой»* (П.А. Сорокин).

** Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 57.*

«Социология – это наука о становлении, развитии и функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта – общностей; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения»* (В.А. Ядов).

** Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 19–20.*

«Социология, попросту говоря, это один из способов изучения людей... Если кратко, социологию можно определить как научное изучение общества и социальных отношений» *(Н. Смелзер).

** Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М., 1994. С. 14.*

«Социология – наука о социальной жизни человека, групп и обществ» *(Э. Гидденс).

** Гидденс Э. Социология: Учебник 90-х годов (Реферированное издание). Челябинск, 1991. С. 18.*

Мы же предлагаем другое рабочее определение:

Социология – это познание ассоциированных (совместных) форм человеческой жизнедеятельности, или социальных организаций.

Понятие организации охватывает характеристики структуры, связей, функционирования и

воспроизводства отношений, деятельности, коллективного поведения и общения, т.е. системы, которая именуется «общность», в ее статических и динамических состояниях. А любая «ассоциированная», или объединенная (групповая), деятельность: обучение, руководство, труд, секс – несет в себе социальные, точнее, социокультурные, качества. При этом социология определяется не как «наука», а рассматривается более широко – как процесс познания, т.е. пополнения сведений о человеческом сосуществовании.

Развитие метода (см. табл. 3, 4). Субъективность самого объекта (ассоциации взаимодействующих людей) и предмета, т.е. тех вопросов, которые исследователи задают социальной Природе, приводят к тому, что социология, всегда стремящаяся использовать точные (количественные) и адекватные (качественные) методы для получения знания о социальной реальности, на самом деле всегда в конечном счете имеет дело с человеческими мнениями и оценками, даже когда применяет такие формальные классификаторы, как возраст, доходы, семейное положение и профессия, не говоря о характеристиках предпочтений, установок и статусов.

Таблица 3. Классификация методов и техники эмпирического социологического исследования¹

Сбор первичной информации		Анализ первичной информации
Регистрация единичных событий	Система сбора данных	
Методы (способы сбора и анализа информации о социальных фактах)		
Наблюдение Изучение документов Опросы	Обследования: монографические, сплошные, выборочные	Описание и классификация Типологизация Методы качественного анализа: смысловая интерпретация данных Статистический анализ (поиск статистической закономерности) Экспериментальный анализ (реальный и мысленный эксперименты) Системный анализ Генетический или исторический анализ Социальное моделирование
Техника (совокупность специальных приемов для эффективного использования соответствующих методов)		
Приемы контроля надежности первичной информации на: обоснованность, устойчивость, точность Измерение количественных характеристик явлений (квантификация и шкалирование) Техника разработки социологических качественно-количественных сводных характеристик (индексов)	Статистический аппарат выборки единиц наблюдения Приемы качественного и количественного выравнивания характеристик	Логические средства (например, системного анализа) Статистические приемы (описательная статистика, статистика вывода и установления взаимосвязей и каузальных зависимостей) Математические нестатистические средства (например, линейное программирование, теория графов, теория игр, математическое моделирование, детерминационный анализ) Таксономические процедуры и непараметрические статистики

¹ См.: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 40.

Таблица 4. Последовательность выдвижения программных задач в зависимости от основной цели исследования¹

Цель исследования	
Теоретико-прикладная	Практически-прикладная
Определение существа познавательной проблемы на основе доступной информации и ее локализация на конкретных социальных объектах, в конкретных процессах, обществах	Анализ литературы и консультации со специалистами для выявления типового способа решения практической проблемы на данном объекте
Выявление обстоятельств, сопутствующих возникновению проблемы и факторов, детерминирующих изучаемые процессы, — разработка теоретической концепции исследования	Сбор фактических данных о ситуации на объекте с использованием уже апробированных или специально создаваемых методик для определения способов применения типового варианта решения проблемы к данному объекту
Конструирование методик исследования, их опробование (пилотаж) и последующий сбор информации на объекте (объектах) изучения	Разработка вариантов решения проблемы и их проверка путем обсуждения с экспертами и в конечном итоге — экспериментально
Детальный анализ полученных данных соответственно концепции исследования и его гипотезам; определение принципиальных путей решения проблемы и возможных практических приложений на конкретных объектах	Анализ итогов социального эксперимента, коррекция предлагаемых нововведений, оценка достигнутого эффекта, план практических действий на перспективу

*См.: Ядов Б.А. Указ. соч. С. 49.

Поэтому социологический сопромат строится на учете субъектности «объекта» и субъективности его изучения.

Те из социологов, которые стремятся оставаться учеными и не претендуют на роль художников в постижении социальной истины, придерживаются известных правил социологического исследования.

Социолог не должен довольствоваться одним источником информации, поэтому истинный исследователь использует как можно больше сведений об интересующем его предмете, получая их самыми разными способами. Подобно влюбленному, он узнает, сопоставляет и накапливает малейшие детали об объекте своей страсти (что говорит о социологических инстинктах, овладевающих почтенными представителями человеческой породы в той же мере, как и мошенниками, шантажистами и сплетниками).

Информация, нужная социологу, может быть уже где-то документирована в неупорядоченном или даже систематизированном виде. Поэтому исследователи используют методы *анализа документов*. 1) качественный («проблемный» поиск, тематические обобщения) и 2) количественный (контентанализ, основанный на идентификации «поисковых образов» и их подсчете).

В зависимости от направления своего интереса и поставленной задачи исследователь анализирует соответствующую информацию формального характера: документы, факты, официальную статистику и др., а затем пополняет эти сведения путем изучения субъективных оценок и мнений большого числа «сведущих» людей:

экспертов — компетентных специалистов в определенной практической или теоретической области;

респондентов — представителей разных социальных групп, которых просят изложить свою позицию по конкретным вопросам.

Для того чтобы нивелировать случайные отклонения в совокупности получаемых оценок и мнений, социологи опрашивают множество людей, предварительно рассчитывая, какое количество высказываний может достаточно точно отразить реальную общую картину. Иными словами, используя *опрос* как метод получения информации, исследователи чаще прибегают к *выборочному анкетированию* (письменному заполнению стандартного опросного листа) или *интервьюированию* (устным ответам на «тематически» поставленные вопросы), поскольку проводить сплошной опрос всех, причастных к объекту исследования, порой весьма затруднительно.

Считается, что позиция респондента зачастую зависит от его статуса (или ранга внутри социальной организации) и идентификации (т.е. самопричисления человека к какой-либо

социальной группе: «любителей пива», «демократов», «студентов» и т.п.), поэтому исследователи заранее определяют пропорции, в которых должны соотноситься количества опрошенных представителей разных групп.

С помощью статистических и других математических методов результаты массовых опросов превращаются в группировки и распределения типичных позиций.

Этот, казалось бы, упрощенный подход к получению достоверной информации оказывается на практике изощренным действием по планированию, организации исследования и обработке полученных результатов. Например, институт Гэллапа (США), ежегодно опрашивая одну сотысячную (1/100000) часть (т.е. *выборку*) своего населения, получает настолько достоверные сведения, что ошибка относительно позиции *генеральной совокупности* (всех людей, мнение которых нужно изучить) составляет всего несколько процентов. Когда «голосует» вся нация, например на президентских выборах, научные предсказания, полученные при качественном проведении опросов, подтверждаются с высокой точностью.

Такая *репрезентативность выборки* в изучении общественного мнения (ныне самостоятельной области социологии) достигается за счет использования технологий познания, соединяющих виртуозное владение количественными и качественными методами.

Наблюдение за объектом исследования может осуществляться не только в виде сбора документальных данных или опросов, но и как специальная визуальная процедура. Она создает возможность квалифицированной регистрации социального факта в момент его совершения, следовательно, помогает не упускать нюансы и учитывать значение контекста события. Непосредственное наблюдение различается по степени связи наблюдателя с объектом. Включенное наблюдение характеризуется внедрением исследователя в структуру объекта (изучаемой общности), а *невключенное* проводится с соблюдением большей социальной и эмоциональной дистанции от объекта.

Непосредственное наблюдение – дорогостоящая социологическая процедура, поскольку требует использования квалифицированных специалистов и по возможности такой техники документирования, как видео- и аудиозапись.

Эксперимент (контролируемый или неконтролируемый) является довольно «экзотическим» методом социального познания, поскольку «проводить опыты с людьми» считается занятием предвзвешенным. Однако в рамках социологии труда он применялся достаточно часто; при этом сравнивались изменения, связанные с использованием новых принципов организации коллектива или факторов стимулирования совместной деятельности в разных группах испытуемых.

Любое социологическое исследование прикладной ориентации начинается с выявления научной проблемы, которая связана:

- 1) либо с противоречиями реальной действительности (развития социальных систем, процессов и состояний),
- 2) либо с «белыми пятнами познания» (неизученностью тех или иных социальных явлений, событий),
- 3) либо с «конфликтом интерпретаций», когда социальные факты описываются и объясняются противоположным образом, причем каждая из научных позиций недостаточно убедительна (дискуссионна).

Высокое качество профессиональной подготовки позволяет социологу не только выявить, но и правильно поставить проблему, т.е.:

- корректно (точно и четко) ее сформулировать;
- выдвинуть конкретные цели исследования;
- сформулировать научную гипотезу (предположение о связях между изучаемыми элементами);
- построить теоретическую модель явления;
- операционализировать модель, выделяя совокупность важных наблюдаемых признаков явления;
- определить задачи анализа;
- выбрать адекватные методы и инструментарий исследования проблемы.

Говоря иными словами, правильная постановка проблемы дает дополнительные ресурсы к ее разрешению.

Выявить наличие реальных противоречий в обществе, применяя чисто количественные методы познания, не всегда возможно, поэтому первый этап (начало, планирование) исследования связано

с качественным анализом социальных состояний.

Методологическая позиция ученого во многом определяет процесс разработки гипотезы исследования, т.е. априорных, доопытных, представлений социолога о причинно-следственных, функциональных и внешних связях в изучаемой «системе». В соответствии со своей гипотезой ученый ставит познавательные задачи, программирует процесс верификации (опытной проверки) этих предположений. Затем изучает факты, постоянно страхуясь от собственной субъективности в их подборе и интерпретации.

И наконец, получив совокупный фактический материал по разным аспектам проблемы, он сводит информацию в целостную картину, объясняя полученные соответствия (и несоответствия), сравнивая ожидания и результаты, теорию и реальность. Здесь тоже проявляется уровень профессиональной подготовки, умение систематизировать, интерпретировать и сопоставлять.

С развитием социологии постепенно исчезает детская вера взрослеющей науки в универсальные теории; исследователи перестают искать объяснительную «панацею» и начинают опираться на свои собственные силы. В эпоху постмодернизма усиливается убежденность социологов в том, что «жесткие» методы исследования не годятся и, следовательно, адекватными (соответствующими природе объекта и инструментальным возможностям познания) могут быть только качественные методы исследования. Таким образом, отпадает господствующая схема: гипотеза – верификация и факты – исчерпывающая информация.

Одним из «потрясателей основ» прежних методологических подходов к исследованию стало детище феноменологического направления – *этнометодология*. Социологи, заложившие новые традиции обращения с эмпирическими фактами, считают, что само явление и его контекстуальное понимание значат больше, чем его причины. Поэтому главными первоэлементами анализа этнометодологи считают: «*событие*» (конкретное действие социальных агентов) и «*контекст*» этого события в данный момент времени (характеристики участников и обстановки).

При этом очень важен анализ речевой и других знаковых коммуникаций, который технически обеспечивается аудио- и видеозаписью.

Социологи нового направления придерживаются того мнения, что важно в первую очередь наблюдать и видеть, а только потом создавать свою теорию. Изучая смыслы человеческих действий и процесс искажения знаний, ученые опрокидывают сложившиеся стереотипы относительно того, как реально структурированы процессы производства информации, научных открытий, выработки и подтверждения медицинских диагнозов, поиска правовых решений и организации обыденного взаимодействия между людьми.

Из жесткой позиции объективности социологи бросаются в другую крайность – субъективной трактовки «фактов», но при этом они добиваются демистификации научных представлений о процессах, о которых, казалось бы, мы все хорошо знаем.

Кризисы познания и структура знания

Развитие социологии связано с чередой масштабных кризисов. В процессе научного познания общественной природы человека и созданных им ассоциаций (общностей) исследователи сталкивались с множеством проблем, преодоление которых достигалось разными путями:

- изменением общеметодологической, или парадигмальной, установки (за время существования социологии сменились три познавательных и четыре предметных парадигмы);
- совершенствованием теоретико-методологических подходов (которые ныне превратились в более чем дюжину важнейших самостоятельных методологических традиций, или направлений);
- дифференциацией представлений о предметной области науки и методах социологического исследования (что привело к делению социологии на «теоретическую» и «прикладную», а их, в свою очередь, на десятки самостоятельных «социологий»).

Драматическим был сам процесс возникновения новой науки, связанный с серьезным познавательным кризисом обществознания. Появление социологии в этом смысле можно рассматривать как «рождение»; ее глубинная связь с матерью-философией ясно прослеживается до сих пор. Переживая кризис отторжения и становления самости, социология сохранила преимущество в области целей социального познания, но в то же время с самого начала стремилась «идти другим путем» – изучать общественные процессы так, как это делают естествоиспытатели.

М. Элброу, автор одной из периодизаций развития социологии, определял п е р в ы й э т а п ее становления как натуралистический (фаза «универсализма»), О. Конт рассматривал свое детище как «социальную физику», а Г. Спенсер видел в обществе «социальный организм».

**Albrow M. Globalization, Knowledge and Society. London, 1990. P. 3–13.*

В т о р о й э т а п был связан с формированием национальных научных школ и разработкой теорий, ставших сегодня социологической классикой. Социокультурный подход Э. Дюркгейма (Франция), рационализм М. Вебера (Германия), прагматизм микроструктурных исследований Д. Мида (США), цивилизационные циклы А. Тойнби (Великобритания), теория элит Г. Моска (Италия), генетическая социология С. Ковалевского (Россия) оказали совсем не локальное влияние на развитие мировой социологической культуры.

На т р е т ь е м э т а п е социология стала интернационализироваться, борьба между школами переросла в плодотворный теоретический обмен и определенную «переплавку» научных позиций. Однако этот благодатный период не гармонизировал научный мир обществознания, который раскололся на две крупные противостоящие системы: конфликтологов (марксистов) и эволюционистов (структурных функционалистов).

Переживая очередной кризис познания, т.е. по-разному решая, какая объяснительная модель общественного развития более верна, социология, как и послевоенное «мировое сообщество», чрезвычайно идеологизировалась. Марксисты заостряли внимание на социальных противоречиях, во многом обусловленных экономической системой, а функционалисты (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.) акцентировали значимость духовных, социокультурных факторов в консолидации общества и поддержании его структурных соответствий. Противостояние социологических парадигм (общих методологических установок) проявлялось как интеллектуальная война «радикальных критиков» и «апологетов» современного капитализма.

Ч е т в е р т ы й э т а п совпадает с периодом формирования и развития социологического «постмодерна» (в другой, трехчастной, периодизации научного обществознания). Он связан с проникновением социологической культуры Запада в азиатский, южноамериканский и африканский регионы, где произошла существенная трансформация принципов и приемов социологического познания с учетом культурных традиций и социальной специфики развивающихся стран. М. Элброу назвал этот этап фазой индигенизации (т.е. «отуземливания») социологии. При этом наука об обществе не становится более примитивной, но она приобретает такое же своеобразие, как оригинальные национальные культуры этих регионов. Африканские социологи (А. Акивово из Мали и др.) исследуют символические аспекты социальных отношений, используя принципы своеобразной социолингвистики, а латиноамериканские ученые не только вовлекают в процесс познания социальной реальности неспециалистов, выполняя просветительские функции, но и мобилизуют их на «участвующее действие» по демократизации общества.

П я т ы й э т а п начинается в 90-е гг. и связан с осознанием глобализации (т.е. нерасторжимой связности) современного мира. Социология вновь переживает кризис, корректируя свои представления об «объекте» и «предмете», что вызывает появление новых теорий («глобальной системы» И. Валлерштайна, «зависимого развития» Ф. Кардозо и др.). Внимание ученых переносится на динамические характеристики, «процессуальный образ» социальной реальности (П. Штомпка).

Суммируя происходящие в науке процессы, российский социолог В.А. Ядов выделяет две стратегические тенденции преодоления современного кризиса познания:

1) *«методологическое отступление»*: использование совокупности разных теоретических подходов к анализу (полипарадигмальность), переход от жестких подходов традиционной науки к гибким качественным методам феноменологии, отказ от объяснения социальных явлений в пользу их преимущественного описания;

2) *«теоретическое наступление»*: создание новой глобальной теории (метатеории) «общества» – целостной системы мирового социума, применение принципов историзма и многофакторности (смены доминирующих факторов) развития, признание решающей роли активности социального субъекта в процессе общественных изменений.

Нынешняя теоретико-методологическая разногласица, разбивающая корпорацию социологов на многочисленные группы (школы и направления), стала результатом буквально пары

«катастроф» научного осознания границ и иллюзий социального познания. Смена общенаучных парадигм (классической, модернистской и постмодернистской) происходила в соответствии с концепцией Т. Куна*, т.е. основополагающие методологические установки познавательной деятельности исследователя менялись потому, что полученная совокупность научных данных переставала вписываться в рамки систематизации и объяснительных возможностей прежней парадигмы. Социологи поняли, что, в о - п е р в ы х , общество нельзя просто рассматривать как природный объект, поскольку развитие социальной системы отличается субъективностью, целе(ценностно)ориентированностью и творческой спонтанностью (непредсказуемостью); в о - в т о р ы х , изучение общества не может быть объективным, поскольку методика, техника и инструментарий познания зависят от позиции (знаний, предубеждений и заблуждений) познающего субъекта; в - т р е т ь и х , исследователь не должен слепо полагать, что его представления о «рациональности», «норме» и «культуре» единственно верные, а посему, не посягая на истину, он может лишь делать точные наблюдения за изменением социальной реальности и «играть» интерпретациями (объяснениями происходящего).

*См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Западная социология, играющая «первую скрипку» в мировом научном общественном знании, пережила особое парадигмальное (предметное) дробление, которое оказывает воздействие на состояние науки до сих пор. Российский социолог Г.В. Осипов структурирует постклассические (непозитивистские) традиции в выделении предметной области таким образом:

1) *исследование «социальных фактов»* (Э. Дюркгейм): структурный функционализм, теории социальных систем, конфликтологические теории;

2) *анализ «социальных дефиниций»* (М. Вебер): теории социального действия, символический интеракционизм, феноменологическая социология, в том числе этнометодология;

3) *изучение «социального поведения»* (Б. Скиннер): бихевиоризм, теории социального обмена.

На современном этапе ограничения каждого из перечисленных подходов преодолеваются путем разработки интегральных теорий: «структурализации» (Э. Гидденс), «многомерной социологии» (Д. Александер), «методологического индивидуализма» (Р. Будон) и др. Благодаря этому содержательно изменяется картина научных представлений относительно «социального порядка» (взаимопорождающего взаимодействия между личностью и социальной структурой) и эвристического аппарата социологии (синтетической методологической парадигмы).

Стремление к методологическому совершенству, которое каждая «субкультура» социологов понимала по-своему, потребовало разработки многочисленных метатеорий, породивших не менее десятка крупных направлений в развитии социологии: позитивизм и психоанализ, структурный функционализм и феноменологию, марксизм и символический интеракционизм, когнитивизм и историко-эмпирические исследования, гендерную социологию и социолингвистику.

Методологические кризисы, прорывы и революции шли в ногу с возникновением и разрешением проблемных ситуаций в процессе социального познания ключевых характеристик строения общества и его изменений. Накопленные знания легли в основу развития общей социологической теории и построения на ее основе множества теорий менее высокого уровня.

Прикладная социология, питаемая данными эмпирических исследований специальные, отраслевые и общие теории, также не стояла на месте. Преодолевая сопротивление материала и развивая изолированные методики и техники добычи объективной (точной) социальной информации, ученые создали новые самостоятельные науки, которые отпочковались от собственно социологии, как, например, изучение общественного мнения.

Итак, в процессе саморазвития социология пережила череду своеобразных кризисов роста и пришла к нынешнему состоянию, которое можно образно определить как стадию «хризантемы»: вокруг небольшого и довольно пестрого методологического ядра сосуществуют некие общепризнанные предметные теории (общностей, институтов, коммуникации, личности, социальных изменений), к ним примыкают более многочисленные специальные теории (стратификации, конфликта, малых групп, социализации и т.д.), далее следуют постоянно отделяющиеся в самостоятельные научные направления отраслевые теории (социологии политики, религии, культуры, экономики, права, семьи, молодежи и т.п.) и море пограничных направлений социальных исследований, которые не всегда однозначно признаются «социологическими» (как, например, маркетинг или теории управления персоналом).

Эта сложно организованная и постоянно развивающаяся структура социологического знания все же представлена неполно и не потому, что не все конкретные элементы названы, а вследствие игнорирования той ее части, которую можно отнести к уровню «технологии». А между тем, пренебрегая традициями научного словообразования, мы обоснованно могли бы отнести к прикладной (т.е. буквально: имеющей практические приложения) социологии такие виды специфической научно обоснованной деятельности, как социальное планирование и прогнозирование, социальное строительство, социальный тренинг (деловые игры, игротехники), социальную диагностику (социодраму, групповой анализ и т.п.), социальное обслуживание населения (социальная работа), социальное консультирование (службы семьи, телефоны доверия и т.п.).

Не все перечисленные общественные функции (а соответственно институты и организации, которые их осуществляют) могут быть признаны чистым порождением социологии, но то, что доля этой науки в организации такой деятельности чрезвычайно велика, совершенно бесспорно.

Является ли социология наукой ?

Вопрос этот, конечно, «интересный»: и с преподавателем можно «попикироваться», и собственное невнимание к предмету оправдать. Тем более, что ответ на него, строго говоря, отрицательный.

Но если подойти к этому вопросу не слишком поверхностно и не слишком предвзято, окажется, что истинно научным можно считать только добросовестное накопление фактов. Ибо, как только начинается их систематизация (группировка по разделам, типологизация) и попытка дать им некие причинные трактовки (объяснения), возникает классическая ситуация: все идет хорошо (в том смысле, что можно не особенно замечать «неудобные частности»), пока кто-то не получит яблоком по голове или не выпрыгнет из ванны с криком «Эврика!» И вскоре оказывается, что Земля не настолько плоская, как всесторонне обосновала наука, и что в лучшем случае все предыдущее знание описывало «частные случаи» доселе неизвестных (точнее, не изученных нами) закономерностей.

Собственно, развитие социологии подтверждает, что ее претензии на «научность» сначала были довольно необоснованным притязанием, впоследствии превратились в добросовестное заблуждение, а затем стали источником вполне осознанной (и весьма лукавой) мифологизации.

Но этому не стоит особенно радоваться, потому что современная социология – не просто «не наука», она больше и сложнее, чем собственно «наука», поскольку включает изощренное искусство наблюдения и интерпретации социальной реальности.

Портреты социологов

Дильтей Вильгельм (1833–1911) – немецкий историк культуры и социальной философии. Представитель философии жизни, создатель так называемой понимающей психологии, послужившей толчком к созданию понимающей социологии и школы «истории духа» (истории идей) в немецкой истории культуры конца XIX – начала XX в. Центральным у Дильтея является понятие жизни как способа бытия человека, культурно-исторической реальности. Человек, по Дильтею, не имеет истории, но сам есть история, которая только и раскрывает, что он такое. От человеческого мира истории Дильтей резко отделяет мир природы. Задача философии (как «науки о духе»), по Дильтею, – понять «жизнь» исходя из нее самой. В связи с этим Дильтей выдвигает метод «понимания» как непосредственного постижения некоторой духовной целостности. Понимание, родственное интуитивному проникновению в жизнь, Дильтей противопоставляет методу «объяснения», применимому в «науках о природе». Понимание собственного внутреннего мира достигается с помощью интроспекции (самонаблюдения), понимание чужого мира – путем «вживания», «вчувствования»; по отношению к культуре прошлого понимание выступает как метод интерпретации, названный Дильтеем герменевтикой. (В более поздних работах Дильтей отказывается от интроспекции как психологического способа «понимания».)

Дильтей совместно с Риккертом (а позднее М. Вебером) разрабатывал концепцию идеальных типов. Он оказал значительное влияние на развитие философии и социологии XX в. – на философскую герменевтику, историческую социологию, особенно на М. Вебера и отчасти Г.

Зиммеля.

О с н о в н ы е т р у д ы : Описательная психология. М., 1924.

Дюркгейм Эмиль (1858–1917) – французский философ и социолог, один из основателей современной социологии. Первый профессор социологии во Франции (1887). Основное значение в своей научной деятельности Дюркгейм придавал изучению причин порядка и беспорядка в обществе. Он разработал концепцию коллективного сознания (совокупности убеждений и мнений), разделяемых всеми членами данного общества. Социальная интеграция существует, когда члены общества (или другие группы) придают важное значение его нормам и руководствуются ими в своей жизни. Когда индивид не желает следовать общим нормам, возникает аномия. Эта ситуация может быть результатом любого резкого изменения социальной структуры (например, при внезапных экономических подъемах или спадах).

Многие идеи Дюркгейма сформировались на основе его знаменитого исследования проблемы самоубийства. Он установил связь между самоубийством и такими факторами, как национальность, религия, пол, возраст и даже время года. Он доказал, что количество самоубийств изменяется обратно пропорционально социальной интеграции, т.е. самоубийство характерно для представителей определенных групп и поэтому становится социальным явлением или, по Дюркгейму, «социальным фактом». «Чтобы объяснить социальный факт, – писал Дюркгейм, – мы должны выяснить его функцию в создании социального порядка». Дюркгейм обосновал принципы объективизма и эмпиризма в исследовании социальных фактов. Главное правило: «Социальные факты нужно рассматривать как вещи», т.е. признавать их независимое от субъекта существование и исследовать их объективно, как исследуют свой предмет естественные («позитивные») науки.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Социология. Ее предмет, метод, назначение. М., 1995.

О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1996.

Самоубийство. М., 1994.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – русский историк и социолог, президент первого в стране Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского. Сфера научных интересов – методологические исследования истории социальной мысли. Выступал против историко-социологических идей позитивизма контовского типа, полагая, что нельзя подходить к исторической реальности только с номотетической точки зрения, ибо в ней не учитывается специфика исторического факта. Историческим фактом Лаппо-Данилевский считал воздействие сознания индивидуальности на среду, в особенности на общественную. Ближе к истине, по Лаппо-Данилевскому, находится идиографический метод, способствующий воспроизведению своеобразия фактов истории. С позиций неокантианства (Баденской школы) он утверждал, что установление исторической роли события достигается отнесением его к ценности. Недостаток идеографического подхода, по Лаппо-Данилевскому, состоит в отказе от некоторых общих понятий, в недооценке категорий «целое» и «эволюция». Лаппо-Данилевский полагал, что социальный ученый, сознательно различая номотетические и идиографические подходы, может соединять их в своей работе.

О с н о в н ы е т р у д ы : Методология истории. Выпуск 1–2. СПб., 1910–1913.

Парк Роберт Эрза (1864–1944) – американский социолог, основатель Чикагской школы. Президент Американского социологического общества (1925). Для Парка характерен натуралистический подход к социологии, сказавшийся в заимствовании им понятий психологии, биологии и экологии для изучения общественной жизни. На материалах социологических исследований, проведенных в Чикаго и других районах США, Парк развил концепцию влияния естественного окружения на социальную жизнь людей.

Парк внес определенный вклад в развитие исторической социологии, разрабатывая специфические методы анализа исторического развития социальных явлений. Он предлагал рассматривать социальные явления в динамике, делая своеобразные «исторические срезы», выявляя типичные черты в развитии социальных явлений. По мнению Парка, такой подход позволял разработать идеальную типическую модель, помогающую исследовать историческое развитие.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Социальная экология», «Человеческая природа и коллективное поведение»,

Визе Леопольд фон (1876–1969) – немецкий социолог, представитель так называемой формальной школы в социологии, один из основателей института социальных наук Кельнского университета. Социология, согласно Визе, – эмпирико-аналитическая дисциплина, имеющая своим предметом «социальное» как совокупность процессов межчеловеческих взаимодействий и складывающихся на их основе социальных структур (отношений, групп, институтов различной степени общности и устойчивости). Аналитическим основанием социологии, по его мнению, является понятие социальной дистанции, т.е. сближение индивидов или их отдаление, а также группы по отношению к группе, группы по отношению к индивиду и т.д., что выступает как сущностное определение социальных процессов. Деятельность Визе и его теоретическая концепция послужили связующим звеном между классическим и современным периодами западной социологии.

Щюц Альфред (1899–1959) – австрийский социолог и философ, основатель феноменологической социологии. Щюц предложил собственную версию понимающей социологии, в которой проследил процессы становления человеческих представлений в социальном мире от единичных субъективных значений, формирующихся в потоке переживаний индивидуального субъекта, до высокогенерализованных конструкций социальных наук, содержащих эти значения в преобразованном, «вторичном» виде. Тем самым Щюц пытался решить задачу восстановить связь абстрактных научных категорий с «жизненным миром», миром повседневности, непосредственности знания и деятельности. Однако, упустив из виду реальные материальные процессы социальной жизни, Щюц пошел по пути онтологизации конституированных значений и создания нового варианта социальной онтологии в традиции антинатуралистических «наук о духе».

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

Фуко Мишель Поль (1926–1985) – французский социолог, философ, историк науки, один из основоположников французского структурализма. Основным вкладом Фуко в социологию является его историко-культурная концепция, методологически родственная структурной антропологии К. Леви-Строса. Фуко ставил перед собой задачу преодоления субъективистской ограниченности западной исторической мысли и возможно более объективного воспроизведения социальных феноменов прошлого. Первые работы Фуко посвящены социологическому исследованию душевных и прочих заболеваний. В трактате «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966) Фуко стремился исследовать гораздо более широкую социокультурную систему – от раннего Возрождения до наших дней. Здесь метод Фуко – индукция от описания отдельных явлений культуры к обобщенному определению «системы мысли» («эписистемы»), отраженной этими явлениями. В дальнейших работах Фуко отходит от концепции качественной прерывности «эписистем», нащупывая пути исторической динамики. Он занимается проблемой соотношения знания и власти. Знание, по мнению Фуко, не только связано с властью, является не только продуктом породившего его общественного уклада, но и инструментом его разрушения, свержения власти.

О с н о в н ы е т р у д ы : «История безумия в классический век» (1961), «Надзор и наказание» (1975), «Воля к знанию» (1976), «Пользование наслаждениями» (1984), «Забота о себе» (1984).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Бергер Питер Людвиг (р. 1929) – американский социолог, ведущий представитель феноменологической социологии знания, видный идеолог неоконсерватизма. Социология знания Бергера в значительной степени обусловлена феноменологической социологией Щюца, символическим интеракционизмом Д. Г. Мида, а также социологической традицией Дюркгейма и Вебера. Главные работы Бергера посвящены разработке феноменологической социологии знания, социологии религии, теории модернизации и развития стран «третьего мира». В работе «Введение в социологию» Бергер показал взаимосвязь между «человеком в обществе» и «обществом в человеке». Впоследствии идеи этой книги использовались Бергером при разработке (совместно с

Т. Лукманом) феноменологической социологии знания. Занимаясь социологией религии, Бергер стремится показать взаимосвязь между религией и конструированием человеком социальной реальности, проследить процесс секуляризации в исторической перспективе, понять роль и значение религии в современном мире. Единственным выходом из «кризиса секуляризма» (безрелигиозности современного мира) Бергер считает индуктивный подход к интерпретации религиозной истинности. Этот подход представляет собой историко-феноменологический метод исследования религиозных феноменов (отправным пунктом этого метода является человеческий опыт, а не божественное откровение, а цель его – поиски сущности христианства). В результате контакта с «третьим миром» Бергер пришел к выводу о необходимости диалога с различными религиями.

В разработанной им теории модернизации Бергер доказывает, что капитализм и модернизация являются благом для стран «третьего мира» (при этом Бергер осуждает модернизацию Китая времен «культурной революции» и Бразилии в 1960–1970 гг.; обе эти модели модернизации, проведенные в рамках социалистической и капиталистической идеологии, он считал неприемлемыми из-за колоссального количества жертв).

О с н о в н ы е т р у д ы : «Введение в социологию» (1963), «Священная завеса» (1967), «Слухи об ангелах» (1969), «Пирамиды жертв» (1975), «Капиталистическая революция» (1986).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Социальное конструирование реальности (совместно с Т. Лукманом). М., 1995.

Осипов Геннадий Васильевич (р. 1929) – российский социолог, академик РАН, директор Института социально-политических исследований РАН, Президент Академии социальных наук. Осипов был организатором и инициатором проведения первых в СССР конкретных социологических исследований.

Научно-исследовательская деятельность Осипова ведется по следующим направлениям: теоретико-методологические проблемы социологии; предмет и структура социологического знания; методология и методика социологических исследований; применение математических методов в социологии; история социологии. Осипов внес значительный вклад в разработку методологических основ изучения новейших направлений философско-социологической мысли (теории неомарксизма, теорий технократии и менеджериума, теорий структуры функционирования и социального конфликта).

О с н о в н ы е т р у д ы : «Автоматизация в СССР» (1961), «Социология» (1969), «Теория и практика социологических исследований в СССР» (1979), «Принципы социологии» (1988), «Социология и социализм» (1990).

Ядов Владимир Александрович (р. 1929) – российский социолог, доктор философских наук, профессор. Создатель ленинградской социологической школы. С 1989 г. – директор Института социологии Российской академии наук.

Основные направления научной деятельности: методология социологических исследований, социология и социальная психология личности, социология труда, социология науки, общетеоретические тенденции в современной социологии, теория социальных изменений. Наиболее известные исследования, выполненные под руководством Ядова: «Человек и его работа» (1967), «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» (1979), «Социально-психологический портрет инженера» (1977).

О с н о в н ы е т р у д ы : О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. Самара, 1995.

Вопросы для самоподготовки

1. Что такое научная парадигма?
2. Чем отличаются подходы классической науки, неклассической и постнеклассической (модернистской) науки?
3. Как определяется объект научного исследования?
4. Каковы особенности познающего субъекта и как они влияют на результаты социологического познания?
5. Чем характеризуется научный инструментарий социологии?

6. Какие методы социологического исследования Вы знаете?
7. Что такое методология исследования?
8. Какова роль изучения контекстов социальных действий, явлений, процессов?
9. Что Вы знаете о значении интерпретации результатов социологического исследования?
10. Дайте определение объекта и предмета современной социологии.
11. Что такое метод?
12. Дайте определение науки социологии.
13. Назовите и охарактеризуйте методы получения информации в прикладном социологическом исследовании.
14. Что такое «выборка» и «генеральная совокупность»?
15. Можно ли провести социальный эксперимент?
16. Классифицируйте методы эмпирического исследования.

Литература

- Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы.* Екатеринбург, 1993. Вып.2.
- Алтухов В.* Смена парадигм и формирование новой методологии // *Общественные науки и современность.* 1993. № 1.
- Алтухов В.* Контуры неклассической общественной теории // *Общественные науки и современность.* 1992. № 5.
- Андрющенко Е.Г., Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т.* Опросы и выборы 1995 года // *Социологические исследования.* 1996. № 6. С. 3–18.
- Астафьев Я.Г.* Постмодернизм в познании общества // *Политические исследования.* 1992. № 3.
- Бакиров В.* Социальное познание на пороге постиндустриального мира // *Общественные науки и современность.* 1993. № 1.
- Баскакова М.Е., Здравомыслова О.М.* Интервью на заданную тему // *Социологические исследования.* 1993. № 5.
- Бауман З.* Социология постмодернизма. Лекция. М., 1991.
- Бекарев А., Пик Г.* Несколько слов в защиту диалектики // *Общественные науки и современность.* 1996. № 1. С. 171–175.
- Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Пер. с англ. В.М. Корзинкина и Ю.В. Семенова. М: Изд-во иностр. лит., 1961. 895с.
- Белановский С.А.* Методика и техника документального интервью: уч. -метод, пособие. М., 1993.
- Бочкарева В.И.* Становление социологии в России, основные направления ее развития // *Социально-политический журнал.* 1993. № 4.
- Буданцев Ю.Л.* Системность в изучении массовых информационных процессов. М., 1986.
- Бурдые П.* Оппозиция современной социологии // *Социологические исследования.* 1996. № 5. С. 36-49.
- Бутенко И.А.* Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. М.: Высшая школа, 1989.
- Васильев В.П.* Методология и методика конкретных социологических исследований средств массовой информации и пропаганды: Учебно-методическое пособие. М., 1986,
- Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Избранные произведения.* М., 1990.
- Гайденко П.П.* Проблема рациональности на исходе XX века // *Вопросы философии.* 1991. №6.
- Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. М., 1991.
- Давыдов А.А.* Анализ одномерных частотных распределений в социологии: эволюция подходов // *Социологические исследования.* 1995. № 5.
- Давыдов А.А.* Социология как метапарадигмальная наука // *Социологические исследования.* 1992. № 9. С. 85-87.
- Докторов Б.З.* О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
- Заславская Т.И.* Роль социологии в преобразовании России // *Социологические исследования.* 1996. № 3. С. 3–10.
- Илле М.Е.* К вопросу о предмете социологии // *Социально-политический журнал.* 1994. № 11-12.
- Ильин В. В.* Социология как фундаментальная наука // *Социологические исследования.* 1994. № 3.
- Козлова О.Н.* О методах анализа социокультурных явлений // *Социологические исследования.*

1993. № 10.

- Лакутин О.В.* Качественная и количественная информация в социологии // Социологические исследования. 1992. № 8.
- Методы сбора информации в социологических исследованиях* / Отв. ред. В. Г. Андриенков, О.М. Маслова. М.: Наука, 1990. Кн.1, 2.
- Миронов А.В., Панферова В.В., Субасев Н.С.* Методология, методика и техника конкретных социологических исследований // Социально-политический журнал. 1994. № 9–10.
- Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Пер. со шв. СПб.: «Нотабене», 1992. 445 с.
- Мотыль А.* Лабиринт социальной теории // Общественные науки и современность. 1994. №1.
- Немировский В.Г.* Современная социология и российские культурные традиции // Социологические исследования. 1994. № 3.
- Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного. М., 1990. Новые основания социальной теории? (Сводный реферат) // РЖ «Социология». 1994. №2.
- Овсянников В.Г.* Методы социологии, их содержание и особенности // Социально-политический журнал. 1993. № 3.
- Плотинский Ю.М.* Математическое моделирование динамики социальных процессов: Уч. пособие. М., 1992.
- Прохоров Е.П.* Методология – предмет новой «парадигмы» социологического знания // Социологические исследования. 1994. № 3.
- Романенко Л.М.* О методике исследования российского общества // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 127–131.
- Смирнова Н.* Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // Общественные науки и современность. 1993. № 1.
- Собrado Чавес М., Куллель Х.* Социальная наука и социальная технология // Общественные науки и современность. 1992. № 6.
- Социальная теория: к новой парадигме* // Политические исследования. 1993. № 4.
- Стацевич Г.Л.* Особенности работы интервьюеров при телефонных опросах // Социологические исследования. 1993. № 7.
- Степнова Л.А.* Изучение экономического сознания методом семантического дифференциала // Социологические исследования. 1992. № 8.
- Сычева В.С.* Метод вторичного анализа // Социологические исследования. 1995. № 11.
- Терещенко О.В.* Социолог и ЭВМ. Минск, 1990.
- Тихомиров Б.И.* Техника социального анализа. СПб., 1992.
- Толстова Ю.Н.* Логика математического анализа социологических данных. М., 1991.
- Федотова В.* Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. 1992. № 4.
- Хачатурова Т.В.* Надежность статистической модели при проверке большого числа гипотез // Социологические исследования. 1992. № 2.
- Шамен Д.* Критическая теория и прагматический вызов // РЖ «Социология». 1994. №1.
- Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994.
- Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. 328 с.
- Яновский Р.Г.* Проблемы макросоциологии // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 136–140.

Приложение. План дискуссии «Проблемы социологического познания»

1. Что такое социальное познание? Каково в нем место социологического познания?
2. Каковы сильные и слабые стороны сциентизма (принципов классической науки)? Каковы особенности рационального и объективистского подхода к анализу социальной реальности?
3. В чем заключался кризис классической социологии? Чем он реально был обусловлен? Какие продуктивные решения приняли социологи эпохи «модернизма»? В чем они не сумели

преодолеть противоречия научного социального познания?

4. Каковы причины «революции постмодерна» в современной социологии? Что дала альтернативная социология в копилку научного знания? Каковы методы постнеклассической социологии, есть ли у них научное будущее или они отражают лишь переходное кризисное состояние общества и социального познания?

5. Имеет ли значение современное социологическое познание для развития управленческих и коммуникативных технологий? Какое методологическое направление играет в этом процессе более значительную роль?

6. Насколько вообще нужна социологическая «теория» и каково ее реальное отношение к обобщению эмпирии, социологической практики?

ТЕМА 3 ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Рассуждая о парадоксах социального познания, мы отмечаем, что наука об обществе возникла чуть ли не позже всех других наук, хотя, казалось бы, постичь природу социального устройства для людей не менее важно, чем познать законы трансформации энергии или передачи информации. К тому же оказывается, что сама технология производства социологического знания делает исследователей «близоруками» микроаналитиками или «дальнозоркими» специалистами по макропроцессам (со всеми вытекающими отсюда ограничениями), не говоря о том, что мы осознанно игнорируем некоторые виды научной «слепоты» в вопросах, которые, казалось бы, представляют для социологии первостепенную важность. Что такое жизнь? Что такое человек? ** Что такое общество?*** Ответы на них с научной точки зрения весьма и весьма туманны.

*См., например: *Титов С.А.* Проблема контекста в живых системах // *Общественные науки и современность.* 1996. № 3. С. 134–144.

Такое качество, как «раздражимость», т.е. способность реагировать на изменения внешней и внутренней среды», по мнению автора, отражает «самое существо жизни и может лечь в основу необходимого и достаточного ее определения: живая система – это такая система, которая для своего существования использует знаки, депотируемые посредством своей внутренней семантики» (с. 139).

**См., например: *Волков Ю.Г.* Личность и гуманизм (Социологический аспект). Челябинск, 1995.

***См., например: *Мостовая И.В.* Что такое общество? Ростов н/Д, 1995.

Объясняя характер реальности, в которой мы живем, обществоведы пользуются достаточно определенными понятиями: «система», «организация», «структура», «элемент», «функция», «процесс», «масса» и т.п., добавляя каждый раз специальное определение «социальная» (или «общественный»). Но эта спецификация только вносит путаницу. Либо мы рассматриваем систему как систему, и тогда ее «социальное» качество становится незначительным нюансом, вызывающим некоторые отклонения; либо «социальному» придается первостепенное значение и тогда система не рассматривается и не ведет себя как система. Поэтому развитие «социальной физики» оказывается не менее драматичным, чем «просто» фундаментальной физики.

Многие выдающиеся теоретики естествознания верили в Бога и, скорее, не по банальным причинам, описанным атеистами-религиоведами. Во-первых, известный нам мир достаточно хорошо организован. Во-вторых, его подлинная глубинная природа неясна. В-третьих, довольно складная естественная эволюция полна необъяснимых «перерывов постепенности», которые привели к появлению космоса, жизни, человека.

Но и для обществоведов природа оставила немало загадок. Хуже всего люди знают себя. По сей день спорными остаются все гипотезы о происхождении человека. В образе нашей жизни – масса тайн. Хотя отдельный индивид (не только взрослый, но и ребенок) способен выжить в дикой природе, человек предпочитает совместный образ жизни. Система его естественных потребностей включает такие «неестественные» элементы, как принятие другими людьми, самореализация, познание, творчество. Люди руководствуются своими культурными стандартами не в меньшей степени, чем законами биологического выживания. Собранные волей случая, они тут же начинают строить ассоциацию, устанавливая правила общения, обмена и подчинения. Притягивая друг друга, как капельки ртути (и находя в реакции других подтверждение своего собственного существования), люди стремятся проявить свою *личность* как индивидуальность, неослабно требуя от других поддержания социального стандарта (в этом смысле социализацию можно

метафорически рассматривать как «отесывание Буратин», чтобы их уникальная форма стала вписываться в установленные обществом рамки).

Большинство человеческих особей обладает определенным потенциалом «социальности», который может быть раскрыт только в особой культурной среде общности. Неуловимая ткань межчеловеческого пространства: людских взаимодействий, отношений, общения – становится тем элементом, который делает необходимыми условия возникновения общества.

В этом смысле общество является не произведением человека, а произведением его производства, т.е. культуры. Как всякий артефакт, общество представляет собой довольно хрупкое создание, поскольку его существование и успешное развитие связано с безостановочным культивированием (специальной искусственной поддержкой). Совсем недавняя история показывает, что достаточно разрушить города, сжечь библиотеки или запретить выполнение обычаев и использование национального языка, чтобы привести общество в состояние упадка, деградации или же качественной трансформации его основных признаков. И наоборот: развивать образование, науку и культурное творчество – значит на практике достигать большего социального совершенства и экономического процветания общества.

Ценности, которые имеют существенное значение для множества людей, могут быть уничтожены или возрождены, поддержаны или проигнорированы другими. Люди боятся и обожествляют все высокозначимое и в то же время непонятное, а просто непонятного (и следовательно, непредсказуемого) стремятся избежать или уничтожить его как потенциальную опасность. Поэтому смешение и диалог культур в современном обществе, характерная для постмодернистского этапа социального развития билингвальность (владение разными языками) способствуют снижению коллективной агрессии и выводят борьбу за выживание человеческих «видов» на новый этап.

Возможности «стать человеком»

Отделяя общество от стада (стаи, улья или муравейника), производство – от природы, а человека – от животного, ученые и неученые («стихийные») социологи улавливают наличие некоторого потенциала, позволяющего человечеству развиваться в направлении существенной дифференциации (отделения) от естественного мира. Что же это за особенности?

1. *Человек – существо общественное.* Он должен и стремится объединяться с себе подобными, чтобы жить, реализуя свои потребности. Этому можно найти естественные причины (детеныши людей из-за большой массы головы рождаются фактически недоношенными, не могут самостоятельно передвигаться; да и здоровая взрослая человеческая особь физически неконкурентоспособна со многими видами хищников, травоядных и рептилий, что заставляет людей объединять усилия), а также социокультурные причины, связанные с тем, что социализация человека носит исключительно искусственный характер и его личность (социальное лицо) формируется только в среде других людей – он не преодолевает животного естества вне облагораживающей человеческой среды. Качество общественного окружения закладывает основу для собственно человеческой самореализации индивида в процессе его жизни (как целесообразной деятельности) и расширяет границы реализации его социальных выборов.

2. *Человек – существо мыслящее.* Имея возможность запоминать факты, замечать последовательности и проводить аналогии; обладая фантазией и абстрактным, отвлеченно-генерализующим восприятием, люди с помощью «представлений», «понятий» и «логических процедур» сохраняют, трансформируют, передают и совершенствуют опыт друг друга. В этом им помогает постоянно развивающееся умение кодировать (обозначать, в том числе в записи) элементы своего опыта и моделировать возможные ситуации при помощи образных средств и языка.

3. *Человек – существо духовное.* Он живет в мире своих представлений, воображения, правил, конвенций, значений и ценностей. Его действия ограничены осознанными или неосознанными стереотипами относительно «возможного» и «должного». Пожалуй, только человек преодолевает свои витальные инстинкты во имя реализации неких идей, имеющих социальное значение для него самого или для его сообщества. Так, многочисленные в истории священные войны, революции, восстания и вендетты заставляли многих людей осознанно рисковать жизнью и

умерщвлять себе подобных во имя эфемерных, но таких значимых для участников событий духовных ценностей. Американский социолог У.А. Томас в знаменитой теореме своего имени сформулировал эту проблему достаточно широко: если люди определяют некую ситуацию как реальную, она действительно становится реальной по своим последствиям (поскольку человек всегда действует в соответствии со своими представлениями и оценками).

4. *Человек – существо творческое.* Люди создают разнообразные искусственные продукты из вещества и энергий естественной природы для удовлетворения потребностей, присущих их человеческой природе. Среди этих произведений, «артефактов» не только пища, одежда, жилища, предметы искусства и средства культурной трансляции (книги, компьютеры и т.п.), но и само общество, и сам человек, являющийся тоже продуктом социального производства. Будучи творцом, он зачастую переосмысливает социальные ценности и создает новые формы ассоциации, чтобы полнее выразить свой потенциал.

Вот эти четыре особенности, или способности, по крайней мере две из которых не чужды и животному миру, судя по данным социобиологии, делают человека тем общественным животным, которое сознательно и даже изощренно извлекает зачастую совсем неэгоистическую пользу из необходимости сосуществования с другими людьми.

Ассоциированность, когнитивность, духовность и креативность человека делают его существом культурным, которое устанавливает, поддерживает и изменяет правила сосуществования. Экспансивность и эгоцентризм порождают стремление людей распространить свои правила (суть поддержанные многими представления о должном) на такие объекты, которые, если можно так выразиться, не являлись субъектами той или иной конвенции (соглашения). Люди вовлекают в процессы своей активности животных, землю, целые природные комплексы, других людей (ибо старшие диктуют обязанность соблюдать нормы младшим, а старожилы – вновь прибывшим и т.п.), заставляют жить по новым правилам целые ассоциации (в случае установления над ними господства путем завоевания, передачи власти сверху или демократических выборов).

Если прибавить к описанию человеческой природы эгоизм, приобретающий нередко крайние формы социального выражения и удивительные для «родового существа» проявления: геноцида, неритуального людоедства, убийств, пыток, насилия, издевательства над личностью (человеческим достоинством другого человека), вандализма и варварства – нечеловеческого поведения внешне вполне «социализированных» индивидов, то станет понятно, почему сущность «социального» мы будем искать не столько в «структуре», сколько в «культуре» людских сообществ (ассоциаций).

Среда обитания – социальные общности

Как это сложилось еще на заре человечества, люди продолжают жить группами. Отдельные высоколобые индивиды, преимущественно блуждающие в виртуальных мирах компьютерной реальности, постепенно отвыкают от суетливой общительности многочисленных живых серверов, работодателей и родственников, погружаясь в более контролируемую среду электронных коммуникаций. Но они заказывают книги и пиццу, знакомятся, делают друг другу подарки, переглядываются и переговариваются, сплетничают, кокетничают и ругаются через Internet. Лишенные живого, непосредственного или опосредованного (техносом) общения люди постепенно теряют суть своего человеческого естества, уходя в мир животных страстей или внеэмоционального сверхсознания.

Сравнительно недавно возникшая проблема деления человечества на «виртуалов» и «реалов» (решаемая пока как логическая) требует от социологов уточнения представлений о сущности «социального» и о границах конкретных (а не гипотетических или статистических) сообществ, в которых люди ведут себя как частицы единого целого.

Возможно, соотнесение небольшого числа пользователей мировой компьютерной сети со всем населением нашей планеты (примерно 1/1000) само по себе не позволяет корректировать цели социологов, но такие новые социальные движения, как объединения «зеленых», женщин, рокеров во всем мире, также вызывают особый интерес к проблеме социальной субъектности этих свободных, необычно структурированных организаций. Являются ли они реальными сообществами? По-видимому, да. Они обрастают новыми членами, проводят акции, завоевывают

места в парламентах и заставляют общество считаться со своей солидарностью. Похожи ли они на известные нам типы сообществ? По-видимому, нет. Зачастую они обладают модульной (сотовой) структурой, они функционируют как «сборные команды» под решение определенной задачи, их операциональность основана на нетрадиционном распределении (диффузии) власти, ротации членов и доверительном (трастовом) типе сотрудничества.

Однако не только эти новые сообщества заставляют социологов серьезно задуматься. «Визуальная цивилизация» XX в. привязывает к определенным каналам массовых коммуникаций десятки миллионов людей, заставляя их собираться в определенный час у телевизоров (радиоприемников или газетных киосков). Не будучи связаны одним местом проживания, социальным статусом, возрастом, национальностью или профессией, они проявляют свое странное единство сходным поведением, символами солидарности (в одежде, лексике и т.п.) и общностью разделяемых ценностей. Такие массовидные объединения до сих пор остаются малоизученными (за исключением, пожалуй, коммерческой стороны проблемы).

Именно поэтому в центр внимания современной социологии перемещается общность (ассоциация) и основная форма ее социального проявления – массовое (групповое, коллективное) поведение.

Многие исследователи (К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер и др.) отмечали различия между архаическим и современным обществом. Научная типологизация исторически существовавших общностей была проведена в 1887 г. Ф. Тённисом, который выделил две специфические формы социальной организации: *общину* (Gemeinschaft) – традиционное сообщество, и *общество* (Gesellschaft) – современное сложноструктурированное сообщество.

Относительно связи между общиной и обществом (гемайншафт и гезельшафт, community и society) был выдвинут ряд теорий. В их основе лежат три гипотезы:

- эволюционного перерастания,
- интеграционного слияния и
- параллельного сосуществования.

Большинство социологов считает, что община, усложняясь, развивается в общество, т.е. примитивная социальная организация становится более совершенной, а гомогенное строение сменяется иерархическим и комплементарным (говоря простым языком, разветвляется система управления и растет число взаимодополняющих специализированных в своей деятельности общественных групп). Усложнение социальной системы для «эволюционистов» является единственным неоспоримым критерием прогресса.

Поскольку в современном мире сосуществуют и нередко приходят в тесное (не всегда обоюдозелательное) соприкосновение общества с разными типами организации, часть исследователей уделяет наибольшее внимание происходящим процессам «переплавки», вынужденного приспособления (аккомодации) архаических оргструктур, подчинительного сближения механизмов управления этими сообществами. Теоретики ассимиляции считают, что взаимодействие двух «разноуровневых» систем приводит к облагораживающей перестройке архаичной социальной организации по образу и подобию современной, более «продвинутой».

Третья группа социологов отмечает, что в современном метасообществе активно протекают процессы, противодействующие тенденциям глобализации мира: регионализация, зачастую на этнической или религиозной почве, порождающей сепаратизм, и возрождение первичных (кровнородственных или духовнородственных: семейных, патриархально-содельческих, дружеских) человеческих солидарностей.

В обоих случаях имеют место архаическая структура и соответствующий тип организации общностей. В них доминирующее значение приобретают связи «общинного», а не «современного», т.е. опосредованного, ролевого и отчужденного, социального характера. Поэтому социологи-регионалисты (изучающие локальные территориальные сообщества людей – социумы) и примордиалисты (исследующие первичные, «родовые» микрообщности) делают вывод о том, что архаические структуры социальной организации любого развитого общества органично включают в свой состав разнообразные «общины»: поселенческие, религиозные, этнические, клановые, корпоративные. Они не интегрируются, а вкрапливаются в структуру современного общества, сохраняя относительную замкнутость и свой особый характер воспроизводства.

Заметим, что именно последнее обстоятельство позволяет этим общностям политически эмансипироваться, проявляя волю к социальному (в первую очередь национальному,

религиозному, государственному) суверенитету.

Община и общество. Чем же различаются традиционные и современные общности (ассоциации)? Упрощенно, схематично их особенности можно представить следующим образом.

Традиционное общество (Gemeinschaft) характеризуется:

- 1) естественным разделением и специализацией труда (преимущественно по половозрастному признаку),
- 2) персонализацией межличностного общения (непосредственно индивидов, а не должностных или статусных лиц),
- 3) неформальным регулированием взаимодействий (нормами неписаных законов религии и нравственности),
- 4) связанностью членов отношениями родства («семейным» типом организации общности),
- 5) примитивной системой управления общностью (наследственной властью, правлением старейшин).

Современное общество (Gesellschaft) отличается иным:

- 1) ролевым характером взаимодействия (ожидания и поведение людей определяются общественным статусом и социальными функциями индивидов),
- 2) развивающимся глубоким разделением труда (на профессионально-квалификационной основе, связанной с образованием и опытом работы),
- 3) формальной системой регулирования отношений (на основе писаного права: законов, положений, договоров и т.п.),
- 4) сложной системой социального управления (выделением института управления, специальных органов управления: политического, хозяйственного, территориального и самоуправления),
- 5) секуляризацией религии (отделением ее от системы управления),
- 6) выделением множества социальных институтов (самовоспроизводящихся систем особых отношений, позволяющих обеспечивать общественный контроль, неравенство, защиту своих членов, распределение благ, производство, общение).

В современном обществе усложнение системы социальных связей приводит к формализации межлических отношений, которые в большинстве случаев оказываются деперсонифицированы. Люди общаются через свои ролевые и статусные «маски»; Президент и Гражданин, Преподаватель и Студент, Водитель и Пассажир, Директор и Работник, Муж и Жена вступают в «социально регламентированные» взаимодействия. При этом поведение каждой из сторон должно оказаться «ожиданным» (предсказуемым, банальным), т.е. ролевые и статусные отношения в принципе развиваются как *игра*. по обоюдным известным правилам. И если для российской культуры межличностного взаимодействия весьма показательным стремлением неделикатно «переходить на личности» («а ты кто такой?!»), что, собственно, не удивительно, поскольку отчужденная городская цивилизация сформировалась у нас на протяжении жизни всего одного поколения, а «культурные консервы», по выражению Я. Морено, перевариваются с непривычки так же трудно, как и пищевые), то в более развитых обществах даже эмпатические, «теплые» символы общения (улыбки, объятия, вопросы «как дела?») являются отвлеченными от конкретных «персон» демонстрациями вежливости и опосредованного межролевого взаимодействия.

Российское общество, несмотря на характерное для нас «очеловечивание» (архаизацию) статусных, структурных и ролевых, межличностных, отношений давно нельзя назвать общиной. Оно чрезвычайно сложно структурировано: полиэтнично, функционально дифференцировано, имеет разветвленную систему социального управления, множество развитых общественных институтов. Однако наша милая и очень ценная для западного наблюдателя «национальная особенность» – проникновенная, эмоциональная, непосредственная, интимная ориентация в отношении человека к человеку – социологически может быть истолкована как «недоразвитость» общественной организации, основанной на патернализме и патриархальном восприятии государственной власти, инфантильности правосознания граждан, повышенной роли межличностных связей в решении административных, профессиональных и иных «внеличностных» вопросов.

В определенном смысле промежуточный, переходный характер социальной организации российского общества ставит ряд вопросов: философских – о духовной цене протекающей

модернизации (нарушения стабильности и ценностных устоев) и социологических – о критериях явления, которое мы именуем «общность» (объединяющих чертах общины, стабильного и видоизменяющегося общества).

Критерии выделения общности. Если систематизировать взгляды современных социологов по этому вопросу, то следует отметить ряд потенциальных и реальных, необходимых и достаточных *оснований выделения общности*:

1) сходство, близость условий жизнедеятельности людей (как потенциальная предпосылка возникновения ассоциации);

2) общность потребностей людей, субъективное осознание ими сходства своих интересов (реальная предпосылка возникновения солидарности);

3) наличие взаимодействия, совместной деятельности, взаимосвязанного обмена деятельностью (непосредственного в общине, опосредованного в современном обществе);

4) формирование своей собственной культуры: системы внутренних норм взаимоотношений, представлений о целях общности, нравственности и др.;

5) укрепление организации сообщества, создание системы управления и самоуправления;

6) социальная идентификация членов общности, их самопричисление к этой общности (как достаточное условие и главная характеристика зрелости ассоциации, превращение общности, по словам Гегеля, из «вещи в себе» в «вещь для себя»).

Социологи подразделяют общности на два больших класса, которые в российском обществознании всесторонне обосновал Б.А. Грушин:

- *номинальные*, классификационные группы, искусственно выделенные исследователем, и
- *реальные*, социальные группы, или собственно общности.

Анализируя эти реальные ассоциации, исследователи отмечают существенные различия между общностями:

1) *фиксированными* в социальной структуре общества (статусными группами – элитами, безработными и т.п., функциональными группами – шахтерами, учителями, военными, директорами и т.п., территориальными группами, социумами – конкретными городскими и сельскими сообществами) и

2) *нефиксированными* в социальной структуре массовидными образованиями (толпами, аудиториями средств массовой коммуникации, зарождающимися коллективными «движениями»).

Всякая *зрелая общность* выступает в качестве социального субъекта – активной динамизирующей силы общества. Иными словами, зрелость ассоциации определяется не только субъективным критерием идентификации (самопричисления) ее членов, но и объективным показателем организованного целенаправленного поведения (социальной активности общности).

Поскольку зрелые общности проявляют себя тем, что оказывают разнообразные формы влияния на другие ассоциации и общество в целом, было бы логично предположить, что в конце концов они добьются незыблемой монополии – такого положения в социальной структуре, которое позволяет членам общности реализовать наиболее ценные для них интересы и потребности. Возможно, так и произошло становление каст – статусных ассоциаций, воспроизводство которых в веках и даже тысячелетиях было неизменным. Но вот в классовом обществе нет-нет, да и случались бунты, перевороты и революции, которые постепенно (или, наоборот, не очень) меняли весь облик социальной организации и принципы строения общества. (Здесь мы должны иметь в виду, что социальная революция вообще отличается от политической, в частности, тем, что в ней происходит изменение положения основных слоев общества, связано ли это со сменой властвующих персон и идеологий или нет.)

Современное общество западного типа в этом смысле стало самым динамичным, открытым для многочисленных принципиальных и не очень существенных социальных изменений. Именно такой тип общественного развития показал, что экономический расцвет и политическая стабильность (мечта любого населения и любой элиты) вполне достижимы и без консервации социальной структуры, и даже вопреки ей. Недаром современные технологии управления апеллируют к творческой индивидуальности человека, учитывают его стремление к социальной мобильности и мотивируют к участию в принятии управленческих решений теми, кто в обычной социальной структуре был бы однозначно отнесен к разряду «исполнителей» (которым особенно-то думать и решать не положено).

Почему же и каким образом происходят структурные изменения в обществе, которые мы

называем социальными революциями? Как они связаны с поведением общностей, т.е. основных элементов социальной структуры? Все ли общности играют в этом процессе сходную роль? Как возникают и разрушаются сложившиеся ассоциации? Эти таинственные процессы давно интригуют социологов. Еще такие исследователи, как К. Маркс и М. Вебер, каждый в своей теоретической картине общества, связывали социальную макродинамику с возникновением новых социальных субъектов (зрелых общностей), которые «раздвигают» сложившиеся пласты социальной структуры, «бурят» и «взрывают» залежи статусных стереотипов (массовых представлений о ценности социальных позиций различных групп), создавая собственные комфортные общественные «ниши». Иными словами, объяснение социальных изменений во многом свелось к изучению проблемы происхождения общностей.

Загадки происхождения ассоциаций

Среди социологов, наверное, больше прагматиков, чем романтиков, поэтому, оставив на совести «Всевышнего Творца» до сих пор не разгаданную тайну истинных сил, влекущих людей к объединению в сообщества, они просто перешли от вопроса «почему?» (возникает общество) к вопросу «как?» (оно развивается), изучая виды и формы возникающих ассоциаций, типы их организации и связующие элементы. Эта тактика в конце концов оказалась удачной, и трудные вопросы, отложенные «на потом», стали постепенно поддаваться разъяснению.

Итак, основная гипотеза исследователей общественного «развития» указала на главный элемент, первоисточник динамизации общества – новые, общности. Для построения объяснительной теории оставалось «всего ничего»:

1) отыскать внутренние причины возникновения новых действующих субъектов в стабильной, уравновешенной социальной системе;

2) проанализировать, откуда берется «строительный материал» для новых ассоциаций, поскольку в устойчивом обществе все его члены имеют социальную «прописку» и занесены в соответствующий «структурный реестр», т.е. люди в своем большинстве уже принадлежат «старым» общностям, привычно встроенным в социальную структуру.

Как древние алхимики, социологи принялись добывать «философский камень» этого знания. И подобно одному из наших остроумных современников, высказавших идею структурной связи между атомами золота и свинца, анализируя количество электронов на внешней орбите (кстати, он основывался на всем известной логике строения таблицы Менделеева), теоретики общностей существенно приблизились к разгадке тайн рождения человеческих ассоциаций.

Первый вопрос «почему возникают общности?», естественно, был связан с проблемой «потребностей» и «активности» (т.е. со смежными понятиями «зачем?» и «как?»). Общность может зародиться там и тогда, когда происходит осознание разными людьми единства их интересов. В основе интереса лежит потребность. Это не фантазия, не мечта или надежда на получение чего-то, а настоятельная необходимость, вызывающая к удовлетворению! Потребности людей – единственный внутренний источник их побудительной активности, они лежат в основе наиболее осознанных мотивов – человеческих «интересов» и «ценностей».

Поскольку человек – весьма окультуренное животное, то даже его естественные, врожденные, побуждения приобретают добрую толику «социальной причудливости»: в еде он ищет эстетику и гармонию, в сексе – личностное принятие и признание уникальности, в одежде – стиль, в жилище – имидж (статусный социальный образ) и т.п. Будучи существом в принципе вдумчивым и «сознательным» (в обоих смыслах), он желает того, что знает, т.е. осуществленного или практически возможного. (А об остальном – мечтает.) Поэтому К. Маркс и выдвинул концепцию порождения потребностей производством. Следовательно, отметили социологи, с развитием общества создаются новые возможности и порождаются соответствующие потребности, носители которых могут составить «критическую массу» объединенных интересами потенциальных членов новой общности. Объединение позволяет им осуществлять целеустремленную, наступательную активность во имя насыщения первоначально соединившей их усилия потребности, да и всех остальных потребностей заодно.

Второй вопрос «Из чего же, из чего же, из чего же... (сделаны наши «общности»)»? повлек нить размышлений социологов в другом направлении. Казалось совершенно очевидным, что общности «сделаны» из людей. Но откуда же им, таким свободным и «невстроенным» (в социальную

структуру) взяться? Долгий, извилистый путь научного анализа привел к довольно неожиданному по сути и «сложносочиненному» по форме ответу.

Начать его стоит с того, что ученые, как и обыватели, имеют свои социокультурные стереотипы. И тем и другим трудно помыслить, что так хорошо организованный мир «упорядоченных множеств» вокруг них может быть и упорядочен, и организован совершенно другим образом. Поэтому очень долго была распространена (да и сейчас бытует) социологическая гипотеза о том, что все «нормальные» личности прочно вписаны своими общественными ролями и групповыми статусами в ткань социальной структуры, никуда из «стройных рядов» не выбиваются, удовлетворяют свои потребности в сложившихся сообществах и потому не могут, не хотят, не способны кидаться в авантюры создания новых, нелегитимных (не признанных обществом) объединений. Следовательно, потенциальный «материал» для строительства новых общностей собирается «на дне» общества, в некоей люмпенизированной пыли (или неструктурированном осадке, состоящем из «деклассированных элементов», маргиналов).

Маргинальность – это специальный социологический термин для обозначения пограничного, переходного, структурно неопределенного социального состояния субъекта. Люди, по разным причинам выпадающие из привычной социальной среды и неспособные примкнуть к новым общностям (зачастую по причинам культурного несоответствия), испытывают большое психологическое напряжение и переживают своеобразный кризис самосознания.

Теория маргиналов и маргинальных общностей была выдвинута в первой четверти XX в. одним из основателей Чикагской социологической школы (США) Р.Э. Парком, а ее социально-психологические аспекты развиты в 30–40-х гг. Э. Стоунквистом*. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что довольно четкие взгляды на сей предмет сформулировали ранее и представители европейской социологии. К. Маркс рассматривал проблемы социального деклассирования и его последствий, а М. Вебер прямо сделал вывод о том, что движение общества начинается тогда, когда маргинальные слои организуются в некую социальную силу (общность) и дают толчок социальным изменениям – революциям или реформам.

*Stonquist E.V. The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict. N.Y., 1961

С именем Вебера связана более глубокая трактовка маргинальности, которая позволила объяснить формирование новых профессиональных, статусных, религиозных и подобных им сообществ, которые, конечно же, не во всех случаях могли возникать из «социальных отбросов» – индивидов, насильственно выбитых из своих общностей (безработных, беженцев, мигрантов и др.) или асоциальных по выбранному стилю жизни (бродяг, наркоманов и т.п.). С одной стороны, социологи всегда признавали безусловную связь между возникновением массы людей, исключенных из системы привычных (нормальных, т.е. принятых в обществе) социальных связей и процессом формирования новых общностей: негэнтропийные тенденции и в человеческих сообществах действуют по принципу «хаос должен быть как-то упорядочен». (Именно подобные процессы происходят в современном российском обществе.) С другой стороны, возникновение новых классов, слоев и групп на практике почти никогда не связано с организованной активностью попрошайек и бомжей, скорее, оно может рассматриваться как строительство «параллельных социальных структур» людьми, чья общественная жизнь до последнего момента «перехода» (который часто выглядит, как «прыжок» на новую, заранее подготовленную структурную позицию) была вполне упорядоченной.

Могут ли все эти случаи быть объяснены каким-то единообразным способом, и подходит ли для такого объяснения концепт «маргинальности»? Да, если понимать его более широко и вновь связать представления о распаде и возникновении новых общностей с теорией социальных потребностей.

Действительно, само определение общности базируется на такой реальной предпосылке, как сходство потребностей людей и возникающее на его основе единство интересов, целей, ценностей. Следовательно, невыполнение этого условия должно повлечь за собой разложение уже существующей ассоциации. А поскольку социальное развитие стимулирует потребности, в то время как индивидуальные особенности членов общности обуславливают разную степень их восприимчивости к новым «соблазнам», возникает возможность потенциального выпадения отдельных личностей из конкретных сообществ, поскольку очень важные для них интересы не удовлетворяются в прежней системе связей.

Это пограничное состояние, когда человек структурно принадлежит какой-то общности, но содержательно не удовлетворен качеством реализации своих интересов, социологи и стали называть маргинальностью. Маргиналы находятся в таком объективном состоянии, которое может порождать разнообразные поведенческие реакции. Иногда они составляют «внутреннюю оппозицию», не покидая пределы прежней общности, иногда ведут жизнь «двойного агента», будучи параллельно вписаны в несколько однотипных ассоциаций (например, профессиональных, семейных, дружеских и даже политических), а зачастую порывают с прежней ассоциацией и вливаются в другую, где их значимые потребности и цели оказываются более достижимы.

Такая трактовка маргинальности позволяет понять, откуда берется «человеческий материал» для строительства новых ассоциаций в стабильных общественных системах; в нестабильных, как мы видим на примере собственного российского общества, «неудовлетворенность» и «выпадение» из структурных общностей может носить преимущественно вынужденный или принудительный характер, т.е. не быть связанной со свободным поиском лучших возможностей, а определяться внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Консолидация. Итак, недовольные и озабоченные соединяются в новую общность, чтобы, наконец, достичь своих целей. Но они не объединяли бы свои усилия, если бы могли достичь полноценного удовлетворения в одиночку. Следовательно, до сих пор «за кадром» оставалась важная характеристика ассоциации. Для удовлетворения своих потребностей человеку зачастую нужны специфические ресурсы (материальные, финансовые, трудовые и организационные – их выделил Г. Ленски), а для получения этих ресурсов от других людей или от общества требуется сила (или «вес»). Объединение с другими «страждущими» позволяет решить проблему демонстрации (или имитации): социальной силы – чтобы «взять» необходимые ресурсы, или функциональной значимости, «нужности» обществу – чтобы «отдали».

И в том, и в другом случае (если мы вспомним, что люди – прекрасные мультипликаторы своих потребностей, так как способны постоянно умножать свои желания и поэтому всегда остаются склонны к тотальному решению жизненных проблем по принципу «все и сразу») общности обычно стремятся обрести «волшебную палочку» в виде постоянной возможности влиять, контролировать и перераспределять ресурсы в свою пользу. Иными словами, они стремятся к достижению власти.

Продвижение в элиту. Эту существенную особенность порождения социальной динамики отметил итальянский социолог В. Парето, который писал, что социальные изменения связаны с появлением новой элиты. Она «прорастает» из нижних слоев, когда общности начинают выталкивать «на поверхность» (в наиболее привилегированные и одновременно наиболее влиятельные слои) своих представителей.

Общества, управление которыми происходит в формах представительной демократии, фактически легализуют этот «хитрый» механизм естественного социального перемещения вверх «от имени и по повелению» заинтересованной «массы». Поселенческие общности выдвигают своих депутатов, а партии и общественные организации – своих. В промежутке между выборами они «тербят» своих представителей или терпеливо надеются, что у тех достанет совести (точнее, чувства солидарности) что-нибудь сделать для удовлетворения потребностей избирателей. Конечно, среди населения всегда находится горстка циников (т.е. «социологов», взгляд которых на реальные отношения не замутнен поэтическими метафорами политической риторики) и они замечают, что изменение социальной позиции выдвиженцев приводит к смещению их ценностных ориентиров, что принадлежность к элите должна подтверждаться солидарностью с нормами и целями именно элиты и что власть включает создание социальной дистанции между общностью «избирателей» и общностью «депутатов».

Другой итальянский социолог, Г. Моска, связывал общественную динамику с конфликтом внутри элит. Он считал, что новые движения в обществе начинаются тогда, когда возникает борьба в верхних слоях. Для жестко структурированных обществ это особенно верно, поскольку является почти единственной возможностью социального обновления в системе сложившихся социальных монополий и высокой степени подконтрольности низов верхам. Скажем, в России, как доказывал отечественный историк Н. Эдельман, цикл социальных изменений обычно начинается как «революция сверху» и проходит без «огонька», поскольку народ не разделяет управленческой эйфории чуждой ему просвещенной элиты, до тех пор, пока инициатива не переходит вниз, после чего дело, естественно, кончается бунтом и его последующим

подавлением. Репрессивный период противостояния правителей и подчиненной массы начинается снова.

Поскольку элита обладает социальной монополией, что обеспечивает ей неподконтрольность, значительные привилегии и широкий доступ к социальным благам, трудно представить с точки зрения «здорового смысла», что она вдруг восплает альтруизмом и станет делиться с народом налево и направо. Но несмотря на выводы Г. Моски о тенденциях к социальному самозамыканию, порождающему застой в элитах и обществе, социологи редко высказывают «крамольную» идею о том, что верхние слои могут привлекать к власти новую элиту.

Такая осторожность связана с тем, что речь идет не об «обновлении крови» (как вульгарно представляют дело обыватели), а о кардинальной смене принципов организации элит: наследование заменяется избранием, вассальные отношения – гражданскими, конкуренция – кооптацией и т.п. Необходимость периодического «оживления» переживается элитой двойственно, и разнообразие антикризисной тактики делит ее на противоборствующие части.

Социолог К. Кумар в своем исследовании возникновения современного общества* критикует концепцию буржуазной революции К. Маркса (который считал, что более прогрессивный экономический класс добился политического господства, вырвав власть из рук недееспособной аристократии), доказывая в противовес ему, что именно аристократия была творцом капитализации Европы. Проведенный им анализ персонального состава элит до и после индустриально-политических переворотов показал, что крупнейшие собственники земли стали впоследствии и крупнейшими капиталистами. Рассматривая логику взаимодействия новой экономической и старой политической элит, он интерпретировал его как игру с нулевой суммой, в которой «смертельная» схватка не выгодна обеим сторонам, поэтому происходит парадоксальное явление: верхние слои приводят к власти новую элиту (сохраняя важные для себя монопольные позиции).

*Kumar K. The Rise of Modern Society. Oxford, 1988.

Итак, сложный, многозвенный путь социального познания привел социологов к выводу, что возникновение новых социальных общностей из маргинальных, неустроенных групп есть источник общественного саморазвития, социальных изменений.

Массы и толпы. Как потребности людей имеют кардинальный или дополнительный, постоянный или спорадический характер, так и общности, которые объединяют многочисленных членов, жаждущих «сатисфакции», могут быть устойчивыми или временными, хорошо структурированными или «размытыми» (диффузными). Массовидные общности, к которым социологи относят массы, аудитории, социальные движения и толпы, являются наиболее загадочными, поскольку не имеют привычного структурного «скелета».

Построенные порой из «случайного» материала, массовидные общности соединяют в единых поведенческих порывах очень разных, ничем другим не связанных, незнакомых людей. Их однотипное поведение (футбольных фанатов, зрителей сериала, демонстрантов, любопытных зевак и т.п.) продиктовано зачастую не разумом, а чувствами, т.е. их за собой влечет не осознание общности целей, а ощущение общности эмоций. Конечно, люди всегда способны приписывать смыслы своим действиям (в том числе рациональные), но специалисты давно отметили, что поведению массовидной общности присущи эмоциональное заражение и аффект. Выходя из зала, со стадиона или выбираясь из толпы, человек нередко удивляется тому, что он только что делал нечто, вовсе ему не присущее.

Поэтому в изучении «диких», объединенных «первобытными» чувствами сообществ (которые, впрочем, могут вести себя вполне достойно и мирно) социологи чувствуют себя неуверенно, как с объектами иной, незнакомой природы, не поддающимися магическим заклинаниям норм, правил и договоренностей, и инициативу у них перенимают социальные психологи.

Классические труды, посвященные феномену массового поведения, были написаны задолго до нашего рождения. Это «Толпа и публика» Г. Тарда (1883) и «О поведении толпы» Г. Лебона (1903). Тард впервые разделил (в понятиях, конечно) «толпу» и «массу». *Толпу* он определил как группу людей, находящихся в прямом контакте, обусловленном физической близостью. *Масса*, члены которой ведут себя сходным образом, отличается от толпы опосредованным контактом в группе.

Внимание, которое стали проявлять ученые к коллективному поведению в XX в., было

неслучайным. По мнению нашего современника, известного социального философа Х. Ортеги-и-Гассета, изучавшего в первую очередь тоталитарные, фашистские, общества, в этот период сформировалось массовое общество, в котором господствуют стандарты массовой культуры. Это бесструктурное общество, маргинализирующее всё и вся. Социальная атомизация происходит во всех современных обществах, для которых характерными явлениями становятся психозы моды, массовые истерии и иные проявления, более ярко выраженные в обществах тоталитарного типа.

Если какие-то значимые потребности людей не реализуются и они осознают это как угрозу своему существованию, включаются особые механизмы защитного поведения. Когда возникает общность интереса, основанная на беспокойстве или даже страхе, формируется толпа или масса. Дело может дойти даже до паники, словно происходит «заражение» отрицательными эмоциями, в первую очередь страхом. Поэтому теорию Г. Лебона и Г. Тарда стали называть *эпидемиологическим направлением социологии общностей*.

Эти исследователи подчеркивали возникновение чувства анонимности, бесконтрольности и поэтому вседозволенности члена толпы, поскольку потерянности в массе других людей и единство испытываемых всеми эмоций выводят индивида из состояния «социальной зачарованности». Он перестает ощущать свои ролевые маски, они в этот момент ему не требуются, никто из окружающих людей не предъявляет ему этих «ролевых ожиданий». Человек как бы регрессирует в мир первозданных «нутряных» страстей.

И Лебон, и Тард отмечают, что в толпе формируется чувство особой мощи, многократного увеличения собственных усилий отдельного человека, он чувствует себя увлеченным общим порывом, превращается в часть единого живого организма (русский писатель М. Горький так описывал толпу-птицу в романе «Мать»). Во главе этой свежепереплавленной общности стоит лидер, и толпа полностью, беспрекословно подчиняется его воле.

3. Фрейд, теоретические принципы которого были взяты на вооружение представителями психоаналитического направления в социологии (кстати, довольно распространенного в дореволюционной России), внес свой вклад в изучение психозов толпы. Рассматривая поведение толпы сквозь призму индивидуальной психологии, он объяснял специфику происходящего конфликтом социокультурного и бессознательного в психике человека. Исходя из своей концепции структурного конфликта между Super Ego (нормативной сферой личности) и Id (подсознанием), Фрейд, выделял агрессивные и податливые толпы, в которых происходит абсолютная потеря воли отдельного человека.

Союз эмоций или рации? Как бы то ни было, далеко не все массовидные социальные движения объясняются разгулом неосознаваемых страстей или эмоциональным заражением. В поиске более сложных и в то же время более точных моделей теоретического объяснения массовых феноменов автор концепции социального обмена Д. Хоманс выдвинул идею внешней и внутренней систем «человеческой группы»*, основными элементами которой являются деятельность, чувства, взаимодействия и нормы. Теория, которую этот исследователь развивал с 30-х гг., базируется на послышке, что люди во взаимодействии друг с другом пытаются достичь блага и чем значимее благо, тем больше усилий предпринимает человек.

*Homans G. The Human Group. N.Y., 1950.

Г. Мид, решавший ту же проблему, пришел к выводу, что человеческие объединения больше зависят от общих представлений людей, которые он рассматривал как «индивидуальные перспективы». В своей теории «акта», которая впоследствии легла в основу нового социологического направления – символического интеракционизма, Мид глубоко обосновал, что люди часто взаимодействуют, общаются, помогают друг другу из таких «эмоционально-рациональных» побуждений, как одинаковое понимание добра и зла, социальных ценностей и т.п. Иначе говоря, люди, соединяющиеся в общности, реагируют не на угрозы и не на блага, а на смыслы, значения, трактовки символов, пытаясь упредить действия друг друга.

Рассматривая коллективное поведение с точки зрения предварительных установок (предиспозиций), другой исследователь, Г. Олпорт, выдвинул теорию, заключающуюся в том, что новый социальный субъект формируется посредством *конвергенции предрасположенностей*, т.е. единства оценок, ценностей, придаваемых значений, стереотипов, которыми обладают члены формирующейся общности. Он теоретически обосновал, что в основе зарождения нового массового движения лежат и сходство эмоций, и рациональные предпочтения людей.

Известный американский социолог Н. Смелзер в своей книге «Массовое поведение» (1964–1967) структурировал теорию конвергенции Г. Олпорта. Он достаточно однозначно положил в основу своей объяснительной концепции возникновения новой общности не эмоциональные, а рациональные основания.

Теория рационального ценностно ориентированного поведения Н. Смелзера позволила не только отразить и интерпретировать этапы формирования общностей, но и воспроизвести (научно смоделировать) логические стадии этого процесса:

1) формирование максимально обобщенных представлений относительно идеалов, целей, задач будущей ассоциации;

2) нагнетание на основе «общего видения» проблемы определенной напряженности, в первую очередь за счет преувеличения угроз и выявления «общего врага»;

3) возвращение неявного, предварительного туманного верования о принципах действия общности, воспитание предпочтений относительно будущей модели активности (легальной, нелегальной, насильственной, мирной и т.п.);

4) обращение к истории в поисках образцов для заимствования (так поступают в новой России «казаки», «дворяне» и другие «возрожденческие» общности);

5) мобилизация для действий: расширение числа сторонников и подготовка их к организации;

6) введение внутреннего социального контроля, т.е. прав и обязанностей, позволяющих требовать, наказывать, поощрять, изгонять, носить символику;

7) вхождение новой массовой организации (встраивание, вливание, принятие общественным мнением, узаконение) в существующие общественные структуры.

Последний этап знаменует вращение новой общности в систему сложившихся общественных связей: образование партии, другой юридически фиксированной организации, институционализация, продвижение «своих» во властные элиты и т.д.

Конструирование общности. Вся социология, в том числе и теории общностей, может быть условно поделена на «идеалистическую» и «прагматическую». Как-то так получилось, что более системный, многослойный, философствующий, аксиологический (ценностный) взгляд на проблему человеческих союзов демонстрировали европейские школы социологии, а прагматический, деловой, результатный, поведенческий подход развивался на американской национальной почве научного общественнознания. Однако парадоксальным образом именно в такой значимой прикладной сфере, как разработка технологических принципов создания общностей, французы даже «обошли» американцев (с точки зрения авторских приоритетов, конечно).

Известный теоретик акционализма (социологии действия) А. Турен, осуществляя прагматический анализ процесса увеличения мощи, влияния, возрастания субъектности и встраивания новых общностей в существующие социальные структуры, построил научный фундамент многочисленных мобилизационных концепций, которые могут быть однозначно отнесены к менеджеральным теориям (т.е. развернутым инструкциям для политиков, управленцев).

А. Турен – основатель нового направления «социологии действия», которое приветствует включение социологов в реальные общественные процессы и даже поощряет социологические «десанты» в места интересных социальных событий. А наличие подобного «неомарксистского задора», т.е. стремления вмешиваться в ход событий с целью тактической или даже стратегической корректировки ситуации, требует великолепного знания не просто «анатомии» социального организма, но, что более сложно, его «социальной физиологии». Именно такая научная установка (на опыт, успешный общественный эксперимент) позволила теоретикам социальной мобилизации выявить наиболее существенные элементы механизма конструирования новых ассоциаций.

Первое, что удалось выяснить социологам, – это обратная, «отрицательная» логика искусственной мобилизации общности. Оказалось, что наиболее действенным механизмом консолидации является не единство целей, а наличие общего врага. Другими словами, общности наиболее легко объединяются не «за», а «против», поэтому первое необходимое условие – обеспечить возможность осознания противника, а не апеллировать к общим интересам, целям и ценностям.

В т о р о е важное практическое условие мобилизации – максимально примитивные и простые, очень привлекательные по содержанию и туманные по подтексту лозунги. Они должны

привлекать наибольшее число сторонников (например, «За великую и могучую Россию!») и при этом не поддаваться анализу и контролю (конкретно: какую «великую»? какую «могучую»? – экономически, политически, военно-стратегически или как? и какими средствами: войной ли, технологической перестройкой, хозяйственной автаркией, затягиванием поясов? а в какие исторические сроки?). Формулировка лозунга должна быть такова, чтобы с его «идеей» могли солидаризироваться самые разные люди, которые, на поверку, вкладывают в него весьма различающиеся значения (смыслы).

Третье действенное условие реализации механизма социальной мобилизации – демонстрация силы. За слабым не идут, поэтому для привлечения новых сторонников необходимо или произвести впечатляющий «смотр сил», или организовать фальсификацию силы. Социальная мощь общности ассоциируется: 1) с большой массой (многочисленностью), 2) хорошо отлаженной организацией (дееспособностью), 3) функциональной монополией (значимостью) и 4) наличием специфических ресурсов влияния (властью). Каждый из этих признаков может быть специально проявлен или «заявлен» для того, чтобы привлечь новых сторонников.

Четвертое условие мобилизации, которое необходимо реализовать для искусственного «конструирования» общности, – это привлекательный харизматический лидер. Он не просто избранный, а скорее «богоизбранный» руководитель, которому приписываются исключительные личностные и социальные качества. Харизматический лидер несет благодать избавления от проблем, выполняя великую общественную миссию и открывая своим последователям новые горизонты. Он воспринимается членами общности как вождь, полумистическая фигура, отношение к которой предполагает полную эмоциональную самоотдачу, подчинение и доверие. Именно таким остается традиционное отношение россиян к главе государства, что своеобразно обуславливает и ограничения конкурентной борьбы внутри политической элиты, и дополнительные ресурсы центральной власти, использующей харизму лидера как социальный капитал.

Как видим, обязательные элементы (инварианты) теорий социальной мобилизации носят весьма операциональный характер и могут использоваться не только для конструктивного анализа, но и для «строительства» социальных общностей, чем пользуются и политики, и крупные финансовые аферисты, и маркетологи, и борцы за «зеленый мир». В этом смысле социальные технологии немногим отличаются от производственных – они действенны безотносительно к целям (альтруистическим или корыстным, благим или разрушительным), которые ставят «идеологи проекта».

Что такое «общество»?

Разобравшись с теориями общностей и сформулировав научный вывод о том, что люди живут ассоциациями, которые суть формы социального существования, стоит задаться вопросом: а не является ли этот результат откровением типа «Оказывается, я всю жизнь говорил прозой!»? Можно ли из этой информации извлечь какой-то операциональный смысл и помогает ли она лучше понимать другие, более сложные вещи? И самое главное – достаточно ли полученных знаний для лучшего понимания мира, в котором мы живем, и той актуальной социальной среды, в которой вращаетесь Вы лично?

Что делает скептический прагматик (т.е. настоящий социолог), когда наступает пора оценок, сомнений и перепроверки? Подставляет значения в общие формулы и смотрит, есть ли в них какой-то «физический» (т.е., конечно, социологический) смысл.

Поскольку в теории общностей мы выявили следующее:

- общество – это тоже общность, только достаточно большая,
- общество – это общность современного типа, отличающаяся от традиционной,
- общество – это постоянно развивающаяся система многочисленных более мелких общностей (архаичных и современных, сформированных или зарождающихся, структурированных или «массовидных» и т.п.), для приращения знания просто необходимо выяснить его особый, отличающийся, специфический общий смысл.

«Общество» – это такое обыденное понятие, смысл которого большинство людей никогда и не пытается корректно сформулировать. Спросите десять человек подряд, и Вы больше узнаете о себе и цене своей любознательности, чем о существовании вопроса. Если же Вы настойчивы и, избегая

эксцессов «случайной выборки», перейдете к методам «экспертного опроса», выслушивая мнения людей интеллигентных, вдумчивых и компетентных, то запаситесь временем и внимающей почтительностью (ибо это будут ответы-лекции), а также зарядом здорового скепсиса (так как точного ответа Вы не узнаете ни за что).

Забавно, что все мы, как правило, не задумываясь о самых существенных условиях собственной жизни, пытаемся контролировать ход событий и строить планы на будущее. А ведь именно «общество» предъявляет к нам требования, которые мы почти всегда вынуждены безукоризненно выполнять, забывая о собственных потребностях, желаниях и ценностях! Мы моем руки перед едой, ходим в школу и на работу, «поддерживаем хорошие отношения», «делаем карьеру», одеваемся и ведем себя в соответствии с «приличиями», не всегда испытывая радостное удовлетворение по этому поводу.

Отчасти потому, что «общество» окружает нас постоянно, мы перестаем ощущать вызываемые им резонансы в развитии собственной социальной судьбы и жизни наших социальных корпораций. Игнорируя его влияние, мы уподобляемся страусу, прячущему голову в песок своих надежд: «Авось пронесет». Но есть более радикальный способ борьбы со страхом неизвестности – узнавание, которое позволяет принимать осмысленные решения и в особо значимых случаях поступать по-своему.

Хотя «наблюдаемая», актуальная часть нашего мира поддается простой систематизации (хорошие – плохие; богатые – бедные; начальники – подчиненные; порядочные – бесчестные; умные – дураки; свои – чужие) и формируется как таковая в основном благодаря нашим собственным, нередко осозанным, выборам (с кем поддерживать отношения, куда стремиться, откуда черпать значимую социальную информацию), «общество» предстает неким неявным образованием с туманными очертаниями и внешне разбалансированной, неопределенной динамикой. Представления о нем людей «простых» и даже «сложных» так же часто разрушаются, как и подтверждаются, несмотря на то, что каждое общество (надо отдать должное) стремится предоставить своим гражданам шанс «пойти с собой в разведку», т.е. всем вместе пережить какие-нибудь жизнепотрясающие испытания, и узнать друг друга получше. Возникающее при этом сразу у многих людей субъективное ощущение солидарности – один из лучших индикаторов объективности общества.

Однако сходство «ощущений» даже целого ряда наблюдателей – не всегда критерий истины (вспомните, например, «солнце всходит и заходит», «мы – впереди планеты всей» и т.п.), тут требуются и другие подтверждения: 1) повторение результата от испытания к испытанию, что при изменчивости общества происходит не всегда: в 40-х гг. российские подростки (не повально, ясное дело) стремятся попасть на фронт, а в 90-х гг. – «за границу»; 2) принципиальное соответствие другим выявленным закономерностям строения социального мира, в том числе на «микроуровне» человеческих взаимодействий.

Интуиции по поводу общества, основанные на обыденном опыте, обычно укладываются в три обобщенных представления: 1) общество – это люди (т.е. не один человек, а многие); 2) люди эти чем-то связаны, объединены и это нечто позволяет отличать «наших» людей от «не-наших»; 3) человеку необходимо (и выгодно) жить в обществе; причем общество воздействует на человека мистически, принудительно и тотально, а человек на общество – практически, избирательно и локально. Общество туманно мыслится как некое организованное единство, правила которого лучше не нарушать, если хочешь (вынужден) в нем оставаться; как некая сила, противостояние которой чревато наказанием; как естественная атмосфера, которую не выбирают, но должны в ней дышать... Устное народное творчество, прививаемые правила морали, передающиеся духовные заповеди разных народов отражают это общее генерализованное верование.

В отличие от искусства, в науке очень важна определенность. Поэтому чтобы размышлять о структуре общества и происходящих в нем «тектонических» процессах, которые влекут нас с вами в неизведанном направлении и изменяют социальные характеристики, не спрашивая нашего согласия, не позволяя вмешаться, нужно более строго определить понятие самого «общества». Как минимум, выбрать рабочую гипотезу: что оно такое? Ответ на этот вопрос очень непрост, и в каждой книге, справочнике, словаре, энциклопедии он свой, и его смысловые акценты расставлены по-разному, даже в рамках одной только социологии.

Мы уже рассмотрели, как проблема «общества», разделив социологов на два лагеря: теоретиков и прикладников, глобалистов и регионалистов, макро- и микроаналитиков,

институционалистов и «бихевиористов» – переросла в основной невротический «пунктик» развития системы социального знания, периодически заходящего в тупики, обусловленные неопределенностью собственного предмета.

Если Вам смешно об этом читать (а ситуация действительно забавная) и Вы продолжаете думать, что общество – это просто люди, собранные вместе, закройте книгу и живите в счастливом неведении, пока не попадете в армию, или в круиз, или на заграничную стажировку, или не женитесь (выйдете замуж) или... ну, в общем, пока не столкнетесь с тем, что люди есть, а общества – нет. Тогда можете вновь поинтересоваться этим вопросом, более детально.

Три разных ответа. Пробираясь сквозь дебри десятков различных социологических (есть и другие) определений общества в поисках области пересечений их смысла, можно выделить три кардинально различных подхода. Вообще-то они не подвергались систематизации, столь дерзкой в своей отвлеченности, и в «живой» науке представлены более плавными переходами смысла. Однако здесь нам следует изложить суть дела максимально абстрактно и обобщенно, поскольку представления социологов об обществе задают различия всех дальнейших интерпретаций.

В основе каждого подхода – люди, но в одном случае выступающие как социальный субстрат, в другом – как источник созидания, в третьем – как контекст (фон, периферия) общества, обладающего выраженной самостью.

Если предельно упростить исходную конструкцию люди – общество, то мы получим три возможные области соотнесения этих понятий: 1) их смыслы «накладываются» (совпадают); 2) их смыслы «пересекаются» (имеют и общую, и самостоятельную области значений); 3) их смыслы «пограничны» (не пересекаются, хотя и имеют общность значений «на стыке»). И хотя это не артикулируется (четко и явно не обозначается) сторонниками соответствующих исследовательских направлений, легко можно заметить существенные различия в используемых ими методах изучения общества и социальной структуры.

Первый подход представляет общество в его «телесности». Исходным материалом теоретического моделирования здесь становятся живые, действующие люди, совместная деятельность которых, приобретая более или менее устойчивый характер, формирует ассоциацию. Концепт взаимодействия как существа общественного устройства и человека как элементарной единицы общественной организации породил целый спектр функционалистских подходов к социальной структуре (от Э. Дюркгейма до Т. Парсонса). Суть их состоит в интерпретации общества как системы (согласованно действующих людей), структурированной (разделенной на социальные группы) в соответствии с набором функций, необходимых для поддержания ее целостности. Поэтому методологические принципы анализа социальной структуры в такой парадигме общества требуют выявления групп, проявляющих себя в действии.

Хотя среди объективных индикаторов, помогающих выявить в структуре общества относительно автономные элементы, исследователи этого направления часто называют «интересы», «потребности», «установки», «мотивы» и др., но реальной они признают группу только тогда, когда она проявляется в согласованной активности. Такой метод анализа социального структурирования в целом ряде случаев продуктивен, однако он фиксирует только организационно сложившиеся группы (в обществах переходного типа, да и во всех современных обществах они составляют лишь видимую часть «айсберга» социального тела, динамики которого скрыты в кипении неоформившихся и разъедаемых процессами маргинализации общностей). К тому же «группы» нередко предпочитают играть «в прятки»: их деятельность не всегда заметна (латентна), ее согласованный характер по разным причинам скрывается взаимодействующими субъектами (актерами) или носит сложный, не поддающийся регистрации характер. Конечно, ученые проявляют виртуозное техническое мастерство, методологическую изощренность и гибкость теоретических интерпретаций в анализе наиболее непроявленных элементов социальной структуры, но все же рамки избранной ими теоретической перспективы не позволяют отследить все неявные «детали» организации общества.

Второй подход базируется на признании того, что содержание понятия «общества» как объединения людей должно выводиться не из определения «люди» (хоть это и неприятное испытание для рассудка), а из другого. Поскольку исходная база выбора в принципе ограничена (ведь трудно отрешиться от мысли об истинности самоочевидного), акцент перенесен на «объединение». Сущность общества в такой теоретической модели усматривается в наличии «союза». Единство, общность, солидарность, связь, договор – людей, конечно же, людей! Но здесь

внимание концентрируется на том, что *между* ними. При этом «общество» становится более эфемерным, идеальным, поскольку оно мыслится как система отношений, взаимосвязь. Потребности, интересы, ценности; установки и ожидания; сложившиеся нормы и социальные институты определяют форматы социального пространства, насыщенность его заполнения, групповые диспозиции, существующие структурные конфликты... Социальный мир для «объективного» исследователя, как и для «включенного наблюдателя», становится более тонким. Так и хочется встревоженно воскликнуть: «Материя исчезла!» Но на этом не принято фиксировать внимание, хотя – революция, ревизия смысла...

Такой подход к анализу общества и его социальной структуры сами исследователи нередко считают достаточно «материалистичным» (традиция может быть прослежена, например, от К. Маркса до Р. Дарендорфа). Однако стержнем связей, организующих структурные элементы общества, оказываются отнюдь не эквивалентные (экономические), а кратические (властные) отношения, совсем не материальные (хотя и стремящиеся к материализации и даже «овеществлению») по природе. Парадокс? И не единственный! Социальная структура, представленная в конфликтологической перспективе, словно зачарована проблемами социальной конкуренции общественных «субъектов», конфронтацией групп и «классов», в то время как борьба «не на жизнь, а на смерть» разыгрывается фактически в области социальных оценок престижа положения и статусных ценностей (М. Вебер), которые позволяют внедряться в уже «зарезервированные» общественным договором (легитимные) позиции с определенным радиусом социального влияния. Частным случаем таких структурных конфликтов являются политические перевороты, иногда предвосхищавшие действительную социальную революцию...

Третий подход к определению сущности общества, который долгое время развивался непрямо, имплицитно, связан с метафизическим рывком в «новое измерение» смысла (и понимания) того, что есть социальное (теории А. Шюца, Д. Мида, Н. Лумана, П. Бурдьё). Результат выводится не методом синтеза, как раньше, а методом сепарации. Под воздействием чего человек становится общественным существом? Какие силы формируют общность? В чем качественное отличие общества людей от сообществ животных, которые нередко строятся и на «взаимодействиях», и на «отношениях» (данные социобиологических исследований). Только ли в их особой сложности? Последовательно отклоняя все факторы, являющиеся пусть необходимыми, но не достаточными для однозначного ответа, мы выделяем один сегмент: культура, культурная трансляция (передача социальных образцов), производство (артефактов, в широком смысле элементов культуры), коммуникация.

Культура как система взаимосвязанных и воплощенных смыслов, искусственная реальность, символическое пространство социальной жизни обладает достаточно высокой автономией от отдельного человеческого существования, чтобы воспринимать физические жизни как контексты. Этот, весьма неожиданный рациональный вывод, к которому интуитивным путем пришла постмодернистская социология (что, впрочем, в глазах традиционно мыслящих ученых не придает ему особой авторитетности и теоретического веса), позволяет рассматривать третий возможный тип моделирования социальной структуры.

Структурные взаимодействия, социальная диспозиция, функционально-ролевая система, статусная шкала общества представлены в этой теоретической перспективе как самовоспроизводящиеся культурные контуры разделяемых большинством социальных оценок и ценностей. Они порождают символические солидарности, организующие тело (действующих людей), волю (социальные связи) и душу (смыслы, идеалы и верования) общества.

Непривычный и отчасти шокирующий «культурологический» взгляд социологов на общество позволяет, как мы увидим дальше, достаточно успешно решать определенный класс сложных теоретических проблем, связанных с анализом развития социальной структуры, в том числе динамично изменяющихся обществ (как, например, современное российское).

Итак, три теоретические модели общества: «люди», «отношения» и «культура» – заостряют наше внимание соответственно на проблемах функционально-ролевой, статусной (престижной) и символической (номинационной) интерпретациях социальной структуры.

Новелла о человеческом взаимодействии. Как мы только что разобрались, один из подходов к анализу общества предопределен тем, что оно осмысливается как совокупность людей, осуществляющих совместную деятельность. Люди являются главным элементом строения общества, а источником их объединения и последующего формирования общности выступает

социальное взаимодействие. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей»*, – пишет К. Маркс. «...Общество существует не «вне» и независимо от индивидов... а только как система взаимодействующих единиц, без которых, вне которых оно немислимо и невозможно, как невозможно всякое явление без составляющих его элементов»**, – считает П. Сорокин.

* Маркс К. Письмо к П.В. Анненкову 28.12.1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402.

**Сорокин П. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 57.

Последовательная реализация этого подхода заключена в двух выводах. Первый: прекращается взаимодействие – умирает общество. Второй: общество не реально, оно только способ нашего рассмотрения «соединения отдельных людей». Рациональный подход к нему возможен в том смысле, что «общество будет только названием для суммы этих взаимодействий, названием, которое будет применимо лишь постольку, поскольку они установлены»*. С этой точки зрения общество выглядит достаточно рельефным материальным «телом» с определенной формой и отчетливой структурной организацией именно вследствие того, что его смысловой покров условен, представляя собой просто «идеальный синтез» (типизацию) соединения «настоящих реальностей»** – отдельных людей.

* Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909. С. 20.

**Там же. С. 15.

Поскольку жизнь этой «настоящей», или первичной, социальной реальности весьма ограничена в координатах времени, пространства и характера производимого взаимодействия, возникают проблемы осмысления пределов общества как целостности. Дискретность генетического строения (люди и акты их взаимодействия) в такой модели общества не позволяет качественно характеризовать непрерывность развития (мы испытываем затруднение мартышки из мультфильма, изучающей вопрос: три ореха – это уже куча или еще не куча?) Иными словами, исторический период жизни общества оказывается обусловлен либо жизнью конкретных людей, осуществляющих деятельность (концепция общества-поколения), либо завершенностью цикла целенаправленных действий (концепция общества-миссии). Диапазон приписываемых обществу социальных характеристик при этом весьма широк.

Общество, состоящее из людей, должно иметь четкие материальные границы, в которых существует их объединение. В противном случае невозможно отличать общество от не-общества, а также одно общество от другого. Если Вы представили при этом государственные границы, то здорово ошибаетесь – и «вообще говоря», и применительно к логике данной концепции. Пытаясь провести социальные границы общества в его «деятельном» воплощении, мы должны главным образом определить границы совместной деятельности. Но ее акты однозначно локальны. Это семейство, с «братьями меньшими» тянущее из земли «репку», или все человечество, переплетенное прямыми и опосредованными взаимодействиями?

Один из ведущих теоретиков «глобализации мира» И. Валлерштайн интерпретирует сложившуюся систему экономических, социальных и политических взаимодействий как процесс такой интегративной глубины, когда локальные представления об обществе становятся теоретическим нонсенсом. Национальные (государственные) социальные системы предстают лишь частным сегментом реального метасообщества, имя которому – весь человеческий мир. Такое человеческое сообщество структурировано весьма жестким образом, поскольку геополитическая и этнонациональная организация разделения труда позволяет особенно эффективно развивать неэквивалентные формы обмена деятельностью между индустриальными центрами и сырьевыми провинциями единой мировой капиталистической системы*.

*Wallerstein I. Development: Lodestar or Illusion? Bombay, 1988.

Этот тип поляризации социальной структуры «общества» (как мирового метасообщества) имеет в теориях глобалистов функциональную интерпретацию (разработка и продажа технологии качественно противопоставляется добыче и переработке сырья). В ней прослеживается сходство с концепцией Т. Парсонса, который отметил аналогичную закономерность в развитии социальной структуры; держатели информации, как правило, контролируют и используют ресурсы носителей физического потенциала. Воспроизводящаяся экономическая «специализация» национальных

сообществ закрепляет как выгодные, так и невыгодные социальные позиции в международной «общественной структуре». Для современной России, к примеру, это очень актуальная проблема. С одной стороны, она оказалась блокирована более сильными экономическими центрами, ограничивающими ее выход на мировые рынки технологической продукции. С другой – будучи (не самой развитой, но обладающей очень значительной милитаристической системой) индустриальной державой, Россия как производящее сообщество объективно должна вписаться как минимум в «средние» (переходные?), а не периферийные структуры глобальной социальной системы. Внутренняя динамика нашего общества, разнонаправленные давления извне, сложность функционального положения России в зонах ее традиционного экономического и политического влияния создают особый тип напряженности, который улавливается не только государственными и учеными умами, но и обыденным сознанием.

Регионалисты в своих исследованиях, напротив, уделяют основное внимание тенденциям этнокультурной дифференциации, геополитической суверенизации, повышению роли примордиальных солидарностей, приводящим к дроблению, конфликтам и нестабильности внутри ранее целостных социальных образований. «Общества» в их теориях обретают более узкие и конкретные очертания. «Однако эти последние могли бы быть признаны обществами только при наличии особых условий. Важнейшим из этих особых условий является самостоятельность: саморегулирование, самовоспроизводство, самозарождение. Иными словами, социальная система является обществом только в том случае, если она не входит в качестве составной части в более крупное общество»*.

*Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. М., 1972. С. 342.

Если среди социальных систем такое большое число «имитаций» общества, т.е. общности и общество чрезвычайно схожи и различить их можно только по «принципу матрешки» (критериально неопределенному: что значит «входит» составной частью?), модель общества становится менее целостной, менее обусловленной функциональной структурой. Она оказывается составленной из достаточно автономных «включений», внутренняя структура которых позволяет поддерживать самовоспроизводство и оперативную замкнутость. Аналогичное изменение объяснительной ориентации наблюдается, в частности, и в современных представлениях об организации американского общества (переход от концепции «плавильного котла» к концепции «салата»).

Оба подхода к определению границ общества находят свое подкрепление в реальных социальных процессах. Действительно, рыночная природа экономики большинства стран обуславливает их тяготение к образованию максимально емкого общего экономического пространства. Несмотря на сильное социокультурное и политическое сопротивление, интеграция стала реальностью: мировые рынки товаров, мировое разделение труда (как мы боимся стать «сырьевым придатком»!), мировые финансовые системы, Европейский союз... В то же время противоположный подход подтверждают распад СССР, Квебекское противостояние, борьба за суверенизацию Ирландии, кровавый раздел Югославии, Чеченский конфликт и т.д.

Встает и еще один, гораздо более умозрительный, вопрос. Если границы общества пролегают между людьми, то общества разделены не тем, что как бы составляет существо их природы. Почему? Ведь потенциально любые несколько человек могут (и часто вступают) в совместную деятельность, даже если никогда (давно) не осуществляли ее. Если же граница общества проходит прямо «по людям», значит либо общество можно трактовать как «полтора землекопа», что противоречит его заданным параметрам (население или деятельность), либо в обществе есть особые «пограничники», которые какой-то силой постоянно удерживаются на «рубеже». Рассуждая логически, в качестве такой силы можно рассматривать особый тип (характер) социального взаимодействия в каждом обществе, что слабо подтверждается и в теории, и на практике.

Более конкретно проблема границ выражается в другом. Те совокупности людей, которые считаются «обществом», строго говоря, никогда не проявляют себя в совместных действиях как целостность и никогда не проводят формальную границу, очерчивающую действительно устойчивые и воспроизводящиеся единства (нации и этносы, верующих одной конфессии, носителей общего языка и культуры т.д.).

Другой пример: «внутри», в социальных недрах каждого современного общества есть люди,

последовательно уклоняющиеся от проявлений формального или деятельного единства. Социология определяет эти обычные в социальной практике явления как «аномию», «девиацию», «ретритизм», «мятеж». Что это за «внутренние границы» и чем они отличаются от «внешних»? Ответы на эти вопросы есть, но они и поныне носят весьма дискуссионный характер.

Поскольку общество эмпирически трудно определить через его форму, хотя мы привычно оперируем терминами «американское общество», «советское (теперь – российское) общество», как бы договорившись, что имеем в виду человеческое наполнение внутреннего ареала государственных границ, или «народ», можно обратиться к другим индикаторам его материальной телесности. Если общество – реальность, а не плод умопостроений социологов, оно должно спонтанно проявляться как устойчиво повторяющиеся взаимодействия, обуславливающие жизнь общественной системы. При таком подходе объективность общества обосновывается его «телесными» актами, совместными действиями, которые весомерно подтверждают, что общество – не дух, не идея, не фикция, а верифицируемая (подтверждаемая, проверяемая в независимых наблюдениях) материальная практика, изменяющая жизненные параметры вовлеченных в него людей. При этом представления о социальной структуре неизбежно приобретают характер формальной классификаций, так как объединенные в «общество» люди делятся на группы по потенциальным признакам социальной активности: по профессиям, по возрасту или полу, по функциональному типу поселения.

Поскольку берется за аксиому их принадлежность к единому обществу, то индикатором различий становится только характер проявленной социальной активности – их в принципе можно классифицировать на «пассивных», «активных» и «инициативных», а также на «нормативных» и «отклоняющихся». Вот и все вариации. Квинтэссенцией таких типизаций является собственно классовый подход (в конфликтологической и структурно-функционалистской перспективе; не путать с одноименными концептами, например, П. Бурдьё), в котором разделение общественного труда выступает основным источником структурирования общества. Складывающийся при этом «организм», функционально специализированная «система» неизбежно пропитывается «структурными конфликтами», вытекающими из различия социальных положений функциональных групп. Эволюционисты считают их неизбежным побочным результатом, а конфликтологи – требующей исправления несправедливостью.

В разветвленной системе современных социальных взаимодействий структура общества приобретает все более функциональный вид, т.е. люди подразделяются на группы в зависимости от того, каким родом деятельности они занимаются, а характер их взаимодействий с другими людьми и группами определяет их социальное положение. «Индивиды в самом деле группируются здесь уже не в соответствии со своим происхождением, но в соответствии с особой природой социальной деятельности, которой они себя посвящают»*.

*Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 173.

Профессия (род социальных занятий) действительно считается в современном обществе важнейшим критерием стратификации (расслоения) и главным фактором, предопределяющим общественное положение человека. Об этом писал в 60-е гг. Б. Барбер («Первым среди ряда равнозначных измерений стратификации... является престиж профессий...»), а в 90-е гг. К. Кумар, Д. Нэбитт и др. отмечают еще большее возрастание его значимости. Престижность профессии прямо коррелируется с системами социальных и в первую очередь имущественных, денежных, вознаграждений. Даже несмотря на зачастую не соответствующий (как в современной России) уровень профессиональной подготовки конкретных людей, выполняющих важные социальные функции.

Изначально гуманистическая и человекоцентрированная, «деятельностная» парадигма общества в своем последовательном воплощении приводит к отчужденно-абстрактной трактовке социальной структуры (ценность человека – в его социальной функции) и нормативно-конфликтологической интерпретации социального развития. Уклонение от выполнения социально признанных, ценимых общественных функций рассматривается как аномия (ненормальное, болезненное явление в развитии общества), а стремление поменять функцию на более ценную, т.е. завоевать лучшую социальную позицию, – как конфликт.

Социальная структура в таких теоретических моделях общества представлена социальными группами в их конкретном воплощении, расположенными над и рядом друг с другом, а система

взаимодействий – как эквивалентная (обменная в пределах одного социального горизонта) и неэквивалентная (кратическая, экспроприаторская – между уровнями социальной структуры). Динамика социальной дифференциации при этом очерчена весьма схематично, лишь в общих чертах, а сама структура представлена очень обобщенно, поскольку включает только сформировавшиеся и проявляющие себя в организованной деятельности группы, не вбирающие в свой состав все «социальное вещество» общества.

«Черными дырами» в общественном строении (и соответственно «белыми пятнами» в теории его познания) оказываются высокоактивные группы, не закрепленные в легальной функциональной структуре общества: теневой производственный, сервисный, наркобизнес, политические лобби и многие другие, а колоссальные массы «космического газа» в социальном пространстве содержательно игнорируются, поскольку безработные, деклассированные, не выполняющие никакой прагматической социальной функции люди рассматриваются как «маргинальная масса», «люмпен», или ненужный (в значительной степени «лишний») балласт в основании социальной структуры общества. Однако, как мы убедились, именно потенциал маргинальных слоев позволяет реально изменять конфигурацию общества, лежит в основе многих из его динамик.

Иными словами, изучая общество как совокупность взаимодействующих людей, мы сталкиваемся с некоторыми противоречиями, теоретическими препятствиями, которые не позволяют эффективно исследовать «текущие», «переходные» состояния общества и достаточно полно отслеживать процессы развития социальной структуры. А если какая-то версия в существенных частях не работает, а достичь «ясности» нужно, обычно используют самый простой ход – от противного.

Конечно, можно договориться считать «обществом» любую форму локализации общности (очень часто это население, нация, государство), но не приходится рассчитывать на то, что в этих рамках реально существует интегрирующая система социальных сил. Когда был юридически оформлен распад советского государственного союза, оказалось, что некие ныне самостоятельные «части», несмотря на сформированное общее экономическое (функционально-производственное, построенное на разделении общественного труда) пространство, никогда не ощущали себя частью единого общества и теперь яростно отскребаются от скверны вынужденного альянса, а значительные социальные сегменты других «частей» столь же эмоционально тоскуют по временам «нерушимого единства». Конфигурации формально признанного общества и сформированного общества в этом смысле не совпадают.

Новелла об общественных отношениях. В научных текстах нет жесткой констатации, что «общество – это система человеческих связей и отношений». Во-первых, социологи – очень гибко мыслящие люди: сложность и переменчивость объекта исследования побуждает к этому. Во-вторых, они все-таки «художники» и интуиция играет не последнюю роль в научной экспертизе реальности. Поэтому в известных концепциях и теоретических «определениях» причинных связей социальных явлений (фактов) мы часто встречаемся со «смешанными» подходами, т.е. содержательно и эвристически более богатыми, а нередко даже с терминологическим заимствованием.

Например, П. Сорокин, один из наиболее известных теоретиков социальной стратификации, среди важнейших причин формирования коллективного единства (в деятельностной концепции общества) называет «разнородность социальных функций, выполняемых различными индивидами... Каждый индивид своими силами может удовлетворить только часть потребностей. Для удовлетворения остальных он вынужден обращаться к другим индивидам и вступать с ними во взаимодействие. Иными словами, социальная разнородность индивидов – вот одна из существенных причин, гонящих одних лиц к другим и заставляющих их «связываться друг с другом»*. Интересно, что целый ряд известных и оригинальных социальных теоретиков – Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, К. Маркс – объясняют нечто, скрепляющее общественное единство индивидов и воспринимаемое людьми как «весьма сильное чувство состояния зависимости»**, удивительно сходным образом.

* Сорокин П. Система социологии. 1993. Т. 1. С. 346.

**См.: Там же. С. 347. (П. Сорокин цитирует Э. Дюркгейма.)

Чтобы общество взаимодействующих индивидов постоянно не «рассыпалось» теоретически,

как оно и не рассыпается в реальной действительности, наука должна найти специальные объяснения для такой самоинтегрированной практики. Сорокин изящно решает эту проблему, считая, что когда между индивидами «существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют...»*. Иными словами, априорная дополнительность и комбинирование социальных функций приводят к взаимодействию, порождающему коллективное единство и, в конечном счете, общество. Поистине божественная, демиургическая роль для «функций»!

*Там же. С. 102.

К. Маркс, напротив, материалистично опирается в своих объяснениях на «определенную ступень развития... производительных сил» (взаимодействующих посредством техники индивидов), которым соответствует «экономическая структура общества, реальный базис» производственных отношений, определяющих «анатомию гражданского общества» с его идеологическими надстройками *. И в том, и в другом случае исследователи признают, что общество скрепляет в единое целое некая «зависимость», «связь». Такой теоретический ракурс предполагает относительно самостоятельную область значений для определения «общества», которое предстает как «система отношений», или объективно обусловленных (в значительной степени вынужденных) и потому постоянно воспроизводящихся контактов между людьми.

* См.: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6-7.

Здесь сразу нужно оговориться, что самопроизвольные (спонтанные), эмоционально окрашенные связи (любовь, вражда, дружба, соперничество, преклонение, лидерство), возникающие в «микромире» индивидуальных отношений и очень вариабельные, изменчивые по своему характеру, как бы не принимаются во внимание – они «случайны» и потому расположены на смысловой периферии теоретической модели «общества». По крайней мере, им не придают особого значения («Все это мелочи по сравнению с мировой революцией...»).

Вообще говоря, такое пренебрежение логически трудно объяснить. Система общественных отношений в первую очередь характеризуется устойчиво воспроизводящимися или объективно обусловленными связями (некоторые считают, что это одно и то же). Но вот объективность и устойчивое воспроизводство любви эти теории не объясняют, а социальную обусловленность брака объясняют (и находят ее не в любви: распределение сексуальных партнеров, эффективное ведение личного хозяйства, групповое выживание, контроль над репродукцией и многое другое выводится в качестве ведущих причин. Одна из теорий возникновения общества и социальной структуры исходным пунктом считает распределение женщин – фундаментальное правило, которое тем не менее мужчины нарушали всегда, и наиболее болезненно карали друг друга и женщин: за «попустительство»).

Отнюдь не безукоризненно, но достаточно последовательно теоретики «общества как отношений» обращаются к проблеме воспроизводства социальных связей, которые вынуждают совсем непохожих, таких индивидуально разнящихся людей попадать в стандартные ситуации, действовать в них стандартным образом, выносить из них стандартные жизненные уроки и обучать известным алгоритмам поведения своих потомков, которые (уж будьте уверены!) найдут «правильно» организованный сегмент общества для послушной демонстрации освоенных правил.

Исследователи, конечно, обнаружили, что с развитием общества для «дальнейшего упорядочивания» социальных взаимодействий создавались специальные организации, состоящие из людей, объединенных важной миссией (социальной функцией) – указать верный путь остальным. Чтобы даже те, кто и не участвовал в заключении «общественного договора», а просто родился в пределах его «юрисдикции», стал заложником существующего негласного (но отчасти и формализованного в праве) сговора остальных соответствовать социальным ожиданиям друг друга. Это придает коллективной жизни определенность, рутинность и позволяет экономить ресурсы для принятия частных решений.

Складывающиеся в процессе совместной жизни людей, передающиеся потомкам и «приемным» членам привычки контактировать определенным, типическим образом, а в ряде случаев – и собственно организации, поддерживающие их воспроизводство (государство, право, образование, церковь, семья), исследователи системы общественных отношений определяют понятием «институты».

«Институты – это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспосабливаем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов»*. Поскольку речь идет о закреплении определенного характера общественных связей, которые формируют параметры деятельности, можно сделать предположение о принципиальной сочетаемости подходов к социальной организации в первой и второй концепциях общества. Действительно, это имеет место в теории. Например, в исследованиях Т. Парсонса, Г. Ленски само существование социальных институтов объясняется функциональными потребностями поддержки гомеостаза общественной системы.

*Hamilton W. Institution. Encyclopaedia of the Social Sciences. N.Y., 1932. Vol. VIII. P. 84.

Однако если мы вернемся к выявленным различиям в трактовках природы общества, то окажется, что в «системе отношений» социальная структура должна быть представлена именно отношениями, а отнюдь не «группами людей». При всей логической тривиальности – довольно неожиданный вывод! И он последовательно подтверждается в процессе конструирования соответствующих теорий. В некоторых из них социальные институты считаются порождением отношений неравенства, в других анализируется развитие отношений неравенства благодаря работе социальных институтов. Сторонники экономического детерминизма считают, что собственность (как система специфических отношений) порождает власть, а кратологи и теоретики редистрибуции, напротив, выводят отношения собственности из характера институтов власти. Но в принципе все эти на первый взгляд альтернативные подходы основаны на том, что иерархия социальных групп является следствием институционализации определенной структуры общественных отношений.

К примеру, К. Маркс полагал производственные связи первичными и порождающими структуры соответствующих социальных, политических и духовных отношений. Поскольку считается, что субъекты, воспроизводящие определенный тип связей, функционально «закреплены» в устойчивой общественной диспозиции, они образуют иерархию соответственно значимости отношений. Именно поэтому средоточие структурного конфликта Маркс видел в (эксплуататорском, неэквивалентном) характере экономических связей. А институт собственности в его концепции предопределял характер и перспективы развития института власти. Марксистский подход (в значительно модифицированном виде) популярен до сих пор, поскольку отражает общую логику социальной эволюции обществ «экономической эпохи», а также акцентирует внимание на тенденциях развития индустриальной цивилизации.

В работах М. Вебера и Т. Парсонса еще более «технологично» прописана теоретическая перспектива «общества отношений». Структурирование системы общественных связей создает матрицу социальной диспозиции, в которой каждая ячейка – социальное положение субъекта – окрашена характеристикой «статуса» и «престижа», т.е. общественных ценностей и значений, приписываемых «фигурам» носителей отношений независимо от их конкретных (функциональных) качеств. «...Важный комплекс интегративных институтов составляют стандарты социальной стратификации. Речь тут идет о нормативно узаконенном упорядочении единиц общества в соответствии с критериями относительного престижа, который в свою очередь является главной основой влияния»*.

* Парсонс Т. Цит. по: Американская социология. М., 1972. С. 375.

Однако все сказанное выше не самым удовлетворительным образом объясняет процесс «объективного» воспроизводства связей, которые конкретные люди устанавливают и поддерживают друг с другом в процессе своей (в том числе частной) жизни. Не правда ли: «пока никто не смотрит», мы все старались бы увильнуть от предписаний социальных институтов и дать волю своим индивидуальным проявлениям, если бы кое-что иное не удерживало нас вместе, в границах предсказуемого поведения. Мы можем отвергнуть претензии других и перестать соблюдать обычные правила, но вряд ли станем постоянно игнорировать собственные потребности и не соблюдать свои же интересы.

Практика показывает, что большинство людей заинтересовано в сохранении стабильности

собственного мира. Каждый человек социализируется (приобретает основные навыки общежития) под влиянием окружающей его социальной обыденности. Правила поведения, ценности и нормы в первый период своей жизни он воспринимает некритически – просто потому, что нет достаточной базы знаний для сравнения и эксперимента. Очень многие «социальные внушения» мы исполняем до конца собственной жизни, и нам даже не приходит в голову ставить их под сомнение. Накапливая опыт «отношений», большинство людей убеждается в том, что получить от других желаемое легче всего, если соответствуешь их ожиданиям. На многих эта прививка социального компромисса действует всю жизнь, и потому люди поддерживают стандарты общественных отношений «рефлекторно» – по сложившейся привычке не нарушать гармонии естественного для них мира.

Кроме того, люди довольно часто попадают в ситуации, заставляющие почувствовать собственную уязвимость. Стремление получить надежную, достаточно универсальную защиту проявляется в том числе как потребность в корпорации (семейной, когда между тобой и опасностью «мама и старший брат», товарищеской, когда выручают «свои ребята», профессиональной, этнической, гражданской и т.п.). Солидарность как неформальная основа социальной организации (общности) есть форма самозащиты посредством защиты других – как себя. Именно статус принадлежности к общности модифицирует личное отношение и социальные реакции: забота об интересах «своих» часто показывает нам, что социальное тело человека (его связи, общественные потребности и ценности) гораздо более объемно, чем функциональное.

Лучшая защита – нападение. Социальная позиция конструируется закреплением определенных отношений, т.е. требует соответствующих форм активности. А активность – всегда риск. Мы все время рискуем, по-своему обустривая занятые «социальные гнезда», и потому носим с собой целый багаж «ярлычков», выручающих нас при ошибке. Дипломы, звания, кредитные карточки, галстук или значок колледжа (университета), специальные слова и выражения, стиль одежды, манера поведения и многое другое нивелируют наши частные (отклоняющиеся от всеобщих ожиданий) проявления и позволяют представлять перед другими в рамках стандартных типизации. Поэтому люди общаются друг с другом как с представителями определенных корпораций, относительно которых есть распространенные («общепринятые») представления (мнения, стереотипы), и более того, стремятся представить себя как социальную маску («я от Иван Иваныча», «у нас так не принято», «скажу Вам, как профессионал...» и т.п.).

Попадая в определенные «гнезда» – особые системы отношений, человек чаще меняет функциональные, нежели корпоративные, маски и часто блестяще играет десяток ролей за один день, участвуя в разных мизансценах: в семье, на работе, в транспорте, у врача, в магазине. Однако определенные обстоятельства могут заставить его почувствовать и даже проявить солидарность с людьми, играющими схожие роли (для тех, кто помнит, как мы жили лет десять назад, можно привести в пример солидарность советской очереди).

Поскольку солидарности возникают по разным поводам, захватывая разные уровни жизненных ценностей разных людей, однозначный ответ на вопрос «С кем я?» невозможен без уточнения «По какому поводу?» И вот ценность сохранения родовых традиций требует объединяться с одними людьми, развития профессиональной культуры – с другими, вероисповедания – с третьими, реализации политических целей – с четвертыми. Области возникших связей при этом перемещаются, накладываются друг на друга и расходятся розой, нередко оставляя в сфере полного пересечения только тебя самого... Общество как «Я сам», видимо, и является нижней границей смыслового порога возможных определений. Верхнюю понятийную границу определяют солидарности, объединяющие максимально большое число людей: это нации и народы, религиозные конфессии, «партии выживания» с нефиксированным членством (экологические, антивоенные, молодежные) и др.

«Общество как совокупность отношений» в своей завершенной трактовке позволяет решить целый ряд теоретических проблем, поскольку признает гомогенность собственных границ (ведь люди – существа хотя бы отчасти духовные и выступают не только субъектом, но и объектом отношений, транслируя и воспринимая их общий характер), а также свою более сложную пространственную конфигурацию. Оно позволяет объяснить экспансию вовне (империи, цивилизации), процессы социального (социокультурного) обмена внутри и между обществами, т.е. принципиальную открытость общественных систем наряду с возможностью реализовать оперативную закрытость, прервать отношения в определенном спектре каналов обмена или в

отдельных сегментах общества.

Структура общественных отношений, таким образом, создается на «макроуровне» социальных взаимодействий, в процессе институционализации (самовоспроизводства) общества, и закрепляется на «микроуровне» межперсональных контактов, в которых люди предстают друг перед другом в социальных «масках», облегчающих им процедуру идентификации (определения, узнавания) и продуктивного информационного обмена. Чем более массовым и организованным становится общество, тем более распространяются «представительные» социальные контакты и тем чаще человек выступает либо носителем определенных функций (в силу институциональных предписаний), либо посланцем определенных статусных групп («солидарностей»).

Отсюда вытекают очень важные операциональные следствия. В о - п е р в ы х , большое количество исполняемых социальных ролей в противоречивых контекстах чужих ожиданий оставляет человеку лишь два альтернативных выхода – либо стать отличным актером (профессиональным социальным игроком), либо сделаться невротиком (потому что конкуренция ролей приводит к «раздвоениям личности»). В о - в т о р ы х , в игре очень важны партнерство и возможность быть принятым, для чего люди демонстрируют статусный потенциал («символические рекомендации»). Хороший игрок должен знать «правила игры» и быть «техничным» в их исполнении. Для того чтобы научиться этому и в роковой момент сказать: «Маска, я Вас знаю!», – придется над собой поработать. Это не только повысит Вашу социологическую культуру, но и создаст самый эффективный и надежный жизненный капитал.

Новелла о социальных коммуникациях. Рассмотрев общество как принцип организации и как произведение людей, пора перейти к вопросу: имеем ли мы дело с самостоятельным явлением или же с характеристикой определенных аспектов человеческого бытия. Вначале общество предстало перед нами как результат классификации, или типизации, недолговечных человеческих взаимодействий, т.е. в качестве инструмента осмысления (и освоения) реальности. Затем оно обернулось иллюзорной, игровой реальностью, которую формируют люди, обозначая и приписывая значения, создавая общие смысловые перспективы, подтверждая актуальность неких ценностей и подчиняясь регулирующим воздействиям духовных норм. Существует ли общество «на самом деле» и в чем оно тогда проявляется, каковы доказательства его особого бытия, мы рассмотрим вместе со сторонниками оригинальных и не всеми разделяемых современных подходов – культурологических и коммуникативных.

Если «общество» существует, оно должно само себя воспроизводить, и поддерживать собственную целостность, и контролировать свои конкретные состояния (получать информацию и реагировать на изменения). А поскольку понятие «общество» генетически связано с понятием «люди», необходимо особым образом определиться с отношением этих двух социальных явлений друг к другу. Например, в концепции общества как системы отношений проблема «личность и общество» обычно формулируется как «производственная» и вследствие ее принципиально циклического, замкнутого характера (люди создают общество, а общество формирует людей) ее решение становится предметом веры, выводом из односторонне принятой аксиомы. Вера обычно придает нашим взглядам большую определенность, но ее не назовешь решением проблемы в строгом смысле.

Казалось бы, концепт «социальных институтов» объясняет процесс воспроизводства общества, да и существование статусной структуры (системы оперативно заполняемых социальных позиций) можно рассматривать как самостоятельное бытие общества. Но институты, по определению, воспроизводят только специфические типы социальных отношений, и нужно дополнительно рассмотреть особый «институт институтов», чтобы осмыслить воспроизводство системы общественных отношений как целостности. К тому же и статусная диспозиция не существует сама по себе: она требует перманентной поддержки и признания людей, часто совсем не заинтересованных, а, скорее (в силу вырабатываемых у них «обществом» селективных качеств), «зачарованных» необходимостью соблюдения сложившихся норм. И первый, и второй аргументы склоняют к поиску более корректных определений общества, этого «генератора социального гипноза», попадая под влияние которого мы становимся согласованно живущей ассоциацией. Такого рода поиски отчасти ведутся направленно (разработка новых способов концептуализации), отчасти оказываются результатом обобщения «побочных продуктов» других подходов и теорий. Макроуровень новых интерпретаций общества, как и следует ожидать, представлен «системщиками», микроуровень – как ни странно – в основном культурантропологами.

Главное подтверждение того, что общество существует как особая, самостоятельная сущность, исследователи в первую очередь ищут в его самовоспроизводстве. Если нечто производит себя собственными внутренними операциями, используя продукты, созданные внутри системы, значит, оно обладает относительно независимой жизнью и не является результатом действия исключительно внешних факторов. О природе такой «самости» высказываются довольно смелые (и многих смущающие) гипотезы. «Мы должны несколько рискнуть при определении способа оперирования, при помощи которого общество производит и воспроизводит себя... Мое предложение: положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия, – пишет Н. Луман. – Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникацию из коммуникаций»*. Столь оригинальную идею (трактовки общества как транслируемой информации в диапазоне непрерывных актов «сообщения» и «понимания») он обосновывает методологически весьма убедительно.

*Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 31.

В основе концептуализации общества (общественной системы) как некоей самости лежит проблема границ. Любая система с точки зрения формы есть определенное различие между ней самой и окружающей средой, которое производится как изнутри, так и снаружи. Мы сами (россияне), и японцы, и американцы, и другие «свидетели» часто сходным образом идентифицируем «российское общество» как ограниченное социальное пространство со специфическими внутренними процессами и культурными характеристиками. По логике вещей, мы (люди) должны также объективировать «общество», отличать его от себя, признавая его самостоятельное существование, а общество должно проявляться в особых, самодостаточных формах, отделяющих его собственное «тело» (систему символических сообщений) от реальности социальных «свидетелей» (их позиций, установок и мнений).

Сохранение системного единства и определенной формы общества требует специфических, согласованных, целенаправленных операций: с одной стороны, по самопроизводству и самоорганизации его элементов, с другой – по контролю за внутренними параметрами системы и ее метаболизмом (обменом продуктами со средой). И в том, и в другом случае речь идет о сохранении и регулировании «границ». Внутренние взаимозависимости производимых элементов и их особой комбинации создают энергетический кокон, обеспечивающий силу натяжения «поверхности» (границ) общества, а обращенность актов системы «вовнутрь», на самовоспроизводство, характеризуют такое важнейшее качество, как оперативная закрытость системы коммуникаций.

При таком подходе к обществу «социальной операцией является лишь сама коммуникация», которая каждым своим событием открывает и закрывает систему. Говоря более «ясным» языком, любое (информационное) сообщение либо воспринимается, либо отклоняется человеком, создавая момент неопределенности «выбора» между дальнейшим производством или пресечением акта коммуникации (бифуркацию в процессе развития коммуникации). Восприятия рассматриваются как своеобразные «поры» (ворота, шлюзы) системы (общества), поскольку в избранной Н. Луманом теоретической перспективе «конкретные люди являются не частью общества, а частью его окружающей среды. Нет большого смысла утверждать, что общество состоит из «отношений» между людьми. Понятие коммуникации содержит в себе гораздо более точное предположение (но и реконструирует то, что полагают обычно социологи, когда говорят об «отношениях»)*».

*Луман Н. Указ. соч. С. 33.

Общество, рассмотренное как поток самовоспроизводящихся информационных сообщений, отражает специфику социальной системы, которая предстает «самоописывающей и самонаблюдающей», поскольку коммуникации предполагают последовательность, тематическое обобщение, сомнение (критику) и нормирование в пределах собственных границ. Люди же, которые в такой теоретической модели являются автономными «системами» и в принципе могли бы дать независимое внешнее описание «общества», оказываются заложниками стереотипов восприятия воспитавшей их культуры (символических сообщений – «коммуникаций» и их социальных значений – «отношений»).

Поскольку процесс социализации формирует (производит, «окультурирует») индивидов, они

используют определенные (предписанные культурными нормами) «схемы наблюдения» общества и детерминируют себя «к установлению того, что поведение согласуется с нормой или отклоняется от нее». В этом смысле эффект накопления (резонанса) определенных информационных возбуждений закрепляет коммуникативные паттерны в воспроизводящихся символах и системах значений конкретной культуры, а те в свою очередь запускают механизмы самодетерминации социальных структур.

Человек становится общественным существом «в процессе его превращения в *Homo faber*'а, в *Homo loquens*'а и в *Homo ludens*'а, т.е. научаясь нечто практически делать, начиная играть в человеческие игры и овладевая речью; но и то, и другое, и третье суть формы культуры – осмысленной и целенаправленной, генетически не программируемой и не кодируемой свободной деятельности»*. Таким образом, культура может быть рассмотрена как относительно автономная от индивида система трансляции коллективного опыта, поток сообщений, передающих социальную информацию. Причем общество как воспроизводящаяся коммуникация предполагает возможность наследования сотворенных людьми символов, а также их значений и смыслов, не только внутри «здесь и сейчас существующих» человеческих ассоциаций, но также в социальном пространстве и времени. В этом смысле можно рассматривать процессы социальной ассимиляции, «культурное подражание» низших слоев образу жизни элиты, колониальное развитие, устойчивое воспроизводство системы духовных паттернов в истории европейской цивилизации, феномен российского общества (уклоняющегося и от насильственного овосточивания, и от регулярных политических вестернизаций)...

*Каган М.С. О структуре современного антропологического знания // Очерки социальной антропологии. СПб., 1995. С. 35.

Более того, человек с этой точки зрения сам целиком предстает как артефакт, продукт культурного производства, и создается обратная перспектива: теперь люди образуют «среду», «случайный» фон, контекст общества, которое существует как система воспроизводства культуры посредством коммуникации. При этом на первый план выступает проблема кодирования, или согласованного обмена между «человеком» и «обществом» на границах их теоретического различия. Одним из распространенных подходов в двух других моделях общества является признание людей производителями: они создают «вторую (искусственную) природу», предметы культуры, а также духовные символы, которые упорядочивают и социальное («отношения»), и эмоциональное («переживания», восприятие информации) поле их общежития. Тем не менее оказывается, что творчество человека весьма ограничено самим характером воспроизводящихся коммуникаций, поскольку поддержка (восприятие и отклик) как интегральный элемент воспроизводства сообщений обуславливает в целом низкую трансферабельность (изменчивость) культурных форм.

Конечно, мы живем в век технических, научных и социальных революций, но именно они показывают нам, что преобразовательные возможности человека не безграничны, а его инновации становятся транслируемыми и воспроизводимыми только в подготовленной системе коммуникаций. Теорию английского физика О. Хевисайда, который обосновал особые электрические свойства определенных слоев земной атмосферы, давно забыли, и только через много поколений такого рода информация приобрела производственно-технологическое значение в развитии телекоммуникаций. И открытие было сделано вновь. «Изобретение велосипедов» – общее следствие консервативной общественной практики, которая построена на селекции определенного типа коммуникаций и изменяется под влиянием большого числа «типовых» отклонений.

Воспроизводство коммуникаций и их мультипликация имеют очень интересные закономерности с точки зрения социального анализа. Весьма различные по своему характеру коммуникации часто реализуют один и тот же «культурный генотип». Такие специфические сообщения, как словесные обращения, форма и цвет одежды, разделение на части жилых и ритуальных помещений, практикуемый способ передвижения в физическом пространстве, могут означать одно и то же с точки зрения социальной структуры. «Так, разделение на две части внутреннего пространства кабилеского дома... несомненно, устанавливает парадигму любых делений разделяемой площади (в церкви, в школе, в публичных местах и в самом доме), в которые переводится снова и снова, хотя все более скрытым образом, структура разделения труда между

полами»*.

* Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики. М., 1993. С. 36.

Поскольку структура общества (системы коммуникаций) неизбежно предписывает соответствующую конфигурацию социальной структуре (не верите просто переоденьтесь, слегка измените стиль сообщений о себе и наблюдайте за изменениями отношения к Вам и взаимодействия с Вами), любой социальный знак может рассматриваться в качестве индикатора. При этом главный принцип социолога – искать подтверждение полученной информации в нескольких независимых источниках – помогает выявить еще одну важную закономерность: форма и характер сообщений предъявляют негласные условия своим участникам. Эти условия при операциональном подходе могут восприниматься как правила, а их выполнение – как поощрительный механизм игры в социальные взаимодействия и перемещения.

Поскольку человек в прямом смысле слова является произведением (культуры), он может жить только в особой реальности созданных им значений – в мире символов. «Я поддерживаю, – пишет К. Гиртц, один из лидеров символическо-интерпретативного подхода, – по существу семиотическое понимание культуры. Полагая, вместе с Максом Вебером, что человек есть животное, подвешенное к паутине значений, которую он сам сплел, я понимаю культуру как эту паутину и ее анализ, следовательно, не как экспериментальную науку в поисках закона, а как интерпретативную в поисках значения»*. В таком ракурсе изучение строения общества становится делом социальной семантики: фиксации знаков различий в символической структуре и их интерпретации.

*Geertz C. The Interpretation of Cultures. 1973. P. 5.

То, что проявляется в западном обществе «социальных достижений» как символическая динамика изменения статуса путем прямой экспансии в физическое, социальное и культурное пространства (дома, поместья, автомобили, звания, посты, образование, коллекции произведений искусства и т.п.), в обществах с более стабильной статусной диспозицией может осуществляться не только в переносном, но и в прямом смысле как игра. «Кровавая баня» статусов – петушинный бой на Бали – есть лишь эстетическое переживание невозможной в этом обществе, фантазийной социальной мобильности, ощущение структурирующих общество реальных эмоций, более мягко проявленных в неигровых формах коммуникации. «Образ, фикция, модель, метафора – петушинный бой есть средство выражения; его функция – не смягчать социальные страсти, не разжигать их... а посредством перьев, крови, толпы и денег изображать их»* Geertz. C. Op. cit..

*Geertz C. Op. cit. P. 443–444.

Своим собственным теоретическим путем антрополог К. Гиртц приходит к тому же выводу, что и социолог Н. Луман: «...Общества, как и жизни, содержат свои собственные интерпретации. Нужно только научиться находить к ним подход»*.

* Ibid. P. 453.

Культура, коммуникация, символ, значение, интерпретация становятся областью смыслов, с помощью которых современные социальные мыслители теоретизируют по поводу «общества». Дадут ли такие подходы новые возможности в изучении процессов социального структурирования? Позволят ли эффективно вторгаться в процессы форматирования социального пространства как на индивидуальном, так и на глобальном уровнях? Проще говоря, можем ли мы в своей индивидуальной жизни манипулировать социальной реальностью и способно ли общество как реальность манипулировать нами? Оставаясь в рамках этой теоретической перспективы, интуитивно хочется согласиться... Но не будем забывать о других взглядах на проблему.

Теории происхождения общества

Посмотрев на общество «механистически», «спиритуалистически» и «семантически» и отдав должное изысканности социологических интерпретаций, способных запечатлеть как портрет человека на фоне общества («Герой нашего времени»), так и портрет общества на фоне людей

(«Язык предков»), обратимся к проблеме первоисточников зарождения человеческой ассоциации.

Сколько вы знаете гипотез происхождения общества? «Стихийные» социологи в нашей стране обычно отмечают три:

- естественную («труд создал человека» и превратил стадо в культурное сообщество производителей),
- божественную («Бог создал человека» и заповедовал ему материальный мир и нравственный закон),
- космическую («инопланетяне создали людей» и манипулируют человеческим прогрессом в своих лабораторных целях).

Все они ценны и интересны, в равной мере дискуссионны, и ни одна не отвечает на вопрос о «технических деталях» социогенетического механизма, производящего социальную организацию.

В то же время сложился ряд научных теорий, которые, взяв за основу одну из особых характеристик биологии человека, рассматривают вытекающие из нее этапы социального конструирования общественных объединений.

Действительно, если проигнорировать (за недоказанностью) тезис о том, что организм такой сложности, как человеческий, просто не мог сформироваться эволюционным путем за короткий период существования жизни на Земле, и тем самым отвести все «демиургические» и «мутационные» концепции, остается рассмотреть, каким образом человек воплотил свою собственную природу в созданную им общественную систему и социальную организацию.

На этот счет существует ряд интересных догадок, каждая из которых нашла достаточно развернутое теоретическое воплощение и имеет свой доказательный ряд: инструментальная, семантическая, сексуальная, гендерная, кратическая. Рассмотрим их в общих чертах.

Инструментальная концепция, ставит во главу угла человеческую догадливость и сообразительность, повлекшие изобретение специальных орудий для удовлетворения потребностей. Примитивные, а затем все усложняющиеся, они сэкономили усилия человека в добыче тепла и пропитания, обеспечении защиты и сохранении продуктов. Используя орудия, люди обучались трудиться, повышалось их благосостояние. Это привело к функциональному делению общины и закреплению системы разделения труда, а также к появлению экономических различий между людьми и семейными группами. Возникла и стала развиваться социальная организация.

Сексуальная концепция базируется на такой особенности человека, как внесезонный характер размножения и удовольствие от спаривания. Это сочетание физиологических характеристик приводит к спонтанному, неконтролируемому хаосу вынашиваний и рождений, которые выбивают жизнь группы из ритма, делают ее непредсказуемой, требуют обеспечения повышенной физической защиты слабых членов общины – женщин и детей – и могут создавать нагрузки, губительные для конкретного сообщества. Установление контроля над рождаемостью связано с формированием семей и возникновением норм, регулирующих сексуальные, а вместе с ними и другие отношения членов общины. Регламент воспроизводства, развиваясь и принося свои плоды в виде более предсказуемой перспективы, возможности планировать хозяйственную жизнь и персональные взаимоотношения, дает социальную организацию, которой человечество успешно пользуется до сих пор.

Кратическая концепция опирается на принципы общей теории систем и выводит возникновение человеческих ассоциаций, способных выполнять сложную целесообразную деятельность, из развития управляющей подсистемы. Сила и ум, присущие людям, распределены среди них неравномерно. Соединяясь с природной экспансивностью (жадностью и любопытством), эти качества легко превращаются в «монополии», когда приоритет человека по значимому признаку (физическая мощь, ловкость, изобретательность, наблюдательность и др.) позволяет ему занять позицию лидера и прибрать к рукам сразу все выигрыши: лучшее место, лучшую пищу, лучших сексуальных партнеров и т.п. Научаясь повелевать и принимать знаки подчинения соплеменников, лидеры начинают формировать и утверждать систему правил почитания вождей, передачи власти, распределения привилегий среди остальных членов общины. Нормы, сохраняющие и поддерживающие отношения неравенства (суть: порядка), ложатся в основу социальной организации, т.е. регламентированной, упорядоченной, подконтрольной в своей деятельности и развитии человеческой ассоциации. Элита, получая желаемое, использует власть – разнообразные рычаги влияния на массу, чтобы сохранить привилегию своего положения

и присваивать создаваемые группой ресурсы, но взамен, в силу своей же заинтересованности, стремится обеспечить защиту, рост и процветание общины (продуктами которой она кормится).

Гендерная концепция основана на анализе распределения социальных ролей между полами. Рожденная в русле феминистской социологии, она отражает гамму теоретических установок исследователей, изучающих половое неравенство в обществе. Поскольку женщина обладает биологической монополией на воспроизводство рода, а в силу физической недееспособности человеческих младенцев становится не только родительницей, но и первым образцом для подражания, она «по естеству» обладает значимостью и распорядительной волей. Мужчина в силу тех же причин индивидуально незначителен, заменяем и функционально занимает роль сервера по обслуживанию процесса воспроизводства, обеспечивая: зачатие, защиту, тепло, кров и питание. Неудовлетворенные своей вспомогательной позицией, мужчины (и в этом состоит их историческая гениальность) создают искусственный противовес женской монополии воспроизводства в виде мужской монополии на установление порядка. Теоретики феминизма делают вывод, что в тот момент, когда происходит договор между мужчинами о распределении женщин, возникает социальная организация, общность, в которой действуют правила общежития. Несмотря на то что мужчины испокон века нарушали собственные договоренности, они продолжают держаться своей первобытной круговой поруки и не допускают женщин в социально значимые сферы, связанные с руководством, распоряжением ресурсами, властью. В этом смысле политика есть порождение андрогенной цивилизации (которая, кстати, именно в период нашей жизни потихоньку приходит в упадок и расслабление, поэтому роль женщин в современном мире повышается и существенно видоизменяет сложившиеся отношения, решения и структуры).

Семантическая концепция строится на признании слабости человека как биологического существа. Люди действительно потрясающе уязвимы и в физическом, и в психическом смысле. Стоит также допустить, что мы не самые хитрые и не самые умные на планете (хотя бы потому, что мы самовлюбленные, т.е. «слепые», и недалёковидные, т.е. «тупые»). К тому же, для разнообразия, стоит подумать над тем, что человек – один из относительно молодых видов, поскольку антропологи отводят ему самое большее 8–10 миллионов лет эволюции, в то время как по планете бегают, ползают и плавают существа, в десятки раз более «апробированные» разнообразными циклами земной жизни, поэтому считать себя достаточно неуязвимыми у нас нет никаких оснований. В связи с этой биологической слабостью закон выживания толкает человеческих индивидов к объединению усилий, к созданию коллективного «органического тела», способного справляться с множеством разнообразных задач. Групповое взаимодействие связано с координацией усилий, дифференциацией и комбинированием функций. Такая сложноорганизованная деятельность требует предварительного согласования и непосредственной корректировки. Это возможно только с развитием общения, с использованием языка. Разрабатывая «обозначения» и символы, договариваясь о правилах толкования знаков, все активнее используя речь, люди формируют организованный мир коммуникации, которая предваряет, опосредует и завершает циклы материальной, продуктивной, деятельности. В результате возникает система упорядоченных (договоренных) коллективных взаимодействий и специальных групповых функций, формируется общество.

Социологические концепции происхождения человеческих ассоциаций, как видим, очень разнообразны. Они апеллируют к разным факторам формирования наблюдаемой сегодня общественной реальности. И действительно, техника, семья, власть, неравенство, язык являются неотъемлемыми, существенными факторами организации особого облика современных обществ в их уникальном воплощении.

Современное общество: гуманизация среды

Продолжая уточнять наши представления об «обществе», мы следуем традиционным путем научной логики: от общего – к частному. Рассмотрев общество как среду обитания человека, как общность «вообще» и как специфическую общность «в частности», изучив факторы его возникновения, стоит пойти дальше и выяснить, что оно представляет сегодня, т.е. обратиться к социологии современного общества.

Однако первым делом нужно разобраться с терминами. Что такое «общество», нам уже более или менее ясно, а что такое «современное» – это еще вопрос. Поскольку «общество» есть

качественная характеристика общности современного типа, то дефиниция «современное общество» звучит для понимающего человека примерно как «масло масляное» – весьма тавтологично. Следовательно, надо стать еще более компетентными знатоками, чтобы различать нюансы этих значений.

Сложность различения состоит в следующем. В понятии «современное общество» переплетаются и характеристики сложной организации крупных статусных сообществ, и указание на качественно новый тип социальной системы, и отнесение явления к исторической современности. В этом плане современное *нам* российское общество является «обществом», но не «современным», поскольку оно по принципам своей организации и по сформировавшимся к концу тысячелетия тенденциям социальных изменений не может быть отнесено к социологической постсовременности.

Если свести воедино многочисленные разнообразные индикаторы (критерии, показатели) современного общества, то получится интересная картина скрытого до времени, но очень существенного разлома нашего метасообщества (человечества) на качественно различающиеся составные части (табл. 5).

Таблица 5. Сравнение индикаторов общества Нового и Новейшего времени

Индикатор	Современное общество (Новое время)	Современное «современное общество» (Новейшее время)
Технический базис	Индустриальный	Информационный
Основа благосостояния общества	Товары	Знания
Ведущая отрасль	Промышленность	Сервис
Массовый класс	Рабочие	Служащие, управленцы
Принцип управления	Руководство	Согласование
Социальная структура	Статусная, «зернистая»	Функциональная, «сотовая»
Политический режим	Авторитаризм, представительная демократия	Непосредственная демократия, самоуправление
Идеология	Социоцентризм	Гуманизм
Религия	Мировые религии	Мелкие конфессии

Если просто «современное общество» рассматривалось социологами как результат общественного договора, продукт разделения труда или система классово-эксплуатации (и достаточно было произнести магические формулы «свобода, равенство и братство» или «демократия, права человека и частная собственность», чтобы понять, о чем идет речь), то нынешнее «современное общество» – гораздо более сложное и специфическое образование, которое в трех словах не опишешь, поэтому социологи строят многомерные теоретические модели для отражения этой новой «современности».

К последней четверти XX в. почти одновременно прозвучали три «выстрела» – в научный оборот вошли и стали популярным инструментом анализа и социального прогнозирования концепции *постиндустриального общества* Д. Белла*, *глобального общества* И. Валлерштайна** и *коммуникативного общества* Н. Лумана***.

* Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

** Wallerstein I. The Modern World System. N.Y., 1974.

*** Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Opladen, 1970–1984. Bd 1–3.

Интересно то, что практически все они строили свою логику размышлений о современности, исходя из признания автономности развития разных сфер общества (экономики, политики и культуры). А поскольку такая научная позиция не требовала соединения в одной модели всех наблюдаемых соответствий в жизни общества, поскольку каждая область социального развития имеет свои собственные причины и механизмы, они выявляли реальные организационные изменения (в строении и функционировании) современного общества.

Смена технологического базиса, которая отражает прогресс прикладного знания и совершенствование средств производства, действительно вывела современное общество за рамки детерминистской логики экономической цивилизации (доиндустриального и индустриального типа). Добыча (в аграрных обществах) и переработка (в промышленных) продуктов природы

сменяется добычей и переработкой информации и преимущественным развитием сферы услуг.

Изменение технологии сказывается на организации всей системы социальных связей. Меняются структура занятости, соотношение разных профессионально-квалификационных групп. Доля живого труда в производственных затратах катастрофически снижается (почти до 1/10), и теряет смысл расчет стоимости по капиталовложениям, поскольку «общество потребителей» перестает интересоваться тиражируемым (массовым) товаром и ищет уникальных, индивидуально-ориентированных, творческих способов удовлетворения потребностей своих членов. «Стоимость» окончательно превращается в «ценность» (для покупателя важно не сколько вложено в товар, а что он для него значит), а «собственность» (которая, по К. Марксу, реализуется только в адресном доходе, полезном эффекте от употребления) становится экономическим нонсенсом, поскольку эффект от использования информации тем больше, чем больше она распространена. (Поэтому реклама – зачастую самые значимые вложения производителей товаров и услуг – для наивных потребителей распространяется бесплатно.)

Информационные технологии захватывают важнейшие сферы жизни современного общества: промышленную, милитаристическую, политическую и культурную. Они создают принципиально новые условия для индивидуальной конкуренции. Поскольку в современном обществе структура социальных позиций определяется экономическими статусами, а те в свою очередь – преимущественно характером профессиональной деятельности человека*, разницу стартовых условий социального продвижения определяют уже не расовые, половые или возрастные различия, а образование, опыт, мастерство, талант. Одним из далекоидущих последствий «информатизации» и «серверизации» общества является тенденция «лидерства женщин»**, наконец получивших реальный шанс соперничать в сфере равных (наука, образование) или даже приоритетных для них (услуги) возможностей. В России, где женщины в массе давно более образованы и эмансипированы, чем мужчины, они эффективно реализуют выгоды свободной конкуренции между полами в сфере малого бизнеса.

*Kumar K. *The Rise of Modern Society*. Oxford, 1988.

**Naisbit J., Aburdene P. *Megatrends 2000: Ten New Directions for the 1990's*. N.Y., 1990.

Новый технологический базис производства изменяет само содержание труда, который должен быть: ответственным, профессиональным, компетентным, творческим. В противном случае нарушается технология, падает эффективность, снижается конкурентоспособность, система приходит в упадок. Недаром японский менеджмент во второй половине XX в. одержал чистую победу над американским: социальные технологии выиграли у безупречной технической оснащенности предприятий.

Вообще говоря, анализ динамики социально-экономического развития ряда современных обществ позволил специалистам выявить прямую связь между стратегией капиталовложений и экономическим ростом. Развивающиеся страны, направляющие значительные инвестиции в образование и науку, вышли в число конкурентоспособных мировых лидеров производства, а те, кто за счет продажи ресурсов «латает» экономические и социальные дисбалансы общества, оказываются в углубляющемся кризисе. Знание в современном мире – это важнейший ресурс, позволяющий радикально повысить качество социального управления и использовать возможности организации, не прибегая к другим видам капитала.

Повышение значимости и постоянное развитие информационных процессов приводят к совершенствованию коммуникационных сетей и средств сообщения во всем мире. Теоретики глобализации современного общества связывают социальное развитие технологических лидеров с их экономической, политической и культурной экспансией. И. Валлерштайн в своей теоретической концепции* доказывает, что в 1750–1950 гг. шел процесс становления единой мировой капиталистической системы и происходила поляризация мира. Ядро глобального общества, состоящее из мировых лидеров (производства), использовало выгоды своего положения и закрепляло приоритеты за счет применения этнорасовых форм организации труда (проще говоря, эксплуатации колоний и национальных окраин).

*Wallerstein I. *Development: Lodestar or Illusion?* Bombay, 1988.

Критикуя теорию К. Маркса, Валлерштайн доказывает невозможность мощного

индустриального развития европейских стран при условии эксплуатации исключительно собственных хозяйственных и трудовых ресурсов. Только привлечение сырьевых источников и дешевой рабочей силы менее развитых обществ, попадающих в экономическую, затем политическую и социокультурную зависимость, позволило быстро обогащаться метрополиям, наиболее сильные из которых фактически становились империями.

К середине XX в. ядро (развитые общества) стабилизировалось, поскольку весь «окраинный», периферийный мир оказался захвачен (вовлечен, экономически привязан к центру) – экстенсивный путь развития мировой системы завершился. Всемирное (глобальное) общество остается структурно поляризованным, и надежд на национальное развитие в такой системе организации питать нельзя – оно достижимо не для всех и только за счет других, считает И. Валлерштайн.

Это совсем не тот вывод, который мог бы порадовать или хотя бы обнадежить россиян, поскольку именно наше государство (а вместе с ним и общество) в силу ряда причин чисто социального, характера утратило позицию мировой сверхдержавы и не использовало ресурсный и мобилизационный потенциал, который позволил бы ему удержаться в «ядре», не скатываясь на уровень экономической периферии. Более того, новое положение российского общества в мировом сообществе, строго следуя модели Валлерштайна, должно бы быть осмыслено в двух перспективах:

- возможности обретения политических союзников и
- возможности радикального совершенствования технологической базы производства.

Именно эти две проблемы следует решать в первую очередь, потому что в рамках представлений глобалистической концепции общества монополия центра может быть нарушена исключительно объединением менее развитых стран на региональном уровне с целью противодействия экономическому диктату «ядра». Валлерштайн называет это «эффективностью локальных атак на средние нормы прибыли» в регионах сырьедобычи, которые при частом повторении и широком охвате участников экономического сопротивления дадут «кумулятивный эффект».

Однако действительное «выползание» отдельного общества, одной национальной экономики из болота социальной зависимости возможно только при условии создания субпериферии, т.е. более слабого окружения, которое в свою очередь должно будет отдать свои ресурсы на строительство локального «ядра». При том что Россия остается державой регионального значения, это довольно реалистичная перспектива противодействия экспансии более мощных «партнеров», но она входит в существенное противоречие с новыми политическими идеологемами общества. (Заметим, что пресловутый «социологический цинизм», собственно, заключается в том, чтобы замечать и фиксировать то, что «есть», а не то, что «должно быть» или «хочется, чтобы было». Нам зачастую не хочется замечать «унизительные» отступления государства с прежде доминирующих политических, экономических, военных и иных важных позиций, но победа невозможна без осознания причин поражения, а удовольствие побыть империей – без дорогой платы.)

Вторая проблема – технической модернизации – возникает в связи с тем, что социально-экономическая глобалистика делит «ядро» и «периферию» современного мирового сообщества по очень конкретному принципу. Поскольку внутри системы происходит постоянный обмен – в полном соответствии с рыночными коммуникативными принципами – и поскольку в результате обмена распределение богатства и социального благополучия оказывается весьма неравномерным – в полном соответствии с кратическими, властными, организационными принципами, достаточно лишь проанализировать, меняются ли «сапоги на сюртуки» или «зеркальца и стеклянные бусы на золотые украшения».

Оказывается, что нет и нет: идет обмен знаний на ресурсы, информации на энергию. «Ядро», пользуясь своим интеллектуальным (хотя, конечно, и экономическим) превосходством, продает технологии и вывозит капитал (отнюдь не с благотворительной целью развивать местные экономики своих «придатков»), а «периферия» продает сырье, товары и человеческие ресурсы (дешевых работников), вывозя искусство, интеллект и часто – женщин (тоже не в знак признательности, а от безысходности). По этой причине вытеснение России с мировых рынков технологий и высокотехнологичной продукции (которую производит в основном отечественный военно-промышленный комплекс), а также «утечка умов» должны рассматриваться обществом как реальные угрозы будущему социальному благополучию.

Однако не только проблемы экономического отставания могут беспокоить общество, находящееся на пути модернизации («осовременивания»). Его должна страшить перспектива как «неуспеха», так и полного успеха. Если обратиться к концепции Н. Лумана, то «коммуникативное общество» на постсовременном этапе развития в силу объективных причин начинает терять мобилизационные возможности и собственную идентичность.

Проходя в своей эволюции этапы сегментации, стратификации и функциональной дифференциации, общество в конце концов переживает состояние автономизации всех своих важнейших систем. Хозяйство, политика, право, наука, религия начинают воспроизводиться по своим собственным законам, что делает развитие общественной системы бессвязным, несогласованным и дисгармоничным. Все социетальные сферы (специализированные системы отношений) общества «говорят на разных языках», или, иными словами, используют разные «символически обобщенные средства коммуникации», поэтому их семантические миры «непрозрачны» друг для друга, а ценности одной подсистемы индифферентны (безразличны) для другой.

Такой слегка «рассыпающийся» мир не может регулироваться общими культурными нормами, как считал, например, Т. Парсонс, он строится на «акциях» и «интеракциях» (событиях и простейших социальных системах, с точки зрения Н. Лумана), которые возникают благодаря согласованию, здесь и сейчас, взаимодействующих субъектов.

Поскольку «общество» Лумана состоит из «коммуникаций», комплексы которых самовоспроизводятся (это аутопойетические системы) и самоосознаются как соотнесенные к самим себе (самореферентные), люди играют в нем фоновую, контекстуальную роль. В процессе социальной эволюции общества происходят такие изменения, как деление социальных систем и отдаление их от непосредственного межличностного общения. Это может быть проще описано как автономизация разных сфер общественной жизни и опустошение смысла (нарастание абстрактности) общества как такового. Если на более ранних ступенях своего развития оно представляло более целостную систему и могло идентифицировать (самоинтерпретировать) себя как государство – при приоритете политической сферы, или рыночное общество (развитое, развивающееся, слаборазвитое – все это экономические характеристики) – при приоритете экономической сферы, то теперь оно превратилось в чистую возможность коммуникации, повсеместного социального взаимодействия – мировое общество.

К чему приводит развитие этой тенденции? Конечно, к нарастанию «космополитизма» и размыванию социальной идентичности. Атомизация общества проявляется не только в самозамыкании его отдельных подсистем и отрыве этих подсистем от «человека», но и в растворении самоидентичности этого отдельного человека, когда смещаются его ценностные установки и социальные критерии. Многие люди приходят к выводу: «Родина там, где мне хорошо». И это не просто эгоистический выбор – общество само перестает «стучаться в душу» каждому человеку, позволяя реализовать его индивидуальные решения, тотально не навязывая системные социальные стандарты.

Свобода от принуждения – это «хорошо». Но вместе с ней приходит и свобода от соединяющей людей культуры (общих символов, правил поведения, нравственных норм, духовных ценностей). Как отметили социологи-прикладники, мир переживает «кризис идентификации»: мониторинги показывают, что в разных регионах мира в разных группах населения за 10 лет в 2–3 раза стало больше людей, которые вообще не задумываются о своей социальной принадлежности (к определенной семье, товарищескому кругу, поселенческой, статусной, профессиональной группе, этносу, нации). В этом смысле мир современного общества рухнет не только на макроуровне, но и на уровне микросвязей и отношений групповой принадлежности.

Известный современный социолог Э. Гидденс дает этому процессу аналогичное теоретическое объяснение: поскольку идентификация – единственный способ включения субъекта в социальные отношения и связи, разрушение комплексов самопричисления свидетельствует об атомизации (распылении) современного общества. В то же время социальная напряженность в связи с этим отсутствует, т.е. речь идет в большей степени о депривации общества.

Другой современный исследователь, К. Кумар, делает вывод о том, что в современном обществе, где социальное причисление человека зависит в основном от важности (престижности) его работы, идентификация носит синкретичный (обобщенный) статусный характер, который человек рассматривает сквозь призму «благополучия» в целом. А поскольку в это

благополучие входит и интересная работа, и чистая среда обитания, и гуманистичная социальная структура, – люди обостренно реагируют на любые (даже незначительные) негативные изменения как на угрозу своему благополучию.

3. Фрейд считал, что идентификация есть отождествление не с «выгодным», а с «любимым» и, следовательно, вызывает агрессию по отношению ко всем другим («чужим»). Принимая эту логику «детского» механизма социального самопричисления, мы должны будем признать, что разрушение групповой идентификации приведет к снижению групповой и, возможно, усилению индивидуальной агрессивности. Как считает российский социолог В. Ядов, основываясь на данных прикладных исследований, в нашем обществе уровень толерантности примерно равен американскому, но у нас относительно более дисперсная, размытая «канализация» агрессивности (не такое жесткое деление на «черных» и «белых», «богатых» и «бедных»), что дает возможность направить массовую агрессию на любого врага, т.е. выше возможности социального манипулирования.

Бихевиористы (предпочитающие поведенческий анализ в социологии) рассматривают групповую идентичность как солидарность, возникающую ситуативно, по конкретному поводу и в зависимости от целей индивида – долговременных (стратегических) или тактических. А так как в российском обществе ситуации и цели туманны, идет разлом социальной наследственности и прежней идентификационной матрицы.

Представители социологии знания (когнитивисты) вообще считают, что люди идентифицируют себя вследствие концептуализации (т.е. неких целостных осмысленных представлений: мы – «демократы», мы – «студенты», мы – «любители пива» и т.п.). Но эти концепты содержательно неясны, поэтому имеют скорее символическое, нежели реальное, значение.

Это странное постмодернистское общество, которое и является социологически современным, словно отпускает своих чад на «беспривязное» содержание, позволяя чудить, фантазировать, изобретать и забавляться, т.е. реализовывать все человеческие свободы, не противоречащие свободе государственной монополии и интересам экономических корпораций (власти системы).

Ученый-футуролог Дж. Нэбит называет заключительное десятилетие уходящего века периодом «новых триумфов индивидуального». В обществе происходит дистанцирование людей от крупных социальных институтов, возрождаются первичные общности: семейные, товарищеские, клубные, повышается интерес людей к искусству, нетрадиционным религиям. Социальная идентификация как бы совершает ценностный кульбит: происходит откат от правил самопричисления, обусловленных сложившейся социальной структурой и требованиями «общества», и устанавливаются более спонтанные, самопроизвольные, исходящие из индивидуальности каждого человека правила причисления к группе и формирования социальных общностей.

В целом социологи высказывают две фундаментальные гипотезы относительно кризиса идентификации (т.е. осознанной упорядоченности социального мира). В о - п е р в ы х , разрушаются одни основы групповой идентификации, значит, возникают другие. Иными словами, процесс разрушения «общества» характерен не только для наций и народов, переживающих процесс системных изменений (модернизации, социальные трансформации, революции), но для всего мира в целом, и это как бы подтверждает реальность «глобального» сообщества. В о - в т о р ы х , изменение идентификации связано не только со шкалой ценностных критериев социального причисления, но и с социальными установками личности. Ученые отмечают, что меняется соотношение интернальность – экстернальность, т.е. количества людей, полагающихся в большей степени на себя, и людей, локус-контроль которых вынесен из личности («жертв обстоятельств»). В западных обществах по сравнению с африканскими, в протестантских странах по сравнению с католическими больше интерналистов, чем экстерналистов. В России 90-х гг. доля интерналистов немного росла, причем за счет более активной и дееспособной молодежи (а в пожилых возрастных группах доля интерналистов несколько падала).

Все это говорит о том, что на современное общество глупо смотреть с вожделием ребенка, мечтающего повзрослеть, чтобы избавиться от детских проблем. На новой стадии социального развития у общества и у каждого конкретного человека возникают новые проблемы, даже более серьезного характера. («Маленькие детки – маленькие бедки», как сказали бы наши бабушки.)

Особенности модернизации в России

Способна ли социология объяснить современное развитие российского общества? Если да, то почему мы до сих пор находимся в неведении и 10 лет путешествуем «во тьме и безверии», как Моисей по пустыне? А если нет, то какой смысл изучать общество и ничего толком не зная о характере его сегодняшних состояний?

Это хорошие вопросы, которые в ходе учебного процесса могут быть заданы «в обе стороны», и отвечающему (будь то преподаватель или студент) придется как-то выкручиваться из непростой ситуации.

Если это будет студент, он, конечно, вспомнит теорию маргинальности и расскажет, что постепенное изменение общественных ценностей в советском обществе (где трудящиеся хотели жить так же хорошо, как в современном буржуазном обществе) привело к конфликту мотиваций («массы» хотели жить лучше, а «государство» хотело, чтобы они лучше строили социализм), в результате чего элита стала корректировать идеологию, в которой повышала роль массы («гуманизация и демократизация социализма»). Трудящиеся и особенно интеллигенция неожиданно легко поверили партии и, приняв лозунги «за чистую монету», лавиной обрушились на старые устои, рискуя, восторгаясь, проклиная и превознося. Этот эйфорический период нового социального творчества, когда возникали кооперативы и легализовалась частная собственность, разбивались личные сады и строились миллионы загородных домиков, расцветали городские рынки и тянулись к ним караваны «челноков», довольно быстро сменился этапом конституирования (становления, оформления, закрепления социальных позиций) новых субъектов (т.е. действующих общностей). Была создана иная система государственно-территориального управления, возникла негосударственная банковская сеть, сформировались биржи, активно закупалась недвижимость, началась массовая приватизация.

В этом месте можно вспомнить идеи сразу двух великих социологов: М. Вебера, который в своей знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» доказывал, что культурные ценности лежат в основе производства определенного типа экономики и социальной структуры (т.е. применительно к России: поменялись идеи – изменилось общество); а также Карла Маркса, который в еще более знаменитой книге «Капитал» всесторонне обосновывал, что масштабный передел собственности и возникновение новых экономических субъектов всегда есть социальная революция, меняющая положение всех слоев и групп общества (что и произошло в нашей стране, когда физики стали торговать электроникой, математики построили финансовые пирамиды, комсомольские функционеры стали бизнесменами, а секретари обкомов – президентами... И многие работники превратились в безработных).

Произошла «та самая» маргинализация, которая расшатала представления о социальной принадлежности (идентификацию), спутала функции социальных институтов, изменила социальные позиции больших и малых общественных групп, породила новые массы и толпы. В общем существенным образом разрушила социальную структуру, каркас всей системы организации российского общества.

Однако в современной мировой социологии сформировались и другие, отличающиеся теоретическим своеобразием, концепции трансформации (превращения, видоизменения) российского общества. В большинстве своем они базируются на так называемых западных стереотипах относительно существа советской организации, но тем не менее являются аналитичными и продуктивными моделями изучения соответствующего типа общественного развития.

Посттоталитарный синдром. Теории посттоталитарного синдрома исходят из того, что российское общество длительное время развивалось как тоталитарное, т.е. унифицированное общество, где любые нежелательные (для властвующих субъектов) социальные отклонения безжалостно пресекаются, а люди, групповые взаимодействия и общественные процессы находятся под неусыпным, постоянным контролем. Поэтому и в дальнейшем люди ведут себя несвободно, как затравленные «совки», а нахальная элита продолжает распоряжаться, контролировать и жестко регулировать развитие общества – по-старому.

Но посттоталитарные общественные состояния характеризуются не только сохранением социальной инерции, как доказывает известный конфликтолог Р. Дарендорф. «После» – это не только по-прежнему, но и «анти» – вопреки, против. Поэтому идеи таких исследователей, как К.

Фридрих и З. Бжезинский, связанные с анализом постсоветского развития, состоят в том, что посттоталитарный синдром проявляется в следующих характерных процессах:

- 1) преувеличении роли особых интересов и игнорировании общего интереса (своеобразная гиперкомпенсация, поскольку прежде было наоборот: «Раньше думай о Родине, а потом о себе»);
- 2) наступлении идеологического безверия (сменяющего коммунистическую «религиозность», поскольку идеология советского строя была фактически превращена в веру);
- 3) протестах масс против любого насилия и игнорировании «нажима сверху» (как следствия многолетнего массового террора);
- 4) демилитаризации общества (в противовес глубочайшей милитаризации экономики, политики и патриотического сознания советской эпохи);
- 5) информационном плюрализме, многоголосице в сфере информационного обмена (разрушении безусловной монополии средств массовой информации в обществе).

Запаздывающая модернизация. Теории запаздывающей модернизации, которые начали создаваться еще в 60-е гг., также стали для западных социологов аппаратным средством анализа современной российской ситуации. Несмотря на содержащуюся в этих концепциях скрытую уничижительную оценку (запаздывают в развитии – значит недоразвитые), они содержат ряд существенных социологических откровений, которые должны быть учтены в практике осознанной социальной «перестройки».

Теоретики запаздывающей модернизации исходят из того, что существуют линейный прогресс и поступательность стадий развития обществ. Подобные представления о стадиальности были распространены и в советском марксизме: считалось, что первобытное общество сменяется классовым рабовладельческим, затем феодальным, буржуазным и, наконец, бесклассовым коммунистическим. Социализм является переходной фазой. Соответственно непосредственная добыча продуктов природы сменяется аграрной экономикой, а та замещается индустриальной. Такой однобокий прогрессизм, с одной стороны, игнорирует значение культурных традиций (например, часть современных экономически и социально развитых обществ не являются ни демократическими, ни гражданскими, ни коммунистическими), а с другой стороны, отражает определенную тенденцию современного социального развития (поскольку экономическая мощь «Запада» способствует политической, социоструктурной и культурной вестернизации менее состоятельных обществ). Все эти аспекты, а также выявленные социологами закономерности модернизации должны быть учтены при анализе реальных процессов системной трансформации российского общества.

В о - п е р в ы х, в запаздывающей модернизации всегда есть опасность попадания общества во внешнюю зависимость. Однако Россия, которая не раз переживала подобные состояния («онемечивание», «офранцузивание», а теперь «американизацию»), обычно избегала подобных последствий благодаря высокому уровню милитаризации.

В о - в т о р ы х, модернизация общества бывает успешной тогда, когда резко растет средний слой (который не эксплуатирует и не эксплуатируется) при высокой социальной мобильности (изменении общественного положения людьми, слоями и группами). В современной России, напротив, происходит процесс существенной поляризации общества, когда, образно выражаясь, вместо фигуры добродушного толстяка с большим животом мы получаем карикатурную «фигуру» общества с крошечной головой, ссохшимся желудком и огромными вялыми ногами. Широкий слой бедных и беднейших и узкая пирамидка богатой элиты разъедают каждый со своей стороны медленно растущий слой обеспеченных. Социальная база реформ – средний класс – не является в России тем необходимым балластом, который придает развитию «переходного» общества определенность, солидность и устойчивость.

В - т р е т ь и х, модернизация возможна там, где есть сильный контроль центральной власти и проявляется ее умение локализовать, блокировать, купировать социальные конфликты. Российская внутренняя политика, наоборот, строилась с учетом принципов «здорового самотека» в соответствии с парадигмой нелинейного развития. А посему субъекты центральной государственной власти сталкивались с флуктуациями управляемой среды (т.е. случайными спонтанными социальными отклонениями) и пытались нивелировать конфликты в первую очередь с национальными регионами методом раздачи «суверенитетов» (кто сколько осилит) и, конечно, с такой же сомнительной эффективностью реагировали на бифуркации (ситуации неопределенности, ветвления возможностей дальнейшего развития, взрыва множественных

вариаций), что привело к «нелинейным, петлеобразным связям» вовсе не в уравнениях, а в реальной действительности отношений между федеральным центром и регионами, в первую очередь с Чечней.

В - ч е т в е р т ы х , успешная модернизация требует создания широкой социальной опоры, мобилизации социального потенциала, а это напрямую связано с умением объяснить широким слоям населения выгоду модернизации в настоящем и в будущем. Мобилизационный эффект может достигаться: 1) апелляцией к рациональным способностям обывателя оценить возможную пользу от такого социального приобретения (католический Запад), 2) авторитетным призывом харизматического лидера (исламский Восток) или 3) использованием особой традиции национального корпоративизма (буддистский Восток).

Поскольку Россия представляет особую цивилизацию, у нас и подход к мобилизации особый: политические лидеры общества призывают массы «выбраться из болота прошлого», отказаться от неэффективных прежних принципов общественной организации, а вовсе не зовут народ «куда-то» в определенном направлении, раскрывая новые социальные горизонты и предлагая некую позитивную программу. (Из современных социологических теорий мобилизации вытекает, что это наиболее эффективный инструмент. Однако в результате своеобразного «поиска врага» оказывается, что наш общий враг – социальное прошлое, а именно там мобилизаторы должны искать позитивные образцы для заимствования, как учит теория, следовательно, и здесь образуется «дурная петля» государственной идеологии.)

В самом начале советской перестройки (1986 г.) американский социолог Т. Парсонс выделил универсалии модернизации, предсказав распад нашей социальной системы. Его вывод был таков: всякая модернизация влечет за собой всю цепочку системных изменений. Он же обосновал, что коллапс общественной системы необходим, поскольку модернизация требует принятия самостоятельных управленческих решений, а они запрещены.

Российский исследователь Н.Ф. Наумова в дополнение к этому выдвинула концепт рецидивирующей модернизации, поскольку именно в нашем обществе, часто предпринимавшем попытки реализовать «догоняющий» способ социального развития, обновление чревато рецидивами, возвратами к «старине». Это проявляется и в политической жизни, когда ностальгические волны сожаления о прошлой устойчивой жизни и критические настроения по отношению к неудобной и социально травмирующей современности сливаются и выражаются в стремлении «вернуть старый порядок», вновь войти в «ту же реку».

Еще одно замечание к теориям модернизации связано со спецификой технологического потенциала российского общества. Дело в том, что третья мировая волна модернизации, затронувшая страны Восточной Европы и Россию (первая волна – колонии, вторая – развивающиеся страны), развивалась на фоне технотронного отставания обновляющихся обществ. Однако Россия, крупнейшая и наиболее развитая часть бывшего Советского Союза (мировой сверхдержавы), обладает высокоразвитым индустриальным и технологическим потенциалом, но несмотря на трудности его воспроизводства, не догоняет целую «очередь» модернизирующихся стран, а вклинивается в ее середину, претендуя, по крайней мере, на роль государства высокого регионального значения.

Демократизация советского общества. Социологи из бывших социалистических стран также по-своему осмысливали процессы изменения социальной организации обществ советского типа. В Вене в конце 80-х гг., будучи в эмиграции, Е. Вятр, И. Зелены и другие исследователи разработали основу концепции, получившей широкий научный резонанс. По их мнению, общества советского типа (в том числе российское) имеют принципиальную возможность развиваться в одном из трех направлений: крайнего тоталитаризма, предельного авторитаризма или максимальной демократизации. Последний вариант достаточно реален, однако мощный слой этократии (партийно-государственного аппарата) под угрозой потери контроля должен рецидивировать жесткие формы правления. Следовательно, общество советского типа не может эволюционировать в направлении «гуманного, демократического социализма» (и его демократизация связана с десоветизацией).

Теории «осовременивания» российского общества в конце XX в., конечно, не описывают всех специфических проявлений этого сложного процесса (к ним мы еще будем обращаться в следующих темах), однако позволяют определенным образом осмыслить происходящее, выявить ряд противоречий и всерьез задуматься о проблемах социальной самоорганизации.

Если отвлечься от логики разнообразных авторских концепций и попытаться описать развитие российского общества терминами системного анализа, то результат будет примерно следующий. Сущность «переходного состояния» заключается в том, что относительно закрытая система становится все более открытой. Наши самодостаточные экономика, политика и идеология советского периода, которые были по-своему экспансивны, но замкнуты вовнутрь, сменяются открытыми, подражательными, комплементарными, ориентированными на интеграцию формами. Рынок, демократия и свобода совести стали де-факто «целями» и «правилами» национального развития, хотя они не вписываются в систему ценностей значительной части общества, превратно интерпретируются людьми и не соответствуют сложившимся социальным архетипам.

Разбалансированность внутренних связей системы (из-за вскрывшихся в ситуации управленческой неопределенности и ослабленного политического контроля многочисленных социальных противоречий) и существенное давление внешних факторов достаточно агрессивной, точнее, остроконкурентной среды (активно воздействующей на внутренние процессы в то время, когда российская общественная система еще сама не определила собственных границ и потому просто не в состоянии эффективно «держат оборону», обеспечивая реализацию национальных интересов и социальную безопасность общества) приводят систему в деформированное состояние.

Поэтому одним из наиболее острых вопросов российской социальной модернизации становится модернизированный спор «почвенников» и «западников»: а самостна ли наша перестройка? Не растворяемся ли мы в чужом желудочном соке, успокаивая себя целостью собственного желудка? Иначе говоря: переживаем ли мы период оздоровительной реорганизации общества и лучшего приспособления к новой мировой социальной среде или наша открытость чревата ослаблением, незащищенностью и неизбежной вынужденной зависимостью? Ответ может изменить многое в социологических, политических, да и обывательских оценках особенностей российской модернизации.

Портреты социологов

Гумплович Людвиг (1838–1909) – польско-австрийский социолог и юрист. Представитель социального дарвинизма. Предметом социологии считал социальные группы, а непрерывную и беспощадную борьбу между ними – главным фактором социальной жизни. Основа социальных процессов в целом, по Гумпловичу, – в стремлении человека к удовлетворению материальных потребностей. На заре истории вражда характеризует отношения между ордами, разделенными расово-этническими признаками. В результате порабощения одних орд другими возникает государство, при котором борьба между ордами уступает место борьбе между сословиями, классами и т.д., а также между государствами. Гумплович рассматривал общество как сверхиндивидуальную реальность. Натурализм в понимании общества тесно связан у него с фаталистической трактовкой социальных законов, фетишизацией исторической необходимости. Гумплович отрицал существование общественного прогресса, интерпретируя общественное развитие как круговорот, в котором каждое общество проходит этапы становления, расцвета и гибели.

В работе «Расовая борьба» Гумплович ввел понятие «этноцентризм», впоследствии разрабатывавшееся Самнером и вошедшее в понятийный аппарат социологии. Натурализм и вульгарный материализм, присущие концепциям Гумпловича, отвергаются в большинстве современных социологических теорий.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Расовая борьба» (1883), «Основы социологии» (1899), «Социологические очерки» (1899), «Социология и политика» (1895).

Лебон Гюстав (1841–1931) – французский социолог, социальный психолог; занимался также вопросами антропологии, археологии, естествознания, Лебон выдвинул один из первых вариантов теории массового общества. С позиций аристократического элитизма выступал против идеи социального равенства, стремился доказать неравенство различных рас. отождествляя массу с толпой, он предвещал наступление «эры масс» и связанный с этим упадок цивилизации. Лебон делил толпу на «разнородную» (уличные, парламентские собрания и т.д.) и «однородную» (секты, классы, касты). Рассматривая массу (толпу) как иррациональную разрушительную силу, он подчеркивал бессознательный и эмоциональный характер поведения индивидов в толпе,

которыми в данном случае управляет закон «духовного единства толпы». По Лебону, поведение индивида в толпе радикально меняется: им овладевают ощущение непреодолимой силы, нетерпимость, утрачивается чувство ответственности. Ведущую роль в общественном развитии он отводил изменениям в идеях, внушаемым массам немногими «вожаками» посредством утверждения, повторения и заражения. Революции Лебон считал проявлением массовой истерии.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Психология народов и масс» (1896), «Психология социализма» (1908), «Эволюция материи» (1912).

Тард Габриэль (1843–1904) – французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии. Тард сравнивал общество с мозгом, клеткой которого является мозг индивидуума. Коллективное сознание он считал функцией индивидуальных сознаний, видел в психологии ключ к пониманию социальных явлений и пытался заложить фундамент социальной или коллективной психологии (интерпсихологии), которая занимается исключительно отношениями нашего Я к другим Я их взаимными влияниями.

Тард объяснял общественную жизнь и ее процессы действием простых психических механизмов. Элементарным общественным фактом Тард считал психическое состояние индивида, вызванное влиянием другого индивида. Это состояние исследует интерментальная психология, которую Тард назвал социологией. По Тарду, первым условием общественных фактов являются изобретения – акты творчества, создающие язык, правительство, религию и т.д. Другая тенденция – стремление к подражанию (новые изобретения – новые волны подражания). Особое значение Тард придавал воздействию таких средств коммуникации, как телефон, телеграф и особенно газеты. Различая психологию индивида и психологию толпы, Тард выделял промежуточное звено – публику, которая формируется при помощи средств массовой коммуникации и обладает общим самосознанием. Концепции Тарда повлияли на теории «массового общества», исследования массовой коммуникации и распространения инноваций.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Законы подражания» (1892), «Общественное мнение и толпа» (1903), «Личность и толпа» (1903), «Социальные законы» (1906).

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – русский социолог, правовед. Метод социологии Ковалевского – историко-сравнительный, основанный на выделении у разных народов групп, сходных по политическим, юридическим, историческим и подобным характеристикам, рассмотрение которых позволяет выявить основные этапы развития общества в целом. Критерий выделения сходных групп Ковалевский видел во внешнем сходстве анализируемых явлений, что усложняло их классификацию и выявление причин, их породивших. Стремясь преодолеть эту трудность, Ковалевский установил главную причину изменений для каждой сферы общественной жизни: в экономике – биосоциальный фактор – рост населения, в политике – экономические сдвиги, в общественной жизни – политическая практика. Таким образом, сравнительно-исторический метод позволил сделать вывод о генетическом родстве явлений, наметить общую тенденцию развития. Анализ социальных явлений на основе их происхождения Ковалевский называл генетической социологией, с помощью которой он исследовал образование основных общественных институтов – семьи, собственности, государства. Эволюцию этих институтов определяют в основном факторы биосоциального (рост населения) и психологического порядка. Ковалевский отстаивал положение о преходящем характере частной собственности. После поражения революции 1905 г. он обратился к анализу государства, которое понимал как расширение «замиренной сферы», возникающее в результате психологической склонности людей признавать над собой власть тех, кто якобы наделен магической силой управлять природой, – выдающихся личностей. Происхождение классов Ковалевский никак не связывал с возникновением государства, считая основой социальной дифференциации рост плотности населения и возникающее на этой основе разделение труда. Наиболее ярко сущность социологической концепции Ковалевского отразилась в понятии прогресса, вне которого нет и не может быть социологии. Взгляды Ковалевского на прогресс складывались под влиянием идей о росте «замирения» как главном признаке прогресса в учении его университетского учителя Д. И. Каченовского, теории взаимности П. Прудона и социальной динамики О. Конта. Содержание прогресса Ковалевский отождествлял с расширением сферы солидарности, считая ее рост важнейшим и универсальным социальным законом. Солидарность – норма общественной жизни, а

классовая борьба – отклонение от нормы. Хотя Ковалевский и признавал революцию как способ движения вперед, но считал ее «противоестественной формой», результатом ошибок правительства.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Происхождение современной демократии» Т. 1–4 (М., 1895–97), «Современные социологи» (СПб., 1905), «Социология» Т. 1, 2 (СПб., 1910), «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (пер. с французского. М., 1939).

Зиммель Георг (1858–1918) – немецкий философ и социолог, основоположник формальной социологии. Предметом социологии Зиммель считал формы социального взаимодействия людей, сохраняющиеся при всех изменениях конкретного исторического содержания. При этом социальное односторонне понимается как совокупность межиндивидуальных отношений. В русле такого подхода Зиммель анализировал социальную дифференциацию, социальные формы (договор, конфликт, конкуренция, авторитет, подчинение и т.д.), отношения, возникающие в малых группах. В «Философии денег» Зиммель дал социально-психологический анализ роли денег в развитии различных отношений между людьми как предпосылки развития личности и индивидуальной свободы.

Социология конституировалась у Зиммеля как метод вычленения во всей совокупности социальных явлений особенного ряда факторов, так называемых форм обобществления. За выявлением этих форм следуют их упорядочение, систематизация, психологическое обоснование и описание в историческом измерении и развитии.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Философия денег» (1900), «Религия» (1909), «Социальная дифференциация» (1909), «Конфликт современной культуры» (1923).

Знанецкий Флориан Витольд (1882–1958) – польско-американский философ и социолог, один из представителей гуманистического направления в социологии. Основал Польский социологический институт (1921). В работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» (написанной совместно с У. Томасом) впервые для анализа применены понятия «личностные установки», «ценности», а также методы изучения личных документов (писем, дневников, автобиографий и т.д.). Знанецкий – один из основателей теории социального действия. Согласно Знанецкому, общество есть культурная система, состоящая из социальных, экономических, технологических и других подсистем и изучаемая совокупностью культурных наук. Социальные системы, исследуемые социологией, Знанецкий делил на четыре подсистемы: действия, отношения, личности и группы. Природа социальной системы, по Знанецкому, определяется характером социальных действий индивидов, в основе которых находятся ценности и установки. (Многие понятия и положения социологии Знанецкого были интегрированы структурным функционализмом и другими школами.)

О с н о в н ы е т р у д ы : «Польский крестьянин в Европе и Америке» (совместно с У. Томасом, 1918–1930);

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. М., 1996. Методологические заметки (совместно с У. Томасом) // Там же.

Сорокин Питерим Александрович (1889–1968) – русско-американский социолог. Лидер правого крыла партии эсеров. В 1922 г. выслан из СССР (с 1923 г. в США). В основе идеалистической концепции Сорокина – идея о приоритете сверхорганической системы ценностей, значений, «чистых культурных систем», носителями которых являются индивиды и институты. Исторический процесс, по Сорокину, есть цикличная флуктуация типов культуры, каждый из которых – специфическая целостность и имеет в основе несколько главных посылок (представление о природе реальности, методах ее познания). Сорокин выделяет три основных типа культуры: чувственный (sensate) – в нем преобладает непосредственно чувственное восприятие действительности; идеациональный (ideational), в котором преобладает рациональное мышление; идеалистический (idealistic) – здесь господствует интуитивный вид познания. Каждая система «истин» воплощается в праве, искусстве, философии, науке, религии и структуре общественных отношений, радикальное преобразование и смены которых происходят в результате войн, революций, кризисов. Кризис современной «чувственной» культуры Сорокин связывал с развитием материализма и науки и выход из него видел в будущей победе религиозной «идеалистической» культуры. Сорокин один из основателей (родоначальников) теорий

социальной мобильности и социальной стратификации. Развитое Сорокиным учение об «интегральной» социологии (охватывающей все социологические аспекты культуры) оказало значительное влияние на современную социологию.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914), «Проблемы социального равенства» (1917).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Система социологии. В 2 т. М., 1993.

Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Основные черты русской нации // О России и русской философской культуре. М., 1990.

Общие черты и различия между Россией и США // Социологические исследования. 1993. № 8.

Луман Никлас (р. 1927) – немецкий социолог-теоретик, ведущий представитель функционального анализа и системной теории в социологии, теоретик права.

Ранние работы Лумана посвящены обоснованию программы «радикализованного функционализма». В центр исследования Луман ставит отношения системы с окружающей средой, а функционально эквивалентные способы решения возникающих при этом проблем получают общую точку отсчета: различие в комплексности (сложности) между системой и средой. Редукция комплексности совершается системой в трех измерениях (сообразно тому, как выступает для нее в качестве проблемы комплексность мира): предметном, временном и социальном. Однако, по Луману, это ведет не к снижению, а к повышению комплексности (из-за усложнения воздействия системы на окружающий мир). В 70-е гг. Луман сосредоточивает усилия на разработке теории общества, которое рассматривается им как условие возможности взаимодействия многочисленных социальных систем. Трудности увязки воедино разных положений теории разрешаются Луманом за счет выделения и разведения в качестве взаимонезависимых трех «супертеорий»: системной, эволюционной и теории символически генерализованных средств коммуникации.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. Почему необходима «системная теория»? // Там же.

Бурдьё Пьер (р. 1930) – французский социолог. Социология Бурдьё сформировалась под влиянием К. Маркса, М. Вебера. Основными понятиями социологической теории Бурдьё являются: поле, *habitus*, «символическое насилие», «незнание». По Бурдьё, общество – это совокупность отношений, складывающихся в различные поля, каждое из которых имеет специфические типы власти. *Habitus* – это структурированное социальное отношение; *habitus*, структурируя восприятие, мышление и поведение, воспроизводит социально-культурные правила, «стили жизни» разных социальных групп. «Символическое насилие» – необходимая функция власти (власть осуществляет «символическое насилие», навязывая свою систему значений и иерархию ценностей). Легитимность власти предполагает «незнание», бессознательное принятие людьми господствующих ценностей и установок. (Согласно Бурдьё, «незнание» есть искаженное и мистифицированное знание.) «Структурная мистификация» включает в себя механизмы мистификации, не осознающиеся самими субъектами, поэтому свобода субъекта, полагает Бурдьё, иллюзорна. Система категорий Бурдьё должна объяснять воспроизводство оппозиции господство – подчинение в обществе. Бурдьё приходит к выводу о классовом характере культуры, искусства и образования. Согласно Бурдьё, классы различаются не только положением в системе экономических отношений, но и наделены собственным «стилем жизни», выражающим форму их приспособления к социальной структуре, означающего у Бурдьё борьбу различных классов за власть. Господствующий класс состоит из ряда групп, представляющих экономические, политические, религиозные культуры, «капитал», стремящихся мобилизовать поле власти в собственных интересах.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Начала. М., 1994. Социология политики. М., 1993.

Вопросы для самоподготовки

1. Что такое человек как «общественное существо»?

2. Особенности человека, способствующие социализации и возникновению сообществ.
3. Какие теории происхождения общества Вы знаете? Чем они различаются?
4. Чем отличаются традиционные общества от современных?
5. В чем состоит деперсонификация социальных отношений в общностях современного типа?
6. Каковы основные критерии выделения общности?
7. Что такое социальная идентификация? Чем различаются идентификация и самоидентификация, индивидуальная и групповая социальная идентификация?
8. Расскажите о номинальных и реальных социальных группах.
9. Назовите основной критерий зрелости социальной общности.
10. Раскройте понятие «социальный субъект».
11. Каковы особенности поведения общностей?
12. Дайте определение социальной маргинальности.
13. В чем заключается социальная мобилизация? Какими способами она достигается?
14. Дайте определение «социальной элиты». Какие бывают элиты? Каковы механизмы их видоизменения?
15. Чем различаются массы и толпы?
16. Что движет людьми при объединении в общность? Какие на этот счет есть социологические теории?

Литература

- Андреев А.* Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // *Общественные науки и современность*. 1996. № 1. С. 105–114.
- Арато А.* Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание – и направления для дальнейших исследований // *Политические исследования*. 1995. № 3.
- Атоян А.М.* Социальная маргиналистика // *Политические исследования*. 1993. № 6.
- Ахиезер А.С.* Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992.
- Бхаскар Р.* Общества // *Социологос*. М., 1991.
- Батунский М.А.* Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX веков // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 81–90.
- Беккер Д.* В обществе – об обществе // *Социологос*, М., 1991.
- Белл Д.* Постиндустриальное общество // *Америка*. 1977. № 9.
- Бородин Е.Т.* Современная социология общества в контексте истории // *Социально-политический журнал*. 1992. № 1.
- Бредли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5.
- Бюрократия и общество*. М., 1991.
- Вайдкун П.* Трудовое общество движется к своему концу: Современная мировая религия в тупике // *Общественные науки*. РЖ «Социология». Сер. 11. 1992. № 2. С. 54–58.
- Валлерштайн И.* Капиталистическая цивилизация // *РЖ «Социология»*. 1993. № 3–4.
- Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.
- Витань И.* Общество, культура, социология. М., 1984.
- Вишневский О.* На полпути к городскому обществу // *Человек*. 1992. № 1.
- Гелбрейн Д.* Экономика и цели общества. М., 1978.
- Гелбрейт Д.* Новое индустриальное общество. М., 1969.
- Громов Л.* Что же определяет общественное саморазвитие? // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 10. С. 134–137.
- Дмитриев А.В., Степанов Е.И., Чумиков А.Н.* Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза // *Социологические исследования*. 1996. № 1. С. 6–24.
- Дряхлов Н.И.* Традиции и модернизация в современной России // *Социологические исследования*. 1992. № 10.
- Зарубина Н.Н.* Самобытный вариант модернизации // *Социологические исследования*. 1995. № 3.
- Зимин А. И.* Европоцентризм и русское национальное самосознание // *Социологические исследования*. 1996. № 2. С. 55–62.

- Зиммель Г. Экскурс по проблеме: как возможно общество? // Вопросы социологии. 1993. Т. 2. № 3. С 16-26.
- Иванов В.Н. Реформы и будущее России // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 21-27.
- Капусткина Е.В. Социальные реформы в России: история, современное состояние, перспективы // Социально-политический журнал. 1995. № 1.
- Кистьяковский Б.А. Общество и индивид // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 103-114.
- Козлова Н.Н. Будем ли мы жить во «всемирной деревне»? // Будем ли мы жить во «всемирной деревне»? М., 1994.
- Коллингвуд Р. Дж. Новый Левиафан, или человек, общество, цивилизация и варварство // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 97–114.
- Красильщиков В. Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. № 2.
- Крозье М. Основные тенденции современных сложных обществ // Социально-политический журнал. 1992. № 6–7.
- Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
- Лейн Д. Перемены в России: рост политической элиты // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 30-39.
- Лоббизм в России // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 54–63.
- Лоббизм в России: этапы большого пути // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 3-11.
- Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 25-42.
- Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. М., 1991.
- Лурье С. Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // Человек. 1992. № 4.
- Мангейм К. Человек и общество в век преобразования. М., 1991.
- Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
- Моисеев Н.Н. О механизмах самоорганизации общества и месте Разума в его развитии // Социально-политический журнал. 1993. № 8.
- Моисеев Н.Н. Информационное общество: возможности и реальность // Политические исследования. 1993. № 3.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. М.: «Восточная лит.» РАН, 1996. 360 с.
- Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. М., 1992.
- Общество в процессе преобразований: Проблемы и тенденции (Сводный реферат) // Общественные науки. РЖ «Социология». Сер.11. 1992. № 2. С. 128–138.
- Общество частных лиц (за «круглым столом» обсуждаются проблемы защиты прав граждан) // Человек. 1994. № 2.
- Осипов Г.В. О концепции и стратегии социального развития России // Социально-политический журнал. 1993. № 8.
- Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.
- Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // РЖ «Социология». 1993. № 3–4.
- Перегудов С.П. Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель // Политические исследования. 1995. № 3.
- Пивоваров Ю.А. Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 12–22.
- Прохоров Б. Общество и общественное здоровье // Человек. 1993. № 5.
- Ракитов А. И. Будущее России: социально-технологическая модель // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 5–11.
- Ратковский Е. Церковь, государство, гражданское общество // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.
- Ратковский Е. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
- Риск исторического выбора в России // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 3–26.
- Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. №5, №7. С. 144-151.

- Романенко С.М. О методике исследования российского общества // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 127–131.
- Российский социум в 1994 году: конфликтологическая экспертиза // Социологические исследования. 1995. № 2.
- Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 34–46.
- Рукавишников В.О. Социология переходного периода (закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и восточноевропейских странах) // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 25–31.
- Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М., 1996.
- Соколов В.М. Нравственные коллизии современного российского общества // Социологические исследования. 1993. № 9.
- Сорокин П.А. Учение о строении общества // Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 16–69.
- Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии. 1993. № 3. С. 53–59.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизации. Общество. М., 1992.
- Сорокин П.А. Современное состояние России // Политологические исследования. 1991. № 3. С. 168–171.
- Социальная маргинальность: Характеристика основных концепций и подходов в современной социологии (Обзор) // Общественные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1992. № 2. С. 70–83.
- Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. СПб., 1995.
- Спенсер Г. Общество как организм // Зомбарт В. Социология. Л., 1926.
- Стариков Е.Н. Маргинал и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4. С. 142–155.
- Туров И.С. Общество как социальная система // Социально-политический журнал. 1994. № 7–8.
- Уоллестейн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 77–88.
- Фарж А. Маргиналы // Опыт словаря нового мышления. М., 1989.
- Фахтуллин Н.С. Малая социальная группа как форма общественного развития. Казань, 1989.
- Франк С.Л. Духовные основы общества // Русское зарубежье. Л., 1991.
- Человек и общество: Основы современной цивилизации: Хрестоматия. М., 1992.
- Шелл Дж. «Среда и общество», или «Инвайроментальная социология»? // Социологические исследования. 1992. № 12.
- Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. М., 1972.
- Эрлих А.Р. Современные мировые системы в анализе Птохана Галтунга // Социально-политический журнал. 1992. № 2–3.
- Ядов В.А. Россия в мировом пространстве // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 27–31.
- Ядов В.А. Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
- Яковлев И.П. Системно-циклический подход в исследованиях российского общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 142–151.
- Яковлев И.П. Системно-динамические особенности российского общества // Социально-политический журнал. 1993. № 5–6.

Приложение. Практикум по составлению социоматрицы

Чтобы составить простейшую социоматрицу студенческой группы и выявить лидеров («звезд», центры притяжения) и аутсайдеров (тех, кто слабо включен в структуру социальных связей группы), следует провести специальное *анонимное* анкетирование (респонденты не должны указывать свою фамилию).

В анкету можно включить только три открытых вопроса:

С кем бы ты хотел сидеть рядом на контрольной? (указать одну или несколько фамилий:

вписать или поставить крестик в заранее подготовленном списке).

Кого бы из членов группы ты хотел в первую очередь встретить на вечеринке (пригласить в компанию)?

Кого бы из одноклассников ты попросил помочь тебе в критической жизненной ситуации?

Суммирование результатов выборов показывает, кто чаще оказывается в центре притяжения и в какой ситуации: деловой, досуговой, кризисной. Выявляется структура лидеров, групп «поддержки» и аутсайдеров, которых не выбирает никто.

Участвуя в таком анкетировании, можно освоить его технику. Проводить его можно либо в незнакомой группе, либо среди товарищей, друзей или родственников, но в любом случае по этическим мотивам выявленную структуру разглашать не принято (аутсайдеры, которые подозревают реальное положение дел, могут совсем расстроиться, а лидеры, которые тоже чувствуют эмоциональное притяжение, могут чуть-чуть зазнаться).

ТЕМА 4 ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Строение общества – ключ к пониманию его устройства. А хранители тайн неохотно расстаются со своими ключами. Поэтому любители секретных карт и информационных кладов редко получают «откровения» социальной природы, чаще их кропотливый труд приносит лишь отдельные крупинки драгоценного знания, которые не очень складываются в целостную картину. По доставшимся «осколкам» профессионалы и «стихийные» социологи судят об обществе, его структуре и культуре, строят догадки о развитии социальных событий, концептуализируют представления об организации их общественного мира.

Как мы определили выше, различные взгляды социологов на общество влияют и на определения социальной структуры: «общество людей» позволяет выявить структуру «действующих групп», «общество отношений» – структуру «статусной диспозиции», а «общество культуры» – структуру «символической коммуникации», этой матрицы социальных позиций и статусных траекторий. Таким образом, социальная структура может быть представлена в трех различных ракурсах и обрести «объем».

Организация «отношений» и «поведения»

Что такое «социальная структура»? На первый взгляд, ответ на этот вопрос кажется совершенно очевидным. Конечно, это упорядоченные в одно целое отдельные части общества, это строение, а точнее (в динамической трактовке), внутреннее устройство, основа социальной организации. Структура – это каркас всей системы, и социологи, как палеонтологи, могут сделать точные выводы о функциях, особенностях воспроизводства и перспективах развития общества по его «скелету»... Но на деле все происходит не так: живое общество оказывается в наличии, и его, фигурально выражаясь, надо «разобрать по винтикам», чтобы определить внутреннюю структуру и способ организации множества разнородных элементов в единую сложную систему. Зачем? Чтобы понять, как оно «работает» и что может произойти с различными частями «агрегата» в дальнейшем. Это очень интересно и крайне практично, особенно для будущих «конструкторов» (идеологов) и «водителей» (правителей).

Если представить себе общество как самостоятельный организм (в духе классических социологических традиций), то отдельный человек, кем бы он ни был, предстанет перед нами в образе одной-единственной клетки. И даже если эта клетка – «нервная», трудно предположить, что она будет хорошо информирована о состоянии всего организма или сможет оказывать непосредственное влияние на его активность. Этот образ помогает осознать, в сколь сложной ситуации оказывается социолог, пытающийся научно определить, из чего состоит, как построен и действует общественный организм. Однако исследователи – народ самоотверженный, и они постепенно обнаруживают конфигурации основных функциональных органов общественной системы (социальные институты) и изучают особенности тканей общественного организма (социальных страт). Как правило, до исследования иннервации (механизмов социокультурного обмена) дело не доходит, и этот вопрос можно вынести в курс «продвинутого» факультативного изучения.

Итак, есть по крайней мере две общепризнанные парадигмы (принципиальных способа) рассмотрения социальной структуры: 1) теории социальных институтов и 2) теории социального неравенства.

Социальные институты Э. Дюркгейм образно определял как «фабрики воспроизводства» социальных отношений и связей, т.е. под институтами в общем подразумеваются определенные типы отношений между людьми, которые постоянно востребованы обществом и поэтому возрождаются вновь и вновь. Примерами воспроизводства таких неистребимых связей являются церковь, государство, собственность, семья и др.

Социальные институты определяют общество в целом, они деперсонифицированы, безличны. Когда социальная структура общества мыслится как институциональная структура, исследователь не может не стоять на эволюционистских методологических позициях, поскольку считается, что каждый институт выполняет общественно значимую функцию, которую из целостной взаимосвязанной системы (как слово из песни) не выкинешь.

Социальное неравенство характеризует не столько функциональные сферы общества и их организацию, сколько соотносительное положение отдельных личностей и социальных групп. Сам по себе такой подход к выделению социальной структуры предполагает сравнение, оценку, конкретизацию и персонификацию субъектов, вследствие чего теории социального неравенства зачастую не лишены идеологической предвзятости, ценностных предпочтений и конфликтологических трактовок авторов.

Однако социальная структура как система общественного неравенства не всегда представляется конфликтогенной. Например, марксистская, классовая, теория социального неравенства выдвигает на первое место противоречия между основными слоями общества, а стратификационные теории, напротив, описывают ситуацию вполне в духе эволюционизма – как распределение устойчивых позиций, соответствующих потенциалу и общественному вкладу конкретных людей и групп.

Структура неравенства отражает общественную диспозицию, в которой разные субъекты занимают определенные (по отношению к другим субъектам) положения. Если эти конкретные групповые или индивидуальные позиции признаны членами общества и в общественном мнении им приписана некая значимость (соответственно, и ценность), они становятся статусными. Т. Парсонс, например, так и представлял себе социальную структуру – как систему статусов в данном обществе.

Институциональная структура

Когда мы говорим о системе общественных институтов, то представляем социальное строение как комплекс взаимосвязанных функциональных сфер, в котором большие группы людей подразделены на коллективы, выполняющие важные для развития общества задачи. Своей деятельностью они постоянно культивируют (взрачивают, восстанавливают, подпитывают, поддерживают, развивают) ткань общественных отношений, характер социальной организации, возможности воспроизводства.

Для того чтобы возник и развился такой структурный элемент общества, как социальный институт, нужны особые условия:

- 1) в обществе должна возникнуть и распространиться некая потребность, которая, будучи осознанной многими членами общества (как общесоциальная, или социумная), становится главной предпосылкой становления нового института;

- 2) должны быть в наличии операциональные средства удовлетворения этой потребности, т.е. сложившаяся система необходимых для общества функций, действий, операций, частных целей, реализующих новую потребность;

- 3) чтобы институт мог реально выполнять свою миссию, он наделяется необходимыми ресурсами (материальными, финансовыми, трудовыми, организационными), которые общество должно стабильно пополнять;

- 4) для обеспечения самовоспроизводства института необходима и особая культурная среда, т.е. должна сформироваться присущая только ему субкультура (особая система знаков, действий, правил поведения, которые отличают людей, принадлежащих этому институту).

В каждом социальном институте есть своя система ценностей и нормативной регуляции, которая определяет, для чего он существует, что там достойно и недостойно, как действовать в

этой конкретной системе отношений. Например, на переговорах следует вести себя чопорно, а на карнавале – раскованно.

Поскольку институты – это взаимосвязанные системы упорядоченных социальных связей, благодаря которым поведение каждого отдельного члена общества становится достаточно *предсказуемым* по своим ориентациям и формам проявления, социологи рассматривают институциональную структуру общества с особой тщательностью, представляя ее как своеобразный многомерный лабиринт, где действия и перемещения социальных субъектов осуществляются *только* согласно определенным правилам ролевого соответствия.

В этой запутанной системе организованных социальных пространств люди сталкиваются с определенными предписаниями и, образно говоря, им трудно «подниматься по лестнице в роликовых коньках» или «танцевать вальсы в триконах» (шипованных альпинистских ботинках). Иными словами, несмотря на желающих обращаться с женами и детьми, как с младшими по воинскому званию или заводить романы с начальниками по службе, институциональные правила (т.е. обычаи современной семьи или служебной иерархии) могут существенно препятствовать развитию подобной практики и направлять конкретное поведение в обычное (привычное, должное, общепринятое) русло.

Однако примеры семейного авторитаризма или служебных романов (а также практика бюрократизма, коррупции, наркопотребления, проституции и т.д., и т.п.) доказывают, что институционализация социальных отношений, обеспечивающих удовлетворение общесоциальных потребностей, не происходит «по нотам» теории, а полна оригинальных частных, отклонений, сиюминутной специфики.

С одной стороны, в процессе институционализации возникают расхождения между интересами всего сообщества (в удовлетворении некой потребности: в потреблении, общении, защите, воспроизводстве и др.) и интересами конкретных функциональных субъектов, реализующих эту потребность для общества (которые могут быть настроены не альтруистично, а весьма меркантильно и «под шум волны», т.е. под видом решения одних задач, осуществлять несколько другие). Например, в советской системе образования, которая имела множество разнообразных преимуществ, одним из недостатков была повышенная идеологизация в содержании гуманитарных курсов, т.е. социальный институт, решающий задачу профессиональной подготовки, на самом деле осуществлял и иную практическую цель – политической ориентации.

С другой стороны, потребность может носить массовый характер, но по разным причинам (в основном культурной легитимации) не быть признанной как общественно значимая. В результате развиваются «подпольные институты» – не принятые, официально игнорируемые, не наделяемые специальными ресурсами, но формирующие свою субкультуру, выполняющие определенные функции и стандартные операции, находящие пути материального обеспечения своей деятельности. Отношения подобного рода воспроизводятся в скрытой (латентной) социальной форме. Они долгое время могут быть не признаны ценными (социально значимыми) в рамках доминирующего культурного стандарта. Однако на определенных этапах развития общества, особенно в критические моменты, скрыто живущие отношения «возрождаются» и институционализируются (т.е. *признаются* обществом, становятся легальными и легитимными).

Р. Мертон, например, различал явные и латентные функции социальных институтов, которые представляют собой не только характеристики социальной структуры общества, но и индикаторы его общей стабильности.

Явные функции социальных институтов записаны в уставах, формально заявлены, приняты сообществом причастных людей, декларированы. Поскольку явные функции всегда оглашены и в каждом обществе этому сопутствует довольно строгая традиция или процедура (от помазания на царство или президентской клятвы до конституционных записей и принятия специальных сводов правил или законов: об образовании, здравоохранении, прокуратуре, социальном обеспечении и т.п.), они оказываются более формализованными и подконтрольными обществу. Поэтому население то и дело спрашивает у субъектов современного государства: «А куда идут наши налоги?» и «Почему не выполнены предвыборные обещания?» При этом оно никогда не удовлетворяется ответом и продолжает «терпеливо возмущаться» – перевыбирать, бойкотировать, уклоняться.

Латентные функции институтов – те, которые осуществляются на самом деле. Иногда они вполне тождественны заявленным функциям, но обычно между формальной и реальной

деятельностью институтов существует лаг (расхождение, разница), небольшой или же очень глубокий. В последнем случае социологи говорят о потенциальной нестабильности общества, в котором формальная и реальная структуры существенно различаются.

Возникающий двойной социальный стандарт отношений, поведения, оценки, способов разрешения противоречий создает условия для широкой вариативности поведения и конфликта «долженствований»: законодательных и жизненных. Россияне старой и новой формации в этом плане принадлежат к принципиально сходным социально-поведенческим культурам, поскольку значительная разница между явными и латентными, официальными и реальными функциями социальных институтов обуславливает сходные проблемы в установлении нормативных стандартов. Однако непредвзятый социологический анализ позволяет предположить, что в аналогичной ситуации становление «правового государства» и развитие соответствующего типа «правосознания» маловероятны, так как не отвечают амбивалентной (неопределенной, многозначной) структуре функций социальных институтов.

Состояние институтов является индикатором (значимым показателем) социальной стабильности всей общественной системы: общество стабильно тогда, когда функции институтов понятны, очевидны, неизменны (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Индикаторы состояния социальных институтов

Состояние социальных институтов	
В стабильном обществе	В нестабильном обществе
Четкие, понятные функции	Амбивалентность функций
Преимущество формальных функций институтов	Преимущество реальных функций институтов
Неизменность функций	Перемена функций

В обществах переходного типа, которые претерпевают системный кризис (изменяются их структура и организация), происходит изменение общественных потребностей, что требует изменения структуры социальных институтов и наделения существующих ранее несвойственными им функциями. В современном российском обществе прежние потребности как бы меняют «знак» – раньше институты реализовывали общественные, коллективные функции защиты, а теперь от них требуют защиты интересов индивида (отсюда результирует относительно более высокая состоятельность церкви). Все это придает дополнительную нестабильность и амбивалентность (нечеткость, многозначность) институциональным функциям.

Исследователи социальных институтов всегда уделяли этим процессам повышенное внимание, поскольку именно нормативные (институциональные) требования делают поведение отдельных людей и организованных групп предсказуемым и «предначертанным», соответствующим общественным ожиданиям. Поэтому загадки всякого рода «институциональных отклонений» связаны с сущностью проблем социальной структуры и функционального устройства общества, и социология должна потрудиться и рассекретить их в первую очередь. Великий «системщик» Т. Парсонс пишет об этом так:

Для нас социологическая теория есть тот аспект теории социальных систем, который занимается явлениями институционализации образцов ценностной ориентации в социальной системе, условиями этой институционализации и изменениями в образцах, условиями подчинения им и отклонения от какой-либо совокупности таких образцов, а также мотивационными процессами, поскольку они содержатся во всем этом.*

* *Parsons T. The Social System. N.Y.: Free Press, 1951. P. 552.*

Парсонс считал, что ценности, образцы поведения, которые постепенно превращаются в институциональные нормы, направляют не только поведение, но и социальные ориентации людей, а процедура изменения «правил» (как действовать, чего желать, к чему стремиться) тоже происходит по определенным правилам развития социальных систем.

Институционализация – это процесс, когда некая общественная потребность начинает осознаваться как общесоциальная, а не частная, и для ее реализации в обществе устанавливаются особые нормы поведения, готовятся кадры, выделяются ресурсы.

Известный социальный исследователь Г. Ленски определил ряд ключевых социальных потребностей, которые порождают процессы институционализации:

- 1) потребность в коммуникации (язык, образование, связь, транспорт);
- 2) потребность в производстве продуктов и услуг;
- 3) потребность в распределении благ (и привилегий);
- 4) потребность в безопасности граждан, защите их жизни и благополучия;
- 5) потребность в поддержании системы неравенства (размещении общественных групп по позициям, статусам в зависимости от разных критериев);
- 6) потребность в социальном контроле за поведением членов общества (религия, мораль, право, пенитенциарная система).

Современное общество характеризуется разрастанием и усложнением системы институтов. С одной стороны, одна и та же базовая потребность может порождать существование полдюжины специальных институтов, с другой стороны, каждый институциональный комплекс, например семья, реализует целую гамму базовых потребностей: и в коммуникации, и в производстве услуг, и в распределении благ, в индивидуальной и коллективной защите, в поддержании порядка и контроля.

Социальная стратификация и мобильность

Социальное неравенство в обществе чаще всего понимается как *стратификация* – распределение общественных групп в иерархически упорядоченном ранге (по возрастанию или убыванию какого-либо признака).

Термин «социальная стратификация» ввел в научный оборот наш бывший соотечественник, а затем известный американский социолог П. Сорокин, который заимствовал это понятие из геологии. Стратификация обязательно подчеркивает упорядочение социальных слоев и имеет русский понятийный аналог – расслоение по какому-то критерию (богатство, власть, престиж и т.д.).

Теории социального неравенства подразделяются на два принципиальных направления: функционалистское и конфликтологическое (марксистское).

Функционализм, в традициях Э. Дюркгейма, выводит социальное неравенство из разделения труда: механического (природного, половозрастного) и органического (возникающего вследствие обучения и профессиональной специализации).

Поскольку стратификация рассматривается как продукт разделения труда, функционалисты считают, что социальное неравенство определяется в первую очередь значимостью и престижем функций, выполняемых для общества.

Если под этим углом зрения проанализировать стабильные общества современного типа, этот вывод окажется подтвержденным в высокой степени. Действительно, профессия стала определяющим критерием социального расслоения и профессиональный статус отдельного человека или социальной группы тесно связан с такими основаниями стратификации, как доходы (собственность), власть (положение в системе управления) и престиж (признание социальной значимости этой работы). Поэтому образование рассматривается как источник приращения социального капитала личности, возможность получить хорошую профессию, обеспечить более высокий уровень жизни, обрести новый статус.

В марксизме основное внимание уделяется проблемам классового неравенства и эксплуатации. Соответствующим образом в *конфликтологических теориях* обычно подчеркивается доминирующая роль в системе социального воспроизводства дифференцирующих (подразделяющих общество на группы и слои) отношений собственности и власти. Эта логика описания неравенства хорошо применима к динамичным транзитивным обществам, переживающим революции и реформы, поскольку передел социальной структуры и изменение общих «правил игры» всегда связаны с институтами власти – собственности. От того, кому достается контроль над значимыми общественными ресурсами и на каких условиях, зависят характер формирования элит и характер перелива социального капитала (принудительный или трастовый, эксплуататорский или эквивалентный).

В живом, динамичном обществе всегда есть внутреннее движение, поскольку отдельные люди и образуемые ими общности, как правило, стремятся занять более высокое социальное положение. Это внутреннее движение, изменяющее индивидуальные или статусные (априорные, институциональные) позиции, называют социальной мобильностью.

Социальная мобильность является самостоятельным показателем «прогресса» общества. Первый показатель, как мы уже знаем, – это усложнение социальной системы, ее структуры и организации. Второй – повышение внутренней мобильности общества, причем не столько реальных социальных перемещений, сколько стабильных возможностей их осуществить. Иначе говоря, в той мере, в какой развита сеть каналов для социальных перемещений людей и образования новых социальных групп, мы можем говорить о продвинутом состоянии общества к современному состоянию, при котором социум в большей степени поощряет развитие человека и его индивидуальности.

П. Сорокин, один из крупнейших теоретиков социальной стратификации, отмечал, что там, где есть мощная вертикальная мобильность, есть жизнь и движение. Затухание мобильности порождает застой.

Он же различил вертикальную (возвышающуюся и падающую) мобильность, связанную с переходом из одного слоя в другой, и горизонтальную, при которой перемещения происходят внутри одного слоя, а статус и престиж позиции не меняются.

Индивидуальная социальная мобильность связана с переходами индивидов из одной общности в другую, а *групповая социальная мобильность* осуществляется тогда, когда в обществе меняются сами критерии стратификации. Так, еще недавно в России (точнее, в СССР) для реализации легальной социальной карьеры нужно было вступить в коммунистическую партию, а теперь, чтобы получить необходимые стартовые возможности повышения своего статуса, первым делом надо разбогатеть.

В свою очередь, когда после царского устанавливался советский общественный строй, гимном революционеров был «Интернационал», в котором звучали строки: «Мы наш, мы новый мир построим! Кто был ничем, тот станет всем!» Разрушители старого мира осознавали и свое стремление к групповой – классовой – мобильности, и необходимость изменения правил социального продвижения и воспроизводства социальной структуры.

Однако, как следует из стратификационной теории Сорокина, групповая мобильность может развиваться не только вследствие революций, но и путем реформ.

Изучение социальной диспозиции

Пытаясь выяснить нечто о строении и социальной организации общества, мы опираемся на факты самых разных проявлений и подвергаем их концептуализации, систематизации, теоретической интерпретации. Поскольку общественная трансформация в России предоставляет огромные массивы прямых и косвенных свидетельств о состоянии общественных процессов, встает проблема применения подходящих технологических и интеллектуальных «фильтров». В этом информационном обвале приходится действовать методом самоограничения, либо:

- сегментируя и последовательно обрабатывая имеющиеся сведения «тематически», чтобы в конце скоррелировать, обобщить и получить целостную картину;
- выбирая наиболее репрезентативный (представительный) срез развития общественных процессов и генерализуя полученные при его анализе выводы;
- используя априорные логические модели аналогового или выводного гипотетического характера для последующей верификации (проверки) на прикладном материале.

Рассмотрение разных теоретических подходов к анализу социальной стратификации в современной России, выявление их эвристического потенциала и ограничений в применении к новому (системно нестабильному) объекту позволяют ограничить количество изучаемых аспектов. В первую очередь необходимо сосредоточиться на трех обзорных точках:

1) на экономическом содержании социального расслоения, поскольку оно отражает наиболее фундаментальные основания дифференциации современных обществ;

2) на властных критериях переструктуризации, так как социальная культура и организация российского общества много веков носит рецидивирующе-редистрибутивный характер, а управление, подчинение и контроль играют большую роль в поддержании стабильности социальной системы;

3) на символическом оформлении поляризации общества как наиболее универсальном и обобщенном механизме социальной маркировки самых разных человеческих общностей, их взаимоотношений, ожиданий, притязаний, занимаемых позиций.

Опосредованный характер социальных взаимодействий в современном обществе предопределяет закрепление соответствующих форм символики, которые достаточно строго соответствуют устойчивым элементам социальной структуры. Новая символическая разметка социального пространства с переходом к рыночным «правилам игры» актуализирует заявочный, демонстративный, имитационный комплексы идентификации на фоне маргинальных состояний, вызывающих символическую гипериндикацию.

Социальное положение как конструктор описания динамичной социальной структуры, неравенство как общий принцип расслоения, аскриптивные и достигаемые доминанты изменения социального положения, признаки расслоения и закрепления социальной диспозиции, рассмотренные в марксовой (классовой) и веберовской (стратификационно-статусной) теоретической перспективе, ориентируют в оценке возможностей описания и трудностей объяснения процессов конституирования новой общественной структуры в России.

Количественный и качественный анализ. Несмотря на признание общей неопределенности и множественности форм и критериев социальной стратификации, большинство исследователей стремится сформулировать как можно более четкие и достоверные представления о социальной структуре.

Статистические интерпретации общественного расслоения в основном строятся на дифференцированной экономической оценке, в первую очередь на анализе доходов. Исследования Статкомитета СНГ, ЦЭИИ Минэкономики РФ, Института социологии РАН, ВЦИОМ и др. выявляют обогащение наиболее обеспеченных, ежегодный рост децильных коэффициентов, падение жизненного уровня большинства населения в 90-х гг. Структурный профиль российского населения по доходам с небольшими процентными колебаниями представлен беднейшей группой (35% ниже прожиточного минимума), малообеспеченной (30% тратящих доходы преимущественно на питание), среднеобеспеченной (25% активного населения, обеспечивающих питание за счет трети своих доходов), обеспеченной (10%) и богатой (5%).

Эти тенденции аналогичны выявленным Р. Форд* при анализе стратификационной системы индустриальных обществ на примере США.

* См.: Ford R. Introduction to Industrial Sociology, 1988; а также: Statistical Abstract of the United States, 1986.

Качественные методы используются социологами, изучающими структурирование социальной среды людей, переживающих глубокий внутренний кризис*, что характерно для современного российского общества. Рассмотрение различных типов структурных параметров, институциональных (в традициях Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Г. Ленски, Т. Парсонса) и конституциональных** оснований общественного структурирования позволяет заключить, что критериальный подход к прорисовке «социального профиля» имеет ряд ограничений.

* Например, Strauss A. L. Qualitative Analysis for Social Scientists, 1987.

**То есть субъективной структуры общества, выделения общностей и субобщностей как элементов системной организации.

Критериальные «вертикали» конструируются исследователями путем выделения нескольких доминант (К. Маркс: собственность; Э. Райт: собственность и положение в системе управления; М. Вебер: богатство, престиж, власть; У. Уорнер: богатство и престиж; П. Сорокин: привилегии и власть, собственность и профессия; П. Бурдьё: «капитал» в широком социальном смысле как любого рода возможность влиять). При этом критерий социального влияния выступает инвариантом, а «собственность» – непременно олицетворением статуса и позиции.

Из такого рода «множественных» моделей теоретической реконструкции социального пространства можно выделить не менее трех, лежащих в основе конкретных технологий изучения стратификации:

- 1) векторную, или матричную, характеризующую позицию социального субъекта в многомерном координатном пространстве;
- 2) доминантную, или периодическую, отмечающую замещение действующих оснований социального расслоения в разные периоды развития общества;
- 3) синтетическую, или универсальную, выявляющую общие организационные механизмы (монополии, иерархии) социального расслоения в любых типах общностей.

Новые интегративные способы изучения и интерпретации данных построены на приоритетном

внимании к синтетическим проявлениям социальной жизни и отображению социумных структур. Такими универсальными демонстрационными формами являются культура игры, знаковой символики, языка. Поэтому теоретические модели стратификации должны строиться не на центробежных конструктах «отношения» и не на центростремительных «влияния», а на исследовании «связывающих» пространств: коммуникации, взаимодействия, события.

Особенности социального положения. Рассматривая социальную структуру как совокупность групп, различающихся по своему положению в обществе, мы обращаемся к концептам социальной позиции (динамического потенциала), социального статуса (символического потенциала) и социального престижа (корпоративного потенциала) индивидов и общностей. Органическая зависимость между положением, вознаграждением и оценкой социальных позиций приводит к тесному переплетению причин, результатов и демонстраций социального расслоения.

Социальное положение описывается рядом характеристик со своими метрическими шкалами, причем изменения вызываются как перемещением внутри определенных градаций (аскриптивных, предзаданных и достигнутых в процессе мобильности социальных характеристик), так и внешними причинами переградуирования (переоценки) соответствующих параметров (это могут быть макросоциальные изменения, общественные и природные катаклизмы).

Например, реформатирование российского социального пространства происходит под влиянием всех трех групп причин. Реформы вызвали изменение частного и общественного жизненного устройства, имущественного, профессионального, функционального, политического и нормативного статуса, «переписали» гражданскую принадлежность, придали одним статус беженцев, другим – положение ущемляемых в социальных правах «меньшинств».

Поскольку стратификационные преобразования носят интенсивный, внутренний характер, постольку они задействуют тот социальный материал, который ранее составлял ткань общества; это именно «перестройка» в точном смысле слова. Новые этажи общественного здания, замещающие элиты, изменение диспозиции старых и внедрение в структуру возникающих новых социальных групп развиваются в прежнем социальном пространстве, сопряжение элементов которого происходит посредством изменения человеческих отношений и взаимодействий.

Наличие неудовлетворенных социальных потребностей, которые не обеспечиваются в данной социальной общности (организации) приводит к дестабилизации социального положения людей: сначала в форме мысленного моделирования более благоприятной ситуации, побуждающей к перемене позиции, а затем в виде практического расторжения связей, включающих их в эту общность. Сопровождающее процесс маргинализации разрушение привычной этики, культурных норм взаимодействия и структурирования социального пространства стирает следы вторичной социализации, которая мешает непосредственному вписыванию человека в иные ассоциации и общности.

Врастание в новое сообщество не исключает того, что человек во многом остается носителем прежней культуры (регулятивных норм и ценностей), что вызывает «расщепление» идентификации. Неопределенность социальной принадлежности напрямую связана со степенью устойчивости занимаемого социального положения, определяя потенциал мобильности, который легко катализируется, формулируя новые правила и формируя общественные структуры.

Анализ советской «перестройки» с позиций преобразования элит, формирования новых функциональных, монопольных и деятельностных групп в экономике и политике позволяет рассмотреть социальное расслоение общества в особом ракурсе, заметить трансформацию общего поля культурных регуляторов социальных взаимодействий.

Неравенство как источник расслоения

Расслоение – русский понятийный аналог признанного в мировой социологии термина «стратификация» – отражает процесс развития социального неравенства и иерархического группирования людей на социальных уровнях, которые различаются между собой престижем, собственностью и властью. Э. Гидденс определяет ее как «структурированные неравенства между различными группами людей»*, каждая из которых различается объемом и характером социальных привилегий. Т. Парсонс рассматривает стратификацию через призму интегративных

общественных институтов как «главное, хотя отнюдь не единственное, средоточие структурного конфликта в социальных системах»**, выделяя критерии престижа и власти в качестве ведущих дифференцирующих оснований.

* Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов (реферированное издание). Челябинск, 1991. С. 48.

**Цит. по: Американская социология. М., 1972. С. 376.

Основы социальной жизни – в обыденных взаимодействиях, и привычные стереотипы помогают людям в их общем смысловом контексте по-своему понимать состояние и поведение друг друга. И чем больше социальная дистанция между представителями разных социальных общностей во временном, пространственном или статусном смысле, тем жестче стереотип восприятия и интерпретации. «Социальная структура является общей суммой этих типизаций и повторяющегося характера взаимодействий, который создается с их помощью. Социальная структура как таковая является важным элементом действительности в обыденной жизни»*. Этот мир взаимных стереотипов и приписанных мотивов суть то же самое структурированное общественное пространство, в котором признание, номинация, общественные нормы и мнения организуют, разводят по четко определенным местам людей и целые общности, определяя их привилегии, обязанности и правила взаимодействия. В этом ракурсе изучение социальной структуры и культуры (в ее социологическом смысле) становятся тождественны.

* Berger L.P., Luckman T. The Social Construction of Reality. N.Y., 1976. P. 46.

Поскольку понятие стратификации охватывает и эволюционные (слоевые), и революционные (расслаивающие) социальные изменения, необходимо обращать внимание на особенности развития неравенства по самым разным основаниям, во всех сегментах общества.

Рассматривая личность как порождение социума (как объект, продукт, результат культуропроизводства в широком смысле), можно интерпретировать неравенство как неравноценность условий развития, несправедливость, ущемление естественных человеческих прав, обман, наказание, отчуждение, создание искусственных социальных барьеров, монополизацию условий и правил (протекционистских и демпинговых) социального воспроизводства.

Рассматривая личность как активного творца социума (как субъекта, производителя, источник постоянных изменений общества), можно представить неравенство как социальное благо, способ выравнивания стартовых позиций вследствие конкуренции, как механизм закрепления вновь завоеванного социального положения и сопровождающих его привилегий, систему стимулирования (вознаграждения и наказания), условие приоритета «пассионарности», поддержания потенциала выживания, социальной активности, творчества, инновации.

Имея разные точки отсчета, мы получаем по одному и тому же критерию (справедливости) альтернативные выводы: в о - п е р в ы х , неравенство несправедливо, так как все люди имеют равные права; в о - в т о р ы х , неравенство справедливо, так как позволяет дифференцированно и адресно компенсировать социальные затраты разных людей.

Неравенство как стабилизатор структуры

Люди наделены сознанием, волей и активностью, поэтому в обществе неравенство проявляется как система преимуществ. Система приоритетов очень сложна, но принцип ее действия прост: регулирование факторов социального выживания. Социальные преимущества могут быть связаны с выгодным положением в социальной диспозиции, легкостью перемещения в привилегированные общественные слои, монополией на социально значимые факторы и аранжированы всеми теми характеристиками, которые демонстрируют повышение степени социальной свободы и защищенности.

Классики «классики» (О. Конт, Г. Спенсер), «модерна» (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс) и постмодернистской социологии (например, П. Бурдьё) прямо говорят о фундаментальности и нерушимости принципа социального неравенства и его высокой функциональной значимости для организации общностей. Видоизменения претерпевают конкретные формы неравенства, сам принцип проявляется всегда.

«И если на какой-то миг некоторые формы стратификации разрушаются, то они возникают

вновь в старом или модифицированном виде и часто создаются руками самих уравнилителей»*, – утверждает П. Сорокин. Он связывает неравенство с иерархическим строением общества и называет ряд причин утверждения устойчивых социальных форм неравенства, расслаивающих общество по вертикали, среди которых рост численности, разнообразие и разнородность объединившихся людей, необходимость поддержания стабильности группы, спонтанная самодифференциация, функциональное распределение деятельности в сообществе.

*Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 306.

Иной аспект каузальности просматривается в концептах теории социального действия Т. Парсонса. Он концентрирует внимание на уникальных и потому фундаментальных функциях социальной системы, которые по этой причине приобретают характер социальной монополии. Незаменимость, обязательность и качественное различие этих функций предопределяют специализацию и профессионализацию (закрепление) за ними обособленных социальных групп, где энергетически насыщенные (экономические, производящие) общности подчиняются информационно насыщенным (политическим, правоподдерживающим и культуровоспроизводящим).

Другая известная объяснительная модель объективной необходимости социального неравенства сформулирована марксизмом. В ней социальное неравенство выводится из экономических отношений, институционализации эксклюзивного права распоряжения полезным эффектом, который создается при использовании средств производства. Социальная монополизация дефицитных ресурсов в индустриальных обществах конституируется в системе субъектов собственности. Таким образом, социальное неравенство, классовое деление, эксплуатация как способ иерархического взаимодействия крупных социальных групп в экономическую эпоху рассматриваются как объективные следствия внутренних законов развития обществ западного типа.

В стратообразующей модели американского марксиста Э. Райта наряду с фактором владения собственностью выделяется второй не менее значимый фактор – отношение к власти, которое конкретно трактуется как место в системе управления обществом. При этом большую роль играют сама идея многофакторности социального расслоения и признание дифференцирующей роли монополии на социальную функцию общественного управления.

М. Вебер считал, что процесс социального слоения и занятия более выигрышных позиций в обществе организован достаточно сложно, выделяя три координаты, определяющие положение людей и групп в социальном пространстве; богатство, власть, социальный престиж. Такая модель является не просто многофакторной, она знаменует переход от сфокусированного и линейного к пространственному исследовательскому видению проблемы, когда динамика социальных диспозиций фактически рассматривается как система векторных перемещений.

Роль социального престижа, оценки членами сообщества реальной, иллюзорной или сознательно демонстрируемой социальной позиции, действительно чрезвычайно велика. Она создает мифический, знаковый, символический мир разделяемых большинством ценностей и оценок, наделяя социальной значимостью – мир номинаций. Символика социальных «кажيمостей», иллюзорно сконструированный имидж проявляются и в простых (демонстративных), и в достаточно экзотических формах. Так, в современном обществе аранжировка социальной истории присуща не только группам (как это было в советской России), но и индивидам.

Таким образом, значение веберовского подхода состоит и в том, что он по-новому осветил так называемые объективные и субъективные критерии стратификации, что позже было сформулировано следующим образом: то, что люди считают критерием социального положения, становится реальным источником социального структурирования и регулирования отношений между ними.

П. Бурдьё развил концепт роли престижа, репутации, имени, официальной номинации в идее символического капитала, который наряду с экономическим, культурным и социальным капиталами определяет влияние (власть) и позицию своего носителя в общественном пространстве. Представления Бурдьё о структурировании общества придают новый ракурс развитию теории неравенства, с одной стороны, генерализируя идею влияния социального субъекта на социум (в понятии «капитал»), а с другой – формулируя идею многомерности

(следовательно, и «иномерности») социального пространства. «Социальное поле можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными», – считает он *.

* Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М., 1993. С. 58.

Многомерность и структурированность социального пространства, наличие множества находящихся в разных соотношениях позиций в свою очередь имеют различные теоретические объяснения и эмпирические описания.

Борьба за «справедливое неравенство»

Русский философ Н. Бердяев считал неравенство одной из фундаментальных характеристик жизни, отмечая, что всякий жизненный строй иерархичен и имеет свою аристократию. Изучая феномены социального неравенства и структурирования, не только критически настроенные конфликтологи (от К. Маркса до Р. Дарендорфа), но и позитивно воспринимающие их функционалисты (от Э. Дюркгейма до Э. Гидденса), преимущественно обращались к сложным динамическим характеристикам, элементам и следствиям социальной иерархизации.

Одна из фундаментальных человеческих потребностей – в стабильности и предсказуемости («защищенности», по А. Маслоу), как показали А. Турен в «социологии действия» и Д. Хоманс в «обменной теории взаимодействия», она фиксирует створы каналов социальной мобильности, упорядочивая конкуренцию и задействуя особые фильтрационные механизмы системы социальных перемещений. Другая потребность – в социальном продвижении и признании, что в рамках разных исследовательских традиций подтверждают В. Парето, К. Кумар, П. Бурдьё и даже И. Валлерштайн, – определяет интенсивность социальной динамики, распределение каналов социальных перемещений и пульсацию их наполнения.

Возмущения против неравенства в социальной практике редко носят вульгарный характер борьбы за торжество уравнилельных принципов. Стремление к реализации «справедливости» как более адекватной системы неравенства прослеживается в формулах «Равная плата – за равный труд», «Каждому – по потребностям», «Свободу сильным – защиту слабым» и т.д., в которых альтернативные социальные требования демонстрируют общее стремление к парадоксальному (дифференцированному) равенству. Так, в каждом обществе создается несимметричная система социального неравенства, где привычные механизмы структурирования разных групп могут носить даже конфронтационный характер, хотя в значительной части они все же согласованы друг с другом.

Наиболее рельефными моделями социальной стратификации являются рабство, касты, сословия и классы. В них отнесение к определенному социальному слою сопровождается жесткой общественной регламентацией деятельности и поведения людей, но сами принципы общественного структурирования детонируют разрушение социального порядка. Именно так Э. Дюркгейм объясняет «несовершенную солидарность». Он рассматривает нарушение солидарности как естественный ход культурного процесса, вводя концепты «нравственного заражения», внутригруппового порождения талантов, окультурирования («...они стали умнее, богаче, многочисленнее и их вкусы и желания изменились вследствие этого»). Дюркгейм постулирует идею, которую позже подтвердили в своих исследованиях М. Мид и К. Клакхон: для того чтобы культурная и социальная ассимиляция стали возможны, общности, впитывающие и передающие друг другу социальные образцы, должны иметь общие культурные основания. Итак, в ситуации, когда происходит развитие культурного поля, а социальные функции уже закреплены, нарушается согласие между способностями индивидов и предназначенными им видами деятельности.

* Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 349.

Новелла о символах расслоения. Современное общество с его опосредованной ролевой коммуникацией делает людей субъектами разных, часто дезинтегрированных, социальных статусов. Идентификационная символика упорядочивает социальное пространство, закрепляя систему устойчивых обозначений общностей и их позиций. Она часто обманчива по существу, однако достаточно точно отражает тесную связь знаковых форм с важнейшими социальными

характеристиками их носителей.

Поскольку люди действуют, исходя из своего понимания знаков социального пространства (при этом опираясь на общепринятые и личные, стандартные и оригинальные, подтвержденные и гипотетические представления), мир общественной символики опосредует практически все формы коммуникации, собственно и являясь для людей миром их специфической действительности. Социокультурное производство, в котором каждая личность и сам социум предстают как специфический артефакт, в каждом своем акте содержит притязание на культурную легитимность. «Коллективно организованные образцы символических кодов» объективно структурируют социальное пространство, интегрируя страты, кристаллизуя классы, порождая то, что в привычном смысле слова называется «общество».

Сложившаяся в современном обществе сложная ролевая и статусная диспозиция актуализирует проблему социального различия. М. Вебер, определяющий социальный порядок как способ распределения символических почестей, рассматривал социальный статус как корпоративный символ, который формируется постольку, «поскольку он не является индивидуально и социально иррелевантной имитацией другого стиля жизни, но представляет собой основанное на достигнутом согласии совместное действие закрытого типа»*. П. Бурдьё специально изучал вопрос о том, как «посредством свойств и их распределения социальный мир приходит, в самой своей объективности, к статусу символической системы, которая организуется по типу системы феноменов в соответствии с логикой различий...»** Прикладным аспектом этой проблемы является оценка статуса человека по определенным символическим индикаторам.

*Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 152.

**Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М., 1993. С. 68.

Внешнее символическое признание, престиж, является, по Веберу, индикатором страты, легитимизации ее социальной позиции и ее потенциальной или реально используемой монополии «особого рода». В достаточно точном смысле символическая стилизация жизни отдельных общностей и страт отражает устойчивость соответствующей структуры общества. Определенная символика, выработанный язык социальной коммуникации, внутренняя культура (субкультура), очень корректно отграничивающая «своих» от «чужих», конструирует не только внутреннее, но и внешнее общественное пространство (отношений, связей с другими субъектами) и тем самым способствует институционализации страты.

Российское общество в этом смысле имеет достаточно размытые и пересеченные контуры, хотя мы обоснованно говорим о дифференцированной структуре современных элит, включающих «старую» и «новую» подобности. Маргинальность новых элит, как и новых слоев аутсайдеров, вынуждает их продолжать использовать сложившиеся прежде символические стереотипы и смысловые ценности, держаться традиционного для них знакового ряда; но процесс легитимизации статуса не столько связан с отграничением прежнего социального бытия, сколько с символической инициацией в новой общности. По мере закрепления в элите осваиваются новая культура и стиль, теряет социальный смысл гипериндикация (символическая демонстрация самопричисления).

Как выявляется в результате сопоставления, символическая социальная «упаковка» субъекта оценивается в современной России довольно своеобразно: в первую очередь учитываются знаки принадлежности к власти, демонстрация уровня благосостояния (материальных «возможностей»), наличие «патронажа» и связанных с ним возможностей заимствования ресурсов. В связи с этим меняются оценки социального престижа разных видов деятельности, когда физически или этически «грязная» работа все же считается более привлекательной с точки зрения денежного вознаграждения.

Профессиональная стратификация в значительной степени теряет свою первостепенность в определении социального статуса и престижа, поскольку вознаграждения очень иррационально соотносятся и с системными (общесистемными) ценностями профессии, и с достигнутым уровнем профессионализма как таковым. По этим причинам соответствующие индикаторы социального положения оказываются содержательно запутанными и фактически неадекватными. Следовательно, ответы нужно искать в анализе «аксессуаров» социальных «одежд», которые демонстрируют конкретные субъекты (люди, группы, партии), открывая свое истинное место в общественной диспозиции (стиль социальной символики), свои социальные запросы

(гипертрофированная самоиндикация), собственные оценки сложившейся социокультурной среды стратификационных отношений (социальные идеалы, маркировки «свои – чужие»).

Динамика коэффициентов удовлетворенности, характеризующая изменения качества жизни россиян, показывает стабильный приоритет круга общения (0,8) и отношений в семье (0,77), которые определяют сегодня микромир человека. Н. Смелзер, обобщая современные социологические представления о классе, писал, в частности, о том, что многие исследователи отмечают значительно большую вовлеченность в семейные заботы людей из нижних, а не из средних слоев. В примерах, которые он приводит, просматривается социальное сходство с досуговым поведением россиян, характеристики которого подтверждают неразвитость среднего класса, выявленную по функциональным и формальным параметрам*.

*См.: *Беляева А.А.* Средний слой российского общества: проблемы обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10; *Умов В.И.* Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. № 4; *Комаров М.С.* Социальная стратификация и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 7; и др.

Изучение ценностных оснований идентификации в современном российском обществе (например, исследования С. Г. Климовой, В.А. Ядова и др.) показывает, что по сравнению с началом 80-х гг. значительно увеличивается эмоциональное переживание проблем витально-мотивационного и семейно-родственного комплексов.

Тем не менее и ориентация на «обеспеченность», и ценности «реализации», смыкаясь на признании высокой значимости микросоциальных отношений и качества микромира людей как такового, присущем большинству россиян (по крайней мере, в переломное время), ведут к повышению роли досуга, который и сегодня выступает важнейшим символическим индикатором статуса. Объем досуга, его функциональное и качественное наполнение стали определять социальное положение весьма характерным образом.

Эволюция индивидуального *названия*, включая характеристики номинации, легитимизирующей положение человека в социальной структуре, символически закрепляющей его общественный рейтинг, суть социография, описание происхождения, социализации, жизненных свершений, статусной траектории конкретного человека. Даруя символический капитал, конвертируемый в эмоциональные формы поддержки, доверие, авторитет, политическое влияние, прямые материальные выигрыши, название приносит разного рода социальные прибыли.

Номинация в современном обществе создает социальные страты, поскольку перераспределяет статусно подкрепленный престиж, задним числом формирует для поименованного социальную позицию, транслируя возможности «достичь особого рода монополии» (М. Вебер). Речь идет, в сущности, о правилах социальной метаигры, договоре об условиях занятия тех или иных общественных позиций. Д. Белл именно в этом смысле определяет социальный класс как «институционализированную систему основных правил приобретения, удержания и изменения дифференциальной власти и связанных с нею привилегий»*. Такой договор, такого рода правила устанавливаются путем символической позитивной санкции – легитимизации.

*Цит. по: *Надель С.Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978. С. 22.

Номинация, признанная и затверженная норма отношений к субъекту (именно так она может быть рассмотрена в теоретической перспективе Р. К. Мертон), в случаях уклонения от правил установленной директивно или только рекомендуемой субординации создает более тонко проявленное социальное напряжение*.

* См.: *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2.

Рассматривая общество как символический порядок, П. Бурдьё описывает мобилизацию всех социальных ресурсов конкурирующих субъектов в целях завоевания официального имени. «В символической борьбе... за монополию легитимной номинации... агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе, и, собственно, любую власть, которой они располагают в установленной таксономии...»* Такая внешне бессмысленная борьба за символы: «значки», «марки», отвлеченные отметины социальной позиции на самом деле – полная внутреннего напряжения содержательная работа по социальному продвижению, поскольку символический социальный капитал умножается, а «соотношение объективных сил

* Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики. М., 1993. С. 72.

**Бурдые П. Там же.

Каждое поле, или сфера, социальных взаимодействий является пространством «более или менее декларируемой» борьбы за установление официально закрепленных правил «разметки». Политика как особое пространство, где определяются и устанавливаются «правила правил» метасоциальной игры: законы, формальный регламент общественных взаимодействий, имеет ряд уникальных особенностей. Когда реальные капиталы для получения социальной номинации недостаточны и не действует логика взаимоучета власти монополий разного рода, в ход идет манифестация как символическая акция, становящаяся эффективной только в случае символического (информационного) резонанса*. Ю.Л. Качанов формулирует вывод о том, что монополия производства системы легитимной социально-политической дифференциации имеет исключительное значение, так как воплощается в мобилизованных группах.**

*См.: Шампань П. Манифестация: производство политического события // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 46, 56, 57.

** См.: Качанов Ю.Л. Агенты поля политики: позиции и идентичность // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 66.

Поскольку практика номинации устанавливает правила социальных отношений, поощрения, санкции и привилегии, закрепляя соответствующие стереотипы восприятия, возникает благодатная почва для имитации (и мобилизации новых) символических солидарностей, а также индивидуальной социальной принадлежности.

Аскриптивная модель «культурного соответствия» предполагает развитие через вариативность, игру, инновационный поиск в социальном творчестве, способствует разложению «культурных консервов» общества. Достижительная модель требует аутентичного освоения норм и ценностей «приемной» культуры, ее ортодоксального поддержания, однако на начальных стадиях вхождения в новую общность это происходит лишь формально и стандартная социальная символика получает эклектичные интерпретации и необычные акценты. Значительному большинству россиян сегодня приходится осваивать новые элементы социокультурной индикации, приобретать ранее не свойственные стереотипы, менять оценки и установки. Это неизбежно приводит к эклектизму, гипертрофированному следованию тем символическим социальным образцам, которые кажутся нормальными в новых общностях, достаточными не только для «включения», но и принятия в ней.

Таким образом, социальная стратификация в конце концов предстает перед нами как сложившаяся культурная стилистика разных сосуществующих общностей. Этот результат не отрицает других оснований возникновения общественных структур и иерархий, однако позволяет констатировать, что возрастает роль социальной символики в поддержании регламента и упорядоченности социальной организации в современном обществе.

Новелла о социальных монополиях. Древний социальный институт наследования является одним из мощнейших способов консервации социальной расстановки в большинстве известных культур. Помимо переноса «харизмы», установления «социальной форы» и фиксации статусного имиджа происхождение несет еще три функциональные черты: 1) ограничение культуровоспроизводственных возможностей, установка образовательного горизонта, социальной ориентации посредством формирования ценностного мира; 2) обусловленность развития природных способностей и талантов; 3) предопределение объема и характера наследуемого потенциала социальных влияний.

В России приоритеты социального наследования харизмы «людей влиятельных» сменяются приоритетами «людей обеспеченных», как и порождающие доминанты этих характеристик. В новых статусных группах властной и экономической пирамид отмечаются некие критические точки «насыщения», по достижении которых базовые критериальные основания прагматично-функционального плана трансформируются в достигаемые цели номинации (официальной, номинальной и заявочной) и символических ценностей. Это проявляется в погоне за званиями как знаками действительных статусных значений, в приобретении реквизитов для демонстрации своей корпоративной принадлежности, в игре символами социальных возможностей.

Отличие российской стратификации состоит в том, что социальные позиции закрепляются

преимущественно не отчужденными формами функционально-ролевых отношений, а межперсональными связями (протекция, родство, товарищество, корпоративность...), что влияет на механизмы маргинализации, замещения и социации: разрушенные структуры восстанавливаются и воспроизводятся «связками», «командами», состоящими из персонально, а не функционально дополняющих друг друга социальных элементов.

К числу предначертанных условий достижения социальной позиции относится и возникающая из неопределенных факторов природная монополия – *талант*. Особые, нераспространенные в социуме способности представляют тем большую ценность, чем более они адекватны целевым установкам общества, чем выше шансы рассматривать их как «средства» или как «ресурс». В связи с этим проявление и реализация способностей или талантов людей очень жестко зависят от социокультурного контекста, от общественной поддержки инновации, которая всегда выступает следствием проявления таланта в творчестве. Стабильные общества (в отличие от современного российского) стремятся ограничивать, а часто и подавляют такого рода эффекты еще на этапах ранней социализации. Социальные проявления талантов дают обществу дополнительный потенциал, который при определенных условиях может сыграть роль резервного.

Способности и социальное происхождение в современных обществах с преимущественно достигающим типом мобильности являются лишь начальным капиталом (потенциалом) социального продвижения. Ведущим стратификационным критерием становится *профессионализм* как социальная характеристика, которая означает наличие у человека закрепленной и признанной социальной функции, говорит о наличии специфических знаний, умений и навыков, монополии обучения и накопления функционального опыта, качественных параметрах его общественно ориентированной деятельности.

В России стратификационная роль профессии и профессионализма, с одной стороны, смягчена, поскольку общее экономическое развитие отстает от высокого современного стандарта, а некоторые сегменты квалифицированного труда потеряли сферы традиционного приложения; с другой стороны, она повышается в силу ряда причин: во-первых, востребован целый ряд профессий, для которых не велось специальной подготовки, т.е. возник структурный дефицит; во-вторых, потребности социальной стабилизации требуют усиления функциональной привязки, что эффективнее всего осуществляется через профессию; в-третьих, эпоха перемены социальных ролей вызвала критическую профанацию и породила дилетантизм и на фоне профессиональной маргинализации высокий уровень специальной подготовки и функциональная корректность приобретают особую социальную ценность.

Среди стратификационных оснований современного общества, доминирующих в большинстве теоретических моделей, неким инвариантом выступают *власть* и *собственность*. Трактовка их каузальной связи предопределила развитие конфликтологического и эволюционистского направлений в теории социальных структур.

Несмотря на заметный рост дифференциации российского населения по доходам в 90-е гг., фундаментальные исследования показывают «инерционность композиции основных структурообразующих элементов» общества и одновременные «заметные изменения в составе элит»*. Это говорит о том, что инициативно-достигательный механизм дифференциации по доходам действует лишь в узком сегменте общественной структуры, основное же «тело» общества (около 90%) экономически расслаивается вследствие перераспределительных актов субъектов – носителей власти (государственных органов и «позитивно привилегированных стяжательных классов»**, по М. Веберу). Доминантой функционального преобразования экономики является становление класса частных предпринимателей.

* См.: *Рукавишников Б.О.* Социология переходного периода (закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и восточноевропейских странах) // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 29.

** *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 154.

Структурирование общества по вертикали проявляется в контроле и подконтрольности, принуждении и эксплуатации, регламентации и подчинении, несимметричном взаимовлиянии. Р. Дарендорф рассматривает такого рода структуризацию как априорное предписание «латентных интересов» социальным позициям *. Сходство социальных позиций («стиля жизни» по М. Веберу) разбивает социальный агрегат на «квазигруппы» с выраженными сходными ожиданиями

и неосознанностью собственной идентичности. Такой фантом общности может кристаллизироваться в реально действующую группу посредством социальной организации, превращающей ее в субъект структурного конфликта.

* См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

Для российского общества это характерно. Экономические и политические структуры в ролевом отношении перекрывают друг друга (это проявляется и в индивидуальных траекториях: политики идут в бизнес, бизнесмены – в парламент), что действительно создает почву для борьбы всех за всё.

Конфликт явных и латентных функций, социальных и индивидуальных ценностей влияет на процесс оформления элит и усиливает нестабильность не только «верхушки», но и всего общества.

Отделение какой-либо общности от других и создание ореола исключительности, который выступает формой номинального символического капитала, происходит путем узурпирования «статусной» почести. Развитие статуса в символическом обретении групповой идентичности в этом ракурсе изучали и М. Вебер, и А. Турен. Все субъекты в поле социальных взаимодействий используют различные символические стратегии, посредством которых «намереваются установить свое видение деления социального мира и свои позиции в этом мире»*.

* Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 72.

Формирование *символического капитала имени* в России имеет весьма специфические интенциональные черты, предопределенные социокультурными и историческими основаниями:

- Традиционное стремление к получению государственных званий и отличий носит ореол сверхценности, поскольку они символизируют и особость социального положения, и корпоративную приобщенность к власти, распределяющей социумные блага и привилегии. Стратегия социального продвижения «вверх через официальную номинацию» в российском обществе наиболее эффективна.

- Институциональная и конституциональная трансформация общества в текущее историческое время требует особенно интенсивной маркировки социального пространства и обозначения наличных «портов» самопричисления, упорядочивающих процесс организации новой общественной структуры.

- Относительно широко распространены мнимые формы социальной символизации (имитация, инсценировка и др.). Архетипически это обусловлено сверхзначимой ролью официальной номинации, ситуативно – возможностями заявочного обретения символического капитала (весьма практичного по своим воздействиям не только в нашей культуре).

- Для современного состояния общества характерна социальная демонстрация с элементами гипертрофии, акцента, аффекта в знаковом оформлении коммуникативного пространства локальных сообществ, которая связана с повышенной ценностью завоевания символической позиции и закрепления в социальной структуре вновь сформированных общностей.

- Имя обретает повышенную значимость в аспекте репутации, поскольку этот род символического капитала вообще является легко конвертируемым во властную, трастовую, финансовую и другие формы социального влияния.

В процессе легитимизации, статусного закрепления социальных позиций групп большую роль играет символическое оформление занятого ими «пространства». Признание правил социальной игры всеми субъектами и непосредственная включенность в систему социальных взаимодействий, развивающихся по определенным согласованным нормам, является основанием стратификационного порядка в любом обществе.

Так, монополия собственности влечет монополию распоряжения ею и монополию присвоения ее полезных эффектов (доходов и т.п.). Последняя создает преимущество собственников в условиях легальной социальной игры и имплицитно содержит возможности для участия в «теневых» играх для избранных. Однако устойчивость государственных институтов предполагает и невыписанную обратную логику, ведущую к возникновению того же самого эффекта «цепной реакции» монополизации. Государственные органы в силу переданных им, а в значительной степени и узурпированных полномочий получают доходы от всех видов социальной деятельности, аккумулируют их, распоряжаются ими и обретают власть над не принадлежащей им

собственностью. Монополия при этом возникает как результат редистрибуции, обусловленной неподконтрольным распоряжением объектами собственности. Поэтому для анализа социально-экономической диспозиции в России необходимо учитывать два способа распределения «жизненных шансов», которые заданы шкалой распределения как собственности, так и квазисобственности: распорядительной экономической власти.

Монополизация экономики, а вместе с тем и неэкономических продуктов социальной жизни (эффект вовлечения в единую игровую логику), таких, как «присвоение детей», уникальных результатов творчества, информации и т.д., создает более рельефную социальную конструкцию общества, где групповые и индивидуальные диспозиции достаточно четко определены, социальные запросы (интересы), по выражению Р. Дарендорфа, кристаллизованы, а взаимодействующие субъекты «с точки зрения организации являются идентичными»*.

* См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143.

Понятие господства здесь вырастает из организационной трактовки социальной структуры, диспозиции правящих и управляемых, анализа социальных форм асимметричного распределения власти. Вертикаль господства – подчинения даже в такой модернизированной форме создает стратификационную структуру, в которой верхние слои неизбежно «объективируют» нижние и социальные взаимодействия между стратами приобретают все более «технологический» однонаправленно распорядительный характер, который в российском обществе абсолютизируется до монополии управления всеми социальными ресурсами.

Новые условия социального развития России, актуализация и легализация широкого спектра стратификационных правил постепенно снижают роль аскрипции и «рентной» формы выплаты социальных призов в пользу достигаемой социальной активности. Власть как универсальная монополия, операциональным эффектом которой является влияние, достижение направленного социального результата путем волевого воздействия, приобретает в значительных сегментах общественного пространства качество «переходящего жезла». Это не только результат некоторой демократизации, но и следствие неустойчивых форм переходного периода общественного развития. Такое динамическое состояние лучше описывается ситуационно-факторными моделями Э. Гоффмана, Г. Зиммеля, Д. Коулмена. В них власть это «временное преимущество» того, кто находится во властной позиции.

Монополизация социального положения при всех вариантах социальной метаигры становится самым эффективным защитным механизмом, ограждающим занятую позицию, утверждающим социальный статус, рейтинг в системе функциональных и идеальных ценностей сообщества. Она позволяет распоряжаться ресурсами, использовать подконтрольные ей виды социальной энергии, в том числе получаемые путем дозированного и неравноценного обмена, осуществлять результативный социальный шантаж, реально развивать элитные режимы жизнедеятельности и охраны своего общественного ареала от внешней конкуренции.

Новелла о транзитивной структуре. Актуальность исследования проблем социального расслоения современного российского общества обусловлена высокой потребностью в прикладном, операциональном знании и дефицитностью предложения со стороны социальной теории. Изучение процессов социально-экономического и социально-политического расслоения широко ведется на базе применения методик массовых опросов населения (например, исследования ВЦИОМ, фонда «Общественное мнение», ИСПИ РАН, ЦЭНИИ и др.), однако получаемые материалы не дают возможности широких теоретических обобщений.

С одной стороны, уникальность российского общества как объекта социологического изучения и отсутствие фундаментальных работ по стратификационному анализу переходных (транзитивных) обществ делают невозможным прямое использование известных теоретических схем. С другой стороны, только глубокое знание сформировавшихся научных подходов позволяет «изобрести велосипед» для познавательных путешествий по новой реальности путем продуктивного заимствования уже накопленного знания о развитии социальных структур.

Применение качественных методов исследования в рамках ряда отечественных научных проектов 90-х гг. позволило разработать ряд эвристичных концептов: «рецидивирующей общественной трансформации» (Н.Ф. Наумова), «кризиса идентификации», «символических солидарностей» (В.А. Ядов), «культурной инсценировки» в формировании новых российских

общностей (Л.Г. Ионин), «персонального тождества советских элит» (О.И. Шкаратан, Ю.Ю. Фигатнер), «ценностного кризиса поколений», «возрастания значимости примордиальных солидарностей» (С.Г. Климова), «насильственной маргинализации» (Е.Н. Стариков) и др. Однако эти исследования касались отдельных аспектов трансформации социальной структуры и не претендовали на целостное рассмотрение проблемы.

Более общее теоретическое рассмотрение процессов стратификации в России осуществлено в исследованиях В.О. Рукавишникова (изучение динамики социального структурирования в современных обществах переходного периода), В.А. Ядова (институциональный кризис социальной структуры, многомерные модели стратификации, политеоретическое описание процессов расслоения, выявление социальных асимметрий экстермальности – интернальности и групповой – личностной идентификаций в современном развитии российской общественной структуры), Е.Н. Старикова (изучение маргинальности, новых элементов и структурных особенностей переходных состояний, оценка тенденций развития социальной структуры), Л.А. Беляевой, В.И. Умова (проблемы становления среднего класса в России), З.К. Голенковой (формирование гражданского общества и воспроизводство российской общественной структуры), Л. Гудкова (социологический анализ интеллигенции), М. Восленского (изучение социального слоя номенклатуры), В.Б. Пастухова (анализ феномена «новых русских»), В.И. Ильина, М.С. Комарова, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной (разработка общей теории социальной стратификации).

Изучение социальной структуры транзитивного (переходного) общества, переживающего социальную революцию (бурную групповую мобильность), является очень сложным, поскольку «объект» научного исследования находится в крайне неопределенном, амбивалентном состоянии.

Вместо устойчивой системы социальных позиций нужно проанализировать сжатый во времени процесс структурной трансформации российского общества. Сложность этого объекта обусловлена, во-первых, тем, что изменения социальной структуры тесно взаимосвязаны со всеми характерными (а иногда и со случайными) социальными проявлениями. Поэтому изучение социальных структур связано с необходимостью исследования функциональной, системной организации общества, характера конституирования различных солидарностей (групп – корпораций – общностей), социогенетических воспроизводственных кодов, закрепленных в социальных институтах, и др.

Во-вторых, сложность объекта обусловлена реальным переплетением структуроформирующих процессов микро- и макроуровня, когда идентификации, социально-символическое конструирование, функциональная и ценностно-смысловая переориентация в общественной системе не могут рассматриваться в логике обусловливания и каузальных (причинно-следственных) связей.

В-третьих, специфичность объекта исследования предопределена тем, что в первую очередь рассматривается структурирование российского метасоциума, имеющего особый характер социального развития, причем в особенно нестабильный, «переходный» период, чреватый рецидивами и экстремальными состояниями, коренным изменением структуроформирующих параметров.

Однако это не весь круг проблем, связанных с выделением «объекта» исследования. Наряду с выявлением внутренних границ изучаемого процесса необходимо хотя бы чисто операционально определиться с внешними. Говоря об изменении структуры, о социальном расслоении общества, мы не можем не учитывать произошедшее изменение представлений о нем в процессе эволюции социологического познания. С одной стороны, общемировые интегральные тенденции позволяют интерпретировать современное «общество» как глобальную цивилизацию, а не как локальное образование в координатах нация – территория – государство; с другой стороны, возрождение архаичных социальных общностей и его теоретическое осмысление составляет этим представлениям обоснованную альтернативу. Учитывая все это, мы все же исходим из априорной посылки о специфической социокультурной природе и историческом опыте общественной локализации России, позволяющей рассматривать российское сообщество как целостную и в то же время относительно обособленную социокультурную общность (общество).

И теория, и практика стремятся к получению наименее искаженных представлений о содержании и логике социального расслоения в России. Ни количественный анализ, ни поиск исторических и инокультурных аналогий, ни исследование общественного мнения, ни изучение сиюминутно ломающейся социальной структуры не являются адекватными методами познания и

не позволяют сформулировать эффективное операциональное знание.

Поэтому общая проблематика исследования транзитивной российской структуры может быть определена следующим образом:

- Социальное структурирование в современной России – это сложное, многоаспектное социальное явление, культурный контекст которого (исторический, ориентационный) играет большую роль в его понимании.

- Стандартные методы исследования по названным выше причинам малоэффективны, односторонни, а «экзотические» – недостаточно обоснованы, релятивны. Поиск синтетического метода исследования и описания стратификации является важной частью проблемы.

- Социальную организацию современного российского общества вульгарно изучать как «структуру»; мы свидетели бурного, масштабного, интенсивного во времени процесса социального переструктурирования, в котором сочетаются элементы разной степени динамичности, продолжительности, охвата социального пространства, качественной определенности.

- Социальные процессы такой степени сложности требуют особой чуткости и компетентности: важно зафиксировать как можно больше разных аспектов феномена независимо от априори предсказанной значимости, всесторонне рассмотреть динамику включения людей в новые социальные структуры, формирования каналов мобильности.

- Социальные порядки – «разметка» социального пространства, барьеры и каналы социальных перемещений, правила соблюдения и нарушения социальной диспозиции – устанавливаются и поддерживаются самими людьми. Это позволяет рассматривать системоформирующие социальные процессы как метаигры, символика которых является источником универсальных интерпретаций «правил», «закономерностей», «отношений» и «взаимодействий» социальных субъектов, объединенных в общество.

Когда рушится прежнее социальное устройство, меняется ценностный мир, формируются многочисленные новые ориентиры, образцы и нормы, люди поневоле становятся маргиналами, лишены устойчивых социальных стереотипов. Каждый выступает «сам за себя», но он ищет «своего другого» и помогает себе и потенциальным «своим», используя символика самопричисления. Это проявляется в выборе одежды, жилья, средств перемещения, оформлении досуга, профессиональных принадлежностей, предметов роскоши, предпочтении информационных каналов и т.п. Мы облегчаем друг другу «видовой поиск», демонстрируя свои ценности, социальные претензии, реальное положение и потребность в коммуникации. Особенно наглядно такие процессы должны протекать в период новой дифференциации.

Представляется, что на основе анализа символика социального расслоения в современной России социологи получают нетривиальные и достаточно полноценные данные о формирующейся общественной структуре, взаимоотношениях, дистантности, степени закрытости и диспозиции различных социальных слоев, общностей и групп, а также сделать обоснованные предположения об основаниях социального расслоения и способах эффективных социальных перемещений в структуре общества.

Применение символично-игровой интерпретационной перспективы приведет к новым теоретическим выводам относительно расслоения современного российского общества, его доминантных критериев и направлений. Разрабатываемые в пионерских исследованиях теоретические положения позволяют ученым существенно продвинуться в изучении структуры переходных обществ и построении специальных теорий социальной стратификации.

«Кипящая вселенная» социальных групп

Аналоговая модель «кипящей вселенной» помогает интерпретировать процессы образования и разрушения социальных общностей, изменения структурной диспозиции в обществе (метаобщности). Обращение к динамическим и игровым элементам социального продвижения позволяет посмотреть на микро- и макропроцессы мобильности в особой теоретической перспективе.

Расслоение человеческих сообществ присуще историческим, рудиментарным общинам (Gemeinschaft, community) и современным обществам (Gesellschaft, society). «Социально-структурные общности, если мы считаем их зрелыми социальными субъектами, деятельны: они

способны к самоорганизации и саморегуляции своего бытия в общественной структуре», – считает В.А. Ядов*.

* Ядов В.А. Социально-структурные общности как субъекты жизнедеятельности // Социологические исследования. 1989. № 6. С. 63.

Переменчивая российская современность ограничивает возможности субъектного подхода, поскольку прежде устойчивые общности продолжают разрушаться, ранее вторичные факторы идентификации выходят на первый план, возникают разного рода массовидные образования, порождая «самости» социального сознания и социальных действий. Вследствие этого различия между «встроенными» в общественную структуру и «невстроенными» общностями весьма относительны, и анализ групповых представлений для выявления реальных показателей социальной структуры, ее элементов, взаимодействий и иерархических уровней становится более актуальным.

Модификация социального восприятия в сфере обыденного сознания приводит к разрушению интерпретационных схем, которые ориентируют людей в социальном пространстве и делают это пространство привычной средой обитания. Разрушение культуры, таким образом, выступает прямой, непосредственной социальной причиной (и одновременно проявлением) разрушения социальной структуры. Этот вывод касается прежде всего «культурных консервов», по выражению Я. Морено, т.е. социальных правил, норм, поведенческих образцов, традиционных ценностей.

«Нормальная», естественная маргинализация, которая является частью гомеостатической системы общества и основой спонтанной социальной мобильности, позволяющей людям вписываться в структуры, где удовлетворяются их потребности в принятии, признании, самосовершенствовании, реализации, творчестве и т.п., принимает в наших условиях насильственный, внешний, предписанный характер властного побуждения чужих планов и объективных обстоятельств.

Привычный стереотип состоит в том, что маргиналы «оседают на дно», в основание стабильного каркаса общественной структуры, однако это происходит очень редко. Естественная, фоновая маргинализация носит в целом социально обогащающий характер, т.е. связана с горизонтальными либо повышательными перемещениями к лучшим позициям. Предписанная маргинализация, как правило, принуждает к понижению положения и статуса, а экстремальная (опосредованно предписанная) выбивает из социальных ниш по неопределенной социальной траектории. Однако предписанная маргинализация и первого, и второго рода разрушает ориентационный потенциал подверженных ей социальных субъектов, формально пресекает коммуникативные каналы связи с прежней генеральной общностью, но не может лишить субъекта всех социальных характеристик, которые предопределяли его «вписанность» в устойчивые общественные структуры. Таким образом, остается возможной частичная или полная социальная регенерация, питаемая внутренним стремлением и макрокультурными стимулами.

Законы социальной витальности обычно побуждают маргинальные элементы к повторному встраиванию, а правила компенсации и макромотивации иногда приводят к очень интенсивной массовой мобильности (восстаний, войн, переворотов и революций).

Таким образом, частичное или полное разрушение устойчивых (как и массовидных) общностей обуславливает появление маргинального субстрата общества, который самопроизвольно или же под влиянием целенаправленной мобилизации встраивается в прежние или объединяется в новые общественные группы, отвоевывающие собственное социальное пространство. Они стремятся к внедрению в элитные слои, завоевывают сторонников, лоббируют, ротируют, кооптируют, переворачивая привычную социальную структуру «вверх дном»: иногда по форме (замещение элит, реструктурирование), иногда по содержанию (замещение новыми субъектами традиционных для общества структурных позиций). Это как физическая теория «кипящей вселенной», в которой непрерывно возникают и умирают целые миры, рождаются и исчезают пространства, наступает и изменяется время.

Перемещения в социальном пространстве

Перемены социального «формата» общества проявляются в человеческом наполнении тех или

иных социальных слоев, изменении их роли и функциональной значимости для сообщества в целом, переструктурировании позиций и статусов, возникновении новых страт. А социальные лестницы могут интерпретироваться как преходящие структуры социальных возможностей, которыми пользуются или которые игнорируют крупные социальные общности, группы людей и отдельные личности в актах социального конструирования, приводящего к закреплению определенной конфигурации общества.

В России наиболее устойчивым признаком формообразования, как отмечали все без исключения историки, является корпоративность: коллективность, свояченичество, землячество, родство. Социальные структуры собираются здесь не из индивидуальных корпускул, а из слаженных взаимным доверием «блоков». Поэтому российский социальный «конструктор» (игра в перемещения) отличается от западных аналогов, которые тоже не лишены подобного признака (концепт «команды»), но на иных принципиальных основаниях.

В рамках этого подхода нельзя не считать социальный статус в современном российском обществе групповым атрибутом. Следовательно, социальные достижения необходимо трактовать в категориях аскрипции, и этот методологический парадокс может быть вполне оправдан: с момента «попадания в обойму» (команду, группу, структуру, которая перемещается исключительно «в связке» вне зависимости от направления мобильности) и закрепления в ней начинает действовать система поощрений, которую мы определили выше как «социальную ренту»; она, конечно же, обрастает и «платами» разного рода, но ее природы это обстоятельство не меняет. Теоретически этот феномен можно рассматривать как своеобразное социальное наследство и оперировать им как инвариантом.

На фоне возрождения архаических солидарностей происходит социальное выдвижение их отдельных представителей, которые выступают не только потенциальными лоббистами или источником поддержки, но и символом достижений. Продвижение таких людей в элиты – корпоративная задача всей общности. Аналогичные цели и механизмы можно проследить в динамике «бросков в элиту» разных корпоративных объединений (содельческих, товарищеских, семейных). Социальная «сеть» конструируется особым образом и благодаря «грузу» (функциональному лидеру) может лететь далеко в цель, разворачивая за собой всю «ловушку» для сбора социальной прибыли.

Новые исследования социальной стратификации поколений подтверждают, что процессы воспроизводства семьи ориентированы на выдвижение потомков (что в радикальном, наиболее успешном варианте предполагает переход в более высокостатусные страты и разрыв с прежней семейной культурой) и одновременно на консервативную социализацию путем трансляции социокультурных и профессиональных образцов (которые повышают вероятность освоения вещественного и операционального наследства). Трансферабельность формы наследства особым образом влияет на социальную траекторию потомков, а эффект различной «транслятивности» социального статуса* проявляется не только в индивидуальной, но и в групповой социальной мобильности, построении механизмов «защит» от социальной конкуренции, динамике социальных перемещений в целом.

*См.: Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 2.

Алгоритмы социальной мобильности

Важнейший элемент жизненной стратегии, имеющий самостоятельное и в целом самодостаточное значение – это знание и учет правил социального продвижения в конкретном сообществе. Роль системообразующей конструкции здесь играют последовательность и скорость прохождения идентификационных этапов при смещении социальной позиции и изменении статуса. Помимо ряда факторов, влияющих на исход вертикального перемещения социальных позиций, выделяются фундаментальные аскриптивные (пол, поколение, поселенческая локализация, этнокультурная принадлежность: язык, религия) и символические статусные (репутация, номинация, престиж).

В России особенно актуальным стартовым основанием является поселенческая (региональная) локализация, поскольку модели мобильности в столицах, региональных центрах и в провинции достаточно сильно различаются. Статусные параметры, приобретающие в силу рентного характера полуаскриптивное качество, также изменяют общие правила социальной мобильности.

Однако и чисто демонстративные, ложные (частично или полностью) символические формы могут использоваться в качестве дополнительных «козырей» игры со стороны и перемещающихся, и обороняющихся.

Как важный элемент жизненной стратегии может рассматриваться выбор возможных источников энергетической подпитки, соответствующих социальных корпораций, включаясь в которые на разных этапах жизненной траектории, субъект (человек или группа) может подкрепить свой промежуточный статус и использовать ресурсы среды для дальнейшего социального «восхождения» или движения в более комфортные лакуны своего «горизонта» (уровня).

Жизненные стратегии группы (общности) характеризуются некоторыми существенными дополнительными возможностями. В стратегии продвижения большую роль играет соотнесение социальной претензии (выраженной в потребности и сформулированной в цели) с социальными требованиями относительно динамик элементов сообщества. При этом, как правило, индивид в отличие от координированной деятельности группы не может сформировать общественную потребность, т.е. вместо коррекции собственных социальных установок изменить свое координатное пространство.

Для российских элит актуален выбор стратегических приоритетов между повышением экономической или политической позиции с целью наращивания общего статусного и ресурсного потенциала. По логике вещей они не конвертируются, а лишь приносят прибыли другого рода: бизнесменам – политические, политикам – сервисные, денежные или имущественные, однако борьба за изменение диспозиции скорее приведет к солидарности, нежели к конфликту.*

*См.: Kumar K. The Rise of Modern Society. Oxford, 1988.

Мобильность – процесс перманентный и по своему характеру флуктуационный, циклический. Стратификационные модели социальных пульсаций и флуктуации мобильности касаются развития элит, основных функциональных классов, средних слоев, социально отвергнутых («дна»), вертикальных перемещений в целом, распределения социальной нагрузки по каналам мобильности.

Что дает знание социальной структуры

Глубокие общественные потрясения, которые драматически сказываются на личных судьбах людей, для социальных исследователей часто открывают неожиданную перспективу, обнажают ранее не проявленное. Из невнятного хаоса обыденности путь познания влечет их в искусственную реальность рациональных концептуализации, где субстанции рафинированы, правила согласованы, перспективы ясны, следствия предсказуемы. Но соответствуют ли теоретические выводы кипению реальной жизни и может ли наука дать целостное, подтверждаемое операциональное знание о сложных процессах трансформации человеческих сообществ?

Многие современные исследователи не дают положительного ответа на эти вопросы и поэтому особое значение для них приобретают методологический поиск, построение новых теоретических перспектив в изучении проблем социальной организации.

Определение предметно-проблемного поля такого рода исследования должно проводиться в контексте современного состояния социофилософского знания – ведь за полтора века развития социологии очень многое произошло с самой тканью науки. Классические представления об «объективности» объекта исследования, которые разделяли О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс, сначала сменились веберовско-мидовским модерном с признанием деформирующего воздействия на результат научного исследования инструментария, методов, а также теоретических подходов ученого. И вот уже несколько десятилетий установились и господствуют постмодернистские концепции, дистанцирующиеся от рационализма начала века. Современные подходы к социальному познанию своим теоретико-методологическим содержанием отрицают традиционную «научность», ибо не признают абсолютной, универсальной рациональности, а исследуют уникальные рациональности уникальных культур. Типы рациональности, принадлежащие разным культурам, не могут измеряться единой оценочной шкалой, а общности – соотноситься друг с другом на основании ценностных иерархий одной из

них. Поэтому всякая наука интерпретируется как игра культур исследования и культур отображения объекта.

Отсюда следует, что современная социология должна давать множество многообразных объяснений одних и тех же социальных процессов («монохромное» теоретическое отображение общественных явлений, событий и фактов порождает «одномерные истины», ложные с точки зрения познания целостной социальной природы). При этом современное состояние науки актуализирует не только терпимость к взглядам и выводам других исследователей, но и навыки теоретической «лессировки»: соединения, наложения и гармоничного сочетания разных подходов, выводов, интерпретаций относительно отдельных явлений или событий.

Отказ от универсальной теории и жестких верификационных методов объяснения переориентировал внимание исследователей на качественные методы познания и изучение контекста: феноменологические, этнометодологические, символично-интеракционистские, когнитивистские, социолингвистические подходы пропитывают ткань современного обществознания. Поскольку при этом еще и углублялось разделение академической и прикладной социологии, усиливалась их взаимная профессиональная придирчивость, а также произошло разведение теоретиков, грубо говоря, на два лагеря: «институционалистов» (внимание к системе, структурам, институтам) и «бихевиористов» (изучение поведения, взаимодействия, функционирования), выбор апробированных способов исследования социального строения общества стал гораздо более сложным, запутанным и неоднозначным.

Все эти факторы нельзя не учитывать при рассмотрении вопросов расслоения российского общества и формирования новой сети каналов социальных перемещений людей. В этой связи на основе поискового исследовательского подхода можно сделать ряд новых выводов.

Теоретико-методологические обобщения результатов исследования протекающего социального расслоения российского общества позволяют характеризовать их как социальную революцию в социологическом смысле, меняющую положение сложившихся социальных слоев, порождающую интенсивные процессы стратобразования, формирующую социальную диспозицию на новых критериальных основаниях.

Формирующаяся система неравенства становится не только источником социальной динамики, но и механизмом социокультурной консервации отношений нового типа, что позволяет рассматривать ее в концепции «игры»: складывающихся общественных договоров, правил, коммуникативных стереотипов, стандартных оценок и норм поведения.

Социокультурная специфика России не позволяет при этом использовать стандартный инструментарий западной социологии для изучения процессов общественного расслоения, поскольку известные факторные модели анализа и интерпретации социальной структуры носят качественно неприменимое к ней содержание.

Нестабильное институциональное и структурное состояние российского общества, а также уникальный характер протекающих в нем социальных процессов значительно сокращают возможности количественного и в определенной мере качественного анализа стратификации и мобильности. Изучение символических индикаторов с позиции теории «невстроенных» общностей – один из эффективнейших методов, отвечающих критериям адекватности, достоверности, верифицируемости и сопоставимости.

Символично-игровая модель интерпретации и анализа социальных структур становится при этом наиболее эвристичным инструментом социального познания организации переходных обществ современного (индустриального и постиндустриального) типа, позволяющим систематизировать и обобщать информацию о «скрытых» социальных процессах системно-преобразовательного характера.

В формировании социальной диспозиции важнейшую роль играют глубинные механизмы монопольного характера, которые не только закрепляют как за аскриптивными, так и за достигнутыми статусами единовременные социальные «выигрыши», но и порождают рентные социальные отношения, создающие особые динамические вертикали по каждому стратификационному основанию и регулирующие переливы *социальных* капиталов разного рода внутри групповых (статусных) и общественных (престижных) «горизонтов», а также между ними.

Изучение процессов стратификации и мобильности в российском обществе показывает, что маргинализация, социальный распад общностей (в том числе функциональных) и формирование новых социальных образований имеют специфический характер вследствие особой прочности

корпоративных связей и приоритетных ценностей неформальных контактов, лежащих в основе общественного структурирования в российской культуре.

Полученные выводы относительно закономерностей социальной стратификации и мобильности в современной России пока носят характер дискуссионных теоретических положений, но в той мере, в какой они призывают к развитию, опровержению или корректировке, они способствуют развитию самостоятельного профессионального мышления будущих социологов.

Портреты социологов

Маркс Карл (1818–1883) – немецкий философ, социальный мыслитель, экономист. Главный вклад Маркса в социологическую мысль – анализ социальной структуры общества, непосредственно основанной на убеждении, что, суть исторического процесса – борьба за контроль над собственностью и богатством. Эта борьба обусловлена разделением труда, в результате которого образуются классы, имеющие противоположные интересы. Сущностная природа классов изменяется в различные периоды истории в зависимости от господствующего способа экономического производства. Таким образом, в условиях капитализма существует конфликт между теми, чей труд используется для создания богатства, и владельцами средств производства. Согласно Марксу, в любой исторический период напряженность между антагонистическими группами – источник социальных изменений. Этим объясняется, почему капитализм сформировался в недрах феодализма. По Марксу, в конечном итоге социализм одержит победу над капитализмом. Борьба как причина социальных перемен – в этом сущность конфликтологической теории Маркса. Вклад Маркса в развитие социологической мысли, особенно в области анализа социальных классов и социальных изменений, сохраняет значение и до сего времени.

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:
Капитал. М., 1983. Т. 1.

Парето Вильфредо (1848–1923) – итальянский социолог и экономист. Главным элементом социологической теории Парето является теория нелогического действия. В своей теории Парето сделал упор на иррациональном и алогичном характере человеческого поведения. Согласно Парето, большинство человеческих действий, из которых складывается история, принадлежит к числу нелогических действий. Индивид поступает определенным образом, так как обладает психическими predispositionами и испытывает чувства, толкающие его к поведению определенного рода. Эти чувства маскируются при помощи псевдоаргументов, составляющих содержание всех общественных теорий. Парето доказывал, что общественные функции идеологии основаны на создании образцов логического (псевдологического) обоснования нелогических действий, в которых средства не соответствуют целям (таковы политические доктрины, религиозные концепции и т.д.).

Парето создал биологически обоснованную теорию элит, по которой все человеческие общества делятся на элиту (лучших, обладающих способностями к управлению обществом) и неэлиту. Стабилизация и последующая деградация элит, их «круговорот» – движущая сила общественного развития и первооснова всех исторических событий. Согласно Парето, индивиды, обладающие врожденными особыми «остатками», способны к манипулированию массами при помощи хитрости, обмана или насилия. Если элита не кооптирует в свои ряды новых членов из низших классов, обладающих соответствующими «остатками», то наступает революция (смысл революции, по Парето, заключается в обновлении персонального состава правящей элиты).

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10; 1996. № 1, 2, 7, 10.

Смолл Альбион Вудбери (1854–1906) – американский социолог, один из зачинателей социологии в США. Смолл был основателем и руководителем первого в мире социологического факультета Чикагского университета (с 1892) и Американского социологического общества, а также журнала «American Journal of Sociology» (с 1895); в соавторстве издал первый американский учебник по социологии (1894). Взгляды Смолла формировались под воздействием социального дарвинизма и психологизма. Основной единицей социологического анализа Смолл считал

категорию интереса, рассматривая социальную жизнь как результат взаимодействия интересов шести классов, ориентированных на здоровье, благосостояние, познание, красоту и справедливость. Социология, по Смоллу, должна иметь практический выход к «социальной технологии», призванной способствовать улучшению (поэтапному) социальных институтов.

Моска Газтано (1858–1941) – итальянский социолог и политолог, один из основоположников современной концепции элиты. Моска развивал идею необходимости и вечности разделения всякого общества независимо от форм государства, социальных групп и «политических формул» на два класса: «политический класс», т.е. правящая элита, и неорганизованное большинство, управляемый класс. Исследуя анатомию и динамику элит, Моска пришел к выводу, что без их обновления невозможна социальная стабильность, являющаяся основой общества. При этом всякая правящая элита имеет тенденцию к превращению в «закрытую», наследственную, что неизбежно ведет к ее вырождению. Подобные процессы может предотвращать только наличие свободы, в частности свободных дискуссий, которые вынуждают «политический класс» обновляться, позволяют держать его в определенных рамках и устранять, когда он более не соответствует интересам страны.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Элементы политической науки // Социологические исследования. 1995. № 4, 5, 8.

Морено Якоб (Джекоб) Леви (1892–1974) – американский социальный психолог, психиатр, основатель социометрии. С 1940 г. – руководитель основанного им же института социометрии и психодрамы (институт Морено). Морено исходил из того, что, кроме макроструктуры общества, изучаемой социологией, существует внутренняя неформальная макроструктура, образуемая переплетением индивидуальных влечений, притяжений и отталкиваний. Опираясь на психоанализ и гештальт-психологию, Морено считал, что психическое здоровье человека обусловлено его положением в малой группе, в системе межличностных влечений, симпатий и антипатий. Процедуры социометрии (социометрический тест и др.) позволяют выявлять невидимые эмоциональные связи между людьми, измерять их и фиксировать результаты в специальных матрицах, индексах и графиках (например, в социограмме).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Социометрия. М., 1994.

Вопросы для самоподготовки

1. Что такое социальное неравенство? В чем оно проявляется?
2. Раскройте понятие «социальная позиция».
3. Что такое статус? Чем различаются аскриптивный и достигаемый статусы?
4. Какие социальные состояния описывает социальная стратификация?
5. В каких направлениях могут происходить индивидуальные перемещения и в каких – групповые?
6. Какие количественные и качественные методы исследования социального расслоения Вы знаете?
7. Назовите функции неравенства в создании и поддержании общественной организации.
8. Что такое институциональная структура общества? Дайте понятие социального института. Назовите известные Вам социальные институты современного общества.
9. Перечислите основные показатели социального расслоения. По каким признакам конкретного человека можно отнести к определенному классу и страте?
10. Какие виды социальных монополий Вы знаете? Какого рода прибыли они приносят своим субъектам?
11. Как связаны социальное положение индивида и его социальная идентичность? В каких случаях они противоречат друг другу? Как называется такое социальное состояние?
12. Чем различаются естественная, вынужденная и насильственная маргинализация? Приведите примеры.
13. В чем специфика корпоративных элементов социальной структуры?
14. Чем характеризуются разные виды социальной мобильности?

15. В чем состоят предпосылки формирования среднего класса в России?
16. Какова социальная структура российского общества?

Литература

- Аврамова Е., Дискин И. Социальные трансформации и элиты // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
- Административно-политическая элита региона. Социологический анализ. Ростов н/Д, 1995.
- Айзенштадт С.Н. Конспект великих революций: Культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // РЖ «Социология». 1993. № 3–4.
- Андреев А.А. Классы как субъекты социального ритма // Социально-политический журнал. 1993. № 8. С. 42–54.
- Андрущак Н.В. Доход и социальная дифференциация общества // Социальная структура и социальная стратификация. М. 1992. С. 28–44.
- Анурин В.Ф. Политическая стратификация: содержательный аспект // Социологические исследования. 1996. № 12.
- Анурин В.Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 104–115.
- Анурин В.Ф. Проблемы эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 87–97.
- Атоян А.М. Социальная маргиналистика // Политические исследования. 1993. № 6.
- Ашин Г. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
- Бабаева Л.В., Таришис Е.Я., Резниченко А.А. Элита России: о настоящем и будущем страны // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 40–49.
- Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. Бизнес-элита России: образ мышления и типы поведения // Социологические исследования. 1995. № 1.
- Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М., 1972.
- Белых Е.Л., Веркеенко Г.П. Социальная структура и социальные процессы в современном обществе. М., 1993. 88 с.
- Беляева Л.А. Средний слой российского общества: проблемы обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 13–22.
- Бердяев Н. Философия неравенства // Русское зарубежье. Л., 1991.
- Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 106–122.
- Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994. С. 8–30.
- Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 17–36.
- Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
- Весолоуский В. Классы, слои и власть. М., 1978.
- Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гафт Л.Г. Изменение производственных структур и формирование новых слоев общества // Социальная структура и социальная стратификация. М., 1992. С. 57–61.
- Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социология: учебник 90-х годов (Реферированное издание). Челябинск, 1991. С. 48–69.
- Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гритчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Соровский Э.Г. Социальная стратификация городского населения // Социологические исследования. 1995. № 5.
- Денисова Г.С. Социальное расслоение как фактор напряженности в городе // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 81–84.

- Динамика социальной дифференциации. М.: ИНИОН АН СССР, 1990.
- Динамика социальной дифференциации: реферативный сборник. М., 1992.
- Доходы работающего населения России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 5–10; № 2. С. 5–12.
- Дэвис К., Мур У.Е. Некоторые принципы стратификации // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Л., М., 1991.
- Ефимов А. Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знание – сила. 1988. № 1. С. 56-64.
- Зайченко А. Имущественное неравенство // Аргументы и факты. 1989. № 27.
- Запащенко С.И. Динамика социальной дифференциации. Саратов, 1991.
- Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. 1995. № 3.
- Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909.
- Зубова Л., Ковалева Н. Бедность, которая превратилась в проблему // Человек и труд. 1995. № 2.
- Игитханян Е.Д. Самоидентификация в социально-слоевой структуре и основные направления ее изменений // Социальная идентификация личности-2. М., 1994. Кн. 1.
- Ильин В.И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991.
- Ильин В.И. Основные контуры системы социальной стратификации общества государственно-монополистического социализма // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1991. № 1. С. 96-116.
- Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 3.
- Казаринова И.В. Социально-статистический анализ тенденций развития социальной структуры общества // Социальная структура и социальная стратификация. М., 1992. С. 9-19.
- Климова С.Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен // Человек. 1995. № 23.
- Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80–90-е годы) // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 59–72.
- Климова С.Г. Динамика социальной структуры города: ценностные основания // Социологические исследования. 1993. № 11.
- Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 62–72.
- Кордонский С.Г. Социальная структура и механизм торможения // Постигение. М., 1989. С. 36-51.
- Крыштановская О.В. Нелегальные структуры в России // Социологические исследования. 1995. № 8.
- Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту: на материале социологического исследования // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
- Крэстева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 19–29.
- Куколев И.В. формирование бизнес-элиты // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 12–23.
- Лэйн Д. Перемены в России: рост политической элиты // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 30–39.
- Луценко А.В., Радаев В.В. Сбережения средних слоев населения // Экономика и общество. 1995. № 6.
- Магомедов А. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.
- Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 118-124.
- Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 104-114; № 4. С. 91-97.
- Мизе Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Анти-капиталистическая ментальность. М., 1993.
- Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
- Модернизация: экономика и социальные структуры. М. 1991. 36 с.
- Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. М.: Механик, 1996. 208 с.

- На изломах социальной структуры.* М., 1987.
- Надель С.Н.* Современный капитализм и классы // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4.
- Наумова Н.Ф.* Регулирование социальной дифференциации: критерии, циклы, модели // Общество и экономика. 1993. № 3. С. 3–20.
- Олейник А.Н.* Механизм возникновения новых институциональных структур в переходный период // Социологические исследования. 1994. № 2.
- Орлов А.С.* О среднем классе // Социально-политический журнал. 1994. № 9–10.
- Орлов А.С.* Социальные услуги как фактор стратификации общества // Социальная структура и социальная стратификация. М., 1992. С. 44–56.
- Пастухов В.Б.* От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Политические исследования. 1993. № 2.
- Пастухов В.Б.* «Новые русские»: появление идеологии // Политологические исследования. 1993. № 3. С. 15–26.
- Положение о классовой структуре и психологическое функционирование индивида. Проблема взаимовлияния* // РЖ «Социология». 1993. № 3–4.
- Понеделков А.В.* Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д, 1995.
- Простаков И.В.* Корпоративизм как идеал и реальность // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 17–24.
- Процессы социального расслоения в современном обществе: Научный доклад / Ин-т социологии РАН. Проблемный совет «Социальная структура и социальная стратификация».* М., 1993.
- Радаев В.* Основные направления стратификационной теории // Российский экономический журнал. 1995. № 1.
- Радаев В.* Социальная стратификация, или Как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11.
- Радаев В.В.* Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1991. № 1. С. 117–147.
- Радзиховский Л.* Новые богатые // Столица. 1993. № 6. С. 10–11.
- Ранние формы стратификации.* М., 1993.
- Ромашевская Н.* Социальная стратификация и проблемы бедности // Человек и труд. 1994. № 10.
- Руус П.* От фермы к офису: семья, уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 139–151.
- Рыбкина Р.В.* Советская социология и теория социальной стратификации // Постигение. М., 1989. С. 17–35.
- Савельев А.Д.* Идентификация и формирование научной элиты (обзор) // Социологические исследования. 1995. № 2.
- Силласте Г.Г.* Эволюция социальных позиций женщин в меняющемся российском обществе // Социологические исследования. 1995. № 4.
- Силласте Г.* Женские элиты в России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994. № 1.
- Смелзер Н.* Неравенство, стратификация и класс // Социология. М., 1994. С. 273–303.
- Советский город: социальная структура.* М., 1988.
- Современные зарубежные теории социального изменения и развития: Реферативный сборник.* М., 1992.
- Сорокин П.А.* Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов // Система социологии. М., 1993. Т. 2.
- Сорокин П.А.* Учение о строении общества // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 16–69.
- Социальная структура и экономика; («Социальная структура и производственные отношения»)* // Общественные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1992. № 2. С. 138–144.
- Социально-стратификационные процессы в российском обществе* // Вестник МГУ. 1995. №4.
- Социально-экономическое расслоение населения России в 1992 году.* М.: Фонд «Общественное мнение», 1993.
- Стариков Е.Н.* Социальная структура переходного общества: «горизонтальный срез» // Политические исследования. 1995. № 5.
- Стариков Е.Н.* Социальная структура переходного общества (опыт «инвентаризации») //

- Политические исследования. 1994. № 4. С. 87–96.
- Стариков Е.Н. Маргинал и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. №4. С. 142–155.
- Стариков Е. «Угрожает» ли нам появление «среднего класса»? // Знамя. 1990. № 10. С. 192–196.
- Сычева В.С. Проблемы имущественного неравенства в России // Социологические исследования. 1995. № 5.
- Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. №1-2. 0129–138.
- Тоффлер О. Смещение власти: Знание, богатство и принуждение на пороге XXI в. // Общественные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1992. № 2. С. 13–21.
- Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 1996. 469 с.
- Умов В.И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. № 24. С. 26–40.
- Хинкл Р.Ч., Басков А. Социальная стратификация в перспективе // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 417–446.
- Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: Германский опыт // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 50–57.
- Черныш М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Социологические исследования. 1995. № 1.
- Черныш М.Ф. Власть и социальная структура // Социальная структура и социальная стратификация. М., 1992. С. 19–28.
- Чжан Ваньли. Обзор современных исследований социальных классов и страт в Китае // Общественные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1992. № 2. С. 65–69.
- Шкаратан О.Н. Социальная структура: иллюзии и реальность // Социология перестройки. М., 1990. С. 52–80.
- Шкаратан О.И.; Фигатнер Ю.Ю. Старые и новые хозяева России (от властных отношений к собственническим) // Мир России. 1992. № 1. С. 67–90.
- Шурухнов Н.Г. Неформальная дифференциация в исправительно-трудовых учреждениях // Социологические исследования. 1992. № 7.
- Ядов В.А. Социально-структурные общности как субъекты жизнедеятельности // Социологические исследования. 1989. № 6. С. 60–63.

Приложение. Социодрама «Неравный брак»

Социодрама – это обучающая технология, с помощью которой можно не только актуализировать и проверить полученные знания, но и эмоционально прочувствовать недоступный ранее социальный опыт, а следовательно, существенно обогатиться социологически. Возможности этого метода поистине безграничны, поскольку в нем сильно выражена игровая составляющая, способная развивать вариативность поведения, социальную фантазию и «драматургическое» творчество.

Способности «актеров» не имеют значения, хотя практика показывает, что игровые ситуации сами по себе помогают проявлять участникам заложенный в них лицедейский талант.

Преподаватель (или ведущий) оглашает заранее составленный список ролей. Например: «современная Золушка», «озабоченный Принц» (деловой богатый претендент на руку и сердце героини), «восторженная Мама» девушки, «добродушный Свекр» (будущий, конечно), «скептическая Свекровь», «целеустремленная Подружка», «взбалмошная Подружка», «лучший Друг» и «бывшая Подружка» (жениха) и т.п. Мы рекомендуем 6–8 ролей.

Студентам дается короткое время (3–5 минут) для «спецификации роли»: они должны придумать свой образ какой-то из ролей, поэтому возможны, например, четыре разных «Золушки» и два разных «Принца» (один озабочен бизнесом, другой – ранним облысением, третий – необходимостью избавиться от бывшей Подружки; они будут разного возраста, темперамента и т.п.). Интересно, что в ролевой игре актер может поменять пол, возраст, социальное положение, жизненную ситуацию и «пережить» элементы чужой жизни. Это вырабатывает новые способности, открывает возможности более глубокого понимания других людей и внутренней логики происходящих событий.

После этого короткого периода свободных фантазий на тему ведущий предлагает каждому потенциальному игроку огласить буквально в трех предложениях свой выбор: назвать роль и «раскрыть характер» личности или ситуации, в которой она пребывает и которая будет направлять определенным образом ее дальнейшие действия.

Затем задаются ситуации – на выбор. Например: «Знакомство», «Представление семье», «Свадьба», «Празднование годовщины». Актеры, выбравшие роли, занятые в этой картине (лучше всего идут дуэты), выбираются по желанию или наугад. Задается элемент драматизации, например обсуждение бюджета, и игра движется на самотек или должна развиваться в соответствии с заранее оговоренными установками.

Социодрама хороша тем, что «пассивное» участие в ней наблюдателей так же эмоционально активно, как и непосредственных «игроков». Сама «драма» корректируется в зависимости от цели игры: просто получить опыт общения в своеобразной кратической структуре, отработать коммуникативные навыки, которые ранее обсуждались, проанализировать модели развития отношений в подобной микросоциальной структуре, выявить «болевы́е точки» в отношениях.

ТЕМА 5 РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Изменение практики менеджмента в конце XX в. можно содержательно охарактеризовать как процесс социализации управления*. Многоплановость инновационного менеджмента позволила теоретикам управления рассматривать в качестве самостоятельных проблем такие аспекты этого явления, как социальное управление, маркетинговое управление, производственное самоуправление, и изучать в целом организацию процесса демократизации общественной жизни.

* См.: Дзыбов К.М., Мостовая И.В. Социотехнический характер инновационного управления. Ростов н/Д, 1997.

Все это элементы и проявления одного целостного состояния, суть которого еще предстоит изучить. Недаром специалисты по управленческим технологиям, пытаясь осмыслить негативные уроки современного менеджмента, вынуждены делать почти социологические обобщения по поводу содержания управленческих инноваций: «Люди у власти должны быть архитекторами социальных процессов, изучая и формируя то, что называется «культурой производства», анализируя ценности и нормы организации и те пути, с помощью которых эти ценности могут быть привиты и переданы людям, или в случае необходимости противостоять отжившим нормам организационной культуры»*.

* Почему лидеры не могут управлять. Реферат книги: Warren B. Why Leaders Can't Lead. The Unconscious Conspiracy Continues. San Francisco, 1989 // Как добиться успеха. М., 1992. С. 37.

Иными словами, современный инновационный менеджмент содержательно связывается с развитием новых форм системной организации, привитием особой культуры социального взаимодействия людей в сфере труда и производства.

Процесс развития управленческих инноваций нельзя в строгом смысле считать имманентным, поскольку он обусловлен вызовами со стороны управляемой системы и еще в большей мере – со стороны конкурентной среды. Более того, изменение системы организации и управления происходит на практике под влиянием преимущественно кризисных состояний, когда традиционные методы регулирования оказываются неэффективными. Именно локальный или общесистемный кризис вызывает осознанную реакцию менеджмента, поскольку требует изменения самой стратегии развития организации в целях выживания.

Усложнение системы современного общественного воспроизводства порождает многочисленные нестабильные состояния, актуализирует проблему неопределенности, создает информационный голод. Связанные с этим микрокризисные ситуации требуют социальной консолидации граждан и правительств, менеджеров и работников, перераспределения управленческой воли и ответственности «среди всех».

Кризис систем и управленческие инновации

Анализ конкретных процессов возникновения современной организационно-управленческой

стратегии экономически преуспевающих стран позволяет сделать вывод, что развитие инновационного менеджмента обусловлено ситуациями социального кризиса. Значительные изменения, произошедшие в системе распределения сил мирового и национального производства в последней трети второго тысячелетия, связаны именно с «точками роста» антикризисных стратегий социального управления. Это подтверждают примеры послевоенной Японии и Германии, а также Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура, последовавших по пути использования технологических инноваций.

Чем бы ни объясняли в последующем чудеса экономического роста этих стран: корпоративным духом, мобилизацией нации, дешевизной рабочей силы или богатством природных ресурсов (например, в Арабских Эмиратах или Кувейте) – важнейшей необходимой предпосылкой, «первотолчком» перемен оказалось осознанное принятие новой *управленческой стратегии*, ставка на технические и социальные новации.

Идеология рывка во всех этих странах потребовала перераспределения ресурсов в пользу развития наукоемкого производства, требующего высокопрофессионального, квалифицированного, творческого и заинтересованного (т.е. социально ответственного) труда.

«Новые индустриальные страны используют самую современную, передовую технологию, их структура затрат похожа на американскую, их рабочая сила – молодая, жадная до работы и не испорчена высоким уровнем жизни, строгим регулированием условий труда или управленческими теориями.

Общим для всех... является ориентация на экономический рост, готовность много трудиться, предпринимательство, дисциплинированная и достаточно квалифицированная рабочая сила, высокий уровень образования»*.

* Грейсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991. С. 303-304.

Целеустремленность развития и мотивация производительности в этих столь разных странах достигались проведением в жизнь осознанной организационной антикризисной стратегии управления, предобусловленной военными, демографическими, политическими и иными социальными потрясениями. *«Инновационный менеджмент является стабилизатором переломных моментов, гасителем возмущений. Кризис для инновационного менеджмента – предмет изучения, а безопасность жизнедеятельности, в частности в предкризисных, кризисных и посткризисных ситуациях, – цель деятельности»**.

* Вишняков Я., Геххардт П., Кирсанов К. Инновационный менеджмент // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 76.

Антикризисные стратегии управления. Антикризисный характер инновационного управления имеет глубинную социальную подоплеку, а его реализация связана с проблемой выживания общественной системы – идет ли речь о «нации» или о «корпорации». В противном случае американские политики и ученые (а не только производители) не испытывали бы беспокойства из-за конкуренции с более динамичными экономическими системами: ведь технологический или чисто экономический проигрыш не ставит под угрозу существование американской нации, не может коренным образом повлиять на уровень жизни ее граждан. А вот изменить культурные стандарты, снизить пафос национальной идеи, изменить общие ценности поражение в мировой конкурентной борьбе вполне способно, т.е. потеря темпов экономического роста может привести не просто к кризису производства, а к глубокому социальному кризису, как произошло в России.

«Россия переживает сейчас период острейшего социального кризиса, идет интенсивный процесс реформирования, появление новых элементов и структур сопровождается разрушением старых. Меняются социальные институты – ...то есть все то, что в стабильных условиях «цементирует» жизнь общества... В России сейчас почти нет слоев населения, положение которых было бы стабильным, а общие идеалы и ценности отсутствуют. В этой ситуации социальный контроль выступает в форме принуждения и реализуется в особом, кризисном управлении... Идея кризисного управления покоится на трех «китах»: стабильности государственного аппарата, приоритете экономики и целенаправленном усилении деятельности... институтов социального контроля...»*

* Гурьева Л. От кризиса власти к кризисному управлению // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 7. С. 40.

Ясно, что кризис общественной системы требует изменения системы управления социальными

процессами, развитием экономики и производства.

В то время как российское производство продолжительное время стагнирует после обвального, более чем на 40%, падения в первой половине 90-х гг., отечественный «менеджмент» не изменяет свое качество ни на макроэкономическом, ни на внутрипроизводственном уровне. Это в значительной степени обусловлено тем, что непосредственная практика, организация и идеология управления тесно, можно сказать неразрывно, связаны друг с другом. Конечно, может возникать определенный лаг между приоритетами государственной экономической политики и политикой менеджмента на конкретных предприятиях – иногда управленческие новации пропагандируются и внедряются «сверху», иногда пробиваются на уровень общенационального осознания «снизу». Но и в том, и в другом случае они вначале формулируются как определенная социальная идея, для принятия которой должна быть подготовлена культурная почва.

Например, в социальных системах, основанных на развитой демократии, и в управлении производством возникают тенденции к социализации организационной системы, формированию отношений сотрудничества, позитивного самопричисления, участия, солидарности. Демократизация производства и развитие автономии труда становятся естественным следствием развития гражданской и хозяйственной автономии людей в современном обществе. «В свое время в 50 европейских и латиноамериканских странах проводилось исследование с целью выяснения вопроса, связан ли уровень развития экономики с политическим режимом общества. Оценивался уровень благосостояния общества, его индустриализации, урбанизации и образования. Полученные результаты однозначны – экономически развитые общества имеют стабильную демократию, общества со слабо развитой экономикой склонны к нестабильным демократиям или диктатурам». Таким образом, антикризисное управление тесно связано с решением задачи политической устойчивости общественной системы. А вот обратное влияние политической стабильности на качество менеджмента может и не быть таким благотворным. Подобный парадокс обусловлен тоже социокультурными причинами.

**Гурьева Л. Указ. соч. С. 41.*

Стабильные социальные системы с успешно развивающейся экономикой индустриального типа несколько «закостеневают» в своем духовном развитии, вырабатывая те самые «культурные консервы» стереотипов должного, стандартных управленческих решений, обычно эффективных приемов организации совместной деятельности, о которых говорил Я. Морено. Поэтому и в современной российской системе управления сохраняются дурные традиции непонимания и недоверия к инноватике, особенно опасные в период коренных преобразований, происходящих в экономике, социальной и политической структурах.

Загадка «социального управления»

Рассматривая проблемы формирования антикризисного инновационного управления на макроуровне, можно прийти к обоснованному выводу о наличии тесной зависимости между философией общественного управления в целом и конкретными социальными технологиями менеджмента. Поэтому проблема управления персоналом как наиболее актуальная проблема организации эффективного менеджмента не может быть поставлена в отрыве от проблемы социального управления в целом.

В то же время само определение «социальное управление», как и целый ряд других определений, позволяющих теоретически полноценно говорить о современной управленческой инноватике, окончательно не сформулировано.

Отдельные исследователи отождествляют его с самоуправлением, некоторые делают акцент на социальном объекте или общественно значимых целях управления, многие говорят о специфическом характере применяемых принципов, методов и технологий. Однако социальное управление включает в себя все эти качества и характеристики, в то время как центральным его элементом является *актуальный социальный стимул*, позволяющий максимально мобилизовать свободный потенциал конкретного человека.

Если принять подобную дефиницию за основу, то в свете происходящих изменений в системе общественной регуляции следует признать, что управление становится все более и более «социальным», поскольку процессы демократизации приводят ко все более сложному (почти

диффузному) распределению управленческой воли, полномочий и ответственности среди всех действующих субъектов. Причем этот вывод может показаться теоретически гипертрофированным только в рамках реалий российского административно-управленческого консерватизма.

Социальное управление производством. Формирование сетевых оргструктур современных предприятий, участие работников в доходах, акционерная собственность, кружки качества, демократизация производства подтверждают, что характер социальных изменений в системе современного менеджмента изменился коренным образом в направлении глубокой, всеобъемлющей социализации.

Качественное развитие системы управления производством стало возможным после осознания руководящими субъектами отдельных предприятий и всего национального хозяйства того, что «стабильность» – состояние обманчивое, чреватое противоречиями, временными деструкциями и кризисами. Но после кризиса структурных преобразований должен наступить либо коллапс, либо катарсис, а беспечное накопление проблем запаздывающей технической модернизации, как уже не раз случалось в российской истории, приводит общество к критическому порогу развития, вызывая необходимость тотальной социальной мобилизации.

Насколько связан мировой этап постиндустриального развития с причинами постсоветской «перестройки» экономической и общественной системы, предстоит выяснить специалистам в этой области. Но не подлежит сомнению, что хроническое и потому углубляющееся технологическое запаздывание сделало отечественное производство в массе своей неконкурентоспособным еще в относительно «стабильные» времена.

Стремясь избежать «малых» (локальных) организационных кризисов, связанных с внедрением технических инноваций, и поощряя их только в наукоемких сферах военно-промышленного комплекса, субъекты экономического и хозяйственного управления на высшем и среднем уровнях фактически приближали «большой», всеобъемлющий кризис социальной системы, который охватил все пласты общественной жизни далеко за пределами производства и неразвитого потребительского рынка.

Причиной тому стала не только субъективная профессиональная «близорукость» отечественных руководителей производства, но и объективная структура созданного десятилетия назад механизма разработки и внедрения технических инноваций, ригидность которой в рыночную эпоху оказалась неоспоримой.

Мощный научно-технический потенциал страны, имевшей статус мировой сверхдержавы, блокирован в результате действия двух важнейших причин, обусловленных недостатками управленческого предвидения: во-первых, ведомственный монополизм и присущие ему информационно-коммуникативные ограничения, что не позволяло широко распространять технические новации; во-вторых, абсурдный технократизм социального управления, когда ресурсы общества пополняли материально-технический базис производства и весьма скудно использовались для обеспечения качественного воспроизводства жизни, в результате чего хирел энтузиазм и заметно снижалась экономическая отдача основного фактора производства и источника любых инноваций – «человеческого капитала».

Руководители производства, так и не ставшие менеджерами*, зачастую игнорируют простые истины современных правил достижения эффективного социально-экономического развития. Одно из них гласит, что технический успех превращается в коммерческий, когда учтены социально-культурные особенности и контексты развития производства, а именно: 1) потребности людей, обеспечивающих создание продукта или услуги, и 2) потребности людей, потенциально нуждающихся в предлагаемом товаре. А для этого надо виртуозно использовать обширную информацию о побудительных мотивах работников и потребителей результатов производства.

* См.: *Гладких Н.* Почему слово «менеджмент» не переводится на русский язык? // Экономика и организация промышленного производства. 1996. № 4.

Обществам, которые вырвались в новое пространство социального саморазвития благодаря использованию потенциала инновационного менеджмента, помогла «новая философия управления, исходящая из посылки о наивысшей ценности в производстве «человеческого фактора», что позволит преодолеть отчуждение, развязать инициативу и высвободить творческий потенциал людей»*. Новая философия менеджмента очень нужна современной России, где даже

управленцы высшего ранга до сих пор связывают ответы на трудные вопросы затянувшегося экономического кризиса с «зарубежными кредитами», «инвестициями», «налоговыми сборами», а не с качеством социального управления, собственным неумением создать организационно-правовые механизмы, позволяющие действительно заинтересовать массы талантливых и предприимчивых людей, миллионы которых трудолюбивы, патриотичны и готовы строить новое будущее в собственной стране – вместе с ответственными политиками и менеджерами.

** Тарасова Н.Н.* От приказа к мотивации: новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2. С. 181.

Информатизация управления. Информационная и маркетинговая необеспеченность нововведений, столь характерная для отечественного экономического развития, и сегодня является главным организационным барьером в реализации антикризисного управления.

Информатизационное обеспечение – и в широком, общеполитическом, и в узком, производственно-техническом смысле – стало стратегическим элементом организации современного управления, игнорировать который не просто недальновидно, а социально опасно.

Но «недостаточное внимание к информатизации – ситуация не новая, она имеет у нас, к сожалению, весьма устойчивые традиции... Результаты такого положения отнюдь не сводятся лишь к снижению эффективности управленческого аппарата при увеличении издержек на его содержание. Еще более чувствительны происходящие в значительной степени по этой причине многообразные нарушения в развитии и функционировании производства...»* Иными словами, субъект управления должен обладать всеобъемлющей информацией обо всех факторах, социально-психологических составляющих и общественных контекстах, которые обуславливают актуальные состояния социальной системы и перспективы ее развития. В противном случае неучтенные изменения могут накапливаться и в конце концов проявить себя в экономическом или социальном кризисе.

** Лапшин Ю., Модин А.* Информатизация управления рыночной экономикой // Российский экономический журнал. 1992. № 2. С. 32.

Наука социального управления выделяет в этом смысле два типа ориентации менеджеров. В «менеджерской сетке» – системе ключевых принципов подхода к управлению – выделяются такие важнейшие составляющие, как отношение к производству и отношение к людям.

«Внимание к производству означает концентрацию усилий менеджера на формировании успешных идей, объеме продаж, качестве обслуживания, реализации решений вышестоящего руководства и т.п., внимание к людям предполагает создание творческой атмосферы: привлечение персонала к участию в принятии решений, обеспечение справедливой системы оплаты и т.д.»*

** Социальное управление: Словарь / Под ред. В.И. Добренкова, И.М. Слепенкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 83.*

Функциональный менеджмент (управление на основе задач) и «клубный» менеджмент (управление на основе взаимоотношений) по-своему односторонни. Первый подход позволяет технически обновлять производство, но игнорирует социальную мотивацию труда, второй, напротив, удовлетворяет интересы работников и избегает психологически болезненной для людей инноватики.

Ограниченность подобной установки менеджеров преодолевается в современных моделях «управления группой» и в использовании многоканальной системы поступления всей значимой социально-экономической информации, которая позволяет прогнозировать развитие производства и избегать кризисных ситуаций самого разного порядка. «Сейчас в действиях ведущих фирм все более явно просматривается стратегия упреждения. Действительно, гораздо разумнее предусмотреть кризис и ввести в поведение системы... новшества. Менеджеров, которые могут предвидеть кризис, предложить систему мер по минимизации ущерба от него и претворить эти меры в жизнь, целесообразно считать инновационными менеджерами»*.

** Вишняков Я., Гебхардт П., Кирсанов К.* Инновационный менеджмент // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 75.

Новелла об организации производства. Развитие современного общества характеризуется глубокими динамичными переменами системного характера. Меняются государственные, политические и экономические формы, внедряются новые социальные и производственные

технологии. Все эти процессы существенно повышают значимость управления в сложно организованных социальных системах.

В мире произошли значительные изменения качества рабочей силы и структуры совокупного труда. Теперь управленцы сталкиваются не с малообразованными послушными исполнителями, а преимущественно со специалистами. Современное производство по своему технологическому строю предполагает широкое использование квалифицированного профессионального труда, поэтому современные менеджеры руководят работниками, которые способны оценивать и творчески влиять на реализацию управленческих решений. Изменился и состав работников: если раньше преобладали крестьяне, рабочие и сервисные служащие, то в современной экономике основными профессиональными группами становятся «управляющие и специалисты»*, противоречия между которыми и определяют динамику практически любой организации.

* Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 67.

Иными словами, большие перемены в социальном объекте управления предполагают необходимость изменения типа и характера современного производственного менеджмента.* А это процесс сложный, и его особенности недостаточно изучены.

*См.: Дзыбов КМ., Мостовая И.В. Инновационный менеджмент в современном производстве (путь развития социальных технологий). Ростов н/Д, 1997.

Производственный менеджмент приобретает особую роль в период преобразования принципов организации национальной экономики и проведения рыночных реформ в обществе. Изменение структуры производства, характера экономических связей, макроэкономические дисфункции и общий финансовый дисбаланс, революция собственности и системы потребления создают мощный фон неопределенности и дезорганизации в развитии российских предприятий. А разрушение системы государственных гарантий и выполнения взаимных обязательств приводит к дроблению общего экономического пространства, когда каждый регион и каждый производитель вынуждены использовать собственные антикризисные управленческие стратегии.

Таким образом, коренная трансформация социально-экономической системы требует специального научно-управленческого обеспечения российских реформ и глубокой теоретической разработки:

- проблем управляемости процесса реформирования и оптимизации социальной цены реформ;
- вопросов формирования «маркетингового» качества управления, т.е. изменения культуры и технологических приемов менеджмента;
- задач внедрения управленческих нововведений с целью радикально повлиять на качество производства.

Существенные особенности развития современного производства привели к изменению всей философии управления и практической переориентации менеджмента. Анализируя эти процессы, можно выделить четыре важнейших особенности новых подходов к организации производства:

- 1) информатизация современного менеджмента как реакция на сложные технологические, экономические, потребительские и социально-конъюнктурные изменения;
- 2) социализация систем производственного управления на основе широкого внедрения принципов корпоративности и клиентальности;
- 3) инноватизация менеджмента с учетом развития эвристики, психологии нововведений, прогностики;
- 4) экологизация управления производством в направлении использования антикризисных стратегий регулирования, перехода от технократического к социократическому управленческому мышлению, учета влияния культурных составляющих среды.

На многих предприятиях сегодня появляются специальные отделы по связям с общественностью, поскольку производственная и маркетинговая политика отдельных фирм, конечный успех их деятельности в значительной мере обусловлены характером общественного мнения относительно продукции и самого производства.

Иными словами, процессы развития современного менеджмента по своему содержанию таковы, что не могут не заинтересовать социолога или социального философа: администрирование и руководство превращаются в подлинный процесс управления людьми, а не «ресурсами», и

должно быть осмыслено с позиций соответствия групповых ценностей, потребностей и возможности реализации сотрудничества (ассоциации).

В связи с этим специалисты особое внимание уделяют изучению вопроса о том, что собой представляют организационные формы управления современным производством. Однако наиболее актуальной является проблема исследования управленческих технологий и организационных принципов внедрения инноваций, построенных на новом типе социального взаимодействия. Она имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, в частности для современного российского развития.

Качество социального управления «человеческим капиталом» как основным национальным ресурсом может стать важнейшим фактором успешных рыночных изменений и обеспечения эффективности (конкурентоспособности) современного российского производства.

Основные принципы инновационного менеджмента в производственной сфере могут быть логически разделены на четыре группы, имеющие 1) валеологический (превентивный, антикризисный, социально экологичный), 2) коммуникативный (информационный, культуральный, социально-реактивный), 3) синергетический (инновационный, эвристичный, поисковый, вероятностный), 4) социократический (человекоцентрированный, клиентальный, солидарностный) характер.

Инновационный производственный менеджмент сегодня реализуется в противоречивой системе взаимодействия с традиционным и бюрократическим управлением, что характеризует переход от модели «руководства» к модели «координации» и от «технократического» стиля мышления к современному «социократическому» управленческому.

Потребность в антикризисной управленческой инноватике особенно остра в российском производстве, где происходят застойные и деградиционные процессы изменения социальной организации: снижаются статусы кадровых профессиональных групп внутри трудового коллектива, рабочая сила перераспределяется из основного производства в непроизводственную сферу, уменьшается доля квалифицированного труда, развивается скрытая безработица. Это может быть преодолено только посредством реализации нетривиальных социально-управленческих стратегий.

Становление инновационного социального менеджмента в российском производстве связано с формированием новой культуры управленческого мышления, с повышением профессионализма менеджеров, вследствие чего возрастает значимость системы образования и переподготовки отечественных управленцев на основе изучения и внедрения передового мирового опыта.

Российское общество, которое сравнительно недавно стало на путь социально-экономических реформ, сегодня столкнулось с осознанием такой проблемы, как качество социального управления.* На всех уровнях государственной и экономической структуры ощущается острый дефицит руководителей, способных успешно преодолевать кризисные ситуации, находить нетривиальные решения, видеть в своих подчиненных союзников, заинтересовывать их в успехе общего дела – восстановлении производства, реформировании организаций и социальных институтов. Управление, по сути, является той точкой опоры, которая определяет успех или провал новых начинаний.

*См.: Дзыбов К.М., Мостовая И.Б. Инновационное управление: эволюция социальных идей. Ростов н/Д, 1996.

Но не только сегодня российское общество переживает масштабные социальные кризисы, изменяющие философию и логику управления. Всего несколько десятилетий назад Россия успешно решила задачу технологической (индустриальной) и социальной (социалистической) модернизации посредством создания административно-командной системы, которая достаточно долго удерживала общественное развитие в определенных организационных параметрах. И примерно в это же время американские теоретики управления разрабатывали новую организационную идеологию, которая во главу угла поставила не «порядок», а «качество» и перенесла акценты управленческой деятельности в область человеческих отношений, а не технико-экономических пропорций – так возник современный менеджмент.

Социальное наполнение менеджмента, его особые управленческие принципы и приемы, построенные на мотивации, профессионализации и организации эффективного коллективного взаимодействия, позволили не только обеспечить взлет национального производства многих развитых стран, но и внедрить новые модели управления в другие сферы общественной жизни.

Сегодня у теоретиков и профессиональных управленцев всего мира сформировалось ясное представление о том, что «управление – атрибут не только собственно производства. Оно представляет собой неотъемлемую часть любой человеческой деятельности, которая в той или иной мере нуждается в управлении, чтобы задействовать знания и способности людей. В нем нуждаются больницы и университеты, церкви и агентства социального обеспечения»*.

**Хруцкий Б. Указ. соч. С. 69.*

Современное общество характеризуется бурным развитием непроизводственной сферы, изменением структуры и технологического строя производства, профессионализацией рабочей силы и существенными изменениями в системе социально-экономических институтов (собственности, финансов, потребления и др.). Эти объективные условия, а также конкуренция между разными производителями внутри национальных экономик и на международном рынке требуют нового, более изощренного подхода к управлению производством.

Современное производство радикально отличается от образа, приписанного ему социально-философскими построениями индустриального века. Основные параметры, которые мы привычно анализируем: технология, труд, собственность и управление, – сегодня существенно изменились. Причем важнейшие особенности современного производства специалисты видят не в НТР или развитии транснациональных корпораций, а в изменениях социальной организации, которые имеют поистине революционный характер.

Еще два десятилетия назад в большинстве стран с развитой индустриальной технологией и высоким уровнем жизни господствовали технократическая философия и практика управления производством. Считалось, что задачи экономического развития и проблемы конкуренции можно эффективно решать с помощью внедрения передовой техники и технологии. Внимание предпринимателей и научных специалистов было приковано к проблемам технологических инноваций, которые рассматривались как своеобразная экономическая панацея. Казалось, что разработка и внедрение технических новшеств смогут обеспечить и рост качества продукции, и повышение производительности. Однако лидеры освоения новых технологий довольно быстро оказались в очень разных ситуациях. Исследователи отмечали, что «производительность труда в США носит летаргический характер, в то время как Япония, Германия продолжают демонстрировать высокие темпы ее роста»*. И эксперты объяснили причину: роботизация и компьютеризация производства не обеспечивает качества и эффективности в отсутствие компетентного руководства.

** Тарасова Н.Н. От приказа к мотивации: новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2. С. 179.*

Более того, глобальные процессы мирового экономического развития в последние десятилетия показали, что национальное производство может очень успешно развиваться и соперничать с мировыми экономическими центрами даже в тех странах, которые, по всем теоретическим канонам, никак не могли вырваться на столь высокий уровень, поскольку характеризовались низкими издержками на рабочую силу. Однако «очень быстро эти страны начали конкурировать, причем едва ли не во всех отраслях промышленности, с высокоразвитыми странами (оставаясь государствами с низкой стоимостью рабочей силы)»*. Их успех весьма значителен: аналитики отмечают процесс формирования новых центров мировой экономики, которые складываются в тихоокеанском поясе «молодых драконов» – динамичных новоазиатских стран.

** Хруцкий В. Указ. соч. С. 69.*

Многими эти удивительные и такие «несообразные» привычным теоретическим представлениям результаты были восприняты, в лучшем случае, как парадокс. Но специалисты в области управленческой инноватики и социотехники не ограничивались одной негативной констатацией факта, что технические нововведения «не срабатывают». Они искали истинные причины и нашли ответ на этот поставленный жизнью вопрос.

«Ключ к решению означенных задач – в особой, единой системе управления производством и рабочей силой. Именно последняя сегодня становится детерминантой конкурентоспособности. Тем более что и сам процесс перехода к использованию информационной техники и технологии не совместим с пренебрежением к социальному, организационному и политическому контексту ее внедрения и

Стратегическое инновационное управление производством сегодня становится важнейшей частью национального достояния любой страны *. Американский бизнес пришел к этому выводу, исправляя последствия «ресурсной ошибки»: в новой социальной ситуации нужно делать ставку не на «технику» и даже не на «труд», а на людей и их побудительные мотивы.

* См.: Vision for the 1990-s. U.S.Strategy and the Global Economy. Cambridge, 1989. P. 29.

Эффективное управление построено на предвидении, поэтому-то японская философия менеджмента оказалась той чудодейственной интенцией, которая произвела на свет «экономическое чудо» и продолжает поражать прагматичный западный мир победами «корпоративного духа» (именно так обозначен расхожий стереотип относительно причин японских успехов на мировом рынке). Однако в социальной практике воодушевление никогда не давало столь устойчивого результата, поэтому рассмотрим, на что же опирался американский и японский опыт организации производства.

В течение XX в. развитие лидера мировой индустрии – американской промышленной системы – базировалось на принципах технократической философии управления, разработанных Р. Тейлором и уточненных Г. Фордом. Их идеи строились на затратном, факторном, подходе и вполне соответствовали природе строения конвейерного производства. В этот период предприятия выпускали стандартную массовую (многотиражную) продукцию и менеджеры обеспечивали ее удешевление за счет повышения производительности труда путем гениально разработанной «живой роботизации» операций.

Эффективность достигалась за счет виртуозного сочетания «ресурсов» и организованного взаимодействия «функций». Дробление трудовых операций на простые стандартные действия, с одной стороны, позволяло жестко организовать производство как единый отлаженный механизм, в котором все детали работают четко и могут быть быстро заменены. Конвейер действительно был абсолютно подконтрольным объектом управления, а иерархическая структура подчинения и авторитарный стиль руководства производством приносили свои экономические плоды. С другой стороны, в такой системе работники и эксплуатировались, и чувствовали себя как обезчеловеченный «ресурс», поскольку конвейерное производство именно в силу своей идеально отлаженной организации востребует не таланты и способности, а физическую силу и выносливость, выводя истинно человеческие проявления за скобки производства. Да и стандартная система оплаты труда никак не стимулировала инициативу и заинтересованность рабочих в результатах труда.

Такая социальная организация, которая, по сути, выхолащивала все человеческое из трудового процесса, конечно же, обусловила изначально конфликтный характер подобной производственной системы и порождала многочисленные конфронтации: противостояние собственников и профсоюзов, рабочих и менеджеров.

Дегуманизация философии и практики менеджмента, произошедшая в начале XX в., на десятилетия определила специфику социальных противоречий производственной организации США, не изжитую, как подтверждают специалисты, до сих пор, несмотря на успешное распространение социально-технических подходов к управлению производством.

Японцы же, вступившие на путь мировой экономической конкуренции всего полвека назад, в соответствии с логикой национального мировоззрения внимательно присмотрелись к будущим соперникам и сделали выводы, которые экономический идеолог и основатель фирмы «Панасоник» Р. Мацусита сформулировал примерно так: «Мы выиграем в конкурентной борьбе, а индустриальные страны Запада проиграют. Причина поражения коренится в них самих, ибо их компании построены и функционируют по Тейлору, когда менеджеры думают, а рабочие закручивают гайки». Японцы сэкономили необходимую энергию на предотвращении конфронтации, которую порождает технологически эффективная, но социально отчуждающая модель организации производства, и реализовали на своих предприятиях во всем мире (т.е. не только среди рабочих-японцев) модель сотрудничества. «Социальная» технология оказалась более экономичной.

Интересно, что этот заочный спор столь разных идеологий организации вначале был

безотносительным к анализу глубоких технологических, квалификационных и социально-культурных изменений, происходящих в обществах современного типа. Он касался фундаментальной проблемы «первичных» условий общественного производства: идея или орудие, техника или человек, контроль или мотивация. Восток выбрал свое, а Запад – свое, и система, эксплуатирующая «природу человека» (его мотивы, желания и потребности), стала соперничать с системой, опирающейся на «технологии» (новые научные результаты, технические решения).

Но не только короткий, но и длинный путь приводит к истине, если движение осмыслено и направлено. Анализ современной практики социального менеджмента в производстве показывает, что Запад постепенно, преодолевая многочисленные социальные препятствия и стереотипы некогда прогрессивного управленческого мышления, приходит туда же, куда и Восток: ведь сегодня все меньше менеджеров считает, что «работник играет роль заменяемой детали, его человеческие характеристики (интересы, потребности, способности, творческий потенциал и проч.) не имеют принципиального смысла», а «такие понятия, как простор для индивидуальной деятельности, права человека на работе, доверие, сотрудничество, личное достоинство и совершенствование... не совместимы с эффективным бизнесом»*. Молодая техногенная цивилизация приходит к этому выводу, переживая опыт отставания и рационалистически исследуя объективные, материальные причины своего неожиданного, но неоспоримого поражения.

* Тарасова Н.Н. Указ. соч. С. 180.

Японцы опережают американцев отнюдь не во всех сферах производства, но они более успешно действуют в таких ключевых областях, как химия, электромашиностроение, производство транспортного оборудования, а также в сфере финансов и страхования.

Ставку на развитие высокотехнологичных отраслей производства и на эффективные управленческие инновации делают не только японские корпорации, но и производственный бизнес многих стран Европы и Азии. Поэтому, как образно замечают специалисты по американскому менеджменту, «если США не смогут своевременно разработать эффективные меры для сохранения лидирующих позиций, американская лягушка погибнет в закипающей воде»

* мировой конкуренции.

* Грейсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991. С. 103.

Изучая феномен японского экономического чуда и сравнивая экономическую динамику сменяющих друг друга лидеров мирового производства: Великобритании, Германии и США, – один из патриархов управленческой науки П. Друкер делает два концептуальных вывода. Первый констатирует, что в индустриальную эпоху, т.е. «в прошлом», как подразумевает исследователь, «лидирующие позиции страны в мировой экономике зависели от первенства в технике и технологии»*, в то время как «одна из самых мощных в экономическом отношении держав текущего столетия – Япония – не обнаружила приоритетных позиций ни в одной области науки и техники, не показала решающего технологического превосходства ни в одной производственной отрасли. Своими достижениями Япония обязана исключительно первенству в сфере управления. Эта страна лучше всех усвоила урок американского менеджмента времен второй мировой войны: относиться к людям следует как к ценнейшему ресурсу, капиталу, требующему первоочередного внимания, а не как к издержкам производства... Японцы лучше всех научились впитывать и практически использовать последние достижения мировой управленческой мысли, раньше других уловить то, что технология и управление в своем единстве – радикальный, главный фактор современного экономического прогресса»**.

* Хруцкий В. Указ. соч. С. 70.

**Там же.

Строго говоря, этот второй вывод – о приоритетной роли управления (и именно социального управления) в общественном и экономическом прогрессе на современном этапе – имеет фундаментальное значение для социального анализа и философского осмысления динамики нашей эпохи и тех возможностей, которые могут быть использованы в том числе в процессе преобразований российского общества.

Итак, инновационное социальное управление производством, принципиально новое по типу

субъектного строения и взаимодействия в системе, приобретает совершенно особую, демиургическую роль, изменяя до неузнаваемости экономический и социокультурный облик отдельных обществ. Но если новые лидеры мировой экономики априори были сосредоточены на задачах внедрения социотехники управления и получили от этого блестящий результат, то давно сложившиеся индустриальные гиганты в своей организационной эволюции лишь вынужденно реагировали на происходящие объективные изменения в самой системе современного производства. И это привело к существенному запаздыванию в институционализации гуманистических форм менеджмента.

Производство как объект управления стало существенно трансформироваться в первую очередь под влиянием технических новшеств, научно-технической революции и информатизации производства. В последние три столетия техника в западной цивилизации имела приоритетное значение, и ее совершенствование рассматривалось как главный фактор обеспечения прогресса в производстве. Но внедрение новой техники и технологий привело к масштабным изменениям в структуре основных факторов производства и предъявило совершенно новые требования к содержанию и качеству трудовой деятельности.

С одной стороны, техническая насыщенность современного производства способствовала тому, что доля оплаты труда в структуре издержек производства снизилась с 80% до примерно 10%, что, казалось бы, должно нивелировать прежнюю роль живого труда. С другой стороны, новый технико-технологический базис потребовал отказа от «частичного» работника конвейерного производства, поскольку неизмеримо повысилась квалификационная и творческая планка труда. Сложные дорогие машины взяли на себя выполнение рутинных функций, но контроль за действующей техникой и разработку усовершенствований должны осуществлять люди со значительно более высоким уровнем трудовой культуры, образованности, профессионализма и, самое главное, заинтересованности в результатах производства.

Необходимость в создании принципиально новых механизмов управленческой мотивации работников привела в конечном счете к использованию систем участия в прибылях, развитию акционерной собственности, собственности пенсионных фондов работников, появлению кружков качества, других форм опосредованного и прямого стимулирования заинтересованного и ответственного труда.

Изменение технологического строя современного производства обусловило и объективное повышение автономности труда, и изменение функционального статуса работников, которые выполняют преимущественно контрольные и регулирующие операции по отношению к действующей технике.

«Компьютеризация труда, при всей неравномерности по охвату отраслей и секторов и по ее техническому уровню (так, системы искусственного интеллекта, включая визуализацию проектирования, пока в начальной стадии), создает качественно иной труд – более интеллектуальный, опосредованный (отдаленный от его физических объектов) и абстрактный (работа с информационными символами).

С внедрением мехатроники непосредственное производство с помощью рук, инструментов, традиционных станков сменяется функциями контроля, поддержания, корректировки, т.е. обеспечения производства, требующими высокой включенности работника в производственный процесс, внимательности, точности, регулярной диагностики. В этом менее «вещественном» и менее измеримом труде меняются формы его производительной отдачи, ее количественные показатели дополняются качественными (вмешательство в процесс, предупреждение сбоев) и чаще соотносятся с конечными общеорганизационными результатами» *

* Вильховченко Э. Новое в культуре труда, производства, компании // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12. С. 83.

При этом чрезвычайно важным и не всегда анализируемым аспектом является изменение социократической структуры современного производства.

Поскольку технизация труда фактически превращает работника в управляющего, который оперирует сложными и умными машинами, и освобождает человека от рутинных функций для выполнения творческой, эвристичной деятельности, она фактически переворачивает сложившиеся отношения господства техники над человеком. Организационные и психологические факторы повышения автономии труда способствуют изменению социального статуса современного работника и раскрепощению бывших «исполнителей» в структуре отношений социально-экономического господства в производстве.

Результаты новой организации труда сказываются как на макро-, так и на микроуровне. Национальные экономики, широко использующие социотехнические и корпоративные принципы менеджмента, лидируют на мировом рынке высокотехнологичного производства, а исследования индивидуальной производительности в новых производственных системах показывают, что она значительно выше общей производительности. Это говорит о том, что человеческий, личный вклад заинтересованного работника в современное производство значительно возрос.

Соответственно вкладу изменяется и социальный статус, особенно заметно трансформировалась профессиональная структура совокупного труда в современной экономике. Специальные исследования показывают, что наемные работники в массе своей обладают гораздо большей автономией в выполнении производственных функций, чем десятилетие назад, и это связано с переориентацией современного производства на труд квалифицированных специалистов. «Профессиональная судьба производственных рабочих, «синих воротничков» сродни судьбе фермерства. В противоположность бурному росту в начале века сегодня их количество и доля в общем объеме занятых резко снижаются. Если в середине 80-х гг. удельный вес промышленных рабочих в общей численности занятых в США составлял 18%, то к концу столетия он вряд ли превысит 10%, тогда как объем производства американской промышленности до конца столетия возрастет минимум в 1,5 раза. А самой многочисленной профессиональной группой ныне, согласно статистике Бюро переписей США, является категория «управляющие и специалисты» – более 1/3 всех занятых. **

* Хруцкий В. Указ. соч. С. 67.

Изменения в современном труде и производстве носят качественный характер. Они заметны на отдельных предприятиях и отражаются даже на расстановке экономических сил в мире. Так, если в начале XX в. развивающиеся страны были сырьевым придатком индустрии Запада, сегодня высокоразвитые державы вполне могут обойтись без этих ресурсов, исключая нефть, поскольку выпускают избыток продовольствия и 3/4 мировых товаров и услуг. В связи с этим у многих крупных стран, таких, как Китай, Индия, а сейчас и Россия, возникают специфические проблемы экономического развития, поскольку в условиях жесточайшей конкуренции со стороны лидеров мирового производства нет шансов повысить свою экономическую мощь, не проводя структурной перестройки национального производства и не внедряя прогрессивные технологии социального управления.

Реализация новой философии менеджмента означает прежде всего развитие и совершенствование производственной демократии, децентрализацию управления и формирование системы эффективного сотрудничества работников и менеджеров. Ведь труд для современных людей превращается из средства выживания в способ саморазвития и самоутверждения.

Новелла о социализации менеджмента. Новый тип управления начал формироваться под влиянием усложнения социальной и информационной среды производства, которое последовало во второй половине XX в. за широкомасштабным внедрением технических новаций. Первоначально они создавали иллюзию, что человек вскоре может быть вытеснен из непосредственного процесса производства, а его функции станут выполнять умные машины, роботы. Акцент на целевые установки производства и внимание к техническим факторам достижения экономического первенства определили технократический стиль управления. Функциональный менеджмент, однако, привел к тому, что эффективность труда и производства в относительном выражении стала падать, поскольку незадействованными оказались живая социальная энергия и творческий энтузиазм сопричастности результатам, потребность в самореализации людей.

Да и само развитие технологии потребовало не вытеснения человека за рамки производства или низведения его до положения функционально более простой «машины», чем современные технические средства, а, напротив, стало стимулом использования всего богатства производительных возможностей человека.

«...Новейшая технизация труда делает возможным такое разделение функций между работником и умными машинами, когда передача последним даже сложных интеллектуальных операций сохраняет за человеком наиболее творческие, эвристические, т.е. неалгоритмируемые, формы деятельности, связанные с уникальными свойствами мозга. Это «переворачивает» традиционные отношения господства техники над человеком как опосредования социально-экономического господства в производстве, возвращая ей роль

Новый статус работника в производственной системе, когда он объективно начинает занимать гораздо более значимую и автономную позицию, чем сервера (слуги) при машинах, требует не только изменений в организации современного производства, но и существенных преобразований субъективного характера: в философии управленческого мышления, социокультурных стандартах труда, в осознании самими работниками всего комплекса собственных трудовых потребностей *. Если раньше работа рассматривалась людьми прежде всего как источник материальных средств и возможность занять достойное общественное положение, то в 90-х гг., например, молодые американцы, не переставая стремиться к высоким заработкам и блестящей карьере, в то же время ищут увлекательной работы и персонального уважения, возможности участия в принятии управленческих решений.

* См.: Дыбов К.М., Мостовая И.В. Социотехнический характер инновационного управления. Ростов н/Д, 1997.

Иными словами, потребности современных работников становятся богаче и шире, причем социокультурные, духовные факторы выбора труда столь же важны, как чисто статусные и экономические.

«Было время, когда люди были «факторами производства». Управление ими ненамного отличалось от управления машинами и капиталом. Этого больше нет. Люди этого не терпят. И если когда-то подобный метод управления людьми и позволял повышать производительность труда, то сегодня он дает обратный эффект. Люди теперь стали личностями, и ими следует управлять по-другому»*.

* Уотермен Р. фактор обновления. М., 1988. С. 16.

Социальные изменения тем самым стали главной причиной коренных, принципиальных изменений в управленческой стратегии современного бизнеса.

Конечно, любая структура управления оформляет сложившиеся в системе отношения контроля и власти. Именно поэтому наивно было бы полагать, что социализация управления достигается вследствие формирования гуманистических ориентаций менеджеров. Менталитет управленцев играет не последнюю роль в изменении социальной организации современного производства, но и не первую, поскольку демократизация в экономике такой же кризисный и революционный процесс, как и в политической сфере. Перераспределение власти всегда происходит крайне болезненно вследствие сопротивления со стороны управленческой элиты и должно быть обусловлено весомыми объективными причинами.

Важнейшей из таких причин является изменение содержания труда, которое проявляется в трансформации отношений внутри систем человек – техника и работники – менеджер.

Функциональная, целеориентированная логика индустриального менеджмента сама по себе стала тем подрывным элементом, который подготовил разрушительные процессы в линейных системах производственного управления. Парадокс этого типа развития заключается в том, что установка на «решение задач» обусловила неудержимое стремление менеджмента осуществлять технические инновации и экономить на затратах труда. Но с развитием технологического базиса производства живой труд перестал быть основным источником затрат и ныне составляет от 1/4 до 1/10 себестоимости, а требования к обслуживанию и использованию современной техники стали так высоки, что профессионально-квалификационные характеристики труда качественно изменили и функциональное, и социальное «лицо» современных работников.

Еще во взлетный период индустриальной эпохи, до начала НТР и задолго до будущей информационной революции теоретики менеджмента отметили несоответствие технической и организационной структуры производства стратегическим требованиям ее саморазвития.

«Тогда же, в 20–30-е годы пионеры управленческой мысли (Т. Ватсон, Р. Вуд, Э. Мэйо и др.) всерьез задумались о путях более эффективной организации самого промышленного производства. Они обнаружили, что конвейеры и поточные сборочные линии, несмотря на последовавший невиданный рост производительности, – не более чем временный компромисс в развитии организации промышленного производства, поскольку эти линии делали производство негибким, слабо восприимчивым к научно-техническому прогрессу, неспособным к постоянному совершенствованию с опорой на максимальное использование человеческих ресурсов. Именно тогда было задумано то, что впоследствии окрестили автоматизацией производства, со всеми вытекающими последствиями в виде «теории Y», кружков

*Хруцкий В. Указ. соч. С. 69.

Таким образом, идея групповой автономии труда и производственного саморегулирования как предтечи демократизации современного производства зародилась еще в лоне индустриальной эпохи и через короткий промежуток времени доказала свое функциональное превосходство. В период второй мировой войны британское и американское производство, которое в отличие от германского базировалось на менеджменте «качества» и «социальной мотивации работников», сумело на практике проявить преимущества новой системы управления.

Дальнейшее развитие управленческих технологий, позволивших качественным образом развить оргструктуру современного производства в направлении согласования функционального и социального статуса работников, было ознаменовано формированием матричной структуры производственного менеджмента и внедрением социотехнических подходов. «В оптимальных социотехнических системах рождается и новое соединение функций обеих подсистем, превращающее людей и технику, при всей их специфичности, в «сопроизводителей», а системный социотехнический подход к организации труда – в часть его новой культуры»*.

* Вильховченко Э. Указ. соч. С. 84.

Если же выйти за пределы рассмотрения процессов, происходящих собственно в производстве, то можно определить ряд экстерналих факторов, обусловивших изменение современной системы управления.

В о - п е р в ы х , в высокоразвитых странах производство давно перестало быть главной отраслью экономики, и теперь там главенствуют сфера услуг и отрасли, занимающиеся обработкой информации. Это сказывается на формировании общей культуры и стереотипов производственного менеджмента, поскольку наиболее распространенный тип социальных отношений институционализируется повсеместно.

В о - в т о р ы х , распространение мехатроники и электронных коммуникаций на базе компьютерных технологий не только в сфере информационного обмена, но и производства привело к развитию новых, малоисследованных процессов изменения качества и даже психологии труда. Так, «пользователи экспертных систем уже отмечают их высокий обучающий и развивающий эффект, а работающие с мехатроникой в цехах – рост интереса к технической новизне, овладению новыми видами производительной энергии, а также развитие характерологических, особенно морально-волевых качеств»*. Модернизация последней четверти XX в. состояла не только в техническом перевооружении, но и в изменении типа связи человека и техники, развитии объективных условий для большей автономии работника.

* Там же.

В - т р е т ь и х , произошел процесс интернационализации и глобализации рынков, что требует от производителя более широкой информационной ориентации и особых технологий освоения новых экономических пространств, размещения предприятий и исследовательских подразделений. В этих условиях решающее влияние на результативность производственного цикла оказывают не столько технические нововведения или эффективная организация труда, сколько точное (заранее рассчитанное) попадание товара в социокультурный контекст потребительского выбора.

Если с этих позиций обратиться к примеру одного из признанных технологических лидеров мирового рынка – корпорации «Sony», то можно отметить, что ее управленческая идеология опирается на символы социального (а не просто трудового) воодушевления сотрудников и столь же эффективную технологию мотивации потребителя. Анализ рекламных текстов выявил социократические (стремление к лидерству и повышению корпоративного статуса), социокультурные (соответствие культурным требованиям потребителей и их социальным стереотипам), а также профессиональные и технологические приоритеты (качество товаров и их техническая новизна). «Быть на шаг впереди – эта философия охватывает все области деятельности, от разработки устройств до определения стандартов качества... Изобретение, разработка, производство и внедрение на рынке новой, не имеющей аналогов продукции – это то, что Sony делает наилучшим образом, причем в самых разнообразных социальных и культурных условиях во всех уголках мира»*.

Использование в современном производстве гибких систем автоматизации, альтернативных технологий, гибкой квалификации и организации труда (в частности, матричных и сетевых структур) позволяет с одной стороны соответствовать изменившейся системе потребительских предпочтений, а с другой – удовлетворять потребности работника в повышении функционального статуса, профессиональной гордости и личной самооценки.

Переход от преимущественно физического к преимущественно умственному труду произвел социальную революцию в современном производстве. «То, что сделало наши прежние знания об управлении устаревшими, – сдвиг, который произошел в характере и содержании общественного труда под воздействием менеджмента», – считает патриарх современной управленческой науки П. Друкер*. Но этот ясно описанный процесс имеет множество латентных противоречий, анализ которых чрезвычайно интересен и с теоретической, и с практической точки зрения.

* Друкер П. Труд и управление в современном мире: Реферат // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 69.

Интеллектуализация производства, которая определяет сегодня генеральный путь развития труда, технологии и оргструктуры, имеет весьма двойственные социальные последствия. В о - п е р в ы х , и в этих новых условиях труд не превращается в сплошное «раскрепощенное творчество», поскольку сохраняются определенный объем необходимых рутинных операций, да и работники не сплошь стремятся повысить квалификацию и овладеть, например, компьютерными навыками. Поэтому гибкий организационный менеджмент строится на комбинировании труда разной сложности, а организационная структура производства использует сочетания профессионально-квалификационных способностей и практической подготовленности работников.

В о - в т о р ы х , процессы интеллектуализации труда и рост влияния специалистов на массу наемных работников обуславливают изменение кратической структуры производственной организации: формируется и набирает силу так называемый когнитарат (т.е. внутренняя корпорация интеллектуалов, приобретающих власть в силу своей функциональной монополии и информационной исключительности), и все большее число работников повышает свой квалификационный уровень, приближаясь по статусу в организационной структуре производства к группе специалистов. «В английском машиностроении операторы компьютеризированных станков с ЧПУ/КЧП уже в 80-е гг. могли без обращения к специалистам программировать станки, исходя из ситуации в цехе. Для российской культурной среды пока характернее отказ от овладения программированием как «делом специалистов». В некоторых американских фирмах полифункциональные рабочие получали информацию «на кончиках пальцев», «не бегая к начальнику». В «IBM» уже в 80-е гг. менеджмент ожидал требований персонала снабдить информационными терминалами все рабочие места»*.

* Вильховченко Э. Указ. соч. С. 84.

Есть и еще один социально-управленческий аспект широкого внедрения информационных технологий. Он включает в себе двойственные возможности не только творческого, но и дегуманизирующего начала. С одной стороны, на многочисленных предприятиях японские и американские рабочие сами регистрируют свой труд, автоматизируя внутренний контроль за его результатами и оплатой. С другой стороны, электронные средства программирования и слежения за ходом производственного процесса могут с таким же успехом служить рычагом повышенной интенсификации труда, чрезмерного административного контроля, способом блокирования доступа работников к информации, позволяющей им отстаивать свои социальные интересы.

Иными словами, информационные технологии дают менеджерам реализовать весьма различные модели социальной трансформации современного производства. Однако, анализируя эту ситуацию, эксперты приходят к достаточно оптимистическим общим прогнозам:

«Мы не должны благобно уповать на то, что, возможно, будущее развитие передовой технологии окажется настолько автоматическим, что гуманистический аспект этого процесса станет несущественным. Напротив, его человеческое измерение будет приобретать все большее значение»*.

* The Human Side of Advanced Manufacturing Technology. Wiley, 1987. P. 192.

Подтверждая этот прогноз, развиваются самые разные системы социального сотрудничества в производстве.

Социализация менеджмента и гуманизация организационной структуры производства дают весьма противоречивые результаты. Так, специальными исследованиями выявлено, что распространенная ныне практика стимулирования труда путем привлечения работников к участию в доходах может давать разные результаты. В частности, реализация системы участия в прибылях положительно влияет на привлечение работников и кадровую стабильность предприятия, но в значительно меньшей степени стимулирует повышение производительности, качества, снижение затрат. Использование же системы распределения доходов эффективно способствует росту производительности, но в меньшей степени позволяет поддерживать положительный социальный климат.

«Искусство управления, по-видимому, есть искусство оперировать положительными и отрицательными обратными связями, достигая при этом и надежности гомеостазиса и, одновременно, соответствующей динамики изменений»*. Этот вывод заставляет вновь вернуться к проблеме информационного обмена между менеджерами и теми, чьи трудовые усилия они должны организационно обеспечить и социально мотивировать. Рассматривая эту проблему, мы сталкиваемся с противоречиями особого рода: 1) между возрастанием информационной насыщенности и творческого содержания труда и требованиями его регулирования и контроля; 2) между монополизацией управленческого контроля и демократизацией функционального статуса работников; 3) между индивидуализацией и обобществлением труда, формированием новых социальных форм трудовой жизни.

* Кужелева Г.И. Власть и управление в открытой системе // Власть и управление: Сб. докладов Всерос. научн.-практ. конф. Ростов н/Д, 1997. Вып. 2. С. 31.

Первое противоречие разрешается на практике в процессах автономизации труда, которые реализуют управленческую концепцию «ответственной автономии», т.е. особого типа самоорганизации работников, предполагающего дисциплину, право на оперативные решения и самостоятельные действия.

Второе противоречие снимается в процессе развития слоя «работающих посредством знаний» (knowledge workers), которое подрывает «технократическую монополизацию знаний и информации – этих новых производительных ресурсов – элитой менеджеров и специалистов со свойственными им ценностями меритократии и самокультивированием»*.

* Вильховченко Э. Указ. соч. С. 84.

Третье противоречие разрешается посредством изменения организационной формы труда в процессе кооперации и формирования комплексных «команд» – целевых групп, кружков качества, автономных и сквозных бригад как особой комбинации профессионалов.

«В сплоченных, инициативных группах рождаются новые социальные формы трудовой жизни, в частности новый коллективизм – без нивелирования личности, но и без крайностей индивидуализма, со здоровой состязательностью, а не конкуренцией рабочих, координированностью действий и взаимопомощью. Гармонизация индивидуального и коллективного – новый социальный компонент развивающейся культуры труда»*.

* Вильховченко Э. Указ. соч. С. 85.

Групповые технологии в современном индустриальном (автоматизированном) производстве и сетевые технологии организации работы в информационном (компьютерном) производстве позволяют эффективно интегрировать этот новый коллективизм в постоянно усложняющуюся организационную структуру предприятий.

С точки зрения синергетики, современной теории систем, «производство – сложный организационный процесс... Организовать производство – значит переорганизовать природу, человека, его сознание и его культуру... Объектом организации является праорганизация, которая, обладая гомеостазисом, сопротивляется переорганизации, стремится сохранить себя. Поэтому переорганизуя нечто, нужно учесть законы организации этого нечто, их понять и использовать»*. Современный процесс изменения системы управления строится на принципах демократизации

производства, что подрывает структуру бюрократической власти и в целом административный тип производственного менеджмента. Этот объективный поступательный процесс порождает социальные конфликты и борьбу традиций технократического и гуманистического управления.

* Стадниченко В.Н. Теория организации как феномен управленческой культуры // Власть и управление: Сб. докладов Всерос. научн.-практ. конф. Ростов н/Д, 1997. Вып. 2. С. 34.

Вплоть до последнего десятилетия XX в. в США, где зародился социотехнический менеджмент и сформировалась человекоориентированная философия управления производством, заочное соревнование двух систем организации шло на равных. Лишь под давлением конкуренции со стороны динамичных социоцентрированных экономик стала побеждать гуманистическая тенденция. Практика доказала, что человек и с аксиологической, и с прагматической точки зрения является центром современного производства. Это необходимо учитывать современным хозяйственным и политическим руководителям всех стран.

Новелла о реформировании в России. В социальной теории, как и в обыденном мышлении, существует множество точек зрения на феномен советской «перестройки» и протекающих ныне «рыночных реформ» в России. И ни одна из них не игнорирует факта конкуренции в современном мире между разными социально-экономическими системами, в том числе национальными экономиками. Так, и ученые, и обыватели признают, что наша страна добровольно уступила свою позицию мировой сверхдержавы и перешла в разряд стран с региональным экономическим и политическим статусом. Могла ли Россия удержать прежние позиции и вернет ли себе былую державную мощь (прежде всего экономическую) – вопрос отнюдь не философский, а весьма прагматический. И ответ на него нужно искать, как ни странно, в теории современного менеджмента.

Как показывают фундаментальные исследования процессов социальной организации, управление является ключевым фактором развития цивилизации, что абсолютно бесспорно подтверждает практика мировой эволюции в последние несколько веков.

«Важно помнить, что на протяжении последних 200 лет ни одна страна в мире не вышла на ведущие позиции в экономике, следуя только по стопам бывших лидеров. Это удалось лишь тем государствам, которые начинали с развития отраслей и производств, передовых в техническом отношении и основанных на повышении образовательного и квалификационного уровня работников. А главное – которые прежде всего становились лидерами в области управления. И сегодня, когда автоматизированная обработка информации и новейшие технологии предъявляют все большие требования к обучению работников различным управленческим и техническим специальностям, становится все более очевидным: развивающиеся страны соответствующей базой не располагают и не смогут ее получить в будущем»*.

* Хруцкий В. Указ. соч. С. 71.

Такой необнадеживающий, но подкрепленный научными фактами вывод делает один из виднейших теоретиков управления П. Друкер.

Что это значит для России? И значит ли что-нибудь, ведь речь идет о «развивающихся» странах? Но давайте вернемся к вопросу о ресурсных состояниях социальной системы, о переживаемой российским обществом коренной модернизации, и вместо риторического замечания возникнет реальная проблема, пугающая своей глубиной.

Как известно всем специалистам в области макроэкономической теории, турбулентность мирового рынка упорядочивается существованием жесткой структуры технологические центры – сырьевая периферия, где господствуют страны, производящие и продающие технологии, а не ресурсы. Современное развитие российской экономики в силу многочисленных факторов, в том числе социально-политического и государственно-управленческого характера, обусловлено вытеснением ее производителей с мировых технологических рынков на рынки природного сырья и (в лучшем случае) готовой продукции.

Этот процесс заведомо сокращает шансы России начать новый этап постреформенного развития с укрепления позиций высокотехнологичных отраслей и широкого внедрения технических инноваций*. Из трех важнейших условий, обоснованных Друкером: 1) политика технологического прогресса в национальной экономике, 2) повышение образовательно-квалификационной подготовки работников, 3) инновационный тип управления – как минимум одно категорически не выполняется. Это подтверждается и многочисленными субъективными

оценками руководителей предприятий ВПК, ведомственных НИИ, и объективными данными по дефицитному государственному финансированию научно-исследовательских и конструкторских разработок практически во всех отраслях производства.

**См.: Дзыбов К.М., Мостовая И.В. Инновационное управление: эволюция социальных идей. Ростов н/Д, 1996.*

В начале 90-х гг. особо резко упал уровень финансирования фундаментальных исследований. Государственная поддержка науки и в последующем поступательно сокращалась, а объем бюджетных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок падал. «Следствием этого в отраслевых научно-технических организациях (НТО) становится резкое сужение научной тематики и переориентация на проектно-конструкторские и технологические разработки, на непрофильные высокорентабельные виды работ и услуг (серийный выпуск продукции на базе опытного производства, сдача в аренду помещений), утрата научно-технического потенциала (что «облегчается» очевидным отсутствием у предприятий инновационных мотиваций)»*.

** Кулагин А., Козлова О. Каким быть экономическому механизму реализации научно-технической инновационной политики? // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 24, 25.*

Многие ученые и специалисты сходятся во мнении, что современная научно-техническая политика российского государства амбивалентна по содержанию и разрушительна по форме, поскольку страна теряет достаточно высокий, накопленный десятилетиями потенциал, растрачивая интеллектуальные и технологические ресурсы. Иными словами, можно сделать обоснованный вывод, что управление в сфере НТП (точнее, осознанная дезинтеграция этой сферы) препятствует реализации российским обществом тех возможностей, которыми оно располагает для восстановления своего экономического статуса в современном мире.

Если продолжать анализировать состояние профессионального образования и качество производственного управления, которые вместе с инновационной технологической политикой составляют комплекс факторов «прорыва» в экономическую современность и могут рассматриваться как важнейшие рычаги модернизации, то негативная оценка перспектив развития российского общества окажется еще более обоснованной. «Чего стоят, например, высказывания последнего министра высшего образования СССР о том, что страна не может позволить себе обучать в высшей школе более 18% выпускников средней школы. Или «глубокомысленные» рассуждения нынешних «радикалов», включая наиболее высокопоставленных, на предмет того, как-де много у нас управленческого персонала (по их логике, надо думать, у нас чересчур много и инженеров, ученых, специалистов, вообще интеллигентов, тех, кто работает не руками, а головой). И это при том, что в России доля и численность ИТР и АУП втрое ниже, чем в Америке!»* Поскольку образование и качество менеджмента, судя по социальной и финансовой практике, а не по политическим декларациям и заявлениям, сегодня вовсе не входит в приоритеты государственной политики, стиль и философия государственного управления в России остаются в худшем смысле слова консервативными.

** Хруцкий В. Послесловие к реферату Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 75.*

Но в чем же заключаются опорные идеи новой экономической философии, в соответствии с которыми выделяются приоритеты экономической политики и строятся соответствующие государственные институты? Если проанализировать именно «идеи», а не только конкретные правительственные программы, бюджеты, развитие законодательства, то можно отследить шаг за шагом и объяснить сегодняшний процесс уклонения от управленческой инноватики. Его причины в том, что корпорация отечественных руководителей всех сфер и рангов никогда не принимала и сейчас не принимает ответственности за развитие системы (общества, хозяйства, конкретного предприятия).

С точки зрения здравого смысла это, конечно, нонсенс, ибо смысл управления в человеческом сообществе состоит именно в том, чтобы обеспечить организацию в достижении каких-то целей. Поэтому эффективность функционирования социальных субъектов управления всегда определяется тем, сумели ли они наладить организованное взаимодействие других людей и достигнуты ли в этом случае поставленные задачи? Полководец, дирижер, политик, менеджер при

этом принимают на себя ответственность за качество управленческих решений и результативность действия организации (армии, оркестра, государственных учреждений, предприятия).

Перелом в экономическом мышлении на уровне государственного управления произошел в России не сразу, и «перестройка» началась, в общем-то, под традиционными технократическими лозунгами ускорения НТП. Хозяйственный комплекс нашей страны к 80-м гг. был высоко милитаризован, но одним из социальных парадоксов его развития оказалось то, что разработки в сфере высоких технологий практически не оказывали влияния на развитие потребительского сектора национальной экономики и мощная индустриальная база производства не соответствовала низкому уровню жизни ее собственных создателей.

Гибкость мышления нового политического руководства страны позволила осознать социальные причины советского технологического отставания, и были сформулированы идеи социальной мотивации работников, которым разрешили высказываться, выбирать директоров, получать дифференцированную оплату и даже заводить свой «игрушечный» (по масштабам) бизнес. Экономическая философия производственной демократии, хозрасчета, бригадного подряда и кооперативной собственности была революционной, поскольку перерастала советские социалистические идеологемы, но она была и романтической, поскольку предполагала старыми управленческими средствами оседлать и приручить частный интерес, заставить его работать на «общие» цели.

Акционирование собственности, которое проводилось в начале 90-х гг. под социально привлекательными лозунгами, завело приватизацию и в социальный, и в экономический тупик, поскольку это все же была кампания, а не регулируемый стратегический процесс. В результате изменения, которые должны были привести российское общество к созданию основ социальной рыночной экономики, на самом деле выразились в коллапсе производства и теневом перераспределении собственности.

Эти два негативных результата главного – поворотного – элемента российских реформ могли быть «просчитаны» в стратегии государственного управления, поскольку и на практике, и в границах теоретического моделирования известны социально-управленческой науке. Действительно, в условиях, когда сформировался объемистый теневой капитал (а специалисты в конце 80-х гг. оценивали его величину как существенную для развития национального хозяйства), проводить анонимную ваучеризацию – значит осознанно легализовывать доходы, полученные из любых, даже криминальных, источников, а также способствовать формированию крупного частного капитала в ущерб интересам трудящихся. И действительно, логика корпоративных отношений и возможности легализации доходов привели к тому, что «эффективная собственность», способная приносить прибыли и имеющая сырьевую, экспортную ценность (предприятия добычи и переработки), была закуплена, по русскому присловию, «на корню».

Что дала такая управленческая стратегия на макроуровне? Каковы ее плюсы и минусы? Ответ на вопрос неоднозначен, если отвлечься от идеологических установок и рассмотреть социально-экономические следствия этого процесса. И такой анализ может быть проведен, учитывая, что приватизация прошла свой социальный пик, хотя и будет иметь драматические продолжения (учитывая, что не решены вопросы собственности на землю, разделение федеральной и региональной собственности, в том числе республиканской, и т.п.).

С одной стороны, происходит глубокое экономическое расслоение российского населения, которое принимает вызывающие формы, порождая нищету и социальную алиенацию ранее благополучных массовых слоев трудящихся. В то же время формируется и громко заявляет о себе элитный слой, образ жизни которого характеризуется гипертрофией в реализации потребностей, несформированностью культурного стиля и полной отрешенностью от забот социального и экономического возрождения нации. Причем объективные инструменты государственной политики регулирования отечественного бизнеса подталкивают богатых к утаиванию доходов, отказу от благотворительности, переливу капиталов за рубеж, избеганию производственных и популярности спекулятивных вложений. Более того, объединяющиеся банкиры и бизнесмены, заинтересованные в стабильности общественного развития, зачастую первыми обращаются к государственным структурам с предложениями гарантировать двустороннее согласие и сотрудничество, но получают «размытый» и выхолощенный результат. Таким образом, государство пока не может и не старается формировать механизмы мотивации своих граждан и

важнейших экономических субъектов на реализацию национальных интересов стабильности и развития.

С другой стороны, отечественный бизнес, как и государство, по-видимому, не заинтересован в обеспечении занятости и повышении квалификационной базы труда. В условиях массовой безработицы, причем ее скрытые формы (месяцами не оплачиваемый труд, вынужденные отпуска, преждевременные выходы на пенсию и т.п.) сейчас приобрели запредельные масштабы, трудовые ресурсы в России стали так же «избыточны», как и природные. Множество добросовестных, опытных, квалифицированных и творческих людей не могут найти себе достойную работу. И в этих условиях собственники производства (и государство, и частный бизнес) так же далеки от мысли субсидировать профессиональную подготовку, как старатель на Клондайке – от желания искать философский камень. А между тем этот процесс зависит не от прагматики жизни: нет конъюнктуры – нет подготовки, а от качества стратегического социального менеджмента. Ведь по оценкам наиболее знающих специалистов «все рабочие места сегодня так или иначе созданы только благодаря управлению, особенно для наиболее образованных и квалифицированных людей. От управления зависит их способность приложить с пользой для всех свои знания и умения, таланты и способности»*.

* Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 73.

Развитие рыночных правил обмена, не подкрепленное продуманными государственными программами внедрения прогрессивных механизмов социально-экономической мотивации труда и бизнеса, привело к анархии в сфере производства, разрушению системы сложившихся хозяйственных, финансовых и административных связей, к кризису платежей, развалу социальной сферы предприятий. Производство стало, и все 90-е гг. Правительство РФ пытается найти рычаги, способные заставить его «двигаться», работать. Однако выработанные управленческие решения оказались недостаточно квалифицированными. «...Те методы, с помощью которых пытались решить экономические проблемы правительства Н. Рыжкова, В. Павлова, Е. Гайдара, а ныне пробует правительство В. Черномырдина, в принципе, изначально, обречены на неудачу. Они «по определению» не могут быть эффективными ни в одной области, будь то стабилизация финансов, стимулирование экономического роста и структурной перестройки или проведение конверсии оборонной промышленности.

Все концепции и программы экономических реформ в нашей стране, думается, грешат одним, но очень существенным (если не сказать роковым) изъяном: в них нет места реорганизации управления на современных принципах, содействия возвышению умственного труда вообще и усилению его значимости в экономическом развитии нации. Фактом остается опора на факторы и концепции экономического развития, которые могли так или иначе работать в прошлом, но стали совершенно непригодными в современных условиях»*.

* Хруцкий В. Послесловие к реферату Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 75.

Личности и групповые силы, осуществляющие функции социального управления в современном российском обществе, все еще опираются преимущественно на технократические подходы к управлению, которые господствовали в экономике и политике советского периода, пронизывали общественную идеологию. «Абсолютный характер экономической власти выражался здесь в монополии государства на собственность, на средства производства и на саму рабочую силу»*. Конечно, в таких социальных условиях управляющая корпорация мало заботилась о том, как отвечает на регулирование управляемая система. Даже научные исследования советского периода, направленные на построение оптимальных моделей управления, были методологически алгоритмизированы ресурсным подходом и существующими методами руководства производством, а также идеологически заданной формулировкой целевой функции.

* Иванов Н.П. Теория управления при переходе к рынку // Политические исследования. 1992. № 1–2. С. 124.

Специалисты в области моделирования системы управления экономикой, оценивая многочисленные научные разработки советских ученых в этом направлении, отмечали определенную теоретическую зашоренность, методологическое избегание определенных проблем.

Модели, выстроенные отечественной наукой, в этом смысле имели скорее детерминированный, нежели стохастический, вид, который отвечал сложившимся стереотипам управления экономикой в командно-административной системе. «Целенаправленность, как специфическое свойство управляемых систем, нашла достаточное отражение при моделировании экономических процессов. Значительно хуже обстоит дело с анализом, а, следовательно, и моделированием процессов взаимодействия управляющих органов и управляемого объекта... Почти совершенно обходится вопрос о степени детерминированности процессов, описываемых этими моделями, и достоверности самой экономической информации, обращающейся между объектом управления и управляющим блоком. В то же время общепризнано, что вопрос этот становится тем актуальнее, чем сложнее система»*.

* *Петраков Н., Ротарь В.* Фактор неопределенности и управление экономическими системами. М., 1985. С. 87.

И вот теперь, когда социально-экономическая система российского общества чрезвычайно усложнилась, когда целые социальные слои оказались «разбужены» и сформировали свои взгляды и оценки относительно руководящих импульсов «сверху», когда в массовых масштабах стало развиваться предпринимательство, наряду с проблемой учета реакции подчиненных и «управляемых» возникла проблема, как вызвать эту реакцию у многочисленных «апатичных» групп государственных рабочих и служащих, отученных стремиться к достижениям. Исследователи проблемы подчеркивают:

«...авторитарные методы управления рабочей силой и производством, базировавшиеся на господстве государственной собственности и уравниловке в оплате труда, разрушили естественную мотивацию и стимулы к труду. Возник определенный тип рабочего, которого по существу ничего не интересует.

Одна из приоритетных задач в России – не только восстановление мотиваций к труду, а затем и их развитие, но и преодоление глубокого отчуждения работника, создание на производстве условий, повышающих его заинтересованность в эффективном функционировании всего предприятия. Решение данной задачи требует прежде всего внимания к вопросам управления предприятием и радикальной перестройки управленческой системы»*.

* *Тарасова Н.Н.* От приказа к мотивации: новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2. С. 179.

При этом управленческие преобразования должны учесть опыт и идеи социального менеджмента, принесшие свои плоды в странах с динамично развивающейся современной экономикой. Помня уроки американцев и японцев, следует изучать позитивный опыт, помнить об особенностях своей культуры производства и труда, вырабатывать собственные инновационные подходы к управлению. Но определенные базовые элементы эффективной системы управления инвариантны. Они обусловлены тем, что рынок – это не только экономическая, но прежде всего социальная конкуренция. В конкуренции побеждают нестандартный, творческий подход, стремление выиграть, заинтересованность. Такая личная, творческая вовлеченность должна быть распространена на всех «этажах» управления и среди непосредственных исполнителей производственных проектов. Иначе говоря, многие участники производства, а желательно каждый, должны быть заинтересованы в реализации своих творческих ресурсов в условиях, когда основными формами конкуренции становятся новизна и качество производимых товаров и услуг.

Необходимым условием развития творчества является свобода, поэтому специалисты по инновационному социальному управлению так много внимания уделяют анализу проблемы автономности в труде.

«Повышение степени свободы экономических субъектов находит выражение в бурном развитии мелкого предпринимательства. В основе антрепренерства – объективная необходимость увеличения самостоятельности творческой личности для максимальной реализации ее знаний и способностей в условиях инновационного развития. Эта самостоятельность предполагает полноту ответственности за принимаемые решения и полное вознаграждение за предпринимательский успех... Инновации мощно стимулируются венчурным или рыночным антрепренерством...»*

* *Иванов Н.П.* Указ. соч. С. 126.

Формируя солидарность и поддерживая самоотверженность в служении интересам фирмы, многие корпорации вырабатывают «внутреннюю идеологию», собственный «моральный кодекс», и это позволяет работникам упрочить свою корпоративную идентификацию, повысить групповой

статус. Но они идут вперед не только в организации духовной, но и материальной солидарности.

Политика социально-экономической интеграции работника в систему производственных отношений, преодоление социального отчуждения реализуется через изменение отношений собственности путем их участия в прибылях, распределения акций, создания пенсионных фондов, корпораций, организации внутренних венчуров, финансируемых фирмой для коммерческой реализации изобретений собственных служащих. Все эти практические шаги – результат зачастую болезненного переосмысления управленческих ошибок и социальных провалов, которые переживали ныне столь благополучные человеческие сообщества. Им помогла «новая философия управления, исходящая из посылки о наивысшей ценности в производстве «человеческого фактора», что позволит преодолеть отчуждение, развязать инициативу и высвободить творческий потенциал людей»*.

* Тарасова Н.Н. Указ. соч. С. 181.

Новая философия управления очень нужна современной России. Отечественный менеджмент не может зародиться на пустом месте. Во-первых, молодое и, возможно, более образованное, «рыночное» по складу своего мышления поколение управленцев не сразу займет доминирующее положение в сфере производства, поскольку эта деятельность предполагает не только богатство знаний, но и значительный профессиональный опыт. Во-вторых, существуют социально-статусные препятствия для появления внутри корпорации директоров новых менеджеров, поскольку проведенная приватизация позволила руководителям производства стать в том числе и крупными собственниками акций своих предприятий.

В освоении современного менеджмента особый интерес представляет фактор сотрудничества российских фирм с зарубежными партнерами, так как он дает необходимый опыт организации производства и внедрения новой культуры труда.

Чтобы формировать новую, рыночную культуру управления, организации производства, труда и социальных взаимодействий на предприятии, менеджеры сами должны быть носителями и продуцентами этой культуры. Поскольку история развития российской экономики в XX в. не способствовала производству инновационных менеджеров, решить подобный класс задач и осуществить «культурную революцию» в отечественном производстве поможет только образование.

Основной элемент образовательной структуры сегодня представлен в основном специальными отделениями и факультетами, хотя на волне конъюнктуры возникли и разнообразные профилированные высшие учебные заведения, краткосрочные семинары, курсы, издаются и переводятся учебники и научные издания, выходит в свет популярная литература по проблемам управления. Однако это не решает проблем подготовки нужных специалистов.

В о - п е р в ы х , большинство альтернативных образовательных структур строит свою деятельность на зарубежных методиках и материалах. Это позволяет знакомить студентов и слушателей с современным мировым опытом в сфере производственного менеджмента, но одновременно приводит к разрыву между приобретенными знаниями и актуальным опытом, между теорией и возможностью применить ее на практике. Ведь передовой опыт менеджмента сложился в рыночных системах, а российская экономика переживает переходный период с его специфическими коллизиями самого разнообразного характера.

В о - в т о р ы х , в российских вузах традиционно делается упор на систему теоретических знаний. Но, изучая социологию, психологию, философию управления и специальные теории менеджмента, будущие управленцы не имеют возможности в полном объеме соотнести ее с опытом конкретной деятельности. А между тем управление – это искусство. Здесь мало знать теорию и понимать «технология» процесса – нужно приобрести соответствующие навыки и значительный практический опыт.

В - т р е т ь и х , отечественная система образования практически слабо охватывает послевузовский уровень – повышение квалификации и переподготовку управленцев для обучения их инновационным подходам и технологиям. Да и сами российские директора предприятий, обладающие таким важнейшим профессиональным капиталом, как опыт и великолепное знание реальности современных экономических процессов, а также наличной культуры труда, вовсе не стремятся пополнить свой информационный багаж. Как показывают результаты прикладных социологических исследований большинство (3/4) руководителей производства полагается в

основном на свое управленческое чутье, опыт и интуицию.

Следовательно, обучение российских менеджеров должно распространиться на опытные профессиональные кадры, поскольку их прикладная квалификация является тем фактором, который позволяет реально повернуть ситуацию в сторону обеспечения стабильного динамичного развития. Система их подготовки должна включать механизмы аттестации и профессиональных конкурсов, чтобы способствовать «разрыхлению почвы» и созданию более конкурентной среды в ныне достаточно замкнутой корпорации. Оценка действенности социокультурных факторов становления новой системы управления производством в России позволяет также сделать вывод о необходимости главенства национальной доминанты и изучения «специфики» рынка в обучении менеджеров *.

* См.: Дзыбов К.М., Мостовая И.В. Инновационный менеджмент в современном производстве (путь развития социальных технологий). Ростов н/Д, 1997.

Безопасность социальной системы

Развитие современного российского общества проходит неизбежный кризисный этап. Он характеризуется таким состоянием социальной системы, когда все ее связи и процессы определяются областью критических значений. Прежние механизмы защиты и сохранения разрушены, новые не сформированы – экономика, политика и социальная структура нестабильны. Это создает колоссальные трудности для государственно-управленческой практики, сказывается на качестве жизни и социальном состоянии всех слоев населения, требует глубокого и точного теоретического осознания сложившейся ситуации с целью разработки эффективных тактических и стратегических решений.

Реальные социальные изменения, которые носят устойчивый, необратимый характер, связаны в России в первую очередь с экономическими реформами. А они развиваются сложно и противоречиво. Объективно ухудшается геополитическое и внешнеэкономическое положение страны, народнохозяйственный комплекс и национальная экономика на протяжении ряда лет переживают острый кризис, социально-экономическая напряженность способствует углублению социальных и этнических конфликтов. Политическая нестабильность и отсутствие концептуальных стратегий в области развития внешних связей, национальных интересов, региональной политики России, недостаток выверенных социально-экономических программ приводят к неопределенности в сфере обеспечения безопасности российского общества.

Как отмечают профессионалы, ни концепция национальной безопасности, ни ее важная составная часть – стратегия поддержания экономической безопасности – до последнего времени не были сформулированы в целостном виде*; ученые и практики отмечали отсутствие системного взгляда и комплексного подхода к решению существующих проблем.

* До принятия 29 апреля 1996 г. Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации.

В значительной степени такое противоречивое состояние, когда практика реформирования и противоречия развития самого российского общества давно требовали конкретных, взвешенных, взаимосвязанных решений в области безопасности и в то же время на уровне государственной политики отсутствовали связные представления о том, какой комплекс задач необходимо решать и в какой стратегической перспективе, обусловлено весьма вескими причинами.

П е р в а я п р и ч и н а состоит в том, что российское общество, российское государство находится в процессе сложного качественного роста, когда принципиально меняются механизмы его социального и политического устройства. Российское общество, безусловно, является уникальным, поэтому трудно проводить какие-то параллели и некритически заимствовать опыт других государств в решении их социальных проблем. Оно к тому же переживает особый период постсоветской модернизации *, изменения качества социальной системы.

* См.: Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Экономическая безопасность и политика реформ. М., 1996. С. 5.

В т о р а я п р и ч и н а отсутствия ясной государственной стратегии безопасности была связана с тем, что становление российской государственности проходит весьма конфликтно, за практическое воплощение борются самые разные подходы и идеологические ценности. Состояния то возрастающей, то снижающейся политической нестабильности вызывали неопределенность в

формулировке общей концепции национально-государственных интересов России и существенные трудности в разработке стратегии национальной безопасности. Естественно, когда нет представлений о целом, практически очень сложно определить место и значение отдельной части: разработать цели, механизмы и конкретные элементы системы экономической безопасности, социальной защиты.

Третья причина состоит в том, что попытки осмыслить проблему социальной безопасности осуществлялись, если можно так выразиться, в функциональном разрезе. Преобладание односторонних подходов: государствоведов, с одной стороны, и экономистов – с другой, – приводило к тому, что стратегия безопасности разрабатывалась как бы для совершенно разных объектов. Одни выявляли меры экономической защиты государства и национальной экономики, другие – изучали возможности сохранения основ хозяйственного комплекса и экономической жизнеспособности страны. При этом в одном случае доминировали политические, а в другом – производственные проблемы экономической безопасности. Поэтому можно обоснованно сделать вывод об актуальности специального анализа проблем экономической безопасности российского общества. А этот объект нужно изучать социологически.

Модели экономической безопасности. Общество находится в состоянии экономической безопасности, когда базисные факторы его воспроизводства надежно защищены, обеспечен стабильный экономический рост и сохраняются ресурсные резервы для восстановления жизнедеятельности социальной системы в чрезвычайных и кризисных обстоятельствах. Безопасность достигается тогда, когда блокированы внешние и внутренние угрозы, предусмотрена защита от рисков. Уровень безопасности зависит от пороговых значений в развитии социально-экономических процессов, что связано с необратимыми качественными изменениями, затрагивающими всю общественную систему.

Концептуальные подходы профессиональных экономистов к решению проблем безопасности интересны и с социологической точки зрения, во-первых, как пример системного научного осмысления, которое пока не представлено в специальной социологической литературе, а во-вторых, как указание на важнейшие социальные проблемы современной экономической безопасности.

Академик Л. И. Абалкин в своих публикациях сформулировал *«реактивную» модель безопасности* *, которая может оказаться наиболее эффективной в кризисный период общественного развития. Как и многие другие исследователи, он связывает экономическую безопасность с более крупной системой государственно-национальной безопасности **.

* Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.

** Обе эти идеи были заложены в основы Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 29 апреля 1996 г. № 608.

Объектом защиты от негативных воздействий ученый считает «национальную экономику», а содержание экономической безопасности определяет как «совокупность условий и факторов», обеспечивающих ее «независимость... стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию»*. Однако его подход нельзя однозначно трактовать как экономикоцентрированный, поскольку большое значение в концепции Л. И. Абалкина уделено национально-государственной идентификации (осознания своей причастности и единства интересов) разных групп населения.

* Абалкин Л. Указ. соч. С. 5.

Другой исследователь проблемы, К. Самсонов, констатирует *изменения в структуре представлений о содержании безопасности*: «В экономической сфере проблемы безопасности рассматривались преимущественно применительно к внешнеэкономической деятельности или экономической преступности. Лишь в последние годы стали уделять внимание и другим аспектам безопасности: экологии, прямым и косвенным последствиям чрезвычайных ситуаций техногенного и природного происхождения, нарастанию организованной преступности. Вызывают озабоченность утрата научно-технического потенциала, культурная и генетическая деградация нации»*.

* Самсонов К. Элементы концепции экономической безопасности // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 14.

Исследователь подтверждает общую для экономистов позицию относительно объекта экономической безопасности. Однако в отличие от своих коллег дает ему весьма расширительную трактовку – это собственно экономическая система страны, но и «объекты на пересечении с другими возможными сферами: военной, общественной, экологической, информационной и т.д.»* Поэтому все социальные проблемы и аспекты экономической безопасности входят, по его мнению, в область научного рассмотрения вопроса. Данный вывод имеет важное социологическое значение.

* Там же. С. 15.

Аргументы, подтверждающие актуальность проблем экономической безопасности, представляют собой взаимосвязанный комплекс причин:

1) базисная роль экономики в обществе закрепляет приоритеты экономической безопасности в системе национальной безопасности;

2) кризис российского общества привел к практическому крушению сложившейся экономической системы и создал сильнейшую угрозу безопасности страны;

3) экономическая оценка угроз и экономические средства обеспечения безопасности во внеэкономических сферах являются эффективным универсальным инструментом*, и их изучение имеет существенное практическое значение.

* Самсонов К. Указ. соч. С. 14.

Группа специалистов, разработавших *принципы макроэкономических подходов к безопасности** по существу, еще ближе подошла к экономико-социологическому видению данной проблемы. Они исходят из того, что «в условиях кризисных и крупномасштабных переходных процессов экономического и внеэкономического характера механизмы стабилизации и обеспечения безопасности представляют собой достаточно противоречивую систему»**. Эта противоречивость, по мнению исследователей, будет сохраняться достаточно длительное время. Поэтому содержательные критерии безопасности – эффективное развитие экономики и повышение качества жизни – трансформируются для них в оригинальную *концепцию риска*. Она включает два основных элемента: оценку риска и управление риском.

*Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. Макроаспекты экономической безопасности: факторы, критерии и показатели // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 25–35.

** Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. Указ. соч. С. 25.

Управление риском предполагает предвидение возможных чрезвычайных (критических) социально-экономических ситуаций с тем, чтобы предотвратить, ослабить и смягчить их последствия*. Использование категории риска позволяет более целостно рассматривать содержание и факторы безопасности. Такой методологический подход предполагает пристальное внимание ученых к проблемам эффективности управления, причем речь идет не только о хозяйственном, но и социальном регулировании. Авторы концепции намеренно пользуются категорией «социально-экономические» (процессы, ситуации), поскольку и риск, и ущерб, нанесенный обществу, и его компенсационный потенциал (ресурсы) не могут оцениваться с привлечением чисто экономических показателей.

*Там же. С. 26.

При разработке концепций национальной безопасности нередко происходил синтез государственно-политических и экономических взглядов на проблему. Это обоснованный и в целом продуктивный подход, поскольку существенным образом изменились не только внутренние факторы развития экономики российского общества (природные, технологические, инфраструктурные, социальные и иные), но и внешние связи и условия (конкурентоспособность страны на мировых рынках, устойчивость национальной валюты, финансовое положение государства), растет экономическая преступность, усиливается утечка капиталов на Запад.

«Экономическая безопасность включает в себя комплекс собственно экономических, политических, правовых, геополитических условий, обеспечивающих защиту жизненно важных интересов страны в отношении ее ресурсного потенциала, возможностей сбалансированного и

динамичного роста, социального развития, экологии»*. Такое *политико-экономическое определение экономической безопасности* имеет обоснованное право на существование.

* Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 37–38.

Кризисный период общественного развития предъявляет к осуществлению экономической безопасности особые требования. Речь, по мнению ученых, идет о «выживаемости и недопущении необратимого разрушения экономики, сохранении гражданского мира и социального согласия, национальной государственности»*. Идея пороговых значений, свидетельствующих о кризисном состоянии экономической системы, а также констатация связи между различными «сегментами» системы безопасности являются продуктивным вкладом исследователей в рассмотрение проблемы **.

* Там же.

** Данный подход был применен и в утвержденной Президентом РФ Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях).

Возможно, поэтому определение экономической безопасности, как «способности экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на национальном и международном уровнях»*, отражает именно социальную специфику задач и функций системы, которая характеризует защищенность личности, общества и государства от отрицательных воздействий самых разных факторов.

* Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Указ. соч. С. 38.

*Концепция социально-экономической безопасности** в своих исходных позициях затрагивает идеи: 1) имманентной связи экономической безопасности с системой национально-государственных интересов, 2) особого характера постсоветской модернизации российского общества, 3) наибольшей остроты «на фоне системного кризиса, затронувшего все сферы российского социума... кризиса идентификации (самоидентификации) России»**.

* Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Экономическая безопасность и политика реформ. М., 1996. С. 33.

** Там же. С. 2.

При этом объектом национальной безопасности и базовым элементом ее стратегии становится защита культурно-цивилизационной, социально-исторической самобытности России. Однако более широкое определение актуального контекста проблемы смещает содержательные акценты на государственные механизмы защиты, государственные интересы, сферу экономики, экономических ущербов и угроз *.

* См.: Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Указ. соч. С. 9: «Экономическая безопасность означает надежную и обеспеченную всеми необходимыми средствами и институтами государства (включая силовые структуры и спецслужбы) защищенность национально-государственных интересов в сфере экономики от внутренних и внешних угроз, экономических и прямых материальных ущербов».

Можно сделать вывод, что, несмотря на сближение позиций экономистов и социологов относительно проблемы экономической безопасности, собственно социологического взгляда на предмет среди специалистов пока не выработано.

Безопасность «транзитивного» общества

Рассмотрение собственно экономико-социологической проблематики экономической безопасности, а также конкретных условий и форм защиты населения, которые складываются в период реформирования российского общества, позволяют сделать обобщения, интересные в теоретическом отношении, но далеко не обнадеживающие с точки зрения оценки текущей социально-политической практики.

Экономическое состояние современного общества в значительной степени влияет на стабильность всех социальных процессов. Уровень экономического развития и устойчивость хозяйственных комплексов, благосостояние населения определяют сегодня общую оценку качества социальных систем.

Важнейшим условием эффективных общественных преобразований является экономическая безопасность социальной системы – ее защищенность, стабильность, внутренняя подконтрольность управленческим воздействиям, сохранение потенциала дальнейшего развития, возможность полноценно использовать имеющиеся ресурсы. Таким образом, безопасность охватывает и внешние, и внутренние факторы развития.

Исходное определение понятия «безопасность» – это состояние, при котором институционально (т.е. самими общественными отношениями) поддерживаются факторы, сохраняющие стабильность и позитивную направленность развития социально-экономической системы.

Особенности российской общественной эволюции состоят в том, что система безопасности должна, по сути, способствовать революционным социальным изменениям, рыночному переустройству хозяйственных связей, интеграции национальной экономики в мировую, а также предохранять от внутренней социально-экономической напряженности, структурных дисбалансов, разрушения механизмов социальной защиты населения.

Наиболее глубокие теоретические представления о безопасности определяют ее как состояние социальной системы. В вытекающих отсюда концепциях речь идет не о защите (функциональный, ситуационно-факторный подход), а о *защищенности*, т.е. о характере социальных отношений (социальный, институциональный подход). И конечно, когда исследователи имеют в виду состояние общества, центр внимания перемещен на внутренние механизмы поддержания устойчивого, сбалансированного развития системы, воспроизводство ее основных параметров. Речь в них идет о гомеостатических механизмах стабильного самовоспроизводства общества и его базовых экономических элементов.

Таким образом, рассмотрение различных точек зрения и разных видов аргументации приводит к выводу, что экономическая безопасность должна рассматриваться как институциональная система воспроизводства условий стабильной, устойчивой экономической динамики посредством действия самих социальных отношений.

Несмотря на то что исследователи изучают в первую очередь общенациональные и глобальные критические ситуации, очень важны сделанные ими выводы о ситуативно-факторной структуре безопасности и о кумулятивном эффекте накопления качества региональных кризисов, которые при определенных условиях превращаются в фактор общественной опасности на макроуровне.

Субъекты социальной безопасности. Анализ различных подходов к безопасности показывает, что их можно классифицировать и по такому основанию, как субъектный приоритет. В исследованиях государствоведов и экономистов более значительное место занимает проблематика макроуровня и наиболее важными оказываются субъекты, защищающие общенациональные интересы. Социологи, напротив, предпочитают обращаться к нижнему (локальному) уровню субъектной иерархии – группам и общностям, которые в критических социальных условиях скорее являются субъектами «самозащиты» (с чем, собственно, и связана специфика их современного положения).

Противоречия между субъектами разного уровня, возникающие в сфере решения проблем безопасности, достаточно остры. И причина здесь не только в их общей структурной диспозиции, но и в специфике современного российского развития, которая, в о - п е р в ы х , связана с кризисом идентификации – сейчас в массовом порядке не осознаются критерии принадлежности людей к данному обществу, не сформулирована «национальная идея», не поставлена ясная политическая цель относительно проводимых реформ (с которой можно солидаризироваться или протестовать).

В о - в т о р ы х , играет свою роль реальная дезинтегрированность нашего общества не только на уровне сознания, массовых социально-психологических установок, но и на уровне особых интересов региональных и групповых субъектов.

В - т р е т ь и х , наличествуют особые национально-государственные амбиции российского общества, поскольку речь идет о статусе России как великой державы.

Социальная устойчивость общественной системы как залог ее экономической безопасности достигается в результате действия весьма противоречивых процессов на разных уровнях субъектной структуры общества. Существование сложной, многоуровневой системы субъектов безопасности: государства, регионов, социальных групп, отдельных людей – говорит о наличии нескольких градаций безопасности, которая на каждом из этих уровней проявляется в

специфических формах и имеет самостоятельное содержание.

Микроуровень проблемы безопасности современного российского общества тесным образом связан с формирующейся системой общественной регуляции. *Государственное управление* является тем самым фактором, который поддерживает и стабилизирует спонтанные защитные реакции всех других социальных субъектов. Государственно-правовые механизмы экономической защиты всех субъектов хозяйственной жизни общества напрямую влияют на процесс институционализации системы экономической безопасности, закрепляя легитимные экономические формы в структуре общественного базиса. Проблема управляемости экономики на федеральном и региональном уровнях является чрезвычайно актуальной с точки зрения национальной безопасности в целом.

Весьма специфическое развитие субъектной структуры безопасности в современном российском обществе в полной мере отражает приоритеты и основные направления развития системы социально-экономической защиты. Если определить ситуацию в общем, то можно сказать, что с переходом на более низкие (мезо- и микро-) уровни безопасности происходит сокращение факторов «защиты» и рост роли факторов «самозащиты», что обусловлено целым рядом причин.

Традиционное внимание к внешним вызовам и угрозам, а также их серьезный объективный характер перемещают центр внимания политических стратегов безопасности на «охрану» национальной российской экономики, в то время как более стабильные общества занимаются «протекцией». Отечественная система безопасности не только в теории (которая сложна и по данному вопросу неоднозначна), но и на практике развивается в направлении наращивания своей внешней оболочки: специальных государственных органов, политических, правовых, запретительных, контрольных, силовых структур обеспечения защиты национальных интересов. Итак, современная система национальной безопасности российского общества формируется в направлении приоритетов «пограничной» модели защитительного характера, что обусловлено объективными (интересами мировых экономических центров и состоянием национальной экономики России), а также субъективными (неоднозначными теоретическими обоснованиями, недостаточной силой политического и стратегического хозяйственного предвидения) причинами.

Смещение части прав и значительной доли ответственности за протекание политических, социальных и экономических процессов на средние этажи государственно-управленческой иерархии отражается и на состоянии безопасности более низких субъектных уровней. Поскольку национально-государственный, а еще в меньшей степени – региональный уровень ресурсно не обеспечены с точки зрения возможностей экономической защиты соответствующих сегментов социальной системы, нижний уровень – население, различные социальные группы зачастую оказываются в забытом, брошенном состоянии на периферии ценностной шкалы безопасности (ее политической доктрины и конкретной практики).

Экономические угрозы и их отражение. Создание эффективной экономики само по себе является задачей новой системы безопасности. Решить ее невозможно без коренной структурной перестройки народного хозяйства, которая неизбежно ведет к внутриэкономическим диспропорциям и деградации экономического потенциала. При этом формируется комплекс специфических угроз, которые первоначально не расцениваются управленцами как существенные, значительные. Однако складывающаяся на практике система экономической безопасности современного российского общества представляет собой в большей степени «защитную», нежели «резервную» систему. Она ориентирована преимущественно вовне и формируется за счет образования учреждений и институтов, призванных реагировать на экономические угрозы.

Живая ткань любой экономики – это люди и те социальные отношения, которые их связывают. Чтобы выжила экономика, выжило общество, чтобы сформировались предпосылки самодостаточности хозяйственного комплекса и реальные возможности для его развития, нужно эффективно управлять людьми, задействовать актуальные для них мотивы, формулировать национальные интересы на основе их социальных ценностей, вести активную политику «поддержки сильных, защиты слабых».

Различные социальные общности по-разному переживают текущую экономическую трансформацию. Их поведение, социальные реакции, выборы оказывают существенное влияние на уровень экономической безопасности общества. Разрушаются производства и отдельные отраслевые структуры, растет безработица, снижается уровень жизни в целых регионах.

Усиливается внутренняя миграция из районов Севера, Сибири и Дальнего Востока в центральную и среднюю Россию. Происходит депопуляция, связанная с падением рождаемости и общим старением населения. Этнические и демографические факторы экономического развития начинают оказывать более активное воздействие на состояние безопасности. Разрушается профессионально-квалификационная структура.

Рассматривая социальные проблемы экономической безопасности, мы говорим в первую очередь о «населении», т.е. о тех социальных общностях, которые привязаны к определенным местам проживания и в значительной мере определяют реальный потенциал региональных хозяйственных комплексов. Именно противоречия в их развитии обуславливают организационную недостаточность системы внутренней экономической безопасности на современном этапе.

Многие специалисты считают, что внутренняя неструктурированность системы экономической безопасности, ее институциональная размытость (неопределенность функций социальных институтов, поддерживающих хозяйственную стабильность и потенциал экономического роста) напрямую зависят от предвидения и воли субъектов политического управления, а также от воздействия определенных социальных сил.

Политический выбор, который реально был сделан в России среди трех фундаментальных альтернатив социально-экономического развития: 1) «сырьевая» или «технологическая» экономика, 2) «экономический рост» или «социальное равенство», 3) «правовое» или «криминальное» общество, – оказался наиболее четко определен в пользу экономического роста и лишь недавно определился в отношении внешнеэкономической независимости и декриминализации (хотя и не получил практического воплощения).

Экономическая безопасность населения обеспечивается не только крупномасштабными государственными программами и тем политическим выбором, который создает принципиальные условия внешней и внутренней национальной безопасности в социально-экономической сфере.

Существует ряд объективных причин, по которым система безопасности современного российского общества должна быть «укоренена» в региональном субстрате. Российское общество является очень сложно организованным, поскольку оно не только многонационально, но и имеет специфическую поселенческую структуру. Население регионов испытывает на себе действие факторов мезоуровня политических и социально-экономических процессов, причем развитие отдельных территорий происходит относительно стабильно, а многие переживают острые кризисные процессы. В некоторых регионах угрозу экономической безопасности наносят факторы неэкономической природы, которые своим комплексным воздействием создают негативный накопительный (кумулятивный) эффект.

Таким образом, регионализация является результатом появления новых характеристик общественной системы в целом, которая, меняя свою социальную и геополитическую организацию, пытается выйти из кризисного состояния. Но если проанализировать тот управленческий потенциал, которым обладают регионы для решения таких задач, можно убедиться, что текущая политика федерализма не обеспечивает структуры государственной власти среднего уровня необходимыми ресурсами и правовыми полномочиями для их осуществления.

Колоссальным источником социально-экономической нестабильности стали инфляция и дефицит территориальных бюджетов. Важным компенсационным фактором против этих негативных процессов является разграничение предметов ведения и полномочий между центром и регионами.

Социальная защита населения России. Имущественное расслоение в России идет неравномерно, и структура общества по доходам и соответственно по уровню жизни, который отдельные группы населения могут себе обеспечить, очень отличается от того, что наблюдается в более стабильных и экономически развитых обществах.

Самый массивный общественный слой в структуре имущественного деления представлен группами населения, которые тратят свои доходы только на питание, на большее им просто не хватает.

Некоторые группы населения живут за пределами официально установленного уровня бедности, который существенно занижен относительно минимальных потребностей воспроизводства жизни и здоровья (не говоря уже о социальном достоинстве). Отдельные группы этого слоя требуют особого режима социальной защиты, поскольку по объективным причинам не

могут обеспечить ее сами: это дети, инвалиды, многодетные семьи, матери-одиночки, безработные, пенсионеры по старости. Развитие явной и скрытой безработицы существенно расширяет этот список, поскольку данный процесс затрагивает в значительной мере кадры высшей квалификации, молодежь и задевает трудоспособных мужчин почти в той же мере, что и женщин. Еще одним угрожающим следствием безработицы в плане национальной безопасности является снижение трудовой мотивации населения в целом.

Происходят существенные изменения в структуре источников личных доходов населения. С 1993 по 1996 г. соотношение между оплатой труда и доходами из иных источников (предпринимательские доходы, операции с недвижимостью, дивиденды по вкладам и акциям, социальные трансферты, которые, впрочем, остаются стабильной частью структуры личных доходов) изменилось в обратном пропорциональном отношении – с 2/3 до 1/3.

Специалисты, занимающиеся проблемой экономического расслоения и общественной безопасности, выявляют существенные различия в потребностях социальной защиты разных групп. Социально активные и экономически обеспеченные слои населения, которые вполне способны защитить свой имущественный статус, не прибегая к помощи государства, в большей степени обеспокоены защитой личных прав и жизни, угрозы которой исходят из криминальных источников. Защита разных групп населения от криминальных экономических угроз, как показала текущая практика, становится самостоятельным направлением обеспечения социальной стабильности и важным условием поддержания безопасности в стране.

Слой предпринимателей, капиталы которых возникли на криминальной и полукриминальной основе, но прошли легализацию в законном бизнесе, не только активно способствует распространению коррупции и заинтересован в сращивании с представителями административно-государственного аппарата, но и свои потребности в социальной и экономической защите нередко связывает с общественно-политической нестабильностью и хозяйственной неразберихой. Как субъект экономической деятельности этот слой принадлежит к социально активным и ресурсообеспеченным группам населения. Но его потребности в развитии требуют таких механизмов экономической защиты, которые разрушают систему экономической безопасности других социальных слоев и групп и подрывают устои нормального существования общества в целом. Однако этот слой неоднороден и включает институционализированные силы, заинтересованные в поддержке легальности и права.

Экономическая безопасность российской экономической элиты обеспечивается на сегодняшний день за счет весьма специфических механизмов, которые создают угрозу истощения национальной экономики, снижая ее финансово-ресурсный потенциал и ухудшая общий инвестиционный климат. Речь идет о том, что стремление обезопасить частные капиталы приводит к их экспорту, поскольку внутри национальной экономики они недостаточно защищены, а государство не создает необходимые стимулирующие механизмы, которые побудили бы к риску новых капиталистов.

В противоположность безопасности элитных экономических групп экономическая защита работающих должна включать эффективные меры социальной и финансовой поддержки в условиях банкротства предприятий, в случаях потери работы, временной остановки производств. Речь идет об элементарном жизнеподдержании в периоды, когда государство не может обеспечить своим гражданам право на труд и трудовой заработок. Социально незащищенные группы людей, которые не способны обеспечивать свое существование трудом, также должны иметь гарантии общества на прожиточный минимум.

Система безопасности, реализующая потребности в защите самых разных слоев российского населения, должна быть дифференцированной и адресной для того, чтобы ее результат был позитивным.

Новелла об экономической опасности. Экономическая безопасность – это состояние, при котором институционально поддерживаются факторы, сохраняющие стабильность и позитивное развитие социально-экономической системы.

Почему экономическую безопасность мы определили именно таким образом? Потому, что в социологическом смысле мы говорим о фундаментальной характеристике общественной системы, которая включает в себя и совокупность факторов экономической защиты, и механизмы поддержания устойчивости хозяйственной организации, и гарантии жизнеобеспечения населения.

Экономическая безопасность общества не может рассматриваться только как результат

действия неких политических или нормативно-правовых инструментов. Заведомо узкой, неполной является трактовка проблемы, при которой исследователи сосредоточены на конкретных кризисных явлениях в развитии российской экономики: стагнации производства в ряде отраслей, безработице, низком жизненном уровне трудящихся, инфляции, сложностях приватизации и конверсии, криминализации бизнеса и др.

Нельзя спорить с тем, что каждый из этих факторов подрывает экономическую безопасность всей общественной системы, негативно сказывается на положении многих групп населения. Но ни один из них не является определяющим и самодостаточным. Более того, все они в совокупности носят эндогенный характер, т.е. дестабилизируют именно внутренние связи и пропорции хозяйственного комплекса. При этом нельзя забывать, что любая национальная экономика в современном мире органично вписана в международную экономическую систему, а также то, что макроэкономические процессы и состояния национальной экономики в сильной степени зависят от характера микроэкономических отношений и развития локальных (в том числе региональных) подсистем хозяйственного комплекса.

Целостный и системный взгляд на проблему экономической безопасности связан с ее особым теоретическим рассмотрением – комплексным по структуре и социальным по содержанию. Экономическая безопасность при этом предстает как существенная качественная характеристика состояния социальной системы, как система социальных связей, институтов и механизмов, обеспечивающих стабильность и защиту от внешних и внутренних деструктивных факторов, различного рода социальных и экономических рисков, непредвиденных негативных событий и катастроф.

Стремление во что бы то ни стало сохранить «экономическую границу» было вполне оправданным и даже необходимым в тот период, когда советская экономическая система типологически отличалась по принципам своей организации и управления от устройства мировой экономической системы с ее рыночными отношениями. Защитные мероприятия такого рода очень важны с точки зрения сохранности национального хозяйственного комплекса и потенциала его экономического развития. Однако стратегическая цель рыночного реформирования российской национальной экономики требует не столь однозначных решений в области безопасности, как раньше.

Защита национальных интересов в экономической сфере должна органично сочетаться с реализацией интересов России относительно интеграции в мировое сообщество и мировое хозяйство с его сложившейся системой разделения труда, «технологичных» и «сырьевых» регионов, милитаризованных и мирных национальных экономик. Однако разработка курса экономической безопасности сегодня носит во многом компенсационный характер и ориентирована на решение задач внешней и, к сожалению, зачастую «слепой» экономической защиты.

«События последних лет в экономике и политике поставили Россию перед целым набором внешних и внутренних вызовов. Потеряны традиционные сферы влияния, утрачены свои ниши на мировых рынках. Резко сократилась минерально-сырьевая база экономики. Распались кооперационные и хозяйственные связи в рамках бывшего единого народнохозяйственного комплекса СССР. Россия лишилась ряда важнейших коммуникаций, как-то: морские порты на Балтийском и Черном морях, участки трубопроводного транспорта, находящиеся на Украине. За пределами России остался ряд современных жизненно важных, с точки зрения экономических и оборонных интересов, производств и предприятий. Между тем мир пока продолжает жить по законам баланса сил, а не согласования интересов»*.

* Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Указ. соч. М., 1996. С. 9–10.

Все эти факторы, несомненно, серьезно подрывают потенциал России как великой державы, а ее политический отказ от соответствующих претензий вообще отбрасывает ее в структуры второго эшелона мировых экономических центров.

Однако военно-политические и экономические амбиции в сфере национально-государственных интересов носят рецидивирующий характер, а стереотипы государственного мышления и общественного мнения как бы подкрепляют соответствующие стратегические императивы формирующейся системы безопасности. «Сказанное позволяет утверждать, что экономическая мощь, стремление к освоению новых рынков, активная наступательная позиция по всем азимутам и сферам российских национальных интересов должны быть долгосрочными приоритетами

Важнейшие внешние угрозы экономической безопасности России можно сгруппировать следующим образом:

- связанные с потерей статуса великой державы и обусловленных им политических и экономических преимуществ;
- связанные с потерей внешних рынков или существенным ослаблением позиций на них;
- связанные с перемещением в разряд сырьевывозящих стран (экономик «дополнительного» типа);
- связанные с финансово-инвестиционным и продовольственным дефицитом, существенным снижением соответствующих параметров экономической независимости;
- связанные с «прозрачностью» государственных и экономических границ.

Никто из специалистов не станет спорить с тем, что Россия постепенно становится сырьевым (ресурсным) донором и финансовым реципиентом мировой экономики. Внешние силы заинтересованы в стимулировании данной неблагоприятной эволюции, которая действительно может привести к необратимому состоянию национальной экономической системы и потере хозяйственной независимости общества. Но все же формирующаяся сейчас модель позволит в стратегической перспективе образовать сильный защитный панцирь, который будет прикрывать мягкотелую внутреннюю конструкцию системы экономической безопасности (так было в советском обществе, экономика которого в целом оказалась очевидно неконкурентоспособной после разрушения защитных барьеров), а также будет препятствовать активной внешнеэкономической экспансии. Это приведет либо к автаркии (самозамыканию национальной экономики и ее изоляции от мирового хозяйства), либо непосредственно к подчинению лидерам мировой экономики. Ни один из этих прогнозов нельзя считать «лучшим» – оба они в конечном счете разрушительны.

Однако сформулированный вывод не носит абсолютного характера. Он достаточно точно отражает сложившееся состояние дел в государственной практике, но несколько обобщенно определяет позиции конкретных исследователей в экономической и социальной теории безопасности. Ряд ученых углубленно рассматривают так называемые внутренние факторы экономической безопасности, а некоторые анализируют состояние различных субъектных уровней системы безопасности: федеральный, региональный, отраслевой, групповой и личностный. К сожалению, большая часть научных результатов именно по этим аспектам экономической безопасности не внедрена в государственно-политическую практику.

Регионы по-прежнему зависят от экономической политики центра, и сейчас выполняющего огромное количество перераспределительных и контрольных функций, в результате реализации которых кризисные сегменты экономики искусственно поддерживаются «на плаву», забирая необходимые для развития ресурсы, а более успешные и стабильные лишаются источников для закрепления и развития хозяйственных успехов. Эта политико-экономическая проблема приобретает социальный характер, поскольку фактически во всех регионах сворачиваются социальные программы и перманентно возникают проблемы задержки первоочередных выплат и дефицитности даже защищенных статей бюджета. Но и экономические программы регионального воспроизводства, даже в части, глубоко затрагивающей федеральные интересы, страдают от финансовых, налоговых и инвестиционных диспропорций.

Концепция «защиты» от угроз экономической безопасности требует от субъектов, представляющих национально-государственные (общественные) интересы России, быстрой оценки и эффективной реакции. Поэтому государственные органы стремятся к наибольшей подконтрольности всего хозяйственного комплекса страны, всей экономической системы. В результате происходит закономерная перегрузка центрального аппарата, принимающего решения, и многие внутренние процессы не получают должной оценки и управленческой реакции, которая могла бы предотвратить часть локальных кризисов и изменить характер их накопления.

Новелла об управлении безопасностью. Организационные сложности в современной системе безопасности, ее относительная неуправляемость вызваны именно попыткой «центра» решить проблему «подконтрольности» локальных подсистем. Делегирование распорядительных ответственных полномочий на нижние этажи управленческой структуры должно, по замыслу,

приблизить регулирующие органы непосредственно к месту социально-экономических событий и повысить оперативность системы экономической безопасности в целом.

Однако этот процесс развивается не безоблачно. Субъекты Федерации, получившие более широкие права в соответствии с договорами о разграничении полномочий и предметов ведения между федеральными и территориальными органами исполнительной власти, не могут на деле закрепить распорядительные возможности, необходимые для строительства локальных (региональных и территориальных) систем экономической безопасности. Речь идет лишь о контроле над частью объектов государственной собственности, введении механизмов «совместного ведения», для которых не разработан специальный правовой режим, и, наконец, о возможности подзаконными актами регулировать те сферы хозяйственной деятельности, которые не нашли отражения в существующем законодательстве Российской Федерации.

Такая практика дает, с одной стороны, существенное приращение в области государственного строительства, управляемости сегментов национальной экономики, возрастание возможностей использовать социальные ресурсы безопасности, а с другой – значительный объем негарантированных прав, использование которых напрямую будет зависеть от текущего развития законодательства и деятельности представительной власти.

Более того, специалисты приходят к шокирующе смелому выводу; «комплексная оценка воздействия процессов преобразования российской экономики на все сферы жизнедеятельности общества... уже в первом приближении позволяет утверждать, что большинство известных и широко обсуждаемых на всех уровнях альтернативных стратегий экономических реформ отражает преимущественно узкоспецифические (частные, узкогрупповые) интересы российских элит и корпоративных групп и весьма слабо корреспондирует с объективными национально-государственными интересами России *». Этот вывод подтверждается структурным анализом отраслевых корпораций, социальных групп, а также финансовых и региональных элит.

* Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Указ. соч. С. 12.

Безусловно, никакой частногрупповой подход к стратегии безопасности общества и государства не может претендовать на «проведение институциональных преобразований, способствующих координации действий и сближению стратегии действующих общественных институтов; выработку и принятие общих принципов экономического и социального поведения...»**. А без решения этих проблем невозможно даже приступить к решению проблемы обеспечения социально-экономической стабильности – одной из фундаментальных основ общественной безопасности.

* Лыкишин С., Свинаренко А. Развитие экономики России и ее реструктуризация как гарантия экономической безопасности // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 119.

Система управления российским обществом является важнейшим опорным элементом механизмов экономической безопасности. Ее задача – обеспечивать слаженность действий и снятие противоречий отраслевых, региональных, территориальных и групповых процессов. Однако отмеченные выше явления управленческой деструкции, отсутствие единых, ясно сформулированных стратегических целей развития и безопасности, приоритетность корпоративных интересов над общенациональными обусловлены не только внешними или общесистемными причинами, но и противоречиями в самой управленческой структуре. «Сложившаяся к настоящему времени организация государственного управления все еще недостаточно приспособлена к проведению целенаправленной экономической политики»* – считают ученые.

* Мильнер Б. Качество управления – важный фактор экономической безопасности // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 58.

Управленческие функции распылены по министерствам и ведомствам, реализующим отраслевую политику. Это, по мнению специалистов, ведет к неизбежному дублированию функций при одновременном снижении ответственности управляющих субъектов. Поскольку программная и оперативная распорядительная деятельность осуществляется именно министерствами, они реализуют общие задачи противоречивыми средствами, и решение частных задач не приводит к решению общей проблемы. В сложившейся системе государственно-

хозяйственного управления отсутствует эффективная межведомственная координация, поскольку сами отраслевые министерства и ведомства работают в горячем, «реактивном» режиме критической ситуации. Все организационные ресурсы при этом задействованы на решение конкретных отраслевых проблем.

Чтобы достичь хорошего уровня координации и организационного единства действий по обеспечению экономической безопасности, «должен применяться программно-целевой принцип, ориентированный на определение перспективных проблем технико-экономического развития и на стимулирование активности работы хозяйствующих субъектов*». Поистине неисчерпаемым ресурсом для повышения качества управления является происходящая реорганизация предприятий разных форм собственности, позволяющая гибко применять разные модели эффективного управления. (Именно предприятий в наибольшей степени коснулись перемены в хозяйственном комплексе, и многие из них стоят на грани финансового выживания.)

* См.: Мильнер Б. Указ. соч. С. 58.

Создание эффективной экономики само по себе является задачей новой системы безопасности. Решить ее невозможно без коренной структурной перестройки народного хозяйства, которая неизбежно ведет к внутриэкономическим диспропорциям и деградации экономического потенциала. При этом формируется комплекс специфических угроз, которые первоначально не расцениваются управленцами как существенные, значительные. «Развитие катастрофических процессов в деградированной системе может происходить в результате относительно небольших угроз и воздействий, в том числе и внутреннего характера. Это случается, если система уже исчерпала свои ресурсы и резервы или в ней отсутствуют механизмы противодействия угрозам и негативным воздействиям (система потеряла устойчивость или близка к этому состоянию)»*. Российская экономика как раз и существует за счет мобилизации всех резервов и продажи ресурсов для будущего развития.

* Самсонов К. Элементы концепции экономической безопасности // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 17.

Исследователи, которые моделируют эффективную систему экономической безопасности, исходя из теории катастроф, считают наиболее важными качественные показатели развития социально-экономических процессов, достигающих своего критического порога. При этом пороговые уровни снижения безопасности характеризуются тремя группами «показателей общехозяйственного, социально-экономического и эколого-экономического значения, отражающих, в частности:

1) предельно допустимый уровень снижения экономической активности, объемов производства, инвестирования и финансирования, за пределами которого невозможны самостоятельное экономическое развитие страны на технически современном, конкурентоспособном базисе, сохранение демократических основ общественного строя, поддержание оборонного, научно-технического, инновационного, инвестиционного и образовательно-квалификационного потенциала;

2) предельно допустимое снижение уровня и качества жизни основной массы населения, за границами которого возникает опасность неконтролируемых социальных, трудовых, межнациональных и других конфликтов, создается угроза утраты наиболее продуктивной части национального «человеческого капитала» и нации как органичной части цивилизованной общности;

3) предельно допустимый уровень снижения затрат на поддержание и воспроизводство природно-экологического потенциала, за пределами которого возникает опасность необратимого разрушения элементов природной среды, утраты жизненно важных ресурсных источников экономического роста, а также значительных территории проживания, размещения производства и рекреации, нанесения непоправимого ущерба здоровью нынешнего и будущего поколений и др.»*

* Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. Макроаспекты экономической безопасности: факторы, критерии и показатели // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 31.

Именно такой подход, использующий современные методы синергетики, теории катастроф, устойчивого развития и неопределенности, развивающийся на стыке экономического и социологического анализа, мы считаем наиболее верным в оценке проблем экономической

безопасности современного российского общества. Он позволяет сформулировать «социоцентрическую» модель системы экономической безопасности, в которой структурные уровни представлены общими и специальными условиями общественного воспроизводства (экологическими, социокультурными и собственно экономическими). Эти условия, по существу, представляют собой тот резервный потенциал, который может быть утерян или, наоборот, мобилизован, использован интенсивно или весьма вяло.

Важным методологическим следствием такого подхода является идея социальных мотивов как источника активизации экономического потенциала российского общества. Действительно, если обратиться к любой теоретической модели экономической безопасности, использующей концепт «внутренних угроз», и трансформировать его в проблему мотивов деятельности соответствующих социальных субъектов, можно получить гораздо более прикладную разработку по «технологии» экономической реализации социальных факторов, чем те, которые имеются сегодня.

Новелла о криминализации общества. Системный подход является достаточно эффективным и при анализе криминальных процессов в современной российской экономике, существенно подрывающих ее безопасность. Исследователи* считают важнейшими из них:

*См.: Абалкин А. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 12–13; Самсонов К. Элементы концепции экономической безопасности // Там же. С. 14; Тамбовцев В.. Объект экономической безопасности России // Там же. С. 51; и др.

- распространение криминализации практически на все области хозяйственной жизни (отношения собственности, финансовую и банковскую деятельность, производство, торговлю, услуги, внешнеэкономические отношения);
- рост количества экономических и должностных преступлений (мошенничества, фальшивомонетничества, взяточничества и др.);
- рэкет и террор против руководителей банков, государственных и коммерческих предприятий;
- снижение качества обеспечения государственной тайны и информационных секретов;
- отсутствие системы защиты от криминальных угроз и действий коррумпированных чиновников на локальном (местном) уровне.

Хотя с точки зрения социальной справедливости и экономической нравственности это и не так, но с точки зрения «перестроечного прагматизма» деньги действительно «не пахнут». И с этой точки зрения можно согласиться с мыслью о том, что экономическая защита «всех» (т.е. общества в целом) противоречит возможностям экономической защиты «каждого». Ведь усилия экономических реформаторов в России направлены в первую очередь на создание общих условий, «формирование экономической политики, институциональных преобразований и необходимых механизмов, устраняющих или смягчающих воздействие факторов, подрывающих устойчивость национальной экономики»*. Такая превентивная (валеологическая) практика требует глубокого политического предвидения и развитой управленческой воли.

* Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения) // Российская газета. 1996. 14 мая.

Анализ экономических процессов в текущий период реформирования показывает, что не только криминализация является существенной угрозой безопасности общества, но и те социальные напряжения, которые возникают вследствие вполне закономерных действий заинтересованных лиц, пользующихся несовершенством экономического законодательства и обретающих права собственности в ущерб работникам предприятий.

«Одновременно с принятием законодательных и нормативных актов была внесена двусмысленная трактовка прав руководителей государственных предприятий в части осуществления ими полного хозяйственного ведения в отношении имущества предприятий. В обстановке безответственности почти повсеместной стала практика, когда после акта акционирования на предприятиях практически ничего не делается для адаптации их внутренней организации и управления к новым требованиям»*. Таким образом, сами экономические условия и правила рыночных преобразований как бы противоречат требованиям экономической безопасности, подталкивая к реализации личных и корпоративных интересов именно тех, кто должен стоять на страже государственных и коллективных экономических интересов.

* Мильнер Б. Указ, соч. С. 57.

Стала фактом инвестиционная катастрофа. «В структуре ВВП произошел резкий сброс капитальных вложений: в 1994 г. они составили всего 34% к среднегодовому уровню 1986–1990 гг. При этом сброс производственных капитальных вложений еще больше – их уровень упал до 25%... Не возвращаются в страну валютные доходы от экспорта (сумма беглых капиталов, по данным МВД, в середине 1994 г. оценивалась в \$ 100 млрд.)»*. Этот пример также подчеркивает, что корпоративные и частные интересы социально активных и экономически преуспевающих общественных субъектов не ориентированы на реализацию национально-государственной стратегии экономической безопасности и носят эгоистичный характер самозащиты особого рода. Однако бессмысленно винить в этом носителей этих интересов.

* Блинов Н.М., Городецкий А.Е. Указ. соч. С. 21.

С социологической точки зрения правильно, а с позиции государственных интересов прагматично создать такие условия, при которых владельцы капиталов будут заинтересованы в инвестировании их в отечественную экономику, а действующие предприниматели – в открытом и честном ведении дел. Реальные возможности для этого есть. По международным меркам российские рынки необъятны, сулят высокие прибыли производителям и коммерсанта. Здесь может быть обеспечена высокая оборачиваемость капиталов, следовательно, большие прибыли.

Качество рабочей силы россиян признано во всем мире. Это тоже привлекательный фактор для инвесторов. Плюс обеспеченность практически всеми видами экономических ресурсов (кроме высококлассного менеджмента, но это приобретаемое качество). Что касается стимулирования «честного бизнеса», часть крупных предпринимателей и банкиров сама пытается пробивать ему дорогу – заключает соглашения, публикует декларации. Поэтому государственные усилия по созданию антикриминальных механизмов экономических взаимодействий нашли бы социальную опору и весомую поддержку.

«Государство также должно не допускать, чтобы деятельность хозяйствующих субъектов несла в себе угрозы экономической безопасности и была направлена во вред его гражданам. В этих целях необходимо подготовить и реализовать меры по улучшению предпринимательского климата, увеличению вклада малого и среднего бизнеса в российскую экономику, развитию конкурентоспособности, демополизации экономики, формированию фондового рынка, рынков земли и недвижимости»*.

* Лыкишин С., Свиначенко А. Развитие экономики России и ее реструктуризация как гарантия экономической безопасности // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 119.

В целом складывающаяся на практике система экономической безопасности современного российского общества представляет собой защитную, а не резервную систему. Она ориентирована преимущественно *вовне* и призвана реагировать на экономические угрозы. Это ведет по меньшей мере к двум следствиям. Первое следствие: национально-государственные (общественные) интересы реализуются дискретным (отрывочным) образом, политика экономической защиты носит в основном внешнеэкономический характер, регулирование системы безопасности подменено управленческим реагированием на локальные экономические кризисы, социальный потенциал экономической безопасности в значительной мере недооценивается.

Второе следствие: в стратегической перспективе экономико-политическая модель строительства системы безопасности сама превращается в источник повышенной опасности, порождая изоляционизм или зависимость в отношениях с мировой экономикой и острую социальную недостаточность в развитии инфраструктуры по поддержанию экономической стабильности российского общества. Кризисное состояние общественной системы толкает политиков на путь реализации конкретных радикальных мер. Но цели общественного развития в современном мире должны ориентировать систему экономической безопасности на защиту в первую очередь социального потенциала: экологичности воспроизводства жизни и хозяйства, инновационного технологического развития экономики, совершенствование инфраструктур и стимулирования информационных процессов, интеграцию подсистем хозяйственного комплекса, социокультурную стабильность, эффективную управляемость (в том числе политическими средствами) всей социально-экономической сферы.

Иными словами, строительство современной системы экономической безопасности должно

быть в значительной мере ориентировано на реализацию социальных факторов экономической стабильности, хозяйственных преобразований, развития национального производства. Этот вывод подтверждается и оценками отдельных специалистов по проблеме: «Наиболее опасным, особенно в плане предпосылок долговременного социально-экономического развития, является разрушение «человеческого» фактора или «человеческого» капитала, причем именно как макроэкономического феномена. Здесь реально «достигнуты» и даже превзойдены пороговые значения достаточно долговременных процессов, создающих угрозу национальной безопасности страны»*.

* Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. Указ. соч. С. 33.

Портреты социологов

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – русский революционер, один из основателей и теоретиков анархизма. Начало цивилизации связывал с познанием естественных законов природы, в соответствии с которыми человек осуществляет трудовую деятельность. В подчинении естественным законам – единственное ограничение свободы человека, которая, как и воля, ничему больше не подчиняется. Цель и критерий прогресса, по Бакунину, – постоянное возрастание свободы личности, поэтому прогрессивны любые действия, расчищающие путь к этой свободе. Общество Бакунин рассматривал как «социальное тело», обладающее определенной «структурой» (классы), также развивающееся в соответствии с естественными законами. Социология – наука о законах, «управляющих развитием человеческого общества», в ней Бакунин видел венец позитивной философии, в которую включена «вся наука о человечестве в мире» – антропология, психология, логика, мораль, социальная экономика, политика, эстетика, теология и метафизика. Обществу как высшей ступени развития мира Бакунин противопоставляет государство, созданное, как он считал, богатым меньшинством для господства над большинством. Любое государство обрекает это большинство на нищету и угнетение, выступает как сила для завоевания других народов; более того, всякая власть опасна, развращая как подчиненных, так и правителей. Поэтому центральной теоретической проблемой социологии (и центральной проблемой практики революционной борьбы), утверждал он, является проблема уничтожения государства как силы, подавляющей свободу личности. Возможность уничтожить основные препятствия на пути свободы – государство и религию, освящающую власть, Бакунин видел в присущей человеку способности мыслить и потребности бороться: разум преодолевает религию, а бунт разрушает государство.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Государственность и анархия» (1873), «Кнута- Германская империя и социальная революция» (1871).

Самнер Уильям Грэм (1840–1910) – американский социолог, представитель социального дарвинизма. Самнер отстаивал два основных принципа: универсальность естественного отбора и борьбы за существование; автоматический и неуклонный характер социальной эволюции. Исходя из этого Самнер рассматривал социальное неравенство как естественное и необходимое условие существования цивилизации; он являлся сторонником стихийности в социальном развитии и противником государственного регулирования, реформ и тем более революционных преобразований общественной жизни. Самнер разработал понятия, впоследствии широко применявшиеся в социальных науках: мы – группа, они – группа и «этноцентризм» (понятие, использовавшееся ранее Гумпловичем).

О с н о в н ы е т р у д ы : «Народные обычаи» (1906).

Уорд Лестер Франк (1841–1913) – американский социолог, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества (ныне Американская социологическая ассоциация). В своих социологических взглядах Уорд исходил из эволюционистских идей, полагая, что основанием социологии должна быть не биология, а психология, поэтому сосредоточивал внимание на изучении психологических механизмов социальной жизни. Отличие социальной жизни от природных процессов Уорд усматривал в телическом (от telos – цель), целеполагающем ее характере, осознанном стремлении к прогрессу. По Уорду, первичная социальная сила – это желания, выражающие природные импульсы (голод,

жажда, сексуальные потребности, стремление к продолжению рода), на базе которых формируются более сложные интеллектуальные, моральные и эстетические потребности, стремление к реализации которых и обуславливает (на уровне индивидуального целеполагания, «тезиса») целенаправленное поступательное развитие, реализуемое в творческой деятельности человека. В качестве основного носителя коллективного, социального «тезиса» Уорд рассматривал государство, которое возникает, по его мнению, наряду с такими институтами, как классы, право и т.д., из борьбы рас.

О с н о в н ы е т р у д ы : Психические факторы цивилизации» (1897), «Очерки социологии» (1901).

Мэй О'Элтон (1880–1949) – американский социолог, психолог, один из основоположников американской индустриальной социологии и теории человеческих отношений. Самый значительный вклад Мэя в развитие социологии управления и индустриальной социологии – это знаменитые Хоторнские эксперименты в «Вестерн электрик компани» близ Чикаго (1927–1932). Изучая влияние различных факторов (условия и организация труда, заработная плата, межличностные отношения и стиль руководства) на повышение производительности труда на промышленном предприятии, Мэй пришел к открытию роли человеческого и группового факторов. В основе концепций Мэя лежат следующие положения: 1) человек представляет собой «социальное животное», ориентированное и включенное в контекст группового поведения; 2) жестокая иерархия подчиненности и бюрократической организации не совместимы с природой человека и его свободой; 3) руководители промышленности должны ориентироваться в большей степени на людей, чем на продукцию, что обеспечивает социальную стабильность общества и удовлетворенность индивида своей работой. Рационализация управления с учетом социальных и психологических факторов трудовой деятельности людей – основной путь решения классовых противоречий общества.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» (1945).

Хоркхаймер Макс (1895–1973) – немецкий социолог и философ, один из основателей франкфуртской школы. Директор института социальных исследований. Написанная Хоркхаймером совместно с Т. Адорно работа «Диалектика просвещения» явилась программным выражением философско-социологических идей франкфуртской школы. В развитой им критической теории общества Хоркхаймер пытался соединить почерпнутые у Маркса мотивы критики буржуазного общества с идеями гегелевской диалектики и психоанализа Фрейда, а также этики Шопенгауэра. В центре внимания Хоркхаймера – проблемы исторической антропологии, прежде всего исследование характера человека как сложившейся системы реакций, играющей, по Хоркхаймеру, решающую роль в поддержании изживших себя общественных систем; анализ семьи как первичного проводника общественного авторитета и одновременно возможной оппозиции ему и т. п. Выступал с критикой массовой культуры. Отмечая многочисленные черты стагнации и регресса современного индустриального общества, связывал их с тенденцией к тотальному управлению и исчезновению свободной инициативы. Исходя из этого Хоркхаймер видел задачу социальной теории и практики в том, чтобы избежать тоталитаризма и содействовать сохранению определенных культурных моментов, созданных либерально-буржуазной эпохой. Хоркхаймер, считая движущим импульсом критической социологии восходящую к теологическим истокам внутреннюю «устремленность к иному», исходил из принципиальной невозможности какого-либо позитивного изображения идеала.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Помрачение разума» (1947), «Диалектика просвещения» (1948, совместно с Т. Адорно).

Парсонс Толкотт (1902–1979) – американский социолог-теоретик, один из главных представителей структурно-функционального направления в социологии. Парсонс опирался на работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, а также использовал современные системные, кибернетические и символично-семиотические представления. Парсонс доказывал необходимость построения общей аналитической логико-дедуктивной теории человеческого действия как основы решения частных эмпирических задач. Согласно Парсонсу, человеческое действие – самоорганизующая система, специфика которой в символичности (в наличии символических механизмов регуляции: язык, ценности и т.д.), в нормативности (т.е. в зависимости индивидуального действия от общепринятых норм и ценностей) и в волюнтаристичности (т.е. в

определенной иррациональности и независимости от познаваемых условий Среды, но при этом в зависимости от субъективных «определений ситуации»). На основе этого Парсонс строил абстрактную формализованную модель системы действия, включающую подсистемы (культурную, социальную, личностную и ограниченную), находящиеся в отношениях взаимобмена. Одной из главных составляющих концепции Парсонса стал так называемый инвариантный набор функциональных проблем: адаптации, целедостижения, интеграции, воспроизводства структуры и снятия напряжения, решение которых обеспечивается специализированными подсистемами. Внутри социальной системы функцию адаптации обеспечивает экономическая подсистема, функция целедостижения – политическая, функцию интеграции – правовые институты и обычаи, функцию воспроизводства структуры – система верований, мораль и органы социализации.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М., 1996.

Функциональная теория изменения // Там же.

Адорно Теодор (1903–1969) – немецкий философ, социолог, один из ведущих представителей франкфуртской школы. В работе Адорно «Диалектика просвещения» (совместно с Хоркхаймером) дается программное изложение социальной философии неомарксизма и ее своеобразной философии истории, в свете которой эволюция человечества выступает в качестве истории «неудавшейся цивилизации» – усугубляющегося «отчуждения», вызванного изначальным конфликтом разума и природы. В противоположность гегелевскому пониманию мировой истории в «Диалектике просвещения» история предстает как усугубляющееся безумие (разум, сошедший с ума по причине противостояния природе) и утрата индивидуальной свободы. Адорно и его сотрудниками было проведено социологическое и психоаналитическое исследования разных типов личности с точки зрения предрасположенности к принятию «демократического» или «авторитарного» руководства.

В ряде работ Адорно выступил с критикой феноменологии и неопозитивизма.

О с н о в н ы е р а б о т ы : «Диалектика просвещения» (совместно с М. Хоркхаймером, 1948), «Авторитарная личность» (коллективная монография, 1950).

Ростоу Уолт Уитмен (р. 1916) – американский социолог, экономист, историк. Ростоу наряду с Ароном является одним из создателей современного варианта теории индустриального общества. В историю социологии вошел как автор концепции стадий экономического роста. Ростоу различает в развитии человечества следующие стадии роста:

- 1) традиционное общество (период до конца феодализма);
- 2) переходное общество (рост производительности сельского хозяйства, рост национализма, стремящегося обеспечить экономический фундамент национальной безопасности, возникновение централизованного государства);
- 3) стадия сдвига (период промышленной революции со всеми вытекающими последствиями);
- 4) стадия зрелости (индустриальное общество: бурное развитие промышленности, возникновение новых отраслей производства, широкое внедрение достижений науки и техники, рост городского населения до 60–90% и т.д.);
- 5) эра высокого массового потребления (основные проблемы общества – проблемы потребления, а не производства; основные отрасли промышленности – сфера услуг и производство товаров массового потребления).

Согласно Ростоу, экономические изменения являются результатом «неэкономических человеческих порывов и устремлений», последствием субъективного принятия решения и выбора.

Концепция стадий экономического роста, рассматриваемая Ростоу как альтернатива марксизму, должна была вытеснить, по его мнению, исторический материализм из современной социологии. Взгляды Ростоу послужили одним из источников теорий постиндустриального общества.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Стадии экономического роста» (1960).

Белл Даниел (р. 1919) – американский социолог, специалист в области истории общественной мысли, политических течений и социального прогнозирования. Разработанная Беллом концепция

постиндустриального общества выдвинула его в число ведущих представителей социального прогнозирования на Западе; он приобрел значительное влияние в интеллектуальной жизни и общественном мнении США. Согласно этой концепции, научно-техническая революция делает излишней революцию социальную. Изображал будущее человечества с позиций умеренного технологического детерминизма. Для эволюции взглядов Белла характерно, что постиндустриальное общество, первоначально изображавшееся как технократическая утопия, постепенно превращается у него в новую стадию антагонистического общества, увековечивающего конфликты между управляющими и управляемыми. Белл – один из наиболее видных представителей американского неоконсерватизма.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Конец идеологии» (1960), «Грядущее постиндустриальное общество» (1978), «Культурные противоречия капитализма» (1976).

Заславская Татьяна Ивановна (р. 1927) – российский социолог и экономист, академик РАН, профессор. Научные интересы Заславской лежат преимущественно в сфере экономически ориентированной социологии. Исходной в концепции экономической социологии Заславской является гипотеза о том, что различные социальные группы общества не в одинаковой мере заинтересованы в научно-техническом и социально-экономическом прогрессе. Экономическая социология исследует социально-экономическое развитие предприятий региона, страны как результат экономической деятельности участвующих в ней общественных групп.

О с н о в н ы е т р у д ы : Развитие сельских поселений (в соавторстве). М., 1977. Введение в социологию экономической жизни (совместно с Р. Рывкиной). Новосибирск, 1988. Социология экономической жизни. Очерки теории (совместно с Р. Рывкиной). Новосибирск, 1991.

Тоффлер Алвин (р. 1928) – американский социолог и футуролог, публицист, общественный деятель. В своих работах Тоффлер в образной и критической форме, показал обострение социальных противоречий научно-технической революции. Однако его рассуждения не выходят за рамки схемы общественного развития как последовательного совершенствования смены «стадий роста» индустрии и принципа технологического детерминизма. Тоффлер утверждает невозможность устранения нежелательных в социальном плане последствий НТР. В пределах индустриальной цивилизации он провозглашает приближение «супериндустриального общества». Путь перехода к нему Тоффлер видит в гуманизации всех сфер жизни современного человека на основе повсеместного внедрения новейшей компьютерной техники, которое позволит перейти от стандартизованного массового обслуживания к максимально индивидуальному.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Столкновение с будущим» (1970), «Доклад об эко-спазме» (1975), «Третья волна» (1980).

Дарендорф Ральф Густав (р. 1929) – немецкий социолог, публицист, идеолог современного либерализма. В полемике с Т. Парсонсом (в частности, с идеей «равновесия» социальной системы) выдвинул в качестве центрального понятие «конфликта» как творческого начала общественной жизни (и жизни вообще), источника свободы в обществе; «упорядочение конфликта» должно осуществляться с помощью научного прогнозирования и рациональной организации государственного аппарата и политической жизни. По Дарендорфу, субъектом конфликта являются не классы в марксистском их понимании (которые постепенно «размываются» и вырастают в бюрократизированный класс служащих), а «классы», или конфликтные группы, формирующиеся на основе отношения государства и подчинения. Позднее Дарендорф пришел к выводу об утрате «конфликтом» роли гаранта политической свободы (в прошлом эта роль, по Дарендорфу, обеспечивалась борьбой за социальное равенство). Граждане теряют интерес к политике (кризис легитимации), а государство лишается признанных обществом средств воздействия на него (кризис эффективности). Объявляя прогресс (без которого не может быть и политической свободы) желательной, хотя и не гарантированной целью человеческой практики, предпосылкой его Дарендорф провозглашает общественное неравенство.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. №5.

Тощенко Жан Терентьевич (р. 1935) – российский социолог, доктор философских наук, профессор. Основные научные интересы Тощенко – социология труда, социология управления,

проблемы политической социологии.

О с н о в н ы е т р у д ы : Социальные настроения (1996); Идеологические отношения (1987).

Вопросы для самоподготовки

1. Что такое социальное управление? Каковы его объекты, субъекты и методы?
2. Каковы особенности «кризисного управления»?
3. Чем отличается социальное управление от самоуправления?
4. Попробуйте типологизировать социальные системы в зависимости от типов управления.
5. Что такое инновационное управление? Всегда ли оно связано с кризисом в управляемой системе?
6. Дайте характеристики известных Вам управленческих инноваций: в социальной организации, политике, бизнесе. Что у них общего и каковы различия?
7. Как связаны качество управления и безопасность социальной системы?
8. Определите содержание понятия «социальная безопасность».
9. Каковы внутренние и внешние угрозы развитию современного российского общества?
10. Как можно определить эффективность социального управления? Какие Вы знаете критерии и показатели?

Литература

- Анософф И.* Стратегическое управление. М., 1989.
- Аришинов В., Смирский Я.* Философия самоорганизации. Новые горизонты // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3.
- Афанасьев В.Т.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975.
- Ахиезер А.* Дезорганизация как категория общественной жизни // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6.
- Балабанов И. Т.* Риск-менеджмент. М., 1996.
- Барабашев Г.В.* Местное самоуправление. М., 1996. 352 с.
- Бизнес и менеджер* / Сост.: И.С. Дараковский, И.П. Черноиванов, Т.В. Прехул. М.: Азимут-Центр, 1992.
- Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989.
- Борисовский В.* Переквалификация руководящих кадров // *Российский экономический журнал*. 1992. № 12.
- Бородин В.А.* Инновационная фирма: корпоративная стратегия и организационная структура // *Экономика и организация промышленного производства*. 1996. № 5.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Анатомия бюрократизма. М., 1988.
- Бурак П.* Региональные программы социального развития в условиях формирования рынка // *Российский экономический журнал*. 1996. № 3.
- Варламова Е.П., Степанов С.Ю.* Управленческое консультирование: социопсихологический срез // *Социологические исследования*. 1995. № 6.
- Василенко И.А.* Административно-государственное управление как наука // *Социологические исследования*. 1994. № 4.
- Василенко И.А.* Административно-государственное управление как наука. Ч. 1 // *Социологические исследования*. 1993. № 8.
- Вахрушев В.* Принципы японского управления. М., 1993.
- Винер Н.* Индивидуальный и общественный гомеостазис // *Общественные науки и современность*. 1994. № 6.
- Виссарионов А.* Особенности государственного регулирования переходной экономики // *Проблемы теории и практики управления*. 1996. № 6.
- Вишняков Я., Гебхардт П., Кирсанов К.* Инновационный менеджмент // *Российский экономический журнал*. 1993. № 10.
- Власть и управление* // Сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 1997. Вып. 1–3.
- Войсков М.* Рычаги экономической политики (выбор для России) // *Проблемы теории и практики*

- управления. 1996. № 3.
- Волков Ю.Г., Шершунов А.Н. Теория и практика управления в сфере современной российской экономики (социологический аспект). М., 1997.
- Волков Ю.Г., Дудкин Ф.Ю., Шершунов А.И. Проблемы современного управления. М., 1996.
- Волков Ю.Г., Дудкин Ф.Ю., Сологуб В.А., Шершунов А.И. Человек на различных уровнях управления. М., 1996.
- Высший административный персонал на пути к общеевропейскому дому: стратегия, организация, методы обучения и развития. М., 1993.
- Габричидзе Б.И., Коланда В.М. Принципы профессионализма в государственной службе // Государство и право. 1995. № 12.
- Гвишиани Д.М. Организация и управление. М., 1972.
- Гимпельсон В. Политика российского менеджмента в сфере занятости // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 6.
- Гладких Н. Почему слово «менеджмент» не переводится на русский язык? // Экономика и организация промышленного производства. 1996. № 4.
- Головин А.С. Пределы допустимого в регулировании экономических процессов // Общественные науки и современность. 1996. № 1.
- Грачев М. К новой философии менеджмента // Вопросы экономики. 1990. № 12.
- Грейсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991.
- Григорьев С. Местное управление в Великобритании // Вопросы экономики. 1991. № 5.
- Гулднер А. Социология организаций // Американская социология. М., 1972.
- Гурьева Л. От кризиса власти к кризисному управлению // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 7. С. 39–42.
- Давыдов Ю.Н. Техника и бюрократия // Социологические исследования. 1988. № 5.
- Дегтярев В.Г. Рекомендуем самоменеджмент // Экономика и организация промышленного производства. 1991. № 8.
- Дизель Р.М., МакКинли Раньян У. Поведение человека в организации. М., 1993.
- Друкер П. Эффективный управляющий. М., 1994.
- Дудченко В.С. Из опыта подготовки профессиональных консультантов в России // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 112–116.
- Евенко Л.И. Организационные структуры управления промышленными корпорациями США. М., 1983.
- Жукова М. Важные требования к управленческому корпусу глобальных корпораций // Российский экономический журнал, 1996. № 11–12.
- Зинченко Г.П. Социология государственной и муниципальной службы: программа концепция // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 102–110.
- Зинченко Г.П. От администрирования к менеджменту (Опыт реформирования государственной службы в Великобритании) // Политические исследования. 1996. № 1.
- Зобов А. Российские менеджеры должны учиться в России // Российский экономический журнал. 1992. № 12.
- Иванов О. Корпоративные формы управления в промышленности // Российский экономический журнал. 1994. № 3.
- Иванов Н.П. Теория управления при переходе к рынку // Политические исследования. 1992. № 1-2.
- Ильин В.И. Российские профсоюзы и аппарат управления: тенденции взаимоотношений // Социологические исследования. 1995. № 10.
- Исследования по общей теории систем. М., 1969.
- Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 103–117.
- Канискин Н.А. Западный менеджер и советский директор // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5.
- Кирсанов К. Креативный и эвристический менеджмент // Российский экономический журнал. 1995. № 11.
- Кирсанов К., Сиверин Д. Инновационный менеджмент в формировании научно-технической политики // Российский экономический журнал. 1995. № 1.
- Киселева М. К социально-психологическому портрету менеджеров-мужчин и менеджеров-

- женщин // Российский экономический журнал. 1996. № 10.
- Клепач А., Кузнецов П., Крючкова П. Корпоративное управление в России в 1995–1996 гг. (от предприятия советского типа – к фирме, контролируемой менеджерами) // Вопросы экономики. 1996. № 12.
- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.
- Козина И. Изменения социальной организации промышленного предприятия // Социологические исследования. 1995. № 5.
- Колесников А.А. Синергетическая теория управления. М., 1994.
- Комаров С. Почему бюрократизируются менеджерские организации? // Экономические науки. 1991. № 10.
- Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий, М., 1987.
- Костин Л. Совершенствование квалификации управленческих кадров // Экономические науки. 1991. № 5.
- Кошкин В., Сычева Ю. К концепции преобразования системы управления российскими предприятиями // Российский экономический журнал. 1993. № 11.
- Кравченко А.И. Прикладная социология и менеджмент: Уч. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1995. 208с.
- Кричевский Р.Л. Если Вы – руководитель... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М., 1996.
- Кубра М. Управленческое консультирование: В 2 т. М.: Интерэксперт, 1992.
- Кузнецова О. Маркетинговый подход к управлению (попытка схематизации) // Российский экономический журнал. 1992. № 10.
- Кунц Г., Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. М., 1981.
- Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации. Идеи, методы, перспективы. М., 1983.
- Кутейников А.А. Искусство быть новатором (мировой опыт «рискового бизнеса»). М., 1990.
- Лексин В., Мильнер Б., Швецов А. Экономические отношения и управление в условиях федерализма // Вопросы экономики. 1994. № 9.
- Лесков Л.В. Регулируемое развитие России: принцип хрупкости хорошего // Общественные науки и современность. 1996. № 5.
- Лецинер Р., Разу М., Старостин Ю. Обучение менеджеров: творчески использовать зарубежный опыт // Экономические науки. 1991. № 5.
- Ливинц А.Л. Деловые игры в управлении. Л., 1989.
- Лукьянова Г.И., Цыпина Г.А. Участие рабочих в делах менеджмента // Политические исследования. 1993. № 2.
- Любимова В. Муниципалитеты: экономическая и социально-политическая роль // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 9. С. 87–96.
- Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.
- Мартынов С.Д. Профессионалы в управлении. Л., 1991.
- Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992.
- Мерсер Д. ИБМ: Управление в самой преуспевающей корпорации мира / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
- Мильнер Б. Качество управления – важный фактор экономической безопасности // Вопросы экономики. 1994. № 12.
- Мильнер Б. Кризис управления // Вопросы экономики. 1993. № 1.
- Морита Акио. Сделано в Японии. История фирмы «Сони». М., 1993.
- Мурзоев К., Глебанова Д. Управленческие нововведения // Российский экономический журнал. 1993. № 5.
- Наговицын А. Множественность организационных структур управления // Вопросы экономики. 1990. № 3.
- Новая технология и организационные структуры / Сокр. пер. с англ. / Под ред. И. Пиннингса и А. Бьютендама. М., 1990.
- Новые концепции общей теории управления. М., 1995.
- Общая теория управления / Под ред. Н.П. Пищулина. М., 1993.
- Одегов Ю., Русинов Ф., Петросян Д. Проблемы обучения россиян современному менеджменту //

- Российский экономический журнал. 1993. № 5.
- Одинцова А. Территориальное управление во Франции // Вопросы экономики. 1991. № 5.
- Основы менеджмента // Под ред. А. Мескона. М., 1992.
- Основы научного управления социально-экономическими процессами. М., 1989.
- Оучи У.Г. Методы организации производства: японский и американский подходы / Сокр. пер. с англ. М.: Экономика, 1984.
- Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. М., 1986.
- Пономаренко Б. Профессиональная школа в становлении менеджмента и цивилизованного рынка // Российский экономический журнал. 1995. № 1.
- Попов А.В. Теория и организация американского менеджмента. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Поронько С.И. Управление в условиях кризиса экономики // Экономика и организация промышленного производства. 1996. № 11.
- Порфирьев Б.И. Организация управления в чрезвычайных ситуациях. М., 1989.
- Пригожин А. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Общественные науки и современность. 1994. № 2.
- Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989.
- Пригожин А.И. Социология организаций. М., 1980.
- Пригожин А., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
- Радугин А.А., Радугин К.А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. Воронеж, 1995.
- Растрюгин А.А. Современные принципы управления сложными объектами. М., 1980.
- Резник С.Д. Менеджеры на пороге XXI века // Экономика и организация промышленного производства. 1996. № 3.
- Резник С.Д., Левина С.Ш. Подготовка персонала к нововведениям // Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 9.
- Рузавин Г. Самоорганизация как основа эволюции экономических систем // Вопросы экономики. 1996. № 3.
- Румянцева З. К обоснованию новой управленческой парадигмы // Российский экономический журнал. 1993. № 8.
- Саймон Г.А., Смитбург Д.У., Томпсон В.А. Менеджмент в организациях. М., 1995.
- Сантолайнен Т., Воутилайнен Э., Пореннс П., Ниссинен Й.Х. Управление по результатам. М., 1993.
- Свенцицкий А.А. Социальная психология управления. Л., 1986.
- Сейтов А. Проблемы управления в XXI веке (по материалам Римского клуба) // Общественные науки и современность. 1992. № 4.
- Системный подход к организации управления. М., 1982.
- Слепенков И. М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. М., 1990.
- Советская управленческая мысль 20-х годов. Краткий именной справочник. М., 1990.
- Современный менеджмент // Российский экономический журнал. 1995. № 9–10.
- Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие: Сборник научных трудов. М.: Институт психологии АН СССР, 1990. 206 с.
- Социология государственной службы: Терминологический словарь-справочник / Под науч. ред. проф. Г.П. Зинченко, проф. В. Игнатова. Ростов н/Д, 1996. 128 с.
- Социология организаций: структура, функции, направления // Социология труда. М., 1994. С. 215–230.
- Степанов С.Ю., Маслов С.Н., Яблокова Е.Я. Управленческая инноватика: рефлеппрактические методы. М., 1993.
- Тарасова Н.Н. От приказа к мотивации: новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2.
- Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики / Под науч. ред. Р. Марра, Г. Шмидта. М.: Изд-во МГУ, 1997. 480 с.
- Управление социальными процессами / Под ред. В.А. Понеделкова. Ростов н/Д, 1996.
- Управленческое консультирование. М., 1993.
- Файоль А., Эмерсон Г., Тэйлор Ф., Форд Г. Управление – это наука и искусство. М., 1992.
- Фионин В., Терешин А. Показатели эффективности управления // Российский экономический журнал. 1994. № 8.

- Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают / Пер. с англ. под ред. В. И. Данилова-Данильяна. М., 1987.
- Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» и послесловие к нему // Российский экономический журнал. 1993. № 5.
- Хруцкий В.Е. Новое мышление в управлении // Экономика и организация общественного производства. 1990. № 6.
- Хунагов Р.Д. Проблема рациональности в политике и управлении. Ростов н/Д, 1995.
- Чумиков А.Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социологические исследования. 1995. № 3.
- Шаборкина Л. Управление проектами как элемент инновационного менеджмента // Российский экономический журнал. 1996. № 1.
- Шеко П. Менеджмент продуктивности творчества // Российский экономический журнал. 1996. № 9.
- Шепель В. М. Управленческая психология. М., 1984.
- Шепель В.М. Управленческая этика. М., 1989.
- Шматко Н.А. Становление российского патроната и бюрократический капитал // Социологические исследования. 1995. № 6.
- Эдвардс У. Принятие решений // Человеческий фактор. М., 1991. Т. 3.
- Якокка Л. Карьера менеджера / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
- Янг С. Система управления организаций. М., 1972.

Приложение. Конференция «Управление в современном мире»

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ ДОКЛАДОВ

1. Социальный менеджмент в современном мире.
2. Антикризисный характер инновационного управления.
3. Развитие стратегического управления.
4. Технократическая философия управления.
5. Гуманизация философии и практики менеджмента.
6. «Социальные технологии» управления японцев.
7. Социальный менеджмент в производстве Запада.
8. «Экономическое чудо» как результат стратегического инновационного управления.
9. Управление персоналом: национальные традиции и эффективность.
10. Развитие механизмов управленческой мотивации.
11. Изменение социальной и кратической структуры современного производства.
12. Проблемы бюрократизации организаций.

ТЕМА 6 СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

В течение тысячелетий люди объединялись в общности для удовлетворения своих потребностей и стремлений, достижения целей и утверждения ценностей. Сегодня они уже с момента своего рождения вступают в довольно плотно заселенный мир, который не всегда оказывается комфортным и «человекоразмерным»: в нем мало индивидуальной территории, отцы и дедушки установили свои правила господства, а мамы и бабушки невротизировали его нелепыми ожиданиями и отжившими предрассудками. Волею Судьбы люди, изучающие социологию, к тому же наверняка живут в городском обществе, где слишком много посторонних «наблюдателей» («стихийных» социологов, изучающих ситуацию «по ходу жизни») и очень мало искренних, дружелюбных и бескорыстных отношений, чтобы чувствовать себя умиротворенно и счастливо.

Люди в этих условиях стали напоминать зашоренных лошадей, которым положено не отвлекаться и делать свою работу. В развитых сообществах «воспитанный» человек должен «не замечать» неприличное и неподобающее (т.е. происходящее не по установленным правилам) поведение, игнорировать символические вызовы других людей и не переступать границ интимной, личной сферы тех, кто рядом. Ему следует соблюдать сложившиеся нормы и верить на слово разным институциональным фигурам (отцам семейства и отцам народов, представителям Бога и

представителям государства), вести себя «хорошо» (т.е. предсказуемо) и, конечно, платить налоги.

Люди становятся персонально отчужденными и социально невротизированными, поскольку структура и культура современного общества заводят любые проявления их человеческой близости в границы условностей, а представления человека о себе густо затушевывают гримом чужих ожиданий и предписанных ролевых масок.

Кого это может удовлетворить? Только не человека «с характером» (и самомнением), к тому же социологически компетентного. Как превращаются разнообразные обломки прибрежной скалы в унылую гальку (образ, навеянный геологическими ассоциациями на темы стратификации и социализации), нам и предстоит разобраться при изучении социологии личности.

Представления о личности в социологии

Личность – одно из центральных понятий социологии. Оно играет важную роль в «строительстве» социального знания, помогая понять, почему человеческий мир так отличается от остального природного мира и почему он остается человеческим только на основе сохранения богатства индивидуальных различий между людьми.

На социологию личности заметно влияют философские концепции и психологические теории.

Философия больше оперирует емким понятием «человек», которое включает и его биологическую, и ментальную, и культурную природу. Социологи берут в расчет прежде всего социальные качества, которые формируются у людей в процессе общежития (как непосредственный продукт сосуществования с другими), несколько абстрагируясь от всего остального.

Психология обращает внимание на индивидуальные различия людей: их темперамент, характер, особенности поведения и оценки, изучая, чем и почему они отличаются друг от друга. Для социолога «личность» – это, напротив, то, что делает людей похожими друг на друга (т.е. они отмечают в людях социально типическое).

Таким образом, можно сказать, что, как правило, в цепочке человек – личность – индивид отражено своеобразное разделение труда философа, социолога и психолога, хотя каждый из них (изучая свое) может использовать любой из этих терминов. Иными словами, личность в социологии – это нечто особенное.

В *философии* «личность» (читай: человек) в соответствии со сложившимися традициями рассматривается как:

1) произведение (Природы, Бога или Общества), продукт условий существования, который может лишь познать себя и не должен пытаться изменить (человек адаптирующийся, приспособливающийся);

2) творец, беспредельно активный, либо медитирующий, изменяющий свои собственные условия, либо управляющий своим воображением об условиях своей жизни и о себе (человек, создающий себя сам, самопроизводящийся);

3) деятель, преобразующий сам себя посредством инструментальной, предметной активности, связывающей его развитие с внешним объективным миром (человек, производящий новые предметы, совершенствующийся посредством деятельности и передающий в предметах свой опыт).

В *психологии* «личность» (читай: индивид) – это целостность психических свойств, процессов, отношений, отличающих данного субъекта от другого. Для психолога потенции субъектов различны, поскольку как врожденные, так и приобретенные качества людей индивидуальны. Индивидуальность отражает неповторимость биологических и социальных свойств человека, делаая его уникальным актором (действующей единицей) некой группы или общности.

И философия, и психология оказывают существенное влияние на развитие социологических представлений о личности, однако их особый взгляд на сей предмет и специфическая терминология используются только на уровне специальных теорий.

Итак, социологи, как правило, оперируют понятиями «социальный субъект» и «личность» для описания социальной сути и социальных качеств человека.

В *современной социологии* личность, как и субъект (который, напомним, может быть индивидуальным – тождественным «личности» и групповым – тождественным «общности»), означает активное социальное начало, некий социально-исторический тип способности к

деятельности.

Считается, что личность как социально типическая характеристика людей пережила определенную эволюцию вместе с ходом исторического прогресса. Первобытный человек характеризовался деятельностью адаптивной, приспособительной, в то время как современный имеет значительно более богатый функциональный репертуар и в целом играет активную преобразующую роль в природе и в обществе. Можно сказать, что личность все полнее проявлялась, формировалась и заполняла человека, вырывая его из мира естества (желаний и страстей) и приводя в мир творчества, осмысления и понимания знаков «другого».

В этом смысле личность как социальное качество человека становилась все более концентрированной субстанцией его особой (общественной) природы.

Макросоциологические концепции личности

С точки зрения макросоциологии, для которой важнее целое, а не части, и интереснее групповое взаимодействие, а не межличностное, личность является продуктом общества (культуры, истории, космоса и т.п.). Этих взглядов в целом придерживались такие крупные исследователи, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс и др., ставившие во главу угла проблему социализации. Образно ее сформулировал психолог Ж. Пиаже, анализируя, как «дикие звереныши» (дети) постепенно становятся личностями.

Социализация – это освоение культуры (норм, ценностей, идей, правил поведения и стереотипов понимания) сообщества. Она не только связана с развитием личности, но и является своеобразным духовным кодированием человека, вырабатывая у него типовые (хорошо распознаваемые и прогнозируемые) социальные реакции и формы активности. Функциональное значение такого «отесывающего» формирования способностей, навыков и знаний индивида состоит в том, чтобы подготовить людей к тесному сосуществованию, обеспечить их предстоящее взаимодействие и взаимопонимание.

Известный социальный антрополог *Р. Линтон*, который много работал в микросоциологии и является одним из основателей теории ролей, ввел понятия модальной и нормативной личности. В результате сходных процессов социализации (а практически каждое общество и государство много усилий тратят на образование, воспитание и поддержание культурных стандартов жизни своих молодых и зрелых граждан) люди отнюдь не ведут себя как «инкубаторские», хотя могут попадать в сходные обстоятельства и выглядеть на первый взгляд похожими.

Нормативная личность – та, черты которой лучше всего выражают данную культуру, это как бы идеал личности данной культуры.

Модальная личность – статистически более распространенный тип отклоняющихся от идеала вариаций. И чем более нестабильным становится общество (например, в переходные, транзитивные периоды системных преобразований), тем относительно больше становится людей, социальный тип которых не совпадает с нормативной личностью. И наоборот, в стабильных обществах культурное давление на личность таково, что человек в своих взглядах, поведении и фантазиях все меньше и меньше отрывается от навязанного «идеального» стереотипа. Он хорошо знает, каким он должен быть, а послушных и понятливых сообщество обычно поощряет: они – основа социальной стабильности, поэтому стабильно и их вознаграждение за «примерное поведение».

В кризисные моменты в любом сообществе возникают аномии (нарушения нормального принятого порядка) и количество девиаций (это понятие индивидуальных социальных отклонений ввел Э. Дюркгейм, изучая самоубийства) заметно увеличивается.

Р. Мертон, который тоже изучал аномию, разработал свою систему классификации отклоняющегося поведения. Он выделил пять моделей (табл. 7) социальной адаптации личности к выработанным в обществе культурным нормам в зависимости от того, признают ли люди господствующие ценности и следуют ли они правилам достижения ценностных благ.

Если личность разделяет цели данной культуры и общества и стремится осуществить их легальными, рекомендуемыми средствами, она осуществляет *конформную* (приспособленческую) модель адаптации.

Инновационная модель адаптации характеризуется тем, что личность принимает цели сообщества, но стремится их осуществить необычными, непризнанными и, возможно,

неодобряемыми средствами. Эта модель поведения распространена в новых предэлитных стратах современного российского общества, которые характеризуются «достигательной» мобильностью, связанной с обогащением (по известному выражению «Цель оправдывает средства»).

Ритуализм, как другая отклоняющаяся форма личностной адаптации, напротив, проявляется в том, что человек не признает цели и ценности своего сообщества, но тем не менее соблюдает «правила игры» и ведет себя в соответствии со сложившимися представлениями о допустимых средствах социальных достижений. В нашем обществе обычно это «семейная карма» детей из слоя российской интеллигенции.

Эскейпизм (отстранение, уход от социальной реальности в свои экстравагантные миры) характерен для личностей, отрицающих и доминирующие цели, и предписанные обществом средства их достижения. Это как бы квазиадаптация, модель «параллельного существования», признание собственной чужеродности и невозможности противостоять сложившимся в обществе стереотипам.

И, наконец, *бунт*, мятеж является такой формой отклоняющегося поведения, которая направлена на активное противостояние и опровержение норм общественной организации, когда общепризнанные цели и средства воспринимаются личностью весьма амбивалентно (двойственно, неоднозначно, превратно).

Т а б л и ц а 7. Модели социальной адаптации личности

Модель	Отношение к целям общества	Следование нормам достижения
Конформизм	+	+
Инновация	+	—
Ритуализм	—	+
Эскейпизм	—	—
Мятеж	±	±

Таким образом, личность в макросоциологии – это социальный тип, отвечающий данной культуре и адаптирующийся в ней.

Р. Дарендорф, один из мощнейших представителей конфликтологического направления в современной социологии, используя термин Аристотеля *homo politicus* (человек, участвующий в общественной жизни, в управлении, – в отличие от животного или раба), разработал свою современную типологию личностей.

Подчеркивая, что личность есть продукт развития культуры, социальных условий, он пользуется термином *homo sociologicus*, выделяя его типические виды:

- *homo faber* – в традиционном обществе «человек трудящийся»: крестьянин, воин, политик – личность, несущая бремя (наделенная важной общественной функцией);
- *homo consumer* – современный потребитель, личность, сформированная массовым обществом;
- *homo universalis* – человек, способный заниматься разными видами деятельности, в концепции К. Маркса – меняющий всевозможные занятия;
- *homo soveticus* – человек, зависящий от государства.

Д. Рисмен, социолог из США, основываясь на специфике капитализма, разработал в 60-е гг. концепцию «одномерного человека». Под влиянием пропаганды, впитывая информационные социальные стереотипы, человек формирует упрощенные схемы черно-белого видения проблем (в России это, например, «простые люди» и «новые русские», «коммунисты» и «демократы»). Современное общество делает людей как бы одномерными, воспринимающими происходящее в плоскости примитивных альтернатив и противостояний, т.е. личностями с упрощенным социальным восприятием и грубым аппаратом интерпретации. Справедливости ради, надо сказать, что это свойственно многим обществам.

Такие исследователи, как Т. Адорно, К. Хорни и другие неомарксисты и неофрейдисты, в своих работах обосновали парадоксальный вывод: «нормальная» личность современного общества – это невротик. Давно распались системы общностей, где были общепринятые устойчивые ценности, и сейчас каждая социальная роль человека заставляет его «играть» в новой системе ценностей, предпочтений и стереотипов (выходя из дома, попадая в транспорт, на работу, забегая в клуб, в кафе, путешествуя по магазинам, все время менять амплуа и социальные «маски»). При этом его Super Ego (сверх-Я, нормативная структура личности, совесть, мораль, значимая традиция, представления о должном) становится как бы «размазанным», неопределенно-множественным,

плюралистичным.

И.С. Кон, М. Кон и многие другие исследователи уверяют, что современный человек отвергает любую роль. Он становится «актером», который способен к постоянным социальным перевоплощениям и играет множество ролей, не принимая их всерьез. Несчастен тот, кто вживается в роль; он становится невротиком, ибо не может соответствовать меняющимся требованиям, выдвигаемым разнообразным окружением множества общностей, в которые он структурно и культурно вписан.

Будучи даже очень хорошим руководителем, нельзя оставаться директором и дома, поскольку близкие любят и ценят данного конкретного человека, возможно, совсем не за качество и эффективность управления; и наоборот: являясь в семье любимым избалованным ребенком, вряд ли стоит капризничать или ожидать восторженной привязанности к себе в кругу друзей и коллег. Иными словами, современная жизнь разнообразна, люди вращаются в разных «кругах», где действуют специальные, «правила», поэтому и следует внимательно оглядываться по сторонам и успевать менять передник на декольте, смокинг на джемпер, почтительность на распорядительность.

Итак, смена общностей, как смена культурных декораций, должна заставлять личность менять ролевые маски, дабы сохранять соответствие ситуации и тем нормативным, символическим требованиям, которые предъявляются к человеку как к персоне социального театра. (Как тут не вспомнить гениального У. Шекспира: «Весь мир – театр» – и не задуматься о преимуществах искусства перед наукой в вопросах социального постижения!)

В целом же можно сделать вывод: макросоциология определяет *личность через культуру* (общество).

Микросоциологические концепции личности

В противоположность макросоциологическому взгляду «сверху вниз» микросоциология рассматривает проблематику личности непосредственно в поле межличностного взаимодействия. Поэтому и процесс «очеловечивания» (социализации), и процедуры «встраивания» личности в разнообразные общности и структуры здесь рассматриваются преимущественно через призму ролевых концепций.

Этот теоретический подход почти одновременно родился в исследованиях психолога Г. Мида («Роль, я и общество», 1934) и социолога Р. Линтона («Исследование человека», 1936), о чем с интересом размышляет И. Кон в своей книге «Социология личности». Почему эти независимые исследователи пришли к сходным выводам?

Когда люди жили в более простых обществах, им не казалось, что они исполняют какую-то роль. Репертуар их «социального театра» (обусловленный функциональной структурой общества) был ограничен, и по традиции роли (занятия) и амплуа (позиции) наследовались из поколения в поколение. Поэтому личина (ролевая маска) срасталась с личностью (социальным Я), что не приносило какого-то дискомфорта – в рамках отведенной роли человек мог оставаться «самим собой».

В современном обществе с его высокой социальной мобильностью существенно возросли возможности сменить амплуа и стало просто необходимо менять роли. Актеры по несколько раз за день вынуждены перебегать с большой сцены на малую и к тому же «подрабатывать» сразу в нескольких «театрах». Тут немудрено запутаться (и получить социальный невроз), но и соблазнов становится больше: человек сравнивает разные возможности, оценивает правила игры и различные «школы», сложившиеся в конкретных субкультурах (общностях и организациях), прикидывает свои шансы стать «примадонной» или «героем-любовником». Одновременно он чувствует, что выполняет в основном роли, навязанные ему извне – социальной структурой, системой ожиданий, институциональными нормами.

Возможно, он талантлив. Но он – в этом Театре, который сохраняется благодаря традиции и динамическому балансу межличностных отношений в завуалированной кратической (властной) структуре.

Г. Мид рассматривает, роли как систему предписаний в зависимости от статуса, поскольку социальные функции личности различаются или по горизонтали, или по иерархии (сын – отец – сосед).

Статус – это положение человека в контексте социальных отношений, связей. Он может быть временным или устойчивым, постоянным.

Р. Линтон рассматривает ролевой конфликт, связанный с маргинальным статусом личности. В микросоциологии считается, что человек не может совместить роли, а играет «то за того, то за другого» (мастер с рабочими – администратор, а с администрацией – рабочий).

Линтона не интересует, как человек осваивает роль и как к ней относится. Мида, напротив, волнует именно механизм освоения роли. Он вводит понятие ожидаемого поведения, разделяя «я»: как Я и как «меня» (хотят видеть другие),

Таким образом, он выявляет конфликт, ибо я веду себя как Я или как «меня», оба состояния наличествуют. Чем более взрослым становится человек, тем меньше в нем «я» как «меня» и больше «я» как Я и наоборот. Инфантильность (неразвитость) личности проявляется в комплементарности поведения, которое постоянно подстраивается под систему наличных ожиданий.

Современный популярный психолог Э. Эриксон хорошо описал это состояние «Я–меня». Он отмечает новую деталь: значимый, авторитетный «другой» очень важен для развития личностного ролевого поведения. Вот почему молодежные кумиры – факт не только культурной жизни, но и социальный символ, иногда оказывающий влияние на целое поколение.

Идентификацию с ролью или отстранение от нее изучали великие режиссеры, создавшие свои школы «игры»: К. Станиславский, Б. Брехт и др.

Э. Берн в знаменитом социально-психологическом бестселлере «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» подробно рассмотрел, как люди воспринимают роли, идентифицируются с ними и как они строят свою судьбу в зависимости от избранной роли. Один приспособливается, строит свою судьбу сам (я – герой, я – пророк), другой приспособливается (амебовидная личность).

Поскольку микросоциология «захвачена» изучением механизмов социализации как процессов освоения социальных функций и ролей, она постоянно впитывает информацию в этой области, в том числе из социальной антропологии и психологии.

Такие известные исследователи, как М. Мид и Ч.Х. Кули, исследовавшие малые традиционные культуры и первичные социальные группы, выделяют три стадии социализации как процесса освоения ролей:

- 1) имитация – механическое повторение наблюдаемых действий;
- 2) игра – переход из роли в роль, отстранение от сыгранной роли;
- 3) групповое членство – освоение своей роли, но глазами группы, когда работает «меня» как механизм осознания ролевого соответствия игрока как бы извне.

Иногда взрослый человек «застревает» на какой-либо стадии, не умеет отрешиться от роли или посмотреть на свою игру со стороны.

3. Фрейд рассматривал личностный конфликт как борьбу внутренних потребностей человека и возможностей осуществить их в социально приемлемой форме. Он изучал процесс реализации инстинктов, отмечая, что какова модель согласования инстинкта и воли, такова и личность.

Швейцарский психолог Ж. Пиаже сформулировал концепцию когнитивного (умственного) развития как цепь последовательных стадий социализации личности:

- 1) до 2 лет – сенсомоторная – вещь есть, пока ребенок ее видит или чувствует;
- 2) 2–7 лет – преоперациональная – ребенок научается различать вещь и символ вещи;
- 3) 7–11 лет – конкретно-операциональная – мысленное оперирование понятиями, развитие воображения;
- 4) после 12 лет – формально-операциональная – происходит формирование абстрактных понятий (добра и зла и т.п.).

В реальном микросоциологическом исследовании часто заимствуются именно психологические концепции. Социолог не удовлетворяется тем, что человек выполняет роль, он изучает, как человек приспособливается к роли, как осваивает ее. Макросоциология личности не дает ответа на подобный вопрос. Чтобы заполнить этот пробел, микросоциологи обращаются к психологическим теориям, используют тесты и социально-психологические интерпретации.

Так, дифференциально-психологические теории и психостатистика (родоначальник направления Г. Олпорт) позволяют на основе изучения множества индивидуальных параметров, находить общее и даже социально типическое: установки (жизненные принципы), архетипы

(врожденные типические черты), темпераменты (неизгладимые характеристики «реактивности»), интроэкстроверсию (замкнутость и общительность человека). Постепенно работа с тысячами параметров и объединение их в более общие «гнезда» привела к созданию наборов тестов для выявления психо- и социотипов личности.

В этом русле возникла новая система знаний – соционика и появились более строгие способы формализации в изучении установок и поведения людей.

Каузально-генетический подход в психологии помог социологам найти объяснительную модель жизненной мотивации личности. А. Маслоу сформулировал иерархически-ступенчатое представление о потребностях:

- 1) витальные (жизнеподдерживающие: в дыхании, питье, пище, тепле и т.п.);
- 2) в принятии (стремление получить признание и оценку в группе);
- 3) в понимании и любви (необходимость найти свое alter-ego, быть любимым, понимать другого, как себя);
- 4) в саморазвитии, самосовершенствовании и влиянии на других.

Изучая поведение и судьбы преуспевающих людей (А. Эйнштейна, Д. Рузвельта, Д. Карнеги и др.), исследователь сделал вывод о том, что преуспевающие достигают четвертого уровня. Когда потребности определенного уровня удовлетворены, они «отпадают» (перестают быть актуальными и направлять активность человека) и мотивируется переход на следующий уровень потребностей. Эта схема поступательного перехода к потребностям более высокого уровня правдоподобно объясняет поведение, хотя ее можно и критиковать. Однако в ней отражен приоритет социальных мотивов над природными, что подтверждается многими другими исследованиями.

Потребностно-мотивационные теории личности (основоположник К. Левин) объясняют избирательность притяжения элементов среды в зависимости от потребностей личности и ее мотиваций, средств удовлетворения потребностей через социальные установки – аттитюды. Эта теория наиболее близка к социологическому пониманию личности, поскольку рассматривает ее как заряженную частицу, вступающую в сложное избирательное взаимодействие с другими. Она отвечает на вопрос, почему люди придумывают роли и как получается, что социальные игры разных людей оказываются довольно типичны.

Новелла о формировании личности. В многообразной литературе, посвященной вопросам формирования личности человека и ее развития, можно встретить различные подходы. Однако они зачастую не дают конкретного анализа всех процессов формирования целостной личности, который в совокупности и единстве составляет соответствующий механизм формирования индивидуума. Необходимость анализа данного механизма обуславливается не просто теоретическими изысканиями, хотя и они нужны, а является практической задачей нашего времени.

Так, Г.Л. Смирнов пишет: «...Изучение проблемы личности не должно сопровождаться ослаблением внимания к развитию массового сознания, его структуры, к механизму возникновения и развития тех или иных явлений, к силе этих явлений, их социальному содержанию, ко всем факторам объективного и субъективного порядка, которые определяют развитие сознания у различных слоев и групп населения»*. Л.П. Бучева в предисловии к книге Л. Цикадова «Структуры человеческой деятельности» подчеркивает необходимость изучения механизма «обмена деятельности индивидов, как сложного общественно организованного и направляемого процесса»**. Третьи исследователи применяют понятие «механизм» к характеристике общения личности с другими индивидами, с обществом в процессе и по поводу ее деятельности, при этом они исходят из двойственной социально-индивидуальной природы человека и противоречий этой природы ***. Так, Я. Рейковски считает сущностью социального механизма формирования и развития личности самоидентичность людей.

* Смирнов Г.Л. За поворот философских исследований к социальной практике // Вопросы философии. 1983. № 9. С. 14.

** Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М., 1984. С. 14.

*** См.: Дилигенский Г.Г. В защиту человеческой индивидуальности // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 36.

В свою очередь в основе формирования самоидентичности находятся два главных механизма: индивидуализации и идентификации. Развитие Я-концепта включает когнитивное различие

между Я и не-Я (как факта отделения от других социальных и физических существ), а также идентификацию с различными объектами внешнего, или социального, мира, т.е. признание тождественности собственной сущности или сходства с ними.

«При индивидуализации, – пишет Я. Рейковски, – формируется образ социального мира, состоящий из ряда дифференцированных объектов (индивидуумов); этот процесс способствует развитию у субъекта дифференциации системы Я – Они. Идентификация же, напротив, стирает границы между объектами и способствует формированию концепции индивидуального Я как схожего или идентичного с другими. Если понятие группы формируется как категория, организующая когнитивное пространство, то социальный мир делится на групповой, т.е. те, кто похож на меня или идентичен мне, и внегрупповой, создающий дифференциацию Мы – Они»*.

* Рейковски Я. Движение от коллективизма // Психологический журнал. 1993. Т. 14. С. 28.

В таком подходе предполагается, что личность формируется на основе процессов индивидуализации и идентификации, причем не имеет значения, как понимается сама личность – как нечто самодостаточное или как часть некоего целого. Следует считаться с тем, что одни культурные традиции, например семейные, способствуют индивидуализации, другие – идентификации. Именно с этими процессами социального формирования личности связаны индивидуалистическая и коллективистическая ориентации, которые могут сосуществовать в сознании одного человека. Здесь обнаруживается одна любопытная закономерность – чем менее развита индивидуализация, тем более преобладает социальная идентификация, и наоборот.

В научной литературе подчеркивается момент, согласно которому культуры различаются между собой по типичному для своих представителей уровню индивидуализации (Э. Фромм). Однако необходимо помнить о существовании в коллективистической (традиционной) культуре наряду с коллективизмом и индивидуализма. Поэтому некоторые исследователи связывают с механизмами формирования личности и уровень свободы, понимаемой по-разному в различных культурах. По мнению польского психолога Ю. Козелецкого,

«...культура, в сфере которой функционирует человек, социальные институты, которые его воспитывают, влияют на осуществляемую им оценку свободы... для людей, воспитанных в лоне европейской культуры, «родителями» которой являются ренессанс и французская революция, свобода превратилась в первоочередную ценность... Антропоцентрическая культура повышает значение свободы выбора... Не всякая культура в одинаковой степени влияет на развитие стремления к индивидуальной свободе... В рамках японской культуры не только снижается значение индивидуальной свободы, но изменяется и само ее понимание. Ее показателем является не столько свобода выбора, сколько своеобразное отношение между индивидом и группой. Свобода – это добровольная интеграция с семьей, школой, общественными учреждениями...»*

* Козелицкий Ю. Человек Многомерный (психологическое эссе). М., 1991. С. 180-181.

Однако даже индивиды, выросшие в рамках одной культуры и живущие в одну эпоху, могут по-разному оценивать свободу. Ведь смысл свободы человека детерминирован также структурой его личности, сформированной на основе актов саморазвития и активности, предоставляемой пространством культуры. Без этого пространства свободы, в принципе, не может происходить развитие общества и индивида.

Особое внимание исследователи уделяют взаимодействию, взаимоотношению элементов, составляющих любой социальный механизм. Механизм формирования целостной личности также основывается на взаимодействии, взаимопревращении процессов развития общества и личности. Сущностной основой понимания этого взаимодействия и социального механизма формирования индивида как личности в целом является закономерность взаимозависимости отношений и общества и личности следующего вида: человек – микрокосм истории общества. Понятно, что в самом общем случае человек является микрокосмом Вселенной, частью которой выступает общество в его динамике. Данная закономерность четко выявляется в так называемом фрактальном осмыслении явлений окружающего нас мира.

Язык фракталов фиксирует такое фундаментальное свойство реальных явлений, как самоподобие: мелкомасштабные структуры повторяют форму крупномасштабных. Так, в случае фиорда или кардиограммы самоподобие состоит в бесконечно прихотливых изгибах, а в случае кровеносных сосудов, морозных узоров или функционирования маркетинга – в бесконечно разнообразных ветвлениях*. Это свойство предвосхитил Г. В. Лейбниц, который в своей

«Монадологии» писал: «...В нашей части материи существует целый мир творений, живых существ, животных, энтелехий, душ... Всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений, и пруда, полного рыб. Но каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад или такой же пруд»**. Отсюда построенная им метафизика, в которой монада является микрокосмом Вселенной в миниатюре. И хотя наука, увлеченная концепцией атомизма, не пошла за Лейбницем, ныне она вновь вынуждена обратиться к его идеям. Можно сказать, что действительности адекватен синтез монадологии и атомизма.

* См.: *Чайковский Ю.В.* Излом творения // Химия и жизнь. 1993. № 7; *Юргенс Х., Пайтген Х.Ю., Заупе Д.* Язык фракталов // В мире науки. 1990. № 10.

**Цит. по: *Чайковский Ю.В.* Указ. соч. С. 18.

Французский математик Б. Мандельброт сумел формализовать самоподобие, введя понятие «фрактал» (от лат. fractus – сломанный). Фрактал представляет собою нелинейную структуру, которая сохраняет самоподобие при неограниченном изменении масштаба (перед нами пример математической идеализации). Ключевым здесь является сохраняющееся свойство нелинейности. Существенно при этом то, что фрактал имеет дробную, в пределе иррациональную размерность, благодаря чему он – способ организовать взаимодействие пространств разной природы и размерности (нейронные сети, индивиды в их взаимодействии и пр. – тоже фракталы). Фракталы – не просто раздел математики, но и «способ по-иному взглянуть на наш старый мир»*.

* *Mandelbrot B.* The Fractal Geometry of Nature. Washington: W. Freeman and Company, 1982. P. 1.

Согласно фрактальному подходу, завоевывающему все более прочные позиции в современной науке, индивиды, как монады, взаимодействуют между собой по типу резонанса, а общество образует совокупность этих монад, подобно тому, как Вселенная содержит в себе множество монад. Следовательно, человек – микрокосм общества – несет в себе потенциальное множество Я (личностей). Эта идея имеет длительную историю, хотя четко она выражена уже в юнговском учении об архетипах коллективного бессознательного.

Первые модели бессознательного просматриваются уже в трудах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Гартмана, медиков-шеллингианцев и биологов-виталистов. Шопенгауэровская единая мировая воля у Ницше расслоилась на множество отдельных волевых устремлений, между которыми идет борьба за власть. По К. Юнгу, на поле психики разыгрывается битва между заряженными энергией комплексами, причем сознательное Я является самым сильным среди них. Впоследствии Юнг причислил комплексы как пучки ассоциаций к личностному, бессознательному, а характеристики особых «личностей» остались за архетипами коллективного бессознательного. В глубинную психологию Юнга вошли также бергсоновское понимание интеллекта и инстинкта и представления Л. Леви-Брюля о первобытном мышлении как мире «коллективных представлений» и «мистического соучастия».

Согласно Юнгу, бессознательное многослойно: первый слой – это личностное бессознательное; он покоится на втором, врожденном и более глубоком слое – коллективном бессознательном. Последнее имеет всеобщую природу, ибо включает в себя «содержания и образы поведения, которые *cum grano salis* являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же»*. И если в личностно-бессознательном содержатся в основном эмоционально окрашенные комплексы, то таковыми в коллективном бессознательном выступают архетипы или пояснительное описание платоновского «эйдоса». Вот почему, согласно Юнгу, многое о духовном мире человека (душе) могут передать мифология, религия, алхимия, астрология, а не лабораторные исследования и психотерапевтическая практика.

*Юнг К. Архетип и символ. М., 1991, С. 97–98.

Концепция архетипов коллективного бессознательного выросла на основе опыта истолкования галлюцинаций и бредовых систем душевнобольных. Еще Л. Жане указывал на феномен диссоциации личности (на две и более), при этом одна из них выступает носителем сознания (Я), а душа выражает бессознательные силы. Ключевым моментом юнгианства является наблюдение параллелей между древними религиозно-мифологическими образами и бредовыми представлениями душевнобольных, последние буквально воспроизводили некоторые мифологемы, о которых ранее не имели никаких представлений. Аналогичное наблюдение

отмечено и на спиритических сеансах, например, полуграмотная девушка-медиум сочиняет «мировую систему», весьма напоминающую умозрения гностиковвалентиниан, которые известны лишь узкому кругу специалистов.

Анализируя эти вопросы, Юнг приходит к мысли о наличии в бессознательном всех людей неких вечных праформ, которые выходят на поверхность сознания в состояниях медиумического транса, экстаза, в видениях, галлюцинациях, бреде больных и проч.* Все это имеет прямое отношение к множеству потенциальных личностей в индивидуальной монаде. У Юнга комплексы – это любые неосознаваемые аффективные состояния, заряженные психической энергией и вытесненные в бессознательное. Каждый из этих комплексов стремится к формированию маленькой собственной личности, обладающей своего рода Эго и вступающей в противоречие с волей и сознанием нашего Я. Таким образом, каждый человек, а не только шизофреник или медиум, содержит в себе множество личностей. Иное дело, что у человека с расщепленной психикой множественность проявляется весьма рельефно, ибо единая личность с доминирующим Я уступает место множеству не связанных друг с другом личностей-комплексов. Отсюда возникают аналогии с «одержимостью бесами».

* См.: *Jabg G.G. Psychology and the Occult. N.Y., 1977.*

Эти идеи Юнга выросли не только на основе психиатрии и психологических опытов, они «носились в воздухе». В творчестве многих писателей заметен интерес к «легионам бесов», населяющим темные глубины души, к двойникам, «внутреннему человеку», который резко отличается от «внешнего человека», от тела человека. Нужно отметить, что такого рода интерес был сопряжен с религиозными увлечениями. В романах, например, Г. Майринка и др., в теософии, оккультизме, восточном мистицизме оттеняется противопоставление чудесной, «безумной» реальности миру обыденного существования. Это противопоставление присуще творчеству У. Шекспира, М. Сервантеса, П. Кальдерона, всему немецкому романтизму, произведениям И.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского и даже произведениям таких далеких, иногда враждебных мистицизму писателей XX в., как М.А. Булгаков, Х. Борхес, Б. Шоу. Очевидно, что для понимания личности необходимо знать не только формулы естествознания, но и всю историю человеческой культуры. Ведь именно социокультурный контекст формирует ценности, вкусы, идеалы и установки личности.

Новелла о развитии целостной личности. Социальный механизм в ходе своего действия формирует личность путем актуализации одного Я из множества потенциальных личностей-комплексов, содержащихся в индивиде-монаде как «микрокосме истории общества». Исходя из положения, что общество есть расширенный мир личности-монады, а последняя представляет собой сжатый мир социума в его историческом измерении, что личность и общество взаимосвязаны, рассмотрим процесс образования целостно развитой личности. Индивид, будучи существом общественным, формируется как личность на основе имеющихся социальных условий, созданных технологическим и нравственным прогрессом, которые в свою очередь определяют степень разносторонности развития личности.

Личность – это ансамбль общественных отношений, который вычленен в индивиде-монаде существующим социумом. Личность находится в неразрывной связи с существующими социальными условиями, детерминирующими индивидуальное бытие и сознание человека (хотя данная детерминанта отнюдь не единственная), его степень универсализации. При рассмотрении человеческой природы следует исходить из того, что индивид является по своему генезису космобиопсихосоциокультурным образованием, что личность по своему происхождению обусловлена социумом. Именно в обществе человек осуществляется как человек, внося вклад в историю общества, изменяя систему общественных отношений.

На основании названной закономерности в социальном механизме формирования целостной личности можно выделить два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, процесс образования обществом ансамбля личностных отношений, с другой – процесс создания личностью отношений этого общества. Понимая сущность личности гуманистического типа как всестороннюю и гармоническую совокупность отношений, можно попытаться дать более развернутое определение социального механизма формирования новой личности. Он представляет собой взаимопревращение процессов обществом целостного ансамбля отношений становящегося гуманистического общества. Под личностными отношениями следует понимать экономические,

социально-политические, духовные и прочие отношения, которые личность осваивает в процессе своей жизнедеятельности во всех сферах общества и культуры; это отношения, которые образованы зрелым гуманистическим слоем социума в личности и проявляются в соответствующих им свойствах и потребностях целого развитого индивида.

Рассматривая процесс образования ансамбля отношений личности обществом и процесс создания личностью общественных отношений, следует отметить, что общество по отношению к личности выступает дифференцированно по сферам ее деятельности. В силу этого весь ансамбль отношений, осваиваемых и создаваемых личностью в сферах ее деятельности, составляет для нее отношения общества в целом. Поэтому, говоря о механизме формирования личности, в том числе и личности гуманистического типа, следует рассматривать взаимопревращения процессов образования личностных отношений обществом и создания личностью отношений этого общества.

Социальный механизм, являясь сложным образованием, требует при анализе учета субъективного фактора. Последний представляет собой целую систему явлений: освоение, осознание ансамбля отношений, образованного обществом во внутренней структуре личности. Затем, в соответствии с принятием определенного решения личностью, осуществляется обратное воздействие этой личности на общество, в силу чего происходит создание отношений этого общества. Механизм формирования новой, гуманистической личности представляет собой в определенной степени управляемое взаимопревращение процессов образования личностных отношений и создания отношений общества этой личностью, при этом учитывается освоение переработки отношений, образующихся в ее внутренней структуре формирующихся отношений гуманистического общества.

Общество может образовывать во внутренней структуре личности отношения как гуманистического характера, так и патологического, или «отчужденного» типа. Например, польский исследователь К. Поспишил в своей работе «Обусловленность патологии отношений между людьми» показывает, что в современном американском обществе ориентация индивида только на себя (по терминологии Д. Рисмена, «ориентированного-на-себя» человека) в условиях конкуренции, культа денег и успеха обрекает его на одиночество, бесчувственность, эгоизм и нарциссизм*.

* См.: *Pospisyl K. Uwarunkowania patologii stosunkow miedzyludzkich // Czlowiek i swiatopogląd. 1986. № 12.*

Усиление интереса к психотерапии, развитию личности, познанию другого человека, а также небывалый рост знания в области психологии у современного человека (даже если его обусловлено царциссистскими устремлениями) в конечном счете может поставить преграду общей «психопатизации мира» и способствовать дальнейшему развитию личности, открытию ее новых важных творческих потенций. Это должно снизить уровень патологии межличностных отношений и содействовать их гуманизации. Д. Рисмен показывает, что ныне в американском обществе возникает тип личности индивида, «ориентированного-на-другого»*. Такой тип личности отнюдь не новое явление в истории общества, он появляется тогда, когда растущее население того или иного социума достигает пика. Так, в Августовском Риме для правящих классов характерен сдвиг в сторону «ориентации-на-другого». Об этом свидетельствует, например, введение нового поэтического языка, узаконивающего значимость тончайших оттенков человеческих переживаний в поэзии Катулла и Галла. Для «ориентированного-на-другого» человека существенно то, что у него нет национальных предрассудков, которые присущи человеку, «ориентированному-на-традицию», он реагирует на сигналы весьма широкого круга индивидов в отличие от «ориентированного-на-себя» и «ориентированного-на-традицию».

* См.: *Рисмен Д. Некоторые типы характера и общества // Социологические исследования. 1993. № 5.*

Во время субъективной переработки отношений формирующегося гуманистического общества может происходить их неадекватное переосмысление. Это связано с тем, что существует противоречие между стремлением к всестороннему развитию личности и теми обстоятельствами, которые не позволяют личности достигнуть самореализации, выявить все свои способности. Следует принять во внимание и то, что конкретные виды поведения личности жестко не запрограммированы, личность при всех условиях обладает определенной свободой выбора, значит, она может поступать как в соответствии с интересами общества, так и вопреки им. В

последнем случае мы имеем дело с аномией поведения индивидов.

Истоки понятия «аномия» своими корнями уходят в глубокую древность; древние греки под аномией понимали «беззаконный», «безнормный», «неуправляемый». Это понятие встречается у Еврипида и Платона, в Ветхом и Новом Заветах, работах английского историка XVI в. У. Лэмбейрда, французского философа и социолога XIX в. Ж. Гюйса, американского социолога XX в. Р. Мертон и др. Аномия рассматривается и на социальном, и на индивидуально-психологическом уровнях. Аномичный человек представляет собой скептика, который руководствуется философией отрицания, ориентирован только на настоящее, не признает прошлого и будущего. Исследователи считают, что «определенная степень аномии необходима для максимальной свободы в обществе: в случае чрезмерного затвердевания норм индивидуальная свобода ограничена»*.

* *Феофанов К.А.* Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 91.

Действительно, отсутствие единой нормативной системы способствует свободному развитию личности, ее мышления, что в итоге приводит к преодолению аномии. Эмпирические исследования показывают, что дети, которые поощрялись к самостоятельному поведению, гораздо меньше склонны к аномии, нежели находящиеся под жестким контролем. Поэтому необходимо учитывать и программировать существенный для развития личности субъективный фактор в системе социального механизма формирования нового гуманистического типа личности.

Субъективный фактор механизма формирования личности включает в себя две стороны. С одной стороны, это субъективное осмысление и переосмысление осваиваемого личностью ансамбля отношений общества в ее внутреннем Я, с другой – воспитание, понимаемое как создание условий для выявления творческих потенций индивида, которые содержат объективные предпосылки его жизнедеятельности. В целом социальный механизм формирования личности представляет собой конкретную форму диалектики взаимоотношений социума и формируемой им личности.

Рассматривая процесс образования обществом всесторонне и гармонично развитой личности как существенной стороны социального механизма формирования человеческого субъекта, необходимо выяснить, что представляют собой общественные отношения. Основным моментом этих отношений, ансамбль которых и составляет личность, является то, что образование общественных отношений всегда связано с предметной деятельностью. Закономерная связь между ними позволяет общественным отношениям выступить, с одной стороны, естественным результатом деятельности, а с другой – внутренней формой, способом ее существования. Такое понимание сущности общественных отношений дает возможность рассматривать соотношение предметной деятельности и общественных отношений как взаимосвязь содержания и формы. Следовательно, ансамбль общественных отношений (личность) является формой ее предметной деятельности, т.е. последняя представляет собой внутреннюю организацию, способ существования, способ проявления предметной деятельности личности. Поэтому общественные отношения всесторонне развитой личности нужно понимать как форму, внутреннюю организацию творческой предметной деятельности.

Следующим моментом формирования отношений личности обществом является набор потребностей личности. Сама сущность человека проявляется не иначе, как через совокупность его материальных и духовных потребностей.

В общем прослеживается четкая логическая связь: общественные отношения целостно развитой личности – это способ существования творческой предметной деятельности. Качества личности, выражающие сущность человека в свою очередь выступают как способ существования общественных отношений, а потребности личности – как способ ее существования.

Всесторонность развития личности предполагает ее развитость во всех сферах (способах) жизнедеятельности: экономики, политики, права, нравственности, художественного творчества и др., которые находятся в определенной взаимосвязи. В специальной литературе выделяются следующие основные сферы общества, необходимые для всестороннего и гармонического развития личности: экономическая, социально-политическая, духовная и семейно-бытовая. Основой формирования всесторонне и гармонически развитой совокупности отношений личности целостного типа являются отношения основной области ее деятельности, в которой наиболее

полно раскрывается индивидуальность личности, максимально развиваются ее дарования и способности.

Сфера основной деятельности индивида в условиях формирования постиндустриального, гуманистического общества – это один из видов деятельности, основанной на том или на ином виде общественного производства. В основных сферах общества помимо определяющих их производств важно вычленить внепроизводственные области. Для постиндустриального общества характерно, например, что внепроизводственные области доминируют в процентном отношении над производством, стимулируя последнее. Экономическая сфера расчленяется на материальное производство и внепроизводственную экономическую область. В последней осуществляются обмен, распределение, потребление произведенных в материальном производстве предметов. Между материальным производством и экономической внепроизводственной сферой существует тесная взаимообусловленность.

В социально-политической сфере становящегося постиндустриального, гуманистического общества выделяется социально-политическое производство. Однако здесь следует учитывать специфику понятия «производство» в приложении к деятельности субъектов государственного аппарата, производящих отношения власти и управления социальными процессами, а также социально-политическую внепроизводственную сферу. Последняя представляет собой область социально-политической активности личности.

Таким же образом в духовной сфере необходимо рассматривать духовное производство и духовную внепроизводственную область. В духовном производстве осуществляется процесс создания духовных ценностей и отношений, а в духовной внепроизводственной сфере – распределение и освоение духовных ценностей, т.е. она определяется как культурно-просветительская или культурно-массовая.

Названные виды общественного производства и внепроизводственные области становящегося гуманистического общества непрерывно изменяются и развиваются, формирующаяся целостно развитая личность выбирает одну из сфер общественного производства или осваивает отношения внепроизводственных областей и разворачивает свою деятельность в какой-либо из них, реализуя, таким образом, объективную закономерность формирования личности нового, гуманистического типа.

Большое значение в образовании всесторонне и гармонически развитой совокупности отношений личности играют семейно-бытовая сфера и особая область обучения и воспитания (в нашей интерпретации) подрастающих поколений. При этом, будучи одной из отраслей духовного производства, она имеет относительно самостоятельное значение. Так как сфера образования и область семейно-бытовых отношений вносят большой вклад в формирование личности, то общество должно особо заботиться об их развитии. Необходимо качественно изменить эти сферы, особенно сферу быта и семьи, исходя из фундаментальной ценности и соответственно информационной технологии. Использование персональных компьютеров освободит личность от многих видов непродуктивного труда для занятий подлинно творческой деятельностью (заметим при этом, что информационное общество имеет свой позитивно-негативный континуум значений). Под влиянием новых ценностей постиндустриального или информационного общества изменяются и семейно-брачные отношения.

Целостное развитие личности предполагает не только то, что образовано в ней обществом, но и то, что создано ею в обществе. Если общество образует в личности всестороннюю и гармоническую совокупность отношений, то и личность должна создавать в свою очередь аналогичную совокупность отношений гуманистического общества.

Создаваемые личностью отношения других личностей приводят к изменению внутренней, по принципу резонанса, структуры индивидов и образуют имманентную сущность этих личностей.

Конкретное взаимопревращение отношений общества и личностей как основы социального механизма формирования целостно развитой личности можно представить следующим образом. При воздействии общества на личность происходит «привнесение» совокупности отношений общества во внутреннюю структуру личности с соответствующими субъективными преобразованиями и одновременно осуществляется обратное воздействие личности на общество. При этом в структуре сфер общества происходит освоение всесторонней и гармонической совокупности отношений личности и одновременно идет обратный процесс – образование личностью отношений. Это единый процесс создания их новых отношений, которые становятся

основой дальнейшего развития личности и общества. Фундаментом формирования новых отношений является образование качественно иной творческой предметной деятельности личности и ее проявление в общественных отношениях.

Таким образом, в процессе образования личностных отношений обществом имеет место не только воспроизводство, но и образование новых личностных отношений. Развивающаяся творческая предметная деятельность личности вступает в противоречие со своей прежней организацией, возникает необходимость снятия прежней формы творческой предметной деятельности и замены ее новой, качественно изменяющейся творческой предметной деятельностью. Эта замена осуществляется через проявление новой творческой предметной деятельности личности в соответствующих ей общественных отношениях других личностей общества. При этом происходит изменение формы творческой предметной деятельности личностей на соответствующую качественно изменившемуся ее содержанию.

Личность создает отношения гуманистического общества через образование новых отношений социума, состоящего из совокупности всех отношений его личностей. Создание новых отношений осуществляется в том случае, когда личность придает определенную форму, организацию качественно изменяющейся творческой предметной деятельности индивидов через ее проявление в соответствующем отношении личности. В названном проявлении форма творческой предметной деятельности личности переходит в соответствующую ей изменившуюся творческую предметную деятельность, придавая последней новую организацию.

Специфика отношений личности нового типа заключается в том, что они возникают во взаимопревращении гуманистического общества и личности. Именно во взаимодействии, взаимопревращении общества и личности разрешается диалектическое противоречие между процессами образования отношений общества личностью. Личность формируется не только в процессе образования ее отношений с обществом и создания ею отношений этого общества, но и тогда, и это главное, когда происходит взаимопревращение процессов между обществом и личностью. В них-то и проявляется функционирование социального механизма формирования личности нового типа. Последняя в определенной мере детерминирована тем, что мир человечества как ансамбль культур и цивилизаций является и должен оставаться полиморфным. В общем плане контакт между культурами представляет собой контакт между представителями различных культур, причем под культурами можно понимать «различающиеся между собой образы жизни»*.

* Revue Roumaine des Sciences Sociales. 1982. Vol. 26, № 4, P. 363.

Для осуществления контакта между различными культурами индивиды должны иметь следующие черты: взаимное доверие, корректность и гуманность, признание и уважение иных культурных ценностей, манер и форм поведения, обычаев и традиций. В результате контакта появляется личность, которая имеет более обширную информацию и более богатые чувства, более устойчивые убеждения и гибкое мышление. Она «получает лишний «ген» универсальности и гуманизма»*. Формирующаяся мировая культура будет представлять не унисонную целостность, а сложное многообразное единство, симфоническую целостность, основную роль в которой будет играть принцип ценности, уникальности творческой личности.

* Ibid. P. 37.

При раскрытии содержания социального механизма формирования целостно развитой личности следует отметить факторы одновременного взаимодействия и взаимопроникновения процессов образования личностных отношений обществом и создания личностью отношений общества; формирование новых отношений индивида и общества; и, наконец, то, что отношения формирующейся целостной личности представляют собой отношения взаимопроникновения и взаимообогащения общества и личности.

Новелла о духовных основах личности. Взаимосвязь и взаимообусловленность совокупности отношений общества и личности создают основу взаимоперехода свойств и потребностей общества и личности. Свойства, как известно, представляют форму проявления отношений, а потребности в свою очередь – форму проявления или способ существования свойств личности и общества. При воздействии личности на общество происходит переход личностных отношений в отношения общества. Созданные личностью отношения общества проявляются в

соответствующих свойствах и потребностях становящегося гуманистического общества. При воздействии общества на личность отношения общества переходят в личностные отношения, которые проявляются в определенных свойствах и потребностях индивида нового типа.

Уяснив механизм взаимопревращения процессов отношений личности обществом и создания личностью отношений общества в целом, кратко опишем его конкретное проявление в сферах деятельности личности. Личность в процессе своей жизнедеятельности формирует свои отношения не во всех сферах общества, а лишь в тех, где осуществляется максимальное раскрытие ее дарований и способностей. Такими сферами прежде всего являются материальное, социально-политическое или духовное производство. Однако для того чтобы личность стала всесторонне и гармонично развитой, необходимо участие ее во всех непродуцированных сферах. Разумеется, отношения этих сфер должны представлять собой форму творческой предметной деятельности.

Социальный механизм формирования целостной личности имеет свои особенности в сфере духовного производства, неразрывно связанной с непродуцированной духовной областью. Духовные потребности личности являются способом существования духовного богатства, которое означает широкую образованность человека, знание им достижений науки и культуры. Следует учитывать тот существенный момент, что ядром духовного богатства является мировоззрение. В него входит: понимание мироздания, социума и человеческого мышления; осознание индивидом своего места в обществе и смысла собственной жизни; ориентация на определенный идеал; интерпретация моральных норм и ценностей, утвердившихся и утверждающихся в обществе. В гуманистическом обществе, совершенствующемся на путях развития демократии, господствует мировоззренческий плюрализм, т.е. широкий спектр мировоззрений, что позволяет личности выбрать и освоить подходящее ему мировоззрение.

Благодаря мощному воздействию средств массовой коммуникации ныне все большую роль в формировании целостной личности приобретает искусство. Оно помогает человеку преодолеть исконное одиночество (по Шопенгауэру), так как является глубинным аналогом мира. Акт творения выступает синонимом художественного творчества, поэтому искусство по своей внутренней природе позволяет постичь мир, заглянуть под «покрывало Майи». В мгновении экстаза, сверхчувственной интуиции человек проникает в сердцевину явлений. Искусство как оформитель и конденсатор красоты фиксирует в себе тысячелетний социальный опыт и знания о мире. Немаловажно и то, что земное искусство является глубинным аналогом космического*.

* См.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Кн. II.

Значимость искусства возрастает вследствие того, что день за днем человеком создаются новые формы. Художник предлагает новые способы видения окружающего мира; осваивая мир произведений искусства, человек начинает видеть действительность глазами художника. Р. Гюйс отмечает:

«Мы знаем только две действительности – эту вокруг нас и ту в нас самих. Первая действительность есть Вселенная, другая – психическая жизнь. Та внешняя совершается в пространстве, эта внутренняя – во времени, искусство же сплавляет их вместе. Произведение искусства, по крайней мере, не является орнаментом... оно содержит в сердце тайны Бытия»*.

* Huybe R. Throduction // Art and the Creative Consiousness. New Jersey, 1972. P. 9–12.

Искусство отнюдь не отражает, подобно зеркалу, реальный мир: оно соединяет внутренний мир личности с многообразным миром неисчерпаемой Вселенной и стремится раскрыть тайны экзистенции, связанной с поисками смысла и человеческой жизни и самой Вселенной. В этом плане искусство весьма близко религии; действительно, оба эти феномена практически идентичны по многим своим функциям и воздействию на психику индивида.

Отечественный философ Ю. Бородай также отмечает, что целью искусства отнюдь не является зеркальное отражение действительности: «Дело искусства – просветление, катарсис, через конфликт и трагедию... Искусство – феномен культуры. А суть культуры – это связь с трансцендентными ценностями. Трансцендентные ценности можно утверждать вопреки действительности, даже, если угодно, искусственно выдумывая конфликты»*. Трансцендентные ценности, воплощенные в произведениях искусства, вносят весьма заметный вклад в формирование личности и оказывают влияние на ее поведение. Иными словами, искусство

является существенной частью социального механизма формирования личности, либо вырабатывая в ней целостность и стремление к творчеству, либо вызывая желание разрушить мир и самого себя.

* *Бородай Ю.* Химеры, переработанные в реальность // Родина. 1993. № 10. С. 32.

Это рельефно проявляется в музыке, занимающей немалое место в культуре разных цивилизаций и в формировании личности. Музыка в качестве чисто акустического феномена оказывает физиологическое и психическое воздействие, о чем свидетельствует ряд научных исследований. Например, некоторые ритмы и определенные частоты могут ускорять или замедлять обмен веществ в организме, вызывать гипнотическое состояние и проч. Специалист в области бихевиоральной физиологии Дж. Даймонд установил, что в зависимости от характера музыки у слушателя изменяется сила мускулов. Некоторые виды классической и африканской музыки, которые совпадают с нашими биоритмами, улучшают самочувствие и способствуют выздоровлению.

Музыка тесно связана как с гармоническим развитием личности, так и с ее деструкцией, проявляющейся в насилии. Есть виды музыки, которые доводят людей до экстаза, когда им хочется все крушить и ломать. Фактов на этот счет более чем достаточно. В связи с этим И. Леймари пишет: «Порождает ли музыка насилие или же она является его отражением? Или если она выражает насилие, то играет ли она очистительную роль, сублимируя низменные порывы и снимая напряженность? Другими словами, способна ли она «усмирить зверя»? По словам Аттали, музыка – это «облеченные в звуки колебания и символы общества». Конечно, она основана на коллективной психике: рок, рэп, джаз, регги выражают то насилие, которое присуще культуре, их породившей. Но человек и среда составляют неразрывное целое: затаенная ненависть человека оказывает влияние на общество и наоборот. И если музыка отражает менталитет данного общества, его уклад, то она выражает и чувства музыканта»*. В Древней Греции, Китае, Египте, Индии считали, что музыка обладает определенной этической ценностью и силой, которая может возвысить или унижить душу человека. Система государственного управления в Китае соответствовала 12 небесным тонам; во времена Конфуция определенные «доброжелательные» песни и некоторые музыкальные инструменты могли смягчить суровый нрав повелителя. Классическая европейская музыка тоже пронизана духовностью и нравственными качествами.

* *Леймари И.* Опасная сила // Курьер ЮНЕСКО. 1993. Апрель. С. 38.

Музыка и культурно обусловлена. Так, на Западе мажорные тональности ассоциируются с жизнеутверждающим началом, а минорные – с грустью, тогда как на Востоке с этими эмоциональными состояниями коррелируются совсем иные тональности (арабская макам или индийская рага). То же можно сказать и о музыкальных инструментах: барабаны и трубы связываются с военной музыкой, а флейты – с пасторальной. И. Леймари пишет:

«Музыкальный ритм предполагает внешнюю и внутреннюю гармонию, согласие с самим собой и со всем миром. Насилие, в своей скрытой форме, является составной частью человеческой природы и мира в целом. Но когда насилие вырывается наружу в музыке или в иной области искусства, оно становится симптомом социальной болезни, отсутствия внутреннего равновесия, душевных мук, эмоциональной несостоятельности и прерванного развития»*.

* *Леймари И.* Указ. соч. С. 39.

Когда музыка близка к совершенству, тогда она дает возможность прикоснуться к божественному, становится, по уверению буддистов, самым возвышенным из искусства, ведущим к озарению. По словам даосского мудреца Чжуан-цзы, «музыка позволяет человеку остаться простым, чистым и искренним и вернуться к своему начальному состоянию». Великий скрипач И. Менухин заметил, что «музыка создает порядок из хаоса»*. «Без музыки жизнь была бы ошибкой», – сказал Ф. Ницше.

* Там же.

Следует остановиться на еще одном моменте в развитии культуры, без которой вообще невозможно функционирование социального механизма. В настоящее время наблюдается вполне определенная реакция на засилье массовой культуры, представляющей собой задворки культуры и

культивирующей насилие, а именно: стремительно возрождается фольклорная культура. Так как современная культура носит плюралистический характер, то всякое индивидуальное творчество имеет общекультурную ценность. В связи с этим правы А.С. Каргин и Н.А. Хренов, когда пишут: «По сути дела, современное общество переключилось на качественно иной уровень своей культурной истории. На этом уровне высокий статус индивидуальности в новой культуре входит в противоречие с принципом коллективности фольклора. Вот почему в современной культуре фольклор не может занять места всеобщего художественного явления (как было это еще столетие назад), а может образовать лишь один из уровней или типов культуры» *.

* Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества. М., 1993. С. 35.

В современной ситуации фольклор способен выйти за границы собственно художественной и эстетической функции, раствориться в межличностных формах общения и регулировать поведение индивида. Тем самым обозначается отличие от массовой культуры, которая, осуществляя функцию психофизического катарсиса социальной группы и связанной с ней личности, приводит к разрушительным последствиям. Напротив, фольклор оказывается конструктивным в силу восстановления архаических способов коммуникации, которые, как известно, выступали в качестве весьма эффективного социального механизма формирования традиционного типа личности. И если учесть, что в становящемся гуманистическом обществе созидается личность, ориентированная на других, или формируется коллективный индивидуализм, то понятно, что фольклор является одним из социальных механизмов развития личности в системе духовного производства.

Не менее существенно для формирования личности то, на какой социальный идеал она ориентируется в своей общественно-политической деятельности. Уже давно выявлено, что в человеческом обществе всегда существует определенный контингент индивидов, которым доставляют наслаждение жестокость и насилие. Именно они служат опорой жестокому правителю, чьи нравы рельефно выражены в деструктивных действиях. Так, в сочинениях Тацита и Светония ярко показана звериная жестокость римского императора Нерона, который садистски расправлялся и со своими ближними, и с чужими. Характеризуя это время, Тацит писал, что «рабское долготерпение и потоки пролитой крови внутри страны угнетают душу и сковывают ее скорбью». Известие о его смерти народ встретил ликованием, однако нашлись и такие, которые еще долго украшали его гробницу цветами. Деяния безумствующего императора Нерона великолепно описаны в книге Э. Радзинского «Властители дум». Ориентация римского плебса на социальный идеал, выражающийся в словах «Хлеба и зрелищ!», по мнению Радзинского, и привела Древний Рим к гибели.

В XX в. возник феномен масс (людей, не имеющих нигде каких-либо корней), заключающийся в том, что у множества индивидов исчезают высшие человеческие ценности, их заменяют примитивные эмоции и ориентация на «безопасность и сытость». Этим, например, и воспользовался Гитлер, задумавший создать породу новой элиты, господствующей над массой рабов. В беседах с Г. Раушнингем он выразился об этом так: «Творение еще не завершено – по крайней мере в том, что касается живого существа по имени «человек». С биологической точки зрения человек стоит на распутье. Уже начинает обрисовываться новая человеческая разновидность. Покамест в качестве естественной научной мутации. Тем самым прежняя разновидность людей приходит к биологической стадии в жалких, вымороченных формах. Но вся творческая сила уже концентрируется у новых людей. Обе разновидности быстро развиваются в противоположных направлениях. Первая опускается ниже нынешнего среднего человеческого уровня, вторая – поднимается все выше и выше над этим уровнем. Первую разновидность я назвал бы скотомассой, вторую – Богочеловеком»*. Таков глубинный смысл национал-социализма, реализация идей которого обошла человечеству в десятки миллионов жертв и стоила неслыханных разрушений.

* Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 187–188.

В последнее время признано, что личность оказывает влияние на ход событий. Особенно это относится к выдающимся политическим деятелям, опирающимся на соответствующие типы личностей в массе населения. Видный американский историк А. Шлезингер пишет: «Именно вожди способны повернуть ход исторических событий к лучшему или к худшему. Они повинны в

самых тяжких преступлениях и самых безответственных авантюрах, опозоривших человечество. Но они же вдохновили человечество идеями свободы личности, социальной справедливости, религиозной и расовой терпимости»*. Становление гуманистического общества тесно связано с реализацией идеалов равенства, свободы и достоинства, что предвидел когда-то А. Токвиль.

* Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 609.

И наконец, экономические отношения выступают в качестве фундамента, на котором формируется личность. Техничко-производственные и производственно-экономические отношения в условиях научно-технического прогресса, компьютеризации и информатизации общества предполагают изменение роли и места личности в технологическом процессе и производстве в целом. Для целостного развития личности необходимо изменить процесс производства так, чтобы индивид вышел из него. Чтобы работник стал рядом с технологическим процессом, следует прежде всего изменить его труд, а именно, увеличить долю творчества в жизнедеятельности и личности, и общества.

Материальное производство постиндустриального общества будет представлять собой предметно-творческое производство, в котором возникнут новые технико-производственные отношения личности в форме творческой предметной деятельности индивида. Все нетворческие виды деятельности будут переданы замкнутым технологическим циклам, личность же окажется занятой творческой деятельностью. В отличие от индустриального общества с его унифицированным, стандартизованным и конвейеризованным трудом индивид, используя персональные компьютеры, будет заниматься трудом в домашних условиях.

Становление постиндустриального общества наиболее быстро происходит в развитых странах Запада, особенно в США и Японии. Но вопреки расхожему стереотипу, что США – это классическая страна свободного рынка, здесь широко распространено государственное регулирование экономики. Современный исследователь М. Лернер пишет следующее: «В Америке возникает новая амальгама старых элементов, настолько спаянных между собой, что они едва ли различимы в конечном продукте. В экономике по-прежнему существуют ясно различимые частные секторы и ясно различимые государственные секторы. Однако развитие идет в сторону от обоих, в направлении новой амальгамы...»*

* Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т. 1. С. 419.

Изложенное выше сконцентрировано в табл. 8–11.

Таблица 8. Определение стилей, ценностей и результирующие образы своего Я

Стиль (характерные способы манифестации когнитивных или аффективных феноменов)	Ценности (ориентация на действия, которые могут быть упорядочены и самодостаточны)	Результирующая характеристика своего Я (персонификация собственных действий, внутренних процессов и отношений с миром)
<i>Эмпирический:</i> образы реальности оцениваются с точки зрения надежности и валидности наблюдений; связан с когнитивными процессами восприятия	<i>Социальные:</i> социальный контакт, взаимопомощь, похвалы, поддержка со стороны других людей, «добрые дела» — наиболее желаемая цель; выше всего милосердие	<i>Феноменально-интерактивная:</i> персонификация своих действий и мотивов по отношению к социальному окружению и социальному идеалу: Я ориентировано на «здесь и теперь» и другого
<i>Рациональный:</i> образы реальности оцениваются с точки зрения их логической непротиворечивости; связан с когнитивными процессами концептуализации	<i>Внутренние:</i> достижение высоких результатов в выполнении конкретных задач и достижения целей, особенно связанных с психологическими и (или) физическими усилиями; мастерство как конечная цель	<i>Конституально-достижимая:</i> персонификация своего Я относительно понимания своих достижений, управление своим Я, подчинение его целям и овладения мастерством
<i>Метафорический:</i> образы реальности оцениваются с позиции универсальности заключенных в них прозрений; связан с когнитивными процессами символизации	<i>«Я»:</i> характеризуется акцентом на своей уникальности и неповторимости, сохранением независимости и поведением независимости и поведением в соответствии с личностными стандартами поведения; самоактуализация как конечная цель	<i>Трансцендентально-восходящая:</i> персонификация физической и общественной сфер в терминах своих специфических потребностей, интересов, действий и характерных способов реагирования. Переживание своего Я как идиосин-критической манифестации искусства жизни

Таблица 9. Основные образы своего Я, порождаемые различными связями стиль — ценность

Социальные ценности	Внутренние ценности	Ценности Я
Я воспринимается как неотъемлемая часть общества и культуры. Индивидуальность возникает из опыта Я в обществе	Я оценивается по непосредственным результатам или своим достижениям в социальном контексте. Для индивидуальности наиболее важны непосредственные достижения, нежели долгосрочные	Я ценится за непосредственно переживаемое с помощью всех наличных у него органов чувств. Индивидуальность возникает из чувственных восприятий «здесь и теперь»
Я подчиняется социальному порядку и социальной догме. Индивидуальность — своя или других — ценится только в той мере, в какой она понимается и допускается с социальной точки зрения	Я оценивается и понимается с точки зрения долгосрочных достижений индивида в воздействии на окружающий его мир. Достижения отделяют индивидов друг от друга. Индивидуальность ценится за ее материальные или теоретические достижения	Индивид понимает себя с помощью глубокого воспитанного мышления. Высшая цель жизни — следовать сократовской максиме «познай самого себя». Индивидуальность понимается ради нее самой
Я рассматривается как специфическая конкретная манифестация социального мифа. Социальные и религиозные институты обеспечивают рамки для переживания и познания своей индивидуальности	Я оценивается и понимается с точки зрения его этических и духовных достижений. Самоусмотрение есть достижение, к которому стремится индивид, а индивидуальность есть продукт (отчасти) этого стремления	Индивид есть одновременно часть мира и вне мира, и индивидуальность возникает в результате выхода за пределы материального мира с целью обретения более глубокого трансцендентного смысла

Таблица 10. Интегральный синтез индивидуальных и социальных аспектов человека

Личная область: индивидуальный человек	Социальная область: коллективный человек
Поиск и сохранение личного смысла через целостное функционирование индивидуальных стилей и ценностей	Поиск и сохранение межличностного смысла через целостное функционирование социальных институтов и норм

Таблица 11. Основные представления различных культур о природе человека

Больше всего в отдельном человеке ценятся:		
отношения с другими людьми в мире	достижения	внутреннее развитие и способность воздействовать на мир
Индивиды составляют неотъемлемую часть общества (коммунальное общество)	Индивиды стремятся к достижениям в рамках социального контекста (общество замкнутых поселений)	Индивиды отчуждены от общества, и акцент делается на актуализации «здесь и теперь» (эпикурейское общество)
Индивиды — заменимые части общества (фашистские общества)	Индивиды стремятся к достижениям и отделяются друг от друга (технологические общества)	Индивиды — созерцатели своей индивидуальной природы (Академия Древней Греции)
Индивиды должны всегда жить в согласии с социальным мифом государства (общества религиозного догматизма)	Индивиды стремятся к нравственным и духовным достижениям, и о них судят по этим достижениям (многие протестантские субкультуры)	Индивиды интегрированы в общество, но выходят за его пределы в поисках трансцендентного смысла (утопическое общество)

Портреты социологов

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – русский социолог. История, по Михайловскому, управляется стабильными законами, ведающими порядком и сменой фаз исторического движения, они определяют необходимость и направление развития, полагая пределы личности, за которые она не в состоянии переступить. Но внутри этих пределов личность «ставит цели в истории» и двигает к ним события, иначе говоря, реальное содержание законам истории дает идеал. Поэтому социология должна начать с «некоторой утопии», т.е. построения социального идеала. Михайловский стремится в науке слить «правду-истину», добытую путем беспристрастного, объективного наблюдения, с «правдой-справедливостью», соответствующей нравственным представлениям социолога. Если достижение «правды-истины» возможно на путях применения объективного метода при отборе, списании и вскрытии причин явлений, то при их оценке решающее значение имеет «правда-справедливость». В этом, по Михайловскому, суть «объективного метода» в социологии. В центре социологии стоит личность. Поэтому практической задачей социологии является «борьба за индивидуальность». Михайловский одним из первых стал рассматривать личность на трех уровнях – биогенном, психогенном и социогенном, пытаясь представить их в единстве. Изучая влияние общественного организма на личность, он стремился выявить экономические принципы, благоприятствующие развитию личности. В середине 70-х гг. XIX в. Михайловский связывает проблемы «борьбы за индивидуальность» с учением о кооперации, с конца 70-х гг. делает упор на социальную (коллективную, в терминологии Михайловского) психологию, выступающую как основа социологии.

О с н о в н ы е т р у д ы : Последние сочинения. Т. 1, 2 (СПб., 1905).

Мид Джордж Герберт (1863–1931) – американский философ, социолог и социальный мыслитель. Мид рассматривал реальность как совокупность ситуаций, в которых действует субъект (широко понимаемый как «живая форма»), а мышление трактовал с точки зрения его инструментальной природы как орудие приспособления субъекта к реальности. По Миду, общество и социальный индивид (социальное Я) конституируются в совокупности процессов межиндивидуальных взаимодействий. Стадии принятия роли другого, других, «обобщенного другого» – этапы превращения физиологического организма в рефлексивное социальное Я. Таким образом, происхождение Я целиком социально, а главная его характеристика – способность становиться объектом для самого себя. Богатство и своеобразие заложенных в человеческой личности реакций, способов действий, символических содержаний зависят от разнообразия и широты систем взаимодействия, в которых она участвует. Структура заверщенного Я, по Миду, отражает единство и структуру социального процесса. Социальная концепция Мида оказала большое влияние на последующее развитие социальной психологии и легла в основу символического интеракционизма. Ряд исследователей не без оснований сближает представления Мида о социальной жизни с идеями феноменологической социологии. (Некоторые идеи и построения Мида получили существенное развитие в работах Шюца.)

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Аз и Я // Там же.

Интернализованные другие и самость // Там же.

От жеста к символу // Там же.

Кули Чарльз Хортон (1864–1929) – американский социолог, социальный психолог, автор теории «зеркального Я», один из основоположников теории малых групп. Кули ввел различие первичных групп (ему принадлежит и сам термин) и вторичных общественных институтов. Первичные группы (семья, соседство, детские группы, местные общины) являются, по Кули, основными общественными ячейками и характеризуются интимными, личностными связями, непосредственным общением, устойчивостью и малочисленностью. Здесь происходят социализация, формирование личности, усваивающей в ходе взаимодействия основные общественные ценности и нормы, способы деятельности. Кули характеризовал личность как сумму психических реакций человека на мнение о нем окружающих людей (теория «зеркального Я»). Правильно отмечая некоторые существенные черты социализации и формирования самосознания личности, Кули вместе с тем неправомерно сводил их к непосредственному взаимодействию индивидов. Вторичные общественные институты (партии, классы, нации),

согласно Кули, образуют социальную структуру, где складываются безличные отношения (в эти безличные отношения сформировавшийся индивид вовлечен лишь частично как носитель определенной функции).

Социология Кули повлияла на развитие интеракционистских концепций, социально-психологических теорий, а также теорий, соединяющих элементы организма и интеракционизма (Чикагская школа социальной экологии).

О с н о в н ы е т р у д ы : «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), «Социальная организация» (1909), «Социальный процесс» (1918), «Социологическая теория и социальное исследование» (1930).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Социальная самость // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Первичные группы // Там же.

Вебер Макс (1864–1920) – немецкий социолог, философ и историк. Совместно с Г. Риккертом и В. Дильтеем Вебер разрабатывал концепцию идеальных типов – определения образов-схем, рассматриваемых как наиболее удобный способ упорядочения эмпирического материала. Концепция идеальных типов противостоит идее универсальной закономерности исторического развития и служит методологическим обоснованием плюрализма. Во всех исследованиях Вебер проводил мысль о рациональности как определяющей черте современной европейской культуры. Рациональность противостоит традиционному и харизматическому способам организации общественных отношений. Центральная проблема Вебера – связь хозяйственной жизни общества, материальных и идеологических интересов различных социальных групп и религиозного сознания. Вебер рассматривал личность как основу социологического анализа. Он считал, что такие сложные понятия, как капитализм, религия и государство, могут быть осмыслены только на основе анализа поведения индивидов. Получая достоверные знания о поведении личности в социальном контексте, исследователь может лучше понять социальное поведение различных человеческих общностей. Занимаясь изучением религии, Вебер выявил взаимосвязи между социальной организацией и религиозными ценностями. По Веберу, религиозные ценности могут быть мощной силой, влияющей на социальные изменения. Так, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер описал, как вера побуждала кальвинистов к жизни, исполненной труда и бережливости; оба эти качества способствовали развитию современного капитализма (капитализм, по Веберу, – наиболее рациональный тип хозяйствования). В политической социологии Вебер уделял внимание конфликту интересов различных группировок правящего класса; главный конфликт политической жизни современного государства, согласно Веберу, – в борьбе между политическими партиями и бюрократическим аппаратом.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905), «О категориях понимающей социологии» (1913), «История хозяйства» (1923), «Город» (1923).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Избранные произведения. М., 1990.

Работы М. Вебера по социологии религии и культуры. М., 1991. Вып. 1.

Фромм Эрих (1900–1980) – немецко-американский социолог, психолог и социальный философ, представитель франкфуртской школы. По Фромму, история – это развитие человеческой сущности в условиях враждебной ей социальной структуры. Исходя из этого Фромм разработал учение о социальных характерах как форме связи между психикой индивида и социальной структурой общества. Каждой ступени развития самоотчуждения человека под влиянием социальной структуры у Фромма соответствует определенный социальный характер – накопительский, эксплуататорский, рецептивный (пассивный), рыночный. Современное общество рассматривалось Фроммом как ступень отчуждения человеческой сущности путем «машинизации», «компьютеризации» и «роботизации» человека в ходе НТР. Это обуславливает ярко выраженный антитехнизм Фромма. Особенность взглядов Фромма – критическое отношение к капиталистическому обществу как обществу, доводящему до предела процесс самоотчуждения личности.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Душа человека. М., 1992.

Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1993.

Мертон Роберт Кинг (р. 1910) – американский социолог, президент Американской социологической ассоциации (1957). Мертон – представитель структурно-функционального анализа (ввел понятие «дисфункции», разграничение «явных» и «латентных» (скрытых) функций). Ему принадлежит идея так называемых теорий среднего уровня, которые должны связать эмпирические исследования и общую теорию социологии. Примером социологического анализа Мертона является его теория аномии (понятие, заимствованное у Э. Дюркгейма). Аномия, по Мертону, – особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и «вакуумом идеалов». Мертон считал причиной аномии противоречие между индивидуалистическими «нормами-целями» культуры (стремление к богатству, власти, успеху, выступающее в качестве установок и мотивов личности) и существующими институтами, санкционированными средствами достижения этих целей. Последние, по Мертону, лишают большинство людей возможности реализовать поставленные цели законными путями. Согласно Мертону, это противоречие лежит и в основе преступности (бунт индивидуалиста против сковывающих его законов и правил), апатии и потери жизненных целей. Мертон рассматривал это противоречие как всеобщий конфликт, типичный для индустриального общества. Мертону принадлежат эмпирические исследования средств массовой коммуникации в США, а также работы по социологии познания и социологии науки.

Он внес значительный вклад в разработку и формирование ряда основных областей академической социологии (теории и методологии структурного функционализма, изучения социальной структуры, бюрократии и т.д.).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.

Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Кон Игорь Семенович (р. 1928) – российский социолог и литератор, доктор философских наук, профессор. Сфера научных интересов – философия и методология истории, история социологии, социальная и историческая психология, теория личности, социальные и психологические проблемы юношеского возраста, социология и этнография детства, сексология.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Позитивизм в социологии» (М., 1964), «В поисках себя» (М., 1984), «Личность и социальная структура» // Американская социология. М., 1972.

Вопросы для самоподготовки

1. Чем отличается понятие личности в социологии от представлений в рамках других наук?
2. Какие философские и психологические концепции впитала современная социология личности?
3. Какие основные макросоциологические подходы к теории личности Вы знаете?
4. Сформулируйте особенности микросоциологического анализа и интерпретации проблемы личности.
5. В чем состоит суть теории ролей?
6. Какие модели адаптации выделил Р. Мертон, и чем они различаются? Что легло в основу его типологизации социальных отклонений?
7. Раскройте понятия «индивидуальной девиации» и «социальной аномии». Какие явления они описывают?
8. Чем отличаются нормативная и модальная личности?
9. Что такое «конфликт ролей» и «ролевой социальный невроз»?
10. Какую роль в процессе социализации играют «меня-концепция» и «значимый другой»?
11. Как социологи и социальные психологи описывают механизмы и стадии социализации личности?
12. Чем характеризуется «целостная» личность?

Литература

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.

Акчурина И.А. Типология и идентификация личности // Вопросы философии. 1994. № 5.

Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. Бизнес-элита России: образ мировоззрения и типы поведения //

- Социологические исследования. 1995. № 4.
- Багдасарьян Н.Г., Кансузьян Л.В., Немцов А.А. Инновации в ценностных ориентациях студентов // Социологические исследования. 1995. № 4.
- Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993.
- Белик А.А. Человек: Раб генов или хозяин своей судьбы? // РЖ «философия». 1991. № 3.
- Беляева Н., Эткинд А. Личность и политика (как научиться эффективному участию в политической жизни) // Политическое самообразование. 1989. № 3.
- Вайман С. Человеческая целостность в перипетиях диалога // Человек. 1994. № 3.
- Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социологические исследования. 1993. № 4.
- Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990.
- Владимиров Н.П. Личность в двух измерениях // Социально-политический журнал. 1994. №11–12.
- Волков Ю.Г. Личность и гуманизм (Социологический аспект). Челябинск, 1995.
- Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты. Ростов н/Д, 1994.
- Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек как космопланетарный феномен. Ростов н/Д, 1993.
- Вулгар С. Репрезентация, познание и Я: Какова надежда на интеграцию психологии и социологии? // Общественные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1992. № 2. С. 91–92.
- Гидденс Э. Современность и самоидентичность // Социальные и гуманитарные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1994. № 2. С. 14–27.
- Гофман А.Б. Мода и люди; новая теория моды и модного поведения. М., 1994.
- Гофман А. Марсель Мосс: за единство наук о человеке // Человек. 1993. № 2.
- Гуревич П. Личность как микрокосм // Общественные науки и современность. 1993. № 6.
- Гуревич П.С. Человек: венец или ошибка природы? // Наука в России. 1993. № 2.
- Гурджиев Г. «Человек есть множественность». Об эволюции человека // Человек. 1992. № 2.
- Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования. 1995. № 6.
- Дилигенский Г.Г. В защиту человеческой индивидуальности // Вопросы философии. 1990. № 3.
- Дридзе Д. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1.
- Дубов И.Г., Ослон А.А., Смирнов Л.М. Экспериментальное исследование ценностей в российском обществе (на материалах городской субкультуры). М.: фонд «Общественное мнение», 1994.
- Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5.
- Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Социологическая идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6.
- Здравосмыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986.
- Зеньковский В. Единство личности и проблема перевоплощения // Человек. 1993. № 4.
- Зимин А.И. Европоцентризм и русское национальное самосознание // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 55–62.
- Игитханян Е.Д. Самоидентификация в социально-слоевой структуре и основные направления ее изменений // Социальная идентификация личности-2. М., 1994. Кн. 1.
- Ильин В.В. Человек в тоталитарном обществе // Социально-политический журнал. 1992. №6-7.
- Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.
- Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 103–117.
- Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
- Карцева Е.Н. «Массовая культура» в США и проблемы личности. М., 1974.
- Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
- Качанов Ю.Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений // Социальная идентификация личности / Отв. ред. В.А. Ядов. М.: ИС РАН, 1993.
- Качанов Ю. Агенты поля политики: позиции и идентичность // Вопросы социологии. 1992. №2. С. 61–81.
- Клима Д. Гармония. Гармоническая личность. Гроздь истины // РЖ «философия». 1991. № 3.
- Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80–90-е годы) //

- Социологические исследования. 1995. № 1. С. 59–72.
- Климова С.Г. Возможности методики неоконченных предложений для изучения социальной идентификации // Социальная идентификация личности. М.: ИС РАН, 1993.
- Козлова Т.З. Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «кто Я» // Социологические исследования. 1995. № 5.
- Коллингвуд Р.Дж. Новый Левиафан, или человек, общество, цивилизация и варварство // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 97–114.
- Комарова Э.И. Личность как субъект и объект социального развития // Социально-политический журнал. 1992. № 4–5.
- Кравченко Е.И. Мужчина и женщина: взгляд сквозь рекламу // Социологические исследования. 1993. № 2.
- Кули Ч. Социальная самость // Американская социология: Тексты. М., 1994. С. 316–329.
- Лабезникова А.Ю. Деятельность в жизни человека и общества // Социально-политический журнал. 1994. № 7–8, № 9–10.
- Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5.
- Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
- Леонтьева В.Н. Физики и лирики сегодня // Социологические исследования. 1995. № 9.
- Люди и ситуации: изменение социальной ориентации. Кишинев, 1992.
- Малеина М. Охрана права на индивидуальный облик // Человек. 1993. № 6.
- Малеина М. Уйти достойно // Человек. 1993. № 2.
- Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. М., 1991.
- Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль. М., 1994.
- Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социология: Тексты. М., 1994. С. 224–227.
- Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида // РЖ «философия». 1991. № 3.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М.: Восточная литература РАН, 1996. 360 с.
- Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. 1995. № 4.
- Петев Т. Массовое общение и личность // Теория и практика СМИ и пропаганды в современном мире. Реф. сборник. М., 1985.
- Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив. М., 1995.
- Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 144–151.
- Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988.
- Розин В. Личность в религиозном, эзотерическом и научном мире // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
- Ромха А.Н. Объективное и субъективное в повышении социальной активности личности. Кишинев, 1991.
- Руткевич А. Характер и общество // Человек. 1993. № 1.
- Свинцов В. Логическая культура личности // Общественные науки и современность. 1993. № 4.
- Скиннер Б. Технология поведения // Американская социологическая мысль. М., 1994.
- Соболев А.С. Трудовое законодательство и мотивация поведения человека // Государство и право. 1995. № 1.
- Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии. 1993. № 3. С. 53–59.
- Сурожский А. О свободе и призвании человека // Человек. 1993. № 3.
- Сэв Л. Личность и биоэтика // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
- Тард Г. Личность и толпа. Очерки по социальной психологии. СПб., 1903.
- Тейлор Ч. Истоки личности: формирование современной идентичности // РЖ «философия». 1993. № 3–4.

- Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1–2.
- Трошкин В.В. Политическое развитие личности // РЖ «философия». 1991. № 6.
- Тсёлон Э. Искренна ли наша самопрезентация? Гоффман, концепция «управления впечатлением» и Я постмодерна // Социальные и гуманитарные науки. РЖ «Социология». Сер. 11. 1994. № 2. С. 84–87.
- Тхостов А. На какое «Я» покушается самоубийца? // Человек. 1993. № 4.
- Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1925.
- Фрейд З. Я и Оно // Избранное. М., 1990.
- Хайнс У.В. Свобода, свободные рынки и человеческие ценности // Свободная мысль. 1994. №4. С. 51–54.
- Холодная М.А. Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта. Киев, 1990.
- Хорьков М. Человек (Обзор энциклопедий) // Человек. 1995. № 5.
- Человек: мыслители прошлого и настоящего о его смерти и бессмертии // Человек. 1993. № 1.
- Человек и агрессия. «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. 1993. № 2.
- Человек и социокультурная среда. Вып. I: Специализированная информация по академической программе «Человек, наука, общество». Комплексные исследования. М., 1991. 261 с.
- Человек и социокультурная среда. Выпуск II. Специализированная информация по академической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования». К XIX Всемирному философскому конгрессу. М., 1992. 239 с.
- Чугров С. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1. С. 41–54.
- Чудинова В.П. Литературная социализация детей и подростков: негативные процессы // Социологические исследования. 1992. № 2.
- Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9.
- Этвуд Л. Новые советские мужчины и женщины: Полоролевая социализация в СССР // Общественные науки за рубежом. Социология. 1992. № 2. С. 113–118.
- Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. №1.
- Ядов В.А. Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 169–183.
- Ядов В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности-2. М., 1994. Кн. 2.
- Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Приложение. Деловая игра «Пятница. Суббота. Воскресенье»

Игра проводится в технике социодрамы с целью помочь преодолеть барьеры ролевой трансформации. Один из вариантов исходной системы ролей:

- центральная фигура (основной актер) – молодой предприниматель;
- партнеры на «пятницу» (рабочий день) – коллеги и сотрудники;
- партнеры на «субботу» (производительный досуг) – товарищи и друзья (среди которых есть и коллеги);
- партнеры на «воскресенье» (домашний досуг) – члены семьи и домочадцы.

Интрига: один актер должен в трех последовательных сценах аутентично «поменять маски» и перейти из роли в роль. Каждой специально придается элемент драматизации.

ТЕМА 7 СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Общество, социальная структура (институты и взаимодействующие группы), характер регулирования отношений между людьми определяются *культурой*.

Термин этот чрезвычайно многозначен: он описывает абсолютно все, созданное человеком, и

выделяет высочайшего уровня уникальные образцы, включает материальное и духовное, существовавшее задолго до рождения конкретного человека и непосредственно создаваемое им. Культура так многообразна, что для ее уточнения люди используют массу предикатов (специальных определений), выделяя, например, технологическую, цивилизационную, философскую, управленческую, музыкальную, физическую культуру, городскую и сельскую, этническую и молодежную, которые описывают ценностный мир людей значительно лучше самых вдумчивых социологов.

Мы пользуемся терминами: экономическая культура, политическая культура, религиозная культура, поскольку за ними стоит особый стиль мышления, поведения и оценки происходящего в обществе и в мире.

Для социологов понятие «культура» несет особый смысл: в традициях, заложенных Э. Дюркгеймом, она рассматривается как система идеалов, ценностей, норм, образцов поведения, регулирующих отношения между людьми.

Таким образом, социальная культура – это только значения, которые люди приписывают разнообразным *знакам*: предметам, действиям или явлениям. Палка-копалка или картина С. Дали, корабль или храм, икона или лозунг всегда являются произведениями (артефактами, элементами культуры), но они обретают социокультурный смысл только тогда, когда значат нечто для людей, т.е. направляют их действия, поведение, восприятие в определенное русло.

Социальная культура – это регулятивный механизм, обеспечивающий взаимодействия между людьми.

Понятие культуры в социологии

Социологи рассматривают культуру как систему духовных кодов, некую информационную программу, которая заставляет людей воспринимать происходящее в определенном свете, поступать так, а не иначе, оценивать события и действия предвзято. Ценности, символы, слова, значения, оценки и социальное поведение в рамках одной культуры тесно связаны друг с другом.

То, что в одной культуре считается нанесением бесчестия и требует сатисфакции, в другой может оказаться признаком благорасположения, и то, что сложилось как традиционная социальная норма, иностранцем может быть воспринято как чистейший нонсенс («несуразица»). Но «изнутри» все это кажется мудрым, существующим от века, рациональным, обоснованным, правильным и логичным. Все смыслы связаны между собой, подкрепляют и подтверждают друг друга, а на вопросы «почему?» (нечто делается именно так), звучащие со стороны, часто можно услышать искренний контрвопрос: «А как же иначе?!»

Однако мы живем в России, где как раз по ходу нашей жизни очень многое становится «иначе», меняются социальные институты и культурные стандарты, разрушаются массовые стереотипы и формируются новые, происходит крушение и рождение идеологий, поэтому нам легче осознать, как хрупка и как сильна по своему воздействию эта эфемерная ткань общества – культура.

Несмотря на то что социологи не занимаются специальным рассмотрением таких проблем, как «материальная культура» и «духовная культура», функционалисты в своих исследованиях выявили, что между ними существует определенный культурный лаг и их положение может с течением времени существенно меняться.

Так, информационный век уже наступил, но люди продолжают пользоваться представлениями индустриального общества: оценивают новые услуги мерками массового товарного производства, закрепляют границы информационного обмена, отстаивают прежние социальные стандарты. Технология как бы отрывается от сложившейся культуры отношений.

В то же время можно отметить и прямо противоположный процесс. К примеру, христианские заповеди были сформулированы как новый духовный принцип общежития почти 2000 лет назад, но до сих пор не возникало общество, построенное так и следующее этим принципам, хотя материальные предпосылки и духовные интенции могли быть налицо.

Т. Парсонс провел очень четкие различия между социальным и культурным. Под социальным он понимал реальную социальную жизнь – процессы, события, факты, а культурное, по его мнению, – это то, как люди воображают социальную жизнь, или представления о реальности.

Он же, анализируя культурные процессы, вывел понятие генерализованной ценности – господствующих идейных представлений. В современном обществе западного типа это свобода,

демократия, личность.

Производство и социальные отношения выполняют в обществе мужскую функцию: они дестабилизируют, разрушают стереотипы, движут общество вперед.

Культура, по мнению Т. Парсонса, выполняет женскую функцию, обеспечивая трансляцию, наследование, стабильность, консервацию общественных отношений.

Социологи также выявили, что только на определенных этапах цивилизационного развития материальное доминирует, определяя культуру и способ жизни общества в целом. В более высокоразвитых обществах доминирует культура.

Цивилизационный прогресс

Культура зарождается и развивается одновременно с человеческим сообществом, она является связующей субстанцией, полем притяжения любого социума. Если проследить этапы развития человеческой цивилизации, оказывается, что культура постепенно вытесняет чисто витальные мотивы и потребности развития сообществ и в современном обществе обретает самодостаточное значение и демиургическую роль.

Действительно, примитивные, первобытные общества, частично сохранившиеся и сейчас (например, гвинейские папуасы), постепенно эволюционировали от малочисленных племен охотников и собирателей к земледельческим общинам с зачатками власти и продуктообмена и к многотысячным скотоводческим ордам с их социальным расслоением и вожизмом.

Зарождение «цивилизации» и возникновение традиционных государств связано в основном с культурным сдвигом в социальном развитии. Сама характеристика «традиционный», по М. Веберу, – это уже оценка культуры, а именно в это время и появляется письменность, возникает институт образования, науки, появляются ремесленные и (позже) мануфактурные технологии, зарождаются и растут города, развиваются рынки, усиливается неравенство, формируются сословия и классы, устанавливаются монархические системы правления. Социальная коммуникация и культурная трансляция приобретают самостоятельный институциональный вес.

Развитие индустриальных обществ выводит промышленное производство и технологии на первый план общественных ценностей, превращая их в основной ресурс. Урбанизация и в целом возросшая мобильность смягчают социальное расслоение и сближают жизненные стандарты разных общественных групп, формируются многонациональные государства, империи, которые вновь сменяются однонациональными, и в конце XX в. иммиграция смешивает их населения опять.

Развивается рыночная экономика, возникают три социальных мира: капиталистические лидеры, социалистические общества (те и другие индустриального типа) и развивающиеся страны (аграрного типа, с преимущественно традиционными способами производства, но активно включающиеся в мировой рынок).

«Третьи страны» и сегодня испытывают особые трудности не только экономического, но и культурного плана. Социологи отмечают, что эти общества начинают терять свою идентичность, чувствуют себя отсталыми и неконкурентоспособными, потерявшими достойную перспективу.

Похожую фрустрацию пережили и общества советского типа, вступившие на путь капитализации и проведения рыночных реформ. Однако индустриально и геополитически они гораздо более состоятельны, и их идеологическая капитуляция, возможно, и не приведет к такой глубокой и разрушительной социокультурной аномии.

(И раз уж об этом зашла речь, можно сделать еще один глубокомысленный социологический вывод: в историческом споре капитализм победил, но путем социализации, поэтому культурное многообразие и толерантность современного общества, безусловно, реальный путь к выживанию, когда крайности единообразия заменяются вариациями «на все случаи».)

Современное постиндустриальное общество (информационное, технотронное) только начало развиваться. Это высокоурбанизованное общество, в котором основная часть национального дохода тратится на производство средств информации и человека, а не на средства физического существования. Дж. Нэбит, известный (своими оправдавшимися прогнозами) социальный футуролог, считает, что развитие многообразия культур самовыражения человека – творчества, религий, искусств – является «визитной карточкой» наступающего тысячелетия.

Таким образом, вывод о том, что культура в процессе развития цивилизации начинает

доминировать, не может быть отвергнут как необоснованный или легковесный.

Универсалии культуры

Изучая малые и большие, традиционные и современные общества, социологи, культурантропологи и психологи постепенно выявляли некие элементы, которые обязательно присутствуют в каждой социальной культуре.

К таким универсальным компонентам М. Мид и К. Клакхон относят следующие элементы общества:

- *язык*, как символику и смыслы действий (знаки и значения);
- *ценностную* систему как совокупность жизненных целей и средств, идеалов, мировоззрений, мифов, идеологий;
- *символы*, понятия и смыслы, которые придаются действиям;
- *типичные связи* и взаимодействия (родственные, ценностные, функциональные, ритуальные и т.п.);
- *образцы* и эталоны поведения.

С позиций фрейдизма в свою очередь удалось обнаружить, что в каждой культуре есть два неперенных элемента:

- 1) *правила брачных отношений*, отражающих сложившуюся социальную культуру воспроизводства;
- 2) *правила спортивных состязаний*, в которых закреплялась культурная, санкционированная обществом форма выплеска агрессии.

А главное, было обнаружено, что культура – самопроизводящаяся и самовоспроизводящаяся система, она сохраняет себя и развивается, проникает в подготовленные, а иногда и «случайные» души, захватывает, организует ценностный мир человека, делает его своим хранителем и творцом. Наши физические жизни, наполненные культурным смыслом, становятся значительными, а некоторых творческих людей, «вошедших в культуру» и постигших гармонии устройства мира, она делает бессмертными.

Взаимодействие культур

Поскольку социологи напрямую связывают существование культуры и общества, в анализе культурных систем есть те же стратификационные различия, что и в социуме. В этом плане выделяются культуры:

- цивилизационные (относящиеся к метаобществам, породившим в определенные периоды своего развития своеобразные культурные русла, или парадигмы, развития многих этнических и национальных культур);
- региональные (относящиеся к метасоциумам, разным обществам, объединенным природной и территориальной близостью условий проживания);
- национальные (относящиеся к полиэтническим странам на индустриальном и более позднем этапах развития);
- групповые (относящиеся к определенным социальным стратам и субстратам, т.е. общностям и подобностям в структуре общества);
- семейные (относящиеся к разным типам семьи).

Все эти культуры имеют не только классификационный оттенок, но и характер реального существования, сложного иерархического и горизонтального взаимодействия. Они приводят к взаимопроникновению, сосуществованию или к разнообразным драмам отторжения на всех уровнях: от межсемейного (Монтекки и Капулетти) до межнационального и цивилизационного (пресловутая американизация).

Как выявил Х. Ортега-и-Гассет, взаимодействия культур в принципе могут быть:

- нейтральными, когда они сосуществуют, не мешают друг другу и не смешиваются;
- альтернативными, или контркультурными, когда культуры активно теснят друг друга, поскольку каждая экспансивно стремится занять доминирующее положение и насадить в общности свои ценности и стандарты;
- конкурентными, состязательными, когда в процессе саморазвития и борьбы за прозелитов

культуры могут смещаться в область альтернативности и конфликтных отношений.

Известный исследователь М. Мид, которая была и социологом, и этнографом, и социальным психологом, и историком, занималась изучением культурного отбора при столкновении (преимущественно примитивных и современных) культур. Анализируя процессы ассимиляции (культурного поглощения), аккомодации (вынужденного приспособительного освоения языка другой культуры) и культурного отбора (избирательного добровольного освоения ценностей другой культуры), она выяснила, что восприятие новой культуры происходит только в том случае, если у обеих существовал общий прототип. Иначе никакой ассимиляции или культурного отбора не получится.

Интересный вывод, который позволяет ставить соответствующие вопросы по поводу социокультурной трансформации современного российского общества. А была ли у нас частная собственность (как социальный институт и культура общественных отношений)? А знали ли мы свободу, или только воля-волюшка гоняла коней по степи? А продуктивна ли будет демократия в стране с глубокими авторитарными традициями? Есть только два пути к ответу на эти вопросы:

- пожить подольше и посмотреть, появится ли «конгруэнтность смысловой перспективы» у азиатского и европейского Запада, новая культура сложится из заимствований или на основе самобытного социального строительства;

- поучить историю и социологию и поразмыслить поглубже. Тем более, что российское общество – общество мобилизационного типа. Для возрождения ему нужны общенациональные ценности и общественная идеология. А такие идеологемы, как «Пролетарии всех стран...» или «Самодержавие, православие и народность», уже не очень подходят (к историческим «реалиям», как теперь просторечно выражаются вожди).

Социальная культура – это ценности. Идеология – это собирающие, консолидирующие и мобилизующие на действия ценности. Они, конечно, «туманят мозги», но позволяют выбираться из состояния разброда и шатания, обретать общую реальную перспективу. Российское общество переживает «смутные» времена социального дробления и самовывживания. Разработка новой государственной идеологии станет отправным пунктом начала стабильного, осмысленного, целенаправленного и ответственного социального развития общества, когда управляющая элита сможет сказать народу (как в исторически уже отдаленные, но еще памятные времена): «Цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!»

Новелла о духовном упадке. В современных условиях реформирования российского общества после кризиса коммунистической идеологии в странах мировой системы социализма обнаружилась тенденция не только распада и упадка экономической, социально-политической и духовной сфер, но и стала проявляться нравственная деградация личности. Казалось бы, отсутствие государственной идеологии в социалистических странах приведет к полной свободе мысли и творчества, расцвету экономики и демократии, но, увы, мы отмечаем противоположную тенденцию развития постсоциалистических стран, ведущую, скорее, к хаосу, чем к гармонии общественной жизни.

Результатом духовной деградации российского общества является потеря основополагающих ориентиров – никто толком не знает, что за общество мы строим, какую цель преследуем. Огромные ресурсы бросают на развитие экономики, на создание свободного рынка как панацеи от всех бед, забывая, что главной ценностью и целью общества должно быть формирование целостной личности, создание условий для достойного существования и бытия. Если целью общества не является формирование свободного человека, то зачем вообще нужно такое антигуманное общество? На наших глазах происходит смена общества тоталитарного социалистического типа, в котором человек был частичкой, «винтиком» огромной государственной машины, на свободное, хаотически демократическое, в котором разрушаются основы самого существования человека и, главное, духовные ориентиры поведения личности. Для чего сейчас россиянин живет? Для того чтобы создать экономический рынок для богатых людей при помощи бедных и униженных индивидов, экономически подавленных и деморализованных граждан России? Да, достойная «гуманная» цель свободного рыночного общества.

После августовской (1991) демократической революции, когда была разрушена идеологическая структура советского общества во главе с руководящей и направляющей силой КПСС, обещанное демократами благоденствие России не наступило. Все попытки провести реформы в условиях объявленной демократами деидеологизации российского общества не дали ожидаемых

результатов. Для успешного хода реформ, как выражаются лидеры страны, не хватает объединяющей национальной идеи. По словам политолога А. Кива: «Недавно Президент России поставил вопрос о том, как нам сформулировать национальную идею... Национальная идея – это обручи нации. Как только они лопаются, нация либо впадает в глубокую депрессию, либо распадается, либо становится жертвой какой-то реакционной идеи и даже человеконенавистнической идеологии»*.

*Кива А. Идеи отливаются не на бумаге, а в сознании народа // Российская газета. 1996. 1 авг.

Попытка возродить старые православные, религиозные ценности не оправдалась. Многоводный вначале поток людей, устремившихся по дороге, ведущей к духовному храму, стал быстро иссякать. Кроме глубоко верующих, бывшие советские люди, сформировавшиеся в условиях советской коммунистической идеологии, осознали, что религиозные идеологические ценности не могут стать регулятивами поведения граждан современной России. Возможно, если бы удалось возродить и развить применительно к сегодняшним условиям России идеи и ценности «серебряного века» (эпохи так называемого христианского Ренессанса, неправильно понимаемого только как реформирование религиозных ценностей, без учета того, что в течение всего XIX и начала XX в. в России шла интенсивная работа по созданию русской религиозно-светской буржуазной идеологии с национальной окраской), то тогда бы современная Россия объединилась под знаменем религиозно-светских идей и идеологии в целом. Но и это, как мы видим, пока не происходит. Более того, русская ортодоксальная православная церковь явно сопротивляется попыткам реформирования, идет борьба между высшими иерархами православной церкви и рядовыми священниками.

Стремление перенести на русскую почву идеи либерально-демократической светской идеологии Запада также не дают ощутимых позитивных результатов, наоборот, американизация русской культуры приводит к насаждению в сознании русских людей, особенно молодежи, культа насилия, секса, наркомании и всех других «бичей божьих» западного образа жизни. Как известно, за увлеченность Запада технической стороной прогресса, приведшей к технократической направленности развития всей земной цивилизации, еще долго придется расплачиваться человечеству бездуховностью личности, порожденной этим технотронным «Левиафаном». Да, казалось бы, материальное благополучие западных стран должно привести к их духовному расцвету и духовно богатой, нравственно совершенной личности, но в результате все оказалось не так: материальное богатство этих стран, основанное на «благих» принципах разумного эгоизма, материальной заинтересованности, создания обществом одинаковых стартовых условий развития личности, обусловило духовную деградацию человека. В западных странах сформировался особый тип личности, о котором А.А. Зиновьев, определяя его как западоид, пишет: «...реальный западоид есть внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолodu думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизованное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному) человечеству»*.

* Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995. С. 355.

В сложившейся в России обстановке становится понятным и очевидным, что результаты горбачевской перестройки и постперестроечного реформирования оказались неутешительными. Пять лет перестройки и гласности привели к отрицанию самой социалистической идеи в процессе переоценки социалистических ценностей и исторического опыта строительства социализма в странах народной демократии. За прошедшее пятилетие демократических реформ, имевших целью возвращение России в лоно мировой, точнее говоря, западной цивилизации, положение россиян стало хуже, чем было при социализме, исключая, разумеется, «новых русских», нажившихся на приватизации, «прихватизации» государственной собственности. Народ уже устал от капитализации России и особенно от свободного рынка. Произошел развал и крах великой державы, восстановить которую в современных условиях экономического, политического кризиса и идеологического безвременья уже просто невозможно.

Отрицание государственной идеологии, о чем указано в ст. 13 Конституции Российской

Федерации, привело к идеологическому конгломерату, состоящему из различных идеологических идей, взглядов и учений. Как справедливо отмечает Д.А. Мисюров: «...идеологическое поле современной России представлено самыми разнообразными течениями «всех времен и народов», начиная от всевозможных сект и заканчивая мешаниной политических идеологий. Конкурентная борьба за умы людей определяется наличием у «миссионеров» необходимых средств и соответствием предлагаемых лозунгов, верований и идеалов российской действительности»*.

* Мисюров Д.А. Какая идеология нужна России? // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1996. № 2. С. 84.

Разумеется, такая ситуация идеологического безвременья не может долго продолжаться, ибо образовавшийся идеологический хаос должен быть упорядочен. Поэтому весьма правильным является, хотя с большим опозданием, решение Президента России Б.Н. Ельцина о необходимости создания объединяющей национальной идеологии. «Президент уже дал соответствующие указания, – отмечает А. Рябов. – Споры по поводу возможности создания такой идеологии ведутся довольно давно... Думается, что позитивная модель в данном случае вполне осуществима, но исключительно как идеология развития, модернизации... Идеология модернизации мыслится лишь в качестве интегративной, т.е. идеи-рамки, охватывающей группы, исповедывающие самые разные убеждения – либеральные, национал-патриотические, социалистические, находящие общий язык друг с другом на базе признания общих ценностей развития» *

* Рябов А. Ведущая сила российской политики // НГ-сценарии. 1996. 31 июля.

Развитие России неотделимо от развития всего человечества. Русская идея и идеал России всегда выступали в органическом единстве. В своей длительной эволюции русская идея проявлялась в различных формах: в западничестве, славянофильстве, почвенничестве, евразийстве и т.д. Русская идея – это тяжкий путь познания Россией своего прошлого, настоящего, будущего, это путь познания своего смысла и назначения в истории человечества. Давно замечено, что Россия развивается как бы по кругу, от деспотии к свободе, от демократии к тоталитарному режиму, и в этом некоторые видят ее особый путь в отличие от прогрессивного развития западных стран мира. Думается, что, взяв новый старт, Россия вырвется из замкнутого круга «вечного возвращения», укажет путь к подлинно человеческому, гуманистическому будущему всему человечеству. Мы верим, что Россия станет духовным центром гуманистической цивилизации, единством идеологий и культур Востока и Запада, в этом ее исторический смысл и назначение. Это подчеркнул в своей статье В.С. Полосин: «То, что есть только в России и чего нет по отдельности ни на Востоке, ни на Западе, – это ее особая историческая миссия быть местом соединения восточной и западной культур, созерцания и рационализма, интуиции и расчета, чувства и слова. Россия как бы некий всемирный Алтарь, на котором должно произойти чудо единения человечества и обретения всем человечеством того смысла и той цели бытия, которые лишь частично возникали на исторических путях западных и восточных народов»*.

* Полосин В.С. Не превратить орла в одноглавого. Взгляд на новую государственную идеологию // Российская газета. 1993. 2 марта.

Таким образом, после распада СССР, как и тысячу лет назад, перед Россией стала проблема выбора пути развития. По какому пути пойдет Россия? По пути, указанному идеологами современных западных стран, или по пути, определенному в манифестах коммунистических и социалистических партий мира? А может быть, для России возможны другие пути развития, включая ее исторические тенденции восточной ориентации. Все это ставит проблему выбора Россией своего пути развития в зависимости от конкретно-исторической ситуации, но главное, в зависимости от выбора руководством и народом страны правящей или государственной идеологии, которая и будет определять путь развития России в будущем *.

* См.: Волков Ю.Г., Малицкий В.С. Гуманизм и общество будущего // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 51.

При создании новой государственной, правящей идеологии необходимо учитывать как позитивные стороны капиталистического общества с его свободой личности и частным предпринимательством, так и положительные моменты социалистического общества с его

социальной защищенностью граждан и государственно-регулируемой экономикой. Следовательно, новая идеология должна соединить в себе идеологические ценности социалистической и капиталистической цивилизации. Не капитализм, не социализм, а новое, подлинно человеческое, гуманистическое общество – такова цель будущего российского государства, основанного на идеологических ценностях гуманизма.

Новелла о сущности идеологии. Идеология – это определенная система философских, научных, художественных, нравственных, правовых, политических, экономических, социологических знаний и ценностей о мире и роли человека в нем, которая организует, регулирует, интегрирует и направляет деятельность индивидов во всех сферах жизни общества. Идеология дает также представление о лучшем устройстве будущего общества. Правящая идеология – это не только идеологическое учение, а четко организованная, целостная идеологическая структура общества, своего рода «мозг и разветвленная нервная система» общества. Как известно, с разрушением нервной системы разрушается весь организм живого целого. Так и с разрушением идеологической структуры все сферы общества начинают действовать несогласованно и постепенно разрушаются. Идеологическая структура как «разум» общества определяет развитие всех сфер общества. Идеология является «духовной» (идеологической) властью в обществе наряду с политической и экономической. Идеологическая власть – это высшая форма власти в нормальном обществе *.

* См.: Волков Ю.Г. Личность и гуманизм. Челябинск, 1995. С. 174.

Обратившись к истории идеологических учений, мы увидим, что понятия «идеология» до начала XIX в. не было, но идеологическая структура существовала во всех обществах. Ее изучали, обозначая другими терминами. Так как историческим типом идеологии с древнейших времен была религиозная идеология в различных ее видах, то учение о самой религии и представляло собой идеологоведение в религиозной форме. Это учение, как правило, входило в состав теологии или мифологии в зависимости от конкретно-исторических условий существования той или иной религиозной идеологии. В целом можно отметить, что до возникновения понятия «идеология» предпонятием идеологии, выражающим сущность идеологии, были мифология и теология. Понятие религоведения появилось в Новое и Новейшее время. Практически оно возникает одновременно с понятием «идеология». Особое значение в учениях об идеологии имело понятие «философия религии», выполнявшее промежуточную роль между предпонятием идеологии (в форме мифологии и теологии) и понятием «идеология».

Возникновение понятия «идеология» обычно связывают с именем основоположника эмпирической философии английского мыслителя Ф. Бэкона и его учением об идеалах. Так, самый известный западный исследователь идеологического процесса К. Манхейм в своей работе «Идеология и утопия» писал: «Учение Бэкона о идеалах может в известной степени рассматриваться как предвосхищение современной концепции идеологии. Для Бэкон идола – «призраки», «предрассудки». Они являются источниками заблуждений... Однако утверждать, что здесь существует реальное соотношение, прямая связь с современным понятием идеологии, которую можно рассматривать в рамках истории идей, мы не считаем возможным*». Отдельные высказывания по поводу идеологии как искаженного сознания, отмечает К. Манхейм, можно найти в работах Н. Макиавелли, а также в работе Д. Юма «История Англии».

* Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 60.

Ряд исследователей истории идеологии считают, что к разработке науки об идеологии следует отнести работы французских просветителей XVIII в. Э. Кондильяка, Д. Дидро, П. Гольбаха, К. Гельвеция, Ж. Ламетри, которые много писали об общественных идеях, полагая в них основу для разумного устройства общества. Так, Кондильяк в своих сочинениях «Трактат об ощущениях», «Трактат о системах» и др. разработал учение о двух видах идей чувственных и интеллектуальных. Важнейшей задачей философии считал Кондильяк, является точное определение идей. Гольбах в своем произведении «Система природы» разделял «истинные» и «ложные» идеи: первые основаны на человеческой природе и являются источником человеческого благополучия и добродетелей, а вторые, под которыми Гольбах прежде всего понимал религиозные заблуждения, являются, по его мнению, источником бедствия человечества и несовершенства общественного устройства.

Понятие, точнее говоря, термин «идеология» начали употреблять в конце XVIII – начале XIX в. во Франции. Понятие «идеология» было введено в научный оборот А.Д. де Траси в работе «Этюд о способности мыслить». Позже в другом своем фундаментальном четырехтомном произведении «Элементы идеологии» де Траси подробно рассматривал «идеологию» как науку об идеях, о том, как они возникают и о законах человеческого мышления. Он считал, что идеология как наука об идеях представляет собой науку такого типа, что и физика, математика, зоология. Но в то же время идеология является философской наукой, анализирующей причины и законы формирования идей. По мнению де Траси, идеология должна служить теоретической основой для политической, нравственной, педагогической наук. Кроме того, идеология, по де Траси, имеет большое практическое политическое значение, она учит правильному мышлению политических деятелей. Поэтому, утверждал он, идеология должна стать теоретическим фундаментом политической и экономической жизни, а также быть руководством в политической деятельности лидеров государства.

Основной заслугой де Траси в разработке идеологического процесса является то, что он предпринял, пожалуй, пока единственную попытку создать единое, целостное идеологическое учение Запада. Так, еще 20 июня 1796 г. в Париже в Национальном институте наук и искусств де Траси выступил с докладом «Проект идеологии», в котором он предложил обобщить и систематизировать учения Бэкона, Локка, Кондильяка, Гельвеция и других в виде особой «теории теорий», или науки об идеях – идеологии. Важнейшее место в его трактате занимали мысли об использовании идеологии для улучшения общественного устройства нации.

Де Траси был лидером группы философов, именовавшихся «первыми идеологами». Его группа принимала активное участие в политической жизни Франции. Сам де Траси был сенатором при Наполеоне, пэром Франции в эпоху Реставрации. Во времена наполеоновской империи группа «идеологов» играла важную роль в определении политики Франции. Идеологи во главе с де Траси представляли довольно робкую оппозицию режиму Наполеона. В результате оппозиционной деятельности указанной группы возник конфликт между Наполеоном и «идеологами». Наполеон возложил на «идеологов» вину и ответственность за все просчеты и провалы своей внутренней и внешней политики, включая поражение в русском походе. Бонапарт 20 декабря 1812г. выступил в Государственном совете с речью против «идеологов». Он утверждал, что «учение идеологов – это туманная метафизика, которая каверзно отыскивает первоначальные причины и на основе которой хотят строить законодательство народов... Все ошибки и несчастья нашей прекрасной Франции следует приписать именно идеологии, этой туманной метафизике, которой придавали слишком много значения вместо того, чтобы обрести законы сообразно знанию человеческого сердца и урокам истории»*.

* Цит. no: *Barth H. Wahrheit und Ideologie. Erlenbach, Zurich, 1974. S. 27.*

Критикуя «идеологов» как пустых доктринеров, оторванных от реальной жизни, Бонапарт видел в их деятельности опасность для созданного им политического режима. Своим выступлением против группы «идеологов» Наполеон положил начало традиции западной критики идеологии. Понятию «идеология» стали придавать негативное значение, понимая под ним абстрактное доктринерство, непрактичность, фантазии, чуждые действительности, т.е. трактуя ее как ложное, оторванное от практической жизни сознание идеологов. Такое понимание идеологии было присуще философской и социальной мысли во времена деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.

В теоретическом наследии классиков марксизма по вопросу об идеологии можно выделить два подхода. Первый – это использование понятия «идеология» в традиционном смысле для обозначения искаженного, превращенного сознания. Разумеется, Маркс и Энгельс не считали, как Наполеон, что идеология, будучи ложным сознанием, бессодержательна и бессмысленна, они видели, что в такой превращенной форме отражается историческое развитие. Второй подход к идеологии у основоположников научного коммунизма обнаруживается тогда, когда они развивают свое материалистическое понимание истории и рассматривают общественное сознание как отражение общественного бытия. В знаменитом «Предисловии. К критике политической экономии» Маркс подчеркивал, что с изменениями экономического базиса общества наступает переворот во всей политической и идеологической надстройке. В данном подходе Маркс, говоря об идеологических формах познания, не имеет в виду только иллюзорное превращенное сознание,

а пишет о тех формах, в которых дается более или менее верное познание реального мира. Истолкование же термина «идеология» в отрицательном смысле у Маркса и Энгельса сохранялось на протяжении всей их теоретической деятельности.

Столкнувшись с проблемами реализации идеологического учения Маркса и Энгельса в России еще в начале своей политической и теоретической деятельности, В.И. Ленин пришел к выводу о необходимости введения понятия «научная идеология». Разумеется, под научной идеологией Ленин понимает марксизм, а буржуазная идеология соответственно, по его мнению, была лишена научного, объективного характера. Основоположник ленинизма отмечал, что марксизм, будучи идеологией рабочего класса, идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т.е. марксизм основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие жизни, требует научной работы. Ленин определял сущность идеологии как систему теорий, идей, взглядов, отражающих материальную жизнь общества и выражающих интересы того или иного класса.

В работах советских и зарубежных марксистов до недавнего времени были проанализированы понятия «идеология», «общественное сознание», «формы общественного сознания», «социальная психология масс» и «духовная жизнь социалистического общества». Появились работы, в которых специально рассматривались проблемы создания марксистского идеологического учения, т.е. науки об идеологии. К этим работам прежде всего следует отнести исследования В. Иванова, Ж. Тощенко, М. Яковлева и др. К сожалению, после объявленной деидеологизации советского, а затем и российского общества проблемам изучения идеологии стали уделять мало внимания. Более того, деидеологизация России привела к хаосу и беспорядку в социальной, политической и экономической жизни. Что касается «свободного» духовного производства российского общества, то после снятия диктата марксистско-ленинской идеологии оно влачит жалкое существование и находится на стадии духовной деградации и «вымирания» в условиях хронического безденежья российского бюджета.

К сожалению, понимание идеологии как ложного, иллюзорного, превращенного сознания было свойственно и некоторым видным философам и социологам второй половины XIX в. и первой половины XX в. Мы имеем в виду прежде всего мыслителей уровня М. Шелера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Манхейма, П. Сорокина, Т. Парсонса и др. Один из современных западных исследователей идеологии О. Лемберг в своей известной работе «Идеология и общество» следующим образом характеризует общее для западных концепций понятие идеологии: «Идеологией называют неистинное или полуистинное, сознательное или несознательное вуалирование и искажение фактов, зачастую обоснованное целью оправдать собственные позиции или опровергнуть позиции противника. Даже если она не является просто ложью, она есть обман как самообман, «ложное сознание»*. Лемберг считает разработку теории идеологических систем одной из важнейших задач западной философии и социологии. В указанной работе он неоднократно говорит о необходимости специально проанализировать идеологию как реальность, исследовать ее возникновение и структуру, ее изменения и социальные функции, как исследуют другие явления общественной жизни.

* *Lemberg E. Ideologie und Gesellschaft. Stuttgart, 1974. S. 25.*

Особое значение среди критиков идеологии занимают представители Франкфуртской школы социальной философии. Так, Г. Маркузе утверждал, что в настоящее время наука и техника полностью превратились в идеологию, а Ю. Хабермас считает, что наука и техника, выполняя задачи идеологии, воздействуют на развитие общества железной логикой своего господства даже больше, чем прежние идеологии. Что касается сторонников социального учения постмодерна, то тенденция деидеологизации современного западного общества явно преобладает в их концепциях над теориями реидеологизации, все же имеющими место в социальных доктринах современного Запада.

Новелла о функциях идеологии. Когда речь идет об идеологии, то здесь сталкиваются различные, часто противоположные точки зрения. Согласно позиции современной западной философской мысли, идеология представляет собой «ложное классовое сознание», определенного вида суеверие. Так считает, например, известный швейцарский философ Ю. Бохеньский. Одно из значений термина «идеология» обыденно (так говорят об идеологии Просвещения, гитлеровской и коммунистической); оно включает историософскую теорию о роли той или иной общности людей

в человеческой истории и содержит программу освобождения человечества. С этим связано два суеверия: идеологией считается любое мировоззрение, идеологией называют любую точку зрения, например, логику и математику. Другое значение трактуется марксистски: идеология «охватывает все содержание духовной жизни человеческого общества, т.е. религию, искусство, политические взгляды»*. Бохеньский здесь усматривает двойное заблуждение: во-первых, идеология редуцируется исключительно к интересам класса; во-вторых, идеология марксизма оказывается разновидностью скептицизма и вместе с тем претендует на абсолютную истинность.

* Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., 1993. С. 63.

Российские философы П.В. Алексеев и В.С. Барулин считают, что феномен идеологии противоречив, что теоретичность и систематизированность сами по себе отнюдь не выражают сущность идеологии: ведь «природа идеологии как феномен общественного сознания определена областью общественного интереса»*. Именно этот интерес выступает водоразделом между идеологией и наукой, для которой главным является отражение объективных законов. Авторы утверждают, что идеология представляет собой духовное явление, следовательно, идеология будет существовать всегда, тогда как классовая идеология является лишь одним из исторических вариантов идеологии в целом.

* Алексеев П.В., Барулин В.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1989. С. 266.

Сегодня становится самоочевидной необходимость освобождения от марксистских догм в понимании идеологии, зажатых в тиски искусственно сконструированного исторического материализма. Действительно, все рассуждения об идеологии, основанные на соотношении общественного бытия и общественного сознания, неадекватны реальному положению вещей. Неправомерен перенос основного вопроса философии – отношения сознания к бытию на общество. Общественного сознания как самостоятельного общественного образования не существует; в реальности наблюдается философское, научное, нравственное, художественное, правовое, политическое сознание индивидов, а не общества вообще, т.е. «идеальной головы» общества нет. Вне индивида все идеи, теории, концепции, учения не являются сознанием, это опредмеченные формы сознания, ранее произведенные индивидами. Наука, философия, мораль, искусство, право, политика – специфические сферы деятельности человека (или, говоря языком культурологии, специализированные сферы культуры), в которых индивиды профессионально заняты познанием природы и общества, а не формы общественного сознания.

Дифференциация «общественного сознания» на обыденное (социальную психологию людей) и теоретическое (идеологию) также является неправомерной. Идеология – это прежде всего учение, которое определяет развитие общества на основе системы знаний и вымыслов о мире и роли человека в нем. Идеология представляет собой духовную власть человеческой общности, выражает ее интересы и использует наиболее оптимальную для данной общности, сформированную под нее модель. На первое место в идеологической структуре общества выдвигается теоретическое содержание. Основу идеологий составляют социальные учения и концепции – философские, эстетические, этические, правовые, политические, экономические, социологические идеи и ценности. Эти учения с различных сторон и свойственным им образом отражают многогранность и сложность объективного мира и роли человека в нем. Именно в доктринах и концепциях обнаруживается сущность всякой идеологии, ее способность объяснять окружающий человека мир и давать регулятивы поведения личности в природном и социальном космосах.

Современной философской мысли Запада свойственно отрицание научного и в целом теоретического содержания всякой идеологии. Западные мыслители противопоставляют идеологию и естественные и социальные науки. Но все же определенная связь между естественными науками и идеологией существует. Знания, добываемые в естествознании, служат для формирования идеологических учений. В социальных, естественных и даже в технических науках существуют идеологические проблемы, это так называемые философские проблемы физики, химии, биологии, математики и техники. Идеологический аспект этих наук особенно проявляется при рассмотрении фундаментальных проблем, когда анализируются их основополагающие принципы. Социально-гуманитарные науки имеют более сложное взаимодействие с идеологией. Такие науки, как культурология, религиоведение, науковедение,

общая история, филология, этнография, демография и им подобные, имеют частично-идеологический характер в большей степени, чем естественные науки. Что касается таких дисциплин, как этика, эстетика, правоведение, политология, политэкономика, общая социология, а также философия, то во всех идеологических системах они являлись формами идеологии, т.е. были полностью идеологическими науками.

Западные исследователи идеологии отрицают познавательное значение идеологии и сводят ее содержание исключительно к системе ценностей. Согласно таким представлениям, идеология безразлична к научному познанию, не содержит естественных и социальных знаний, а ценности – художественные, философские, нравственные, политические, социальные и др. – понимаются часто субъективно и их объективный характер отрицается. Идеология, по мнению западных идеологов, не содержит никакой объективной истины и основывается на субъективных ценностных представлениях, на эмоциональном отношении к объекту познания. Аксеологический характер идеологических идей рассматривается ими как антипод научного знания, принципиально отвергается возможность существования идеологии, основанной на научных знаниях.

Включая в себя систему ценностей, в которых отражаются интересы и потребности, цели и задачи социальных групп и общества в целом, идеология выходит из теоретической сферы в социальную действительность, в практику социальных сфер жизни общества. Идеология не может быть связана только с познанием общества, она призвана вызывать активные действия масс людей, мобилизовывать их на реализацию целей и задач, определенных в идеологических программах. Правда, некоторые западные философы – сторонники структурно-функционального анализа социальных процессов – признают, что социально-действенная функция идеологии – единственно определяющая основа любой идеологической системы. Так, Лемберг отмечал: «Исходя из методологических предпосылок можно определить идеологию как систему идей представлений, истолковывающих мир, и развиваемых из этого ценностей и норм, которая просто побуждает отдельные общественные группы или человеческое общество вообще действовать и, следовательно, жить... Идеологию можно определить как систему побуждений и управления человеческим обществом... как систему, стимулирующую и направляющую человеческое поведение»*.

* *Lemberg E. Ibid. S. 34.*

Определяя сущность идеологии, можно выделить ряд ее характерных черт.

- Идеология всегда давала целостную картину мира, акцентируя внимание на месте и роли человека в этом мире.
- Идеология интегрировала знания, выработанные предшествующими поколениями, заимствуя ранее полученные знания и вымыслы из других идеологий.
- Идеология стимулирует и направляет человеческое поведение, интегрируя при этом действия людей и общества.
- Идеологические системы определяют директивы человеческой деятельности и поведение личности в социальном мире.
- Идеология является организующей формой общественной жизни, она побуждает действовать и, следовательно, жить.
- Идеологии в целом определяли преобразование, развитие и функционирование общества в истории человечества.

Для более четкого понимания роли идеологии в жизнедеятельности человека, в функционировании общественной системы необходимо определить ее функции.

Познавательная функция идеологии определяет систему знаний, полученных в сфере духовной культуры и на основе опыта социальных групп; создается та или иная модель социального мира и места человека в нем.

Оценочная (аксиологическая) функция дает вполне конкретную оценку на основе социальных интересов различного рода ценностей и норм поведения, конкретно: нравственных, эстетических, правовых, политических, экономических и др.

Программно-целевая функция идеологии показывает цели, разрабатывает программы их достижения и регламентирует тем самым поведение людей в обществе (например, шариат как норма поведения мусульманина).

Футурологическая функция моделирует будущее развитие общества. Дает представление о

лучшем устройстве общества, к которому необходимо стремиться всем гражданам.

Интегрирующая функция обеспечивает формирование определенного подхода к явлениям социокультурной практики общества.

Защитная функция обеспечивает конкурентное (либо борьба, либо сосуществование) взаимодействие с другими идеологиями.

Социально-организующая функция определяет принципы организации и управления жизнью общества. Фактор идеологии «вписан» в мир общественной жизни и человеческой культуры, что очень хорошо просматривается в развитых и сложных цивилизациях.

Самостоятельное прогрессивное развитие экономики, политики, культуры без идеологии невозможно, ибо оно дает не целостное, не эффективное развитие общества, а стихийное, беспорядочное. Идеология всегда направляет, интегрирует, упорядочивает развитие общества. Так, результатом объявленной деидеологизации России стало хаотическое развитие экономической, политической и культурных сфер, ведущее к стагнации и развалу общества.

Идеологическая структура определяет развитие общества, но оно имеет обратное воздействие на идеологическое учение. В новых, изменившихся условиях старое идеологическое учение уже не соответствует новым социальным процессам, поэтому возникает необходимость модернизации, реформы старой идеологии или создания новой. Можно сказать, что та или иная идеология, верная в определенных исторических условиях, в других станет неадекватной, не отвечающей духу времени. В современных западных странах существуют в основном только определенные идеологические принципы, на базе которых определяются развитие и регулирование постмодернистских обществ мира. Но эта совокупность идеологических принципов не доведена до целостных идеологических систем, которые могут составить основу для духовного богатства человека и общества Запада. Только идеологии, дающие целостное знание и представление о мире и роли человека в нем, могут стать основой формирования и развития духовно богатой личности. Наиболее целостные идеологии, существующие в современных западных странах, – это устаревшие религиозные идеологии, не отвечающие в полной мере требованиям нашего времени так же, как и возрождающаяся в России религиозная идеология православия.

Представления о будущем всегда играли важную роль в истории русской и мировой общественной мысли. Особое значение предвидение будущего имело в переломные эпохи истории человечества. На пороге XXI в. проблема будущего России приобретает особую актуальность. Все же думается, что будущее российского общества, да и всего человечества связано не с технотропным обществом, абсолютизирующим технологическую сторону прогресса, не с коммунистической перспективой, в которой человек превращается в безликую часть тотального государства, а с гуманистическим обществом. Это общество должно стать подлинно человеческим обществом достойных и свободных граждан, стремящихся к знаниям.

В процессе становления российского гуманистического общества должна осуществляться переориентация общества с производства материальных благ на производство духовных ценностей. В новом обществе должно гармонично сочетаться духовное и материальное богатство личности и общества при приоритете, разумеется, духовного совершенствования человека.

Историческая миссия России стать центром, объединяющим Восток и Запад на духовной основе, т.е. новой целостной идеологии гуманизма. В этом суть великой русской идеи, объединяющей идеи мира. Мировая идея социализма являлась разъединяющей идеей; она разорвала мир на системы капитализма и социализма, ведущих между собой бескомпромиссную идеологическую борьбу. Говоря о человеческой цивилизации, о ее будущем, следует отметить, что равнодействующая прогресса человечества ведет к возникновению цивилизации глобального гуманизма. Будущее России и человечества в целом не за обществом техники, даже гуманизированной, не за обществом всеобщего потребления, не за обществом казарменного социализма, а за подлинно человеческим обществом гуманизма.

Портреты социологов

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – русский социолог, этнограф. Данилевский – создатель первой в истории социологии антиэволюционистской модели общественного прогресса. Взамен «произвольных систем» Данилевский предлагает «естественную» систему группировки исторических событий, учитывающую многообразие человеческой истории, исходя из

определенных типов ее развития, тогда как временная классификация (по степеням и фазам изменения культуры) объявляется им второстепенной. В понятие «естественной» системы включены привычные для Данилевского методы биологии, с помощью которых устанавливается однотипность структурных единиц независимо от внешних и функциональных различий. Каждое явление, в том числе и культурно-историческое, он рассматривал как целостную систему, некий «морфологический принцип», структурный план которого есть идеальное, начертанное рукою промысла. Человечество, по мнению Данилевского, – только отвлеченное понятие, реальными носителями исторической жизни выступают «естественные» системы – обособленные культурно-исторические типы. Главным критерием выделения типов является языковая близость, а сам культурно-исторический тип понимается как сочетание психоэтнографических, антропологических, социальных, территориальных и других признаков. На место однолинейной исторической схемы Данилевский поставил «драму» многих культурно-исторических типов, каждый из которых образует целостный организм и переживает, подобно организму, жизненный цикл, состоящий из четырех периодов: подготовительного, или этнографического, когда складывается этнопсихическая общность (длится около тысячи лет), государственного – время политического и территориального объединения (около 400 лет); собственно культурного периода, самого короткого, – периода «плодоношения», когда накопленные «культурные силы» обнаруживают себя в мощном творческом порыве. Затем культура, быстро истощив свои силы, либо приходит к естественному концу, либо вступает в четвертый период, проявляющийся в двух формах – «апатии отчаяния» (древние эллины) или «апатии самодовольства» (древние китайцы и египтяне). Наряду с «полными» культурно-историческими типами он выделяет еще две группы народов. Первая – те, что в силу разных обстоятельств не сумели завершить свой жизненный цикл (перуанская, мексиканская культуры); к этой же группе относится молодой славянский тип, лишь вступающий в полосу расцвета. Вторая группа народов – «отрицательные деятели истории», «бич божий» – гунны, монголы, смысл существования которых состоит в разрушении культуры народов, чьи творческие силы иссякли.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому» (1869), «Дарвинизм». Т. 1, 2 (СПб., 1885-1889).

Маннгейм Карл (1893–1947) – немецкий социолог, один из создателей социологии знания. Главной идеей его концепции является положение о социальной обусловленности идеологии. Маннгейм рассматривал зависимость идей от положения отдельных социальных групп, утверждая, однако, при этом ложный мистификаторский характер всех без исключения идеологий. Социология знания, согласно Маннгейму, должна заниматься изучением различий социальной ситуации, представляющихся наблюдателям, находящимся в разных точках социальной структуры. Различные положения субъектов в социально-историческом пространстве обуславливают во всех без исключения случаях «односторонность» и «ложность» их точки зрения, а отсюда и соответствующий характер познавательных «перспектив».

Маннгейм различал два понятия идеологии: партикулярная и тотальная. Первая – это идеи и представления отдельного индивида относительно его общественного положения, она предполагает анализ идей «на чисто психологическом уровне». Вторая – идеология эпохи или конкретной исторической социальной группы, т.е. класса. Когда речь идет об идеологии классов или целых эпох, исследование поднимается на теоретический, или «идеологический», уровень.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , р е к о м е н д у е м ы е д л я ч т е н и я :
Диагноз нашего времени. М., 1992.

Маркузе Герберт (1898–1979) – немецко-американский философ и социолог. Наряду с Т. Адорно и М. Хоркхаймером один из основателей Франкфуртского института социальных исследований и создателей «критической теории общества». Маркузе широко использовал категории и некоторые идеи К. Маркса, интерпретируя их в духе идей Франкфуртской школы. Согласно Маркузе, развитие науки и техники позволяет господствующему классу современного капиталистического общества сформировать через механизм потребностей новый тип массового «одномерного человека» с атрофированным социально-критическим отношением к обществу и тем самым «сдерживать и предотвращать социальные изменения». Включаясь под воздействием навязываемых ему «ложных» потребностей в потребительскую гонку, рабочий класс Запада, по Маркузе, интегрируется в социальное целое и утрачивает свою революционную роль.

Революционная инициатива переходит в рамках «развитого» общества к «аутсайдерам» (люмпены, безработные, национальные меньшинства), а также к радикальным слоям студенчества и гуманитарной интеллигенции. Носителями революционной инициативы в глобальном масштабе выступают обездоленные массы «бедных» стран, противостоящие «богатым» (западные и развитые социалистические страны). Маркузе настаивал на «радикальном» отказе от легальных форм борьбы как «парламентской игры» (считая демократические институты инструментом ненасильственного подавления оппозиции).

О с н о в н ы е т р у д ы : «Разум и революция» (1941), «Одномерный человек» (1964), «Эссе об освобождении» (1969), «Контрреволюция и бунт» (1979).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Одномерный человек // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Арон Раймон (1905–1983) – французский социолог и публицист. Арон – один из создателей теории единого индустриального общества. Ссылаясь на предсказания большой индустрии и на теорию О. Конта об универсальном индустриальном обществе, Арон утверждал, что в процессе промышленного строительства выкристаллизовывается единый тип общества, а советская и западная системы являются лишь его разновидностями, хотя имеют некоторые формальные различия. Арон рассматривал объект социального исследования как производное от субъективных моментов (мотивация, ценностные ориентации субъектов действия, точка зрения исследователя). Он предлагал этот подход как новую, «неидеологическую» теорию общества, поскольку эта теория изучает «то, что есть в действительности». Арон внес значительный вклад в разработку концепции деидеологизации.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Леви-Строс Клод (р. 1908) – французский социолог и этнолог, один из главных представителей французского структурализма. Концепция Леви-Строса связана с социологической школой Э. Дюркгейма и американской культурной антропологией. Он утверждает, что исторический подход («диахронический разрез») только облегчает понимание того, как возникают те или иные общественные институты; главная же цель научного изучения общества – «синхронный разрез», т.е. раскрытие формальной структуры взаимоотношений, вытекающих в свою очередь из «бессознательной» природы коллективных феноменов. Это «бессознательное» есть универсальное для всех времен и народов стремление заключить исторически конкретное многообразие действительности в символические формы традиций, ритуалов и в первую очередь языка.

О с н о в н ы е т р у д ы : «Печальные тропики» (1984). «Структурная антропология» (1985).

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Первобытное мышление. М., 1994.

Шилз Эдвард (р. 1911) – американский социолог функционалистского направления. Вместе с Т. Парсонсом разрабатывал основы структурно-функционального анализа. В социологии Шилз сторонник концепции равновесия, в соответствии с которой общество рассматривается как система, восстанавливающая «социальный порядок» в условиях нарушения его равновесия. Шилз – один из ярых приверженцев концепции деидеологизации. Именно он дал название этой концепции, выдвинув лозунг «конец идеологии» как попытку обоснования «чистой», свободной от ценностных суждений социальной науки.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , рекомендуемые для чтения:

Общество и общества // Американская социология. М., 1970.

Лукман Томас (р. 1927) – немецкий социолог. Разработанная совместно с Бергером феноменологическая версия социологии знания противопоставляется всей предшествующей социологии знания, предметом которой было изучение теоретического знания. Оно не исчерпывает всего знания, имеющегося в обществе, кроме того, не играет главной роли в жизни большинства людей. Поэтому предметом, «ядром» их теории становится обыденное, дотеоретическое знание, с которым человек сталкивается в своей повседневной реальной жизни. Суть их концепции: социальная реальность конструируется intersubъективным человеческим сознанием, и все социальные институты и отношения – продукты человеческого сознания. Реальность «реальна» в той мере, в какой она является содержанием «коллективных

представлений» людей, т.е. осознается ими. При этом снимается качественное различие между социальной реальностью как объективной реальностью, существующей независимо от людей-сознания, и социальной реальностью как общественным сознанием.

Т р у д ы н а р у с с к о м я з ы к е , реюжендуемые для чтения:

Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Хабермас Юрген (р. 1929) – немецкий социолог и философ, представитель неомарксизма, идеолог немецкой социал-демократии. Научную деятельность начал как последователь М. Хоркхаймера и Т. Адорно; наиболее видный представитель «второго поколения» Франкфуртской школы. В центре внимания Хабермаса – проблема политически функционирующей общественности, которая оказалась бы способной посредством публичных дискуссий «нейтрализовать» противоречия в обществе и установить «свободные от принуждения», неискаженные коммуникации в рамках «социального согласия»; с этим связано обращение Хабермаса к просветительским идеалам эмансипации, равенства, свободно коммуницирующей литературной общественности. В русле общего интереса Хабермаса к проблемам социального и морального взаимодействия, взаимопонимания субъектов находится разрабатываемая им концепция «интеракции», общения: понятие интеракции, по Хабермасу, должно заменить марксово понятие производственных отношений как более универсальное. В многочисленных дискуссиях Хабермас выступает как противник позитивизма и технократической идеологии.

Основные труды: «Познание и интерес» (1968), «Теория общества, или социальная технология» (1971), «Проблемы легитимации в условиях позднего капитализма» (1973), «Теория коммуникативного действия» (1981).

Давыдов Юрий Николаевич (р. 1929) – российский социолог, доктор философских наук, профессор. Основные научные интересы Давыдова – социология культуры и искусства, история зарубежной социологии. Исследуя роль социокультурных факторов в развитии философии и искусства, Давыдов боролся против вульгарного социологизма. Согласно Давыдову, художественная культура интересует социологию искусства как причина специфической деятельности, а не как следствие определенных исторических условий. Искусство является «социологическим феноменом», только если его рассматривают в процессе восприятия его публикой, различными общественными слоями и группами. В 80-е гг. Давыдов все более подходил в социологическом анализе явлений духовной культуры к анализу самой социологии. «Социология социологии» для него – часть исторической социологии и одновременно – историческое введение в систематическую социологическую теорию. В последние годы Давыдов анализирует основополагающие тенденции развития неомарксистской социологии XX в.

О с н о в н ы е т р у д ы : «История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс» (совм. с П. Гайденко, М., 1991).

Вопросы для самоподготовки

1. Дайте определение понятиям «культура» и «социальная культура».
2. Какие социокультурные характеристики отличают цивилизацию?
3. Чем, по Т. Парсонсу, отличаются «социальное» и «культурное»? Каковы роль культуры и роль производства?
4. Назовите основные этапы развития цивилизации. В чем состояло повышение роли культуры?
5. Какие универсальные элементы национальных культурных систем выделили социологи?
6. Какова субъектная структура культуры общества?
7. Опишите разные модели взаимодействия культур.
8. Какие функции культура выполняет в обществе?
9. Каковы условия осуществления культурной селекции и культурной ассимиляции?
10. Способствуют ли российские социокультурные условия становлению демократического, правового, рыночного общества?

Литература

Айзенштадт С.Н. Конспект великих революций: Культура, социальная структура, история и

- человеческая деятельность // РЖ «Социология». 1993. № 3–4.
- Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1992. № 2.
- Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.
- Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России: философский аспект. М., 1992.
- Бабахо В.А., Левикова С.И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 56–65.
- Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
- Бердяев Н.А. О культуре // Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994.
- Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 106–122.
- Блажнов Е. Имидж: секрет воздействия // Журналист. 1994. № 1.
- Боголюбова Е.В. Культура и общество. М., 1978.
- Болгоев В.И., Гуцу В.Г. Социология культурного уровня жизни. Теория, методы и опыт социологического исследования. Кишинев, 1991.
- Большаков А.В. Культура XX века // Актуальные проблемы культуры XX века. М., 1993.
- Бореев В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986.
- Борисов С.Б. Символы смерти в русской ментальности // Социологические исследования. 1995. № 2.
- Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 49–62.
- Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92–103.
- В поисках новой Европы // Реклама. 1996. № 1.
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Васильева Н. Пути и формы достижения ноосферной цивилизованности // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 123–130.
- Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Избранные произведения. М., 1990.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
- Вильховченко Э. Новое в культуре труда, производства, компании // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12. С. 81–94.
- Витаньи И. Общество, культура, социология. М., 1984.
- Воробьев Г.Г. Твоя информационная культура. М., 1988.
- Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования. 1991. № 6.
- Гомаюнов С. Местная история в контексте россиеведения // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 55–63.
- Городяненко В.Г. Языковая ситуация на Украине // Социологические исследования. 1996. № 9.
- Гофман А. Мода и обычай // Рубеж: альманах социальных исследований. 1992. № 3. С. 123–142.
- Давидович В. Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д, 1979.
- Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
- Дайксель А. Стил – это категория, в которой заключена душа масс // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 219–223.
- Демидов А.И. Ценностные измерения власти // Политические исследования. 1996. № 3. С. 121–129.
- Демин И.Л. Художественная жизнь России. 70–80-е годы (Эссе, представляющие эзотерическую социологию развития русского общества). М., 1992.
- Дженусов А.И. Политическая культура: концептуальные аспекты // Социально-политический журнал. 1994. № 11–12.
- Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2.
- Додольцев Р.Д. Концепция культуры 3. Фрейда. М., 1989.
- Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Политические исследования. 1991. № 1.
- Дубицкая В.П. Кинозритель сквозь пелену иллюзий // Социологические исследования. 1993. № 1.
- Дьячков М.В. Родной язык и межэтнические отношения // Социологические исследования. 1995. №

- Евзлин М.* Космогония и ритуал. М., 1993.
- Емельянов Ю.Н., Скворцов Н.Г., Тавровский А.В.* Символично-интерпретативный подход в современной культурантропологии // Очерки социальной антропологии. СПб., 1995. С. 107-128.
- Ерасов Б.С.* Социальная культурология: Пособие для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. М.: Аспект Пресс, 1994. Ч. I. 384 с.
- Ерасов Б.С.* Социальная культурология: Пособие для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. М.: Аспект Пресс, 1994. Ч. II. 240 с.
- Ерасов Б.С.* Культура, религия и цивилизация на Востоке: Очерки общей теории. М., 1991.
- Ерыгин А.Н.* Восток – Запад – Россия (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях). Ростов н/Д, 1993.
- Жабский М.И.* Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 25–34.
- Завражин С.А.* Подростковая делинквентность: транскультурная перспектива // Социологические исследования. 1995. № 2.
- Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. М., 1995.
- Зимин А.И.* Евроцентризм и русское национальное самосознание // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 55–62.
- Зубов А.* Европа и мир: Рубежи земли и предназначения цивилизаций // Континент. 1995. № 83.
- Игнатьев А.А.* Ценности науки и традиционное общество: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991. №4.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры: Учебное пособие. М.: Логос, 1996.
- Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. №3.
- Ионин Л.Г.* Культура на переломе // Социологические исследования. 1995. № 2.
- Ицхокин А.* «Евразия»: между идеологией и метафорой // Общественные науки и современность. 1993. № 1.
- Кайдаш С.* Апология «женской культуры» // Наука и религия. 1995. № 3.
- Камалов М.М.* Демократическая политическая культура: американский опыт // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. 1991. № 5.
- Камиллери К.* Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 103–117.
- Кандинский В.* О духовном в искусстве. М., 1992.
- Кантор К.М.* О глобальном кризисе истории в социокультурном измерении // Политические исследования. 1996. № 3. С. 135–146.
- Кантор К.М.* История против прогресса. М., 1990.
- Кантор К.М.* Красота и польза. М., 1967.
- Капустин Б.Г.* Россия и Запад на пути к миру миров // Кентавр. 1993. № 4.
- Карцева Е.Н.* «Массовая культура» в США и проблемы личности. М., 1974.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
- Кацис Л.Ф.* Апокалиптика «серебряного века» // Человек. 1995. № 2.
- Керлот Х.Э.* Словарь символов. М., 1994.
- Киселева М.С.* Культурные коды и типы культуры // Культурология. М., 1993.
- Клемперер В.* Язык Третьего рейха // Человек. 1995. № 3.
- Климова С.Г., Дунаевский Л. В.* Новые предприниматели и старая культура // Социологические исследования. 1993. № 5.
- Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного мира. М., 1993.
- Козлов В., Мороз А.* Под «прицелом» – потенциал духовности: Что показали социологические исследования // Вестник ПВО. 1991. № 9.
- Козлова Н.Н.* Будем ли мы жить во «всемирной деревне»? М., 1994.
- Козлова Н.Н.* Заложники слова? (Анализ писем бывших крестьян 1915–1925 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 9.
- Козлова Н.Н.* О методах анализа социокультурных явлений // Социологические исследования. 1993. № 10.
- Коллингвуд Р. Дж.* Новый Левиафан, или человек, общество, цивилизация и варварство // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 97–114.

- Кондаков И., Корж Ю. Рихард Вагнер в русской культуре «серебрянного века» // *Общественные науки и современность*. 1996. № 1. С. 159–170.
- Костенко Н.Б. Ценности и символы в массовой коммуникации. Киев, 1993.
- Кризис современной цивилизации: выбор пути (Сборник обзоров). М., 1992.
- Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура. М., 1985.
- Культура и реформа // *Политические исследования*. 1993. № 2.
- Культура, традиции, образование: Ежегодник. М., 1990. Вып.1.
- Культурология. М., 1993.
- Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // *Социологические исследования*. 1996. № 5. С. 3–23.
- Леонтьева В.Н. Образование как феномен культуротворчества // *Социологические исследования*. 1995. № 1.
- Липкин А.И. «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // *Общественные науки и современность*. 1995. № 2.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
- Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991.
- Лурье С. Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // *Человек*. 1992. № 4.
- Мальковская И.А. Детство: социально-культурная традиция // *Социологические исследования*. 1995. № 4.
- Мапельман В. Этико-экологические тупики русского космизма // *Общественные науки и современность*. 1996. № 1. С. 138–147.
- Мамонтов С.П. Основы культурологии. М., 1994.
- Матвеева Л.В. Рекламный имидж в бизнесе и политике // *Реклама*. 1994. № 5–6.
- Межуев В.М. Культура и история. М., 1977.
- Мид Дж. От жеста к символу // *Американская социология: Тексты*. М., 1994. С. 215–224.
- Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
- Моисеев Н.Н. Третьего варианта нам не дано. «О предпосылках создания новой цивилизации XXI века» // *Социально-политический журнал*. 1995. № 2.
- Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
- Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры: Уч. пособие. М.: Механик, 1996.
- Мясников В.С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 72–80.
- На пути к современной цивилизации: Материалы к курсу «Человек и общество». М., 1992.
- Немировский В.Г. Современная социология и российские культурные традиции // *Социологические исследования*. 1994. № 3.
- Общеввропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов / Под ред. Л.И. Глухарева и В. Страды. М.: Изд-во МГУ, 1995.
- Панарин А.С. «Возвращение в цивилизацию» или формационное одиночество // *Философские науки*. 1991. № 10–11.
- Покровский Н. (рец.) Мифы информации; технология и постиндустриальная культура // *Новые книги за рубежом по общественным наукам*. М., 1981. № 10.
- Поликарпов В.С. Любовь и эротика в истории мировой культуры: Курс лекций. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 1993.
- Политическая культура России. М., 1990. Вып. 4.
- Полуэхтова И.А. Кино в оценках и представлениях постсоветского зрителя // *Социологические исследования*. 1996. № 2. С. 41–44.
- Попов Н.П. Индустрия образов. М., 1986.
- Попова И.М. Языковая ситуация как фактор политического самоопределения и культурного развития // *Социологические исследования*. 1993. № 8.
- Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 1994.
- Пригожин А.И. Деловая культура: сравнительный анализ // *Социологические исследования*. 1995. № 9.

- Проблемы русской ментальности. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1.*
- Проблемы философии культуры. М., 1984.*
- Рожков И.Я.* Миф – «базис и надстройка» рекламного творчества // *Реклама. 1995. № 1-2.*
- Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991.
- Рюттингер Р.* Культура предпринимательства. М., 1992.
- Сакулин П.Н.* Филология и культурология. М., 1990.
- Самуйлов С.М.* Неизбежно ли столкновение цивилизаций? // *США: Экономика, политика, идеология. 1995. № 1–2.*
- Свинцов В.* Логическая культура личности // *Общественные науки и современность. 1993. №4.*
- Семенов С.И.* Эзотерические элементы в латиноамериканской и советской геральдике // *Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 153–164.*
- Серебряков С.Л.* Цивилизационные основы формирования гражданского общества в России // *Социально-политический журнал. 1995. № 1–2.*
- Сивольнов А.В.* К новой модели обучения: социокультурный подход // *Социологические исследования. 1994. № 3.*
- Смирнова Н.* Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // *Общественные науки и современность. 1993. № 1.*
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная мобильность // *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.*
- Сорокин П.А.* Социокультурная динамика // *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.*
- Социальный ареал и массовое сознание: историко-культурное исследование: Сб. обзоров. М., 1992.*
- Степин В.В.* Философское познание в динамике культуры // *Человек в системе наук. М., 1989.*
- Султанов К.В.* Проблемы культуры в свете социологии. Л., 1989.
- Сэв Л.* Личность и биоэтика // *Общественные науки и современность. 1993. № 5.*
- Тарасов К.А.* От насилия в кино к насилию «как в кино»? // *Социологические исследования. 1996. № 2. С. 35–40.*
- Франк С.Л.* Духовные основы общества // *Русское зарубежье. Л., 1991.*
- Хайнс У.В.* Свобода, свободные рынки и человеческие ценности // *Свободная мысль. 1994. №4. С. 51–54.*
- Цивилизация. М., 1992. Вып. 1.*
- Человек и социокультурная среда. Вып. I, II. Специализированная информация по академической программе «Человек, наука, общество». Комплексные исследования. М., 1991, 1992.*
- Чичановский А.А.* Национальная система массовой коммуникации: этнополитические аспекты // *Социологические исследования. 1996. № 12.*
- Чучин-Русов А.Е.* Культурный плюрализм // *Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 165–175.*
- Шамиурин В.И.* Заметки о социальных проблемах культуры и русской философии (рецензии на работы В.В. Сербиненко) // *Социологические исследования. 1995. № 6.*
- Шапалов В.Ф.* Неустранимость наследия // *Социологические исследования. 1995. № 2.*
- Шапалов В.Ф.* Откуда придет «дух капитализма»? (О духовно-культурных предпосылках рациональных рыночных отношений) // *Социологические исследования. 1994. № 2. С. 23–33.*
- Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // *Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 104–111.*

Приложение. Семинар «Культура как социальное явление»

-
1. Многообразие подходов к определению культуры.
 2. Основные компоненты культуры: ценности, верования, обычаи, нормы, язык, техника. Их роль в жизнедеятельности общества и человека, в развитии других аспектов культуры (искусства, науки, философии, политики, образования и т.д.).
 3. Функции культурных ценностей: утилитарная, эстетическая, информационная, символическая. Их место и значение в социально-историческом развитии общества и личности.
 4. Типы культур: субкультуры, контркультуры. Культурный релятивизм.
 5. Понятие культурного развития и культурной деградации.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

- Агенты (акторы)** – действующие социальные субъекты, а иногда также организации и институты.
- Адаптация социальная** – приспособление личности или социальной группы к общественной среде, в ходе которого согласовываются требования и ожидания участвующих в нем субъектов.
- Аномия** – отклонение в системе социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам (понятие ввел в социологию Э. Дюркгейм).
- Ассимиляция** – постепенное слияние группы меньшинства с доминирующей культурой.
- Ассоциация** – организация, которой свойственна защита общих интересов своих членов, членство зависит от личного желания каждого, а значительная часть внутренних норм носит неформальный характер.
- Брак** – исторически меняющаяся форма социальных отношений между мужчиной и женщиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родственные права и обязанности.
- Бюрократия** – организация, деятельность которой предусматривает разделение иерархически упорядоченных ролей, складывающихся на основе четких правил и процедур; социальный слой, непосредственно осуществляющий функции управления обществом.
- Валидность** – основная характеристика качества измерения в социологии, одна из составляющих надежности социологической информации. Различают теоретическую (концептуальную) и эмпирическую (валидность по критерию).
- Власть** – способность навязывать свою волю другим и мобилизовывать ресурсы для достижения цели.
- Выборка** – часть населения (популяции), строго отражающая особенности и соотношение всех элементов генеральной совокупности (исследуемого сообщества в целом).
- Выборка случайная** – выборка, составленная таким образом, что каждый элемент структуры населения (и любое сочетание элементов) может быть включен в нее с одинаковой вероятностью.
- Выборка целевая** – выборка, в которой исследователь отбирает людей для опроса из заданных целями исследования групп.
- Гендер** – совокупность социальных характеристик пола.
- Генеральная совокупность** – общность, на которую социолог распространяет выводы исследования.
- Геноцид** – умышленное массовое уничтожение представителей определенной расы или национальности.
- Геронтология** – наука о старости.
- Гипотеза** – предположение о взаимосвязи между независимой и зависимой переменными.
- Государство** – социальный институт и совокупность социальных организации, осуществляющих управление обществом и распределяющих общественные ресурсы.
- Группа** – совокупность взаимодействующих людей, ощущающих свою взаимосвязь и воспринимаемая другими как некое сообщество.
- Группа контрольная** – в эксперименте испытуемые, с которыми обращаются, как с испытуемыми из экспериментальной группы, но на них не оказывает влияние независимая переменная.
- Девияция** – поведение, которое рассматривается как отклонение от групповых норм и приводит к изоляции, лечению, исправлению или наказанию нарушителя.
- Демография** – наука о населении, изучающая его численность, состав, структуру, распределение по территории, а также их изменения во времени.
- Дискриминация** – социальное подавление, ущемление в правах или несправедливое обращение с членами групп общественных меньшинств или непривилегированного большинства.
- Дифференциация** – деление общества на общности, фрагментация человеческой жизнедеятельности на множество относительно ограниченных культурных пространств, конкретных функций и социальных занятий.
- Драматургический подход** – взгляд на интеракцию, согласно которому социальные ситуации рассматриваются как драматургические миниатюры, по ходу действия которых люди стремятся создавать о себе определенные впечатления, формируют свой образ в глазах других.

- Единица выборки** – единица отбора и анализа данных при выборочном обследовании.
- Заражения теория** – объяснение коллективного поведения тем, что люди в толпе иррациональны и подвержены эмоциям, которые распространяются, словно вирус.
- Идеальный тип** – определенный образ-схема состояний и процессов, как если бы они происходили без отклонений и помех, которая рассматривается как наиболее удобный способ упорядочения эмпирического материала (понятие введено в социологию М. Вебером).
- Идеология** – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений.
- Иммиграция** – перемещение людей в данное общество извне.
- Индекс** – количественный показатель, обобщающий первичную социологическую информацию, полученную в ходе измерений с помощью одной или нескольких шкал.
- Институт социальный** – устойчивый комплекс правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему; совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности.
- Интеграция социальная** – совокупность процессов, благодаря которым происходит соединение разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему; формы поддержания социальными группами устойчивости и равновесия общественных отношений; способность социальной системы к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений, противоречий.
- Интеракция** – процесс и отдельные акты взаимодействия людей друг с другом.
- Интервью** – целенаправленная беседа, цель которой – получить ответы на вопросы, предусмотренные программой исследований.
- Исследование социологическое** – вид социального исследования, способ изучения социальных установок и поведения (деятельности) индивидов на основе системы логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, направленных на получение достоверных данных об изучаемом объекте или процессе для решения конкретных теоретических и социальных проблем.
- Капитализм** – социально-экономическая система, при которой особое значение придается отношениям и праву частной собственности, накоплению капитала и получению прибыли.
- Класс** – большая социальная группа, отличающаяся от других по критериям доступа к общественному богатству (распределению благ в обществе), власти, социальному престижу.
- Когнитивное развитие** – процесс формирования мыслительной деятельности личности.
- Конвергенция** – возрастание сходства в развитии разных социальных объектов или возбуждение реализации поведенческих предрасположенностей.
- Консенсус** – согласие значимого большинства людей любого сообщества относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действиях.
- Контент-анализ** – метод количественного изучения содержания социальной информации.
- Контркультура** – субкультура, нормы или ценности которой противоречат главным составляющим господствующей культуры.
- Контроль социальный** – совокупность норм и ценностей общества, а также санкций, применяемых в целях их осуществления. Цель – предотвращение девиантного (отклоняющегося) поведения путем наказания или исправления.
- Конфликт** – столкновение интересов различных социальных общностей, форма проявления социального противоречия.
- Конформизм** – некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам и т.д.
- Кооптация** – инструмент урегулирования организационного конфликта, представляющий собой вовлечение неудовлетворенных сторон в процесс принятия решений.
- Корреляция** – функциональная зависимость между двумя переменными величинами, которая характеризуется тем, что каждому значению одного из них соответствует вполне определенное значение другой.
- Кредо** – определенная система убеждений.

Ксенофобия – страх и ненависть ко всему чуждому для образа жизни данного общества.

Культура – система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям.

Легитимность – характеристика признания членами общности существующего социального порядка, наделение престижем, который диктует нормы и устанавливает образцы поведения.

Личность – устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида, продукт общественного развития (социализации) и включения людей в систему социальных отношений посредством деятельности и общения.

Лобби – организация, оказывающая политическое давление в процессе принятия политических решений или мер, которые затрагивают интересы определенной группы.

Лонгитюдное исследование – вид повторного исследования, при котором ведется длительное периодическое наблюдение над одними и теми же социальными объектами.

Люмпен – деклассированный человек, полностью выброшенный из общества и утерявший обычные ценности, нормы, стандарты отношений и поведения (преступник, нищий, бомж и т.п.).

Макросоциология – область социологического знания, изучающая крупные элементы социальных структур, их состояния и взаимодействия.

Маргинальность – промежуточность, «пограничность» положения индивида между разными социальными группами.

Метод – систематизированный способ достижения теоретического или практического результата, решения проблемы или получения новой информации на основе определенных регулятивных принципов познания и деятельности, осознания специфики изучаемой предметной области и законов функционирования ее объектов. Он очерчивает путь к достижению цели (истины) и включает в себя стандартные и однозначные правила (процедуры), обеспечивающие надежность и достоверность полученного знания. Различают всеобщие и конкретно научные методы.

Методология – программные установки в использовании методов.

Миграция – территориальное перемещение каких-либо групп населения.

Микросоциология – область социологического знания, изучающего преимущественно межличностные, внутригрупповые и повседневные взаимодействия людей.

Мобильность социальная – переходы людей из одних общественных групп и слоев в другие (социальные перемещения), а также их продвижение к позициям с более высоким престижем, доходом и властью (социальное восхождение), либо движение к более низким иерархическим позициям (социальное нисхождение, деградация). Различают групповую и индивидуальную формы мобильности.

Модернизация – совокупность технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на совершенствование общественной системы в целом.

Наблюдение – метод социологического исследования и получения информации путем прямой и непосредственной регистрации событий и условий их протекания.

Наука – социальный институт, обеспечивающий производство и накопление знаний; одна из форм общественного сознания.

Номинализм – направление в социологии, согласно которому все социальные явления получают реальность только как реализация целей, установок, мотивов индивида.

Нормы – правила поведения, ожидания и стандарты, регулирующие взаимодействие между людьми.

Неравенство – положение, при котором люди не имеют равного доступа к социальным благам.

Обмена теория – концепция о социальном взаимодействии, согласно которой на поведение людей влияет то, как оно вознаграждалось в прошлом.

Обработка данных – совокупность операций и процедур анализа первичной социологической информации.

Образование – институционализированный процесс, на основе которого передаются ценности, умения и знания от одного человека, группы, сообщества – к другим.

Обряд – совокупность символических стереотипных коллективных действий, воплощающих в себе те или иные социальные идеи, представления, нормы и ценности и вызывающих

определенные коллективные чувства.

Общество – объединение людей, имеющее закрепленную совместную территорию, общие культурные ценности и социальные нормы, характеризующее осознанной социокультурной идентичностью (самопричислением) ее членов.

Община – первичная форма социальной организации, возникающая на основе родовых связей и характеризующаяся непосредственным типом социальных отношений.

Общность – совокупность людей, связанная сходством жизненных условий, единством ценностей и норм, отношениями организации и осознанием социальной идентичности (самопричислением).

Обычай – воспринятая из прошлого форма социальной регуляции деятельности и отношений людей, которая воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычной для его членов (различные обряды, праздники, производственные навыки и т.д.).

Опрос – метод сбора первичной информации посредством обращения с вопросами к представителям определенной социальной группы. Бывает сплошным и выборочным.

Панельное исследование – способ сбора информации посредством нескольких опросов членов постоянной выборочной совокупности (панели).

Парадигма – знание, которое дает обобщенную модель постановки проблем и их решений.

Переменная – признак исследуемого объекта, который может принимать различные значения (пол, возраст, доход, профессия, статус и т.д.). Различают зависимые (те, которые следует объяснить с помощью эксперимента или иным способом) и независимые (вызывающие реальные изменения или объясняющие их) переменные.

Пилотажное исследование – пробное исследование преимущественно методической направленности, цель которого – проверка качества социологического инструментария.

Политическое устройство – совокупность институтов и идеологий, регулирующих политическую деятельность внутри общества.

Предрассудок – суждение о группе или ее членах в соответствии со стереотипными установками.

Проблема исследования – сформулированное противоречие между состоянием социальной действительности и ее теоретическим представлением, требующее для своего разрешения использования научных методов, процедур и приемов уточнения знания.

Проблема социальная – социальное противоречие, осознаваемое субъектом как значимое несоответствие между существующим и должным.

Программа исследования – изложение его целей, общей концепции, исходных гипотез вместе с логической последовательностью операций для их проверки.

Процесс социальный – последовательная смена состояний общества или его отдельных систем.

Разделение труда – дифференциация видов деятельности, складывающаяся в обществе в процессе исторического развития.

Ранжирование – способ оценки переменной, когда ее значению приписывается место в последовательности величин (ранг), определяемое при помощи порядковой шкалы.

Рационализация – переход от спонтанных, субъективных традиционных способов поведения к организации деятельности согласно рационально установленным требованиям.

Реализм – подход к социальной действительности к надындивидуальному единству, системе отношений, независимой от индивидуального сознания.

Религия – система верований и ритуалов, с помощью которых группа людей объясняет и реагирует на то, что находит сверхъестественным и священным.

Репрезентативность – свойство выборочной совокупности воспроизводить (достаточно точно отражать) характеристики генеральной совокупности.

Ресоциализация – процесс усвоения новых ролей, ценностей, знаний на каждом этапе жизни.

Респондент – лицо, выступающее в качестве источника первичной информации в процессе опроса или в результате наблюдения по поводу некоторого явления.

Ритуал – форма социально санкционированного упорядоченного символического поведения, совокупность регулярно совершаемых действий и их установленный порядок.

Родство – совокупность социальных отношений, основанных на кровных узах, браке и специальных правовых нормах (опекунстве, усыновлении и т.п.).

Ролевая система – совокупность ролей, соответствующих данному статусу.

Ролевой конфликт – ситуация, при которой человек сталкивается с противоречивыми

требованиями двух или более несовместимых ролей.

Роль – поведение, которое ожидается от человека, занимающего определенную социальную позицию или статус.

Санкции – социальные наказания и поощрения, способствующие соблюдению норм.

Секта – религиозная организация, которая отвергает ценности остального общества и требует «обращения» в свою веру и исполнения соответствующих ритуалов.

Секуляризация – процесс, при котором подвергаются сомнению верования в сверхъестественное и связанные с ним ритуалы, а институт религии утрачивает свое социальное влияние (церковь отделяется от системы правления).

Семья – основанное на кровном родстве, браке или усыновлении (опекунстве) объединение людей, как правило, связанных отношениями собственности, общностью быта, взаимной ответственностью за воспитание детей.

Символ – обобщенное, закодированное обозначение понятия, действия или предмета, синтетически выражающее его смысл.

Социализация – процесс усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных норм и культурных ценностей того общества, которому он принадлежит.

Социализм – политическая теория и социальная практика реализации принципов общественной собственности и социальной справедливости в сфере распределения.

Социобиология – наука о генетических механизмах коллективного поведения.

Социометрия – изучение структуры межличностных отношений в малых группах.

Социум – большая устойчивая общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей, общим местом проживания и наличием вследствие этого общей культуры.

Среда социальная – совокупность социальных условий жизнедеятельности человека, оказывающих влияние на его сознание и поведение.

Средний класс – социальная группа, занимающая промежуточное положение между элитой и классом наемных работников в структуре современного общества.

Статус аскриптивный (приписанный) – прирожденный, унаследованный статус.

Статус достигнутый – значение, приобретаемое индивидом в обществе благодаря его собственным усилиям.

Статус основной – статус, определяющий общественное положение и значение человека, связанные с определенными его правами и обязанностями.

Стереотип – упрощенный, схематизированный, привычный канон мысли, образ восприятия и поведения.

Стратификация – иерархическая система неравенства, формирующая различные слои (страты) общества.

Субкультура – система символов, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, отличающих то или иное сообщество или какую-либо социальную группу от культуры большинства общества.

Теория – система взаимосвязанных утверждений, выводов, исходных положений и гипотез.

Тест – метод строгого измерения и оценки отдельных качеств индивида.

Техника социологического исследования – совокупность организационных и методических приемов и способов сбора, обработки и анализа данных.

Типологизация – способ выявления сходства и различия множества социальных объектов, поиск критериев их классификации.

Толерантность – терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям.

Толпа – значительное число людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом.

Тоталитаризм – система насильственного политического господства, характеризующаяся полным подчинением общества, его экономической, социальной, идеологической, духовной и даже бытовой жизни власти господствующей элиты, организованной в целостный военно-бюрократический аппарат и возглавляемый лидером («фюрером», «дуче» и т.д.).

Традиции – элементы социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение и сохраняющиеся в определенном сообществе, социальной группе в течение длительного времени.

Урбанизм – состояние, при котором достигается большая численность, плотность и

гетерогенность местного населения. Характеристика городской цивилизации.

Ценности – разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения (терминальные и инструментальные ценности).

Церковь – религиозная организация, действующая в обществе и имеющая с ним тесную связь.

Цивилизация – ступень в развитии общества; уровень социального и культурного развития, который связан с разделением труда.

Шкала – измерительный инструмент для оценки социологической информации.

Факт социальный – единичное общественно значимое событие или некоторая совокупность однородных событий, типичных для той или иной сферы общества.

Харизма – свойство некоторых лидеров внушать своим последователям веру в их сверхчеловеческие способности.

Харизматическая власть – власть, основанная на преданности лидеру, которому приписывают некие высшие, почти мистические свойства.

Эгалитаризм – концепция всеобщего равенства, получившая широкое распространение начиная с эпохи буржуазных революций; исторически сложилось две основные концепции эгалитаризма – как равенства возможностей и как равенства результатов.

Эксперимент – способ получения данных, при котором условия и переменные контролируются для установления причинно-следственных связей.

Эмиграция – переселение за пределы данного общества (государства).

Эндогамия – правила, предписывающие заключение брака внутри определенных групп.

Этнометодология – изучение обыденных норм, правил поведения, смыслов языка общения, которые регулируют взаимодействия между людьми.

Этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием).

Этноцентризм – свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления через призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума.

Язык – система коммуникации, осуществляющейся на основе звуков и символов, имеющих условные, но структурно обоснованные значения.